

Т. ШИРИНОВ

**ЖАНУБИЙ ЎЗБЕКИСТОН БРОНЗА ДАВРИ
ИЛК ШАҲАР МАДАНИЯТИ**

T. Sh. SHIRINOV

**THE EARLY URBAN CULTURE OF BRONZE
AGE OF SOUTHERN UZBEKISTAN**

© УЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИНИНГ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
Я.ГУЛОМОВ НОМИДАГИ АРХЕОЛОГИЯ ИНСТИТУТИНИНГ НАШРИ
Самарканд ш. В.А Абдуллаев кучаси, 3

Т.Ш. ШИРИНОВ

**РАННЯЯ ГОРОДСКАЯ КУЛЬТУРА ЭПОХИ
БРОНЗЫ ЮГА УЗБЕКИСТАНА**

Ответственный редактор: академик Э.В. Ртвеладзе

Рецензенты:

академик Ю.Ф. Бураков

профессор М.Ж. Журакулов

САМАРКАНД 1993

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	7
ГЛАВА I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ УРБАНИЗАЦИИ	10
ГЛАВА II ЮЖНАЯ СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ	25
ГЛАВА III ГОРОДИЩЕ ДЖАРКУТАН И ЕГО ИСТОРИКО - ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ	46
ГЛАВА IV. ПЛАНШТАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЖАРКУТАНА	54
ГЛАВА V. ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ, ХРОНОЛОГИЯ	81
ГЛАВА VI. ХОЗЯЙСТВО И РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ДЖАРКУТАНА	93
ГЛАВА VII. АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА КОМПЛЕКСОВ ДЖАРКУТАНА	98
ГЛАВА VIII. СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РАННЕГО ГОРОДА, ИДЕОЛОГИЯ, ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	141

CONTENT

INTRODUCTION	7
Chapter I. THE THEORETICAL PROBLEMS OF EARLY URBANIZATION	10
Chapter II. SOUTHERN CENTRAL ASIA IN THE LATE BRONZE AGE	25
Chapter III. THE ANCIENT SITE OF JARKUTAN AND ITS HISTORICAL-TOPOGRAPHICAL STUDY	46
Chapter IV. PLANOGRAPHICAL CHARACTERISTICS OF JARKUTAN	54
Chapter V. THE PERIODIZATION OF COMPLEXES CHRONOLOGY	81
Chapter VI. ECONOMY AND HANDUCRAFT PRODUCTION OF JARKUTAN	93
Chapter VII. ARCHITECTURAL-PLANNING STRUCTURE OF JARKUTAN	98
Chapter VIII. THE SOCIAL STRUCTURE OF URBAN SITE. IDEOLOGY. PROBLEMS OF THE FORMATION OF EARLY CLASS SOCIETY AND STATE ON THE TERRITORY OF CENTRAL ASIA	114
CONCLUSION	141

ВВЕДЕНИЕ

На земледельческом юге Средней Азии довольно рано сложились историко-культурные регионы - Бактрия, Маргиана, Парфия, Арея и Гиркания о которых скудно упоминается в исторических источниках. Уже с древнейших времен эти области в своем развитии были тесно связаны с историей Древнего Востока, отсюда изучаемая тема актуальна не только в региональном, но и в историческом значении.

Наиболее древние сведения о народах Средней Азии имеются в Авесте, где перечисляются 15 стран, охватывают почти всю территорию Средней Азии и сопредельных к нему стран - Ирана и Афганистана. Все эти авестийские страны более или менее локализованы.

В результате анализов текста Авесты и античных авторов современные историки пришли к единому мнению о том, что на территории Средней Азии до включения ее в состав ахеменидской империи, существовало по крайней мере два крупных политических объединения - "Большой Хорезм" и "Бактрийское царство". Однако мы не ставим перед собой цель изучить эту проблему. Нас интересует более древний пласт, период до сложения крупных политических объединений, генезис этого социального феномена истории народов Средней Азии. Начало процесса образования государства уходит в глубь тысячелетий в недра первобытнообщинного строя с зарождением ранних городов, классов и государств диалектически взаимосвязанные социальные явления. Очевидно, этот период - II тыс. до н. э. исторически не обозрим, так как полностью отсутствуют письменные источники. Единственным источником для реконструкции социальных явлений выступают археологические материалы. Потенциальные возможности археологических источников в реконструкции социальных структур древнего общества огромны, что В. И. Гуляев прекрасно продемонстрировал в своих исследованиях, посвященных Мезоамерике (Гуляев, 1979, с 248-279).

Во второй половине II тыс. до н. э. вся территория Средней Азии, кроме внутренних районов великих пустынь Каракумов и Кизилкумов, высотных частей Памира и Алая уже была освоена.

В центральном и северном районах Средней Азии складывался преимущественно скотоводческий тип хозяйства, о чем свидетельствуют материалы андроновской, тазабагыябской, заманбабинской и кайракумских археологических культур (Итина, 1977; Литвинский, 1962; Аскаров, 1966).

На юге Средней Азии в предгорьях Копетдага и Памира сложилась оседлоземледельческая культура типа Анау III - Намазга, Сапалли, Дашли (Массой, 1981; Аскаров, 1977; Сарияниш 1977).

География археологических памятников оседлоземледельческих культур юга Средней Азии свидетельствует об оазисном типе расселения. Данный тип расселения характерен для аридных зон с ограниченными водными ресурсами Среднего и Ближнего Востока - Афганистан, Иран, Палестина, Сирия, Аравия и т. д.

Некоторые памятники в наиболее благоприятных для развития земледелия

оазисах с достаточными водными ресурсами разрастались до гигантских размеров (Джаркутан в последней четверти II тыс до н. э. - 100 га, Намазга-депе в начале II тыс. до н.э. - 70 га, Шахри-Сохта во второй половине III тыс. до н.э. - 150 га). Естественно, они не укладываются в рамки понятия "поселение". Тем более, что рядом с этими гигантами имеются синхронные мелкие памятники площадью 0,5-2,0 га (около Джаркутана Бустан 4; Намазга-депе, Шор-депе, Коша-депе, Тайчанок; Елен-депе и др; около Шахри-Сохта несколько десятков мелких поселений).

В середине 70-х годов увидели свет две монографии, посвященные археологии эпохи бронзы Бактрии: А. Аскарлова "Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана", В.И. Сариянищ "Древние земледельцы Афганистана". В этих монографиях были даны известные для того времени исчерпывающие сведения о культуре, быте, хозяйстве и архитектуре, была дана систематизация и хронология материалов и т. д. Вместе с тем, в связи с недостатком данных, авторы вовсе не затронули вопрос урбанизационного процесса и подытоживая свои исследования независимо друг от друга, пришли к единому мнению о том, что Бактрия в эпоху поздней бронзы стояла на урбанистической пути развития. Такой вывод во многом определил направление будущих исследований. (Аскарлов, 1977, с 159; Сариянищ 1977, с. 158).

В научной литературе неоднократно ставился вопрос сложения ранних урбанистических центров Средней Азии. Однако, в связи с недостаточностью материалов, планеграфических раскопок крупных памятников, исследование данного вопроса не представлялось возможным. Длительные планомерные работы на Алтын-депе, Гонур, Тоголок 1, Дашли 3, Джаркутане, проведенные В. М. Массоном, В. И. Сариянищ А. Аскарловым и автором настоящих строк на сегодняшний день сделали возможным вплотную подойти к разрешению проблемы сложения раннегородской культуры на оседлоземледельческом юге Средней Азии. В 70-е годы постановка данного вопроса была еще преждевременной.

Одной из важнейших задач среднеазиатской археологии является исследование раннеурбанистических процессов, закономерностей становления и связанных с ними раннеклассовых отношений, государственности, цивилизации.

Исследуемые области расположены далеко от известных центров так называемых "первичных цивилизаций", тем не менее, полученные при раскопках археологические материалы демонстрируют нам высокий уровень материальной культуры развитых цивилизаций, что делает тему еще более актуальной. Такое исследование позволяет определить не только характер ранней урбанизации на территории Средней Азии, но и позволяет выявить особенности форм и уровней перехода от доклассового к раннеклассовому обществу, государственности. Актуальность определяется и тем, что процессы эти для Средней Азии исследованы еще недостаточно сравнительно с областями Ближнего Востока.

Актуальность проблемы урбанизации стимулировала повышенное внимание

к ней. Не случайно данной теме были посвящены специальные исследования, региональные и международные конференции. Малое количество раскопанных объектов, которые можно было бы назвать поселениями городского типа, обусловило сложность исследования проблемы. Кроме того отсутствовала возможность рассмотрения проблемы урбанизации на широком фоне эволюции раннеземледельческих культур Средней Азии и сопредельных территорий. Длительные планомерные работы последних 20 лет в южном Туркменистане, Маргиане и в Бактрии, Алтын депе, Гонур 1, Тоголок 1, Дашли 3, Джаркутан - дали материалы, позволяющие освятить некоторые основные аспекты проблемы становления раннегородской культуры на оседлоземледельческом юге Средней Азии, что не представлялось возможным в 70-х годах, т. к. в то время были открыты отдельные памятники не дающие целостной исторической картины. В настоящее время объем и характер материалов уже позволяет ставить проблему на широкой основе с обобщающим охватом памятников южного Туркменистана, Маргианы и Бактрии.

Предлагаемая работа посвящена проблемам ранней урбанизации Средней Азии. В ней, впервые на конкретном археологическом материале, сделан морфологическо-структурный анализ конкретного памятника (Джаркутан), что в свою очередь позволило рассмотреть объект в связи с другими поселениями городского типа на широком фоне развития ряда областей Бактрии, Маргианы, Сенегала, Северо-восточного Ирана, южного Туркменистана, образующих в эпоху бронзы особое культурно-историческое единство.

Основной целью монографии являются выявление археологической специфики процессов древнейшей урбанизации, возникновение классов и государственных образований на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Зарождение ранних городов, классов и государств - диалектически взаимосвязанные социальные явления в Средней Азии, это - период II тыс. до н. э. - о котором полностью отсутствуют письменные источники. Единственной основой для реконструкции социальных явлений того времени выступают археологические материалы. Поставленная в работе цель определила и методы ее решения на базе анализа археологических источников, при широком привлечении информации, получаемой при изучении других видов материалов, прежде всего, письменных и этнографических:

1. Анализ истории вопроса - теоретические аспекты, проблемы формирования раннегородской культуры Средней Азии.

2. Анализ экономических предпосылок начала и становления урбанизационного процесса - оазисная система расселения, ирригационное земледелие, ремесло, торговля в Средней Азии в эпоху бронзы.

3. На примере городища Джаркутан показана специфика исторической топографии ранних городов Средней Азии.

4. Детальный анализ археологических комплексов из Джаркутана, полученных в течение последних 20 лет (образцов архитектуры, керамики, металла, камня, кости), их периодизация, хронология и культурно-историческое место на Среднем Востоке.

5. Анализ внутренней морфологической структуры Джаркутана - "цитадель",

дворец, храм, жилые и ремесленные кварталы некрополь и т. д.

6. Суммирование и рассмотрение всех источников: археологических, исторических, этнографических и других для освещения проблемы социальных предпосылок формирования раннего города, анализа структуры общества Джаркутана.

7. На примере конкретных материалов, полученных из Джаркутана, освещение идеологии древнебактрийского общества, зарождения индоиранской храмовой религии. Рассмотрение проблемы образования примитивных государств на юге Средней Азии, закономерности развития ранних государств.

8. Особое значение придается введению в археологическую науку материалов уникального памятника эпохи поздней бронзы Джаркутана.

Появление данной работы во многом объясняется дискуссиями развернувшимися в 70-80-е годы по проблемам урбанизации. В известной степени публикации М. М. Дьяконова, Р. Мак Адамса, В. И. Гуляева, Б. А Литвинского, В. М. Массона, К. К. Ламберг-Карловского, Г. Джонсона, А Аскарлова, Э. В. Сайко, В. И. Сарияниди и других явились источниковедческой базой нашего исследования

Авторы выражают свою искреннюю благодарность за оказанную помощь в подготовке данной монографии сотрудникам ИА РАН Гуляеву В. К Сарияниди В. И, Сайко Э. Б, Кошеленко Г. И. и др, а также сотрудникам ИА АН РУз Шайдуллаеву Ш. Б, Рахманову У. В, Ионесову Б. И. и др.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ УРБАНИЗАЦИИ

1.1. Постановка вопроса ранней урбанизации

Проблема изучения процесса урбанизации общества является одной из фундаментальных задач исторической науки. В изучении ранних этапов сложения городской культуры исключительное значение имеют археологические источники.

Эпоха поздней бронзы и раннего железа является переломным моментом в истории народов Средней Азии. Она характеризуется интенсивным распадом первобытнообщинного строя, становлением классовых отношений и государства. Именно в этот период появляются города, которые обусловлены развитием социально-экономических отношений в обществе. Многие видят диалектическое единство между появлением первых цивилизаций, городской культуры и сложением классового общества и государства (Гуляев, Щ с. 282; Массой, Щ с 122-123; Павленко, 19Щ с, 52-74),

В изучении ранних городов Средней Азии большое значение имеют материалы из первичных очагов древних цивилизаций - Египта, Месопотамии, Индии, Китая, Мезоамерши и др.

Первичные очаги древних цивилизаций мира были разнообразными, имели специфичный колорит культуры, характерный только для одной территории, и сложились в разные исторические эпохи. Тем не менее, их всех объединял общий уровень развития, общие пути перехода к раннеклассовому обществу, государственности, городской культуре.

Сопоставление социальной структуры общества первых цивилизаций, будь они из Нового или Старого света, раскрывает реальные возможности для установления общих закономерностей развития исторического процесса.

В. И. Гуляев удачно использовал материалы Месопотамии и Египта в изучении и раскрытии социальной структуры общества древних майя в Новом Свете (Гуляев, 1979). В. М. Массой еще раз подтвердил правомерность сопоставления первых цивилизаций, расположенных на разных континентах, для вскрытия общих закономерностей развития социальной истории (Массой, 1989).

По мнению некоторых исследователей оазисная цивилизация Средней Азии эпохи бронзы не является первичным очагом древних цивилизаций. Она формировалась под влиянием соседних цивилизаций - Месопотамии, Ирана и Индии (Массой, 1989, с 193; Ламберг-Карловски, 1990, с 3-21), что не соответствует общей закономерности исторического развития обществ. Городская культура и классовое общество на юге Средней Азии были вполне самостоятельными и отражали те же закономерности, которые были характерны для первых цивилизаций.

В изучении раннегородской культуры Средней Азии, нам представляется методологически правильным привлекать сравнительные материалы из

объектов первых цивилизаций, хотя они расположены на значительных расстояниях и хронологически разорваны.

Сложение городской культуры в разных исторических регионах протекало в разные эпохи и разными путями. Первые города Шумера, Элама и Инда появляются в конце ГУ - Ш тыс. до и э. (Adams, 1981; Ламберг-Карловски, 1980, с. 6-8; ИДД 1983, с. НО; Чайц 1956, с. 162 и ел) в древнем Китае в Ш-П тыс. до н.э. (Степучина, 1988, с. 121-122), тогда как города Мезоамерши в конце I тыс. до н. э. (Гуляев, 1979, с. 7 и ел) а в северной Европе только во второй половине I тыс. н. э. (СЕСГ, 1989).

В последние годы невероятно возрос интерес к проблемам урбанизации как Старого, так и Нового Света. Древнему городу были посвящены ряд специально созданных конференций (ДГСА, 1973; ДГ, 1977; ГСКВТС, 1986; ГНТВ, 1988; ЗЭУ, 1989 и др.), сборников (Ж Ж РКчШГГ, Ш; (Ш, 1989 и др.) и ряд фундаментальных разработок (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973; Гуляев, 1979,1984; Adams, 1966,1972, 1981 и др).

Проблемами древнего города занимаются археологи, историки, географы, социологи, экономисты и др.

Объектом исследования и оживленных дискуссий стал в особенности вопрос о процессе становления первых городов, его структуре, функциях и т. д.

Изучение процесса урбанизации в том или ином историческом регионе тесно взаимосвязано с изучением истории народов данной территории.

"Город в наиболее яркой и прямой форме, - пишет В И. Гуляев - отражает особенности социально-экономической структуры породившего его общества.; происхождение города, его внутренняя организация и т. д. непосредственно связаны с эволюцией социально-экономических институтов данного народа" (Гуляев, 1979, с. 92).

Началом урбанизации среднеазиатского общества долгое время считалась античность К сожалению не брались во внимание крупнейшие археологические памятники раннежелезного века с явными атрибутами городской культуры, такие как Елкен-депе II (Северная Парфия), Мадау, Иззаткули (Дахистан), Яздепе I (Маргиана) Кизыл-тепа (Северная Бактрия), Ер-курган (Согд) Дальверзин (Фергана) и др. Они имели большие размеры, высокоразвитую фортификацию монументальную архитектуру, цитадели, которые ничем не уступали поздним классическим городским организациям, и являлись подлинными городами Средней Азии (Заднепровский, 1989, с 51).

Городская культура раннежелезного века Средней Азии не является кратковременным историческим актом и не принесена извне; она есть продукт длительного развития урбанизации объекта и генетически взаимосвязана с культурой эпохи бронзы.

В эпоху бронзы (конец Ш-П тыс до н. э.) на юге Средней Азии и сопредельных ей территориях, в традиционных земледельческих районах, формируются автохтонные ирригационные земледельческие оазисы На базе мощной земледельческой экономики в каждом историческом оазисе вырисовываются раннегородские центры. К раннегородским центрам можно отнести такие памятники как Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе (Массой,

1967; 1981, с. 96) ЧШ Гонур 1 южного Туркменистана (Сарианиди, 1990, с. 14) Сапалли тепа, Джаркутан южного Узбекистана (Аскарлов, 1977; Ширшов, 1989, с. 43-44), Дашли-3 северного Афганистана (Сарианиди, 1977, с. 19-21), Мундигак южного Афганистана (Casal, 1961), Шахри-Сохта юго-восточного Ирана (Lamberg-Karlovski, Tosi, 1973), Гиссар северного Ирана (Schmidt, 1937).

Эти очаги раннегородской культуры находились между городскими цивилизациями Древнего Востока (Шумера и Элама с одной стороны, Хараппа с другой), и необходимо подчеркнуть, что все они развивались в тесном контакте (Аскарлов, 1977, с. 154).

Но, к сожалению ни один из выше перечисленных памятников эпохи бронзы и даже раннежелезного времени не был изучен с точки зрения ранних урбанистических процессов общества, которые создали эту материальную культуру. Пожалуй, из этого контекста может быть исключением Алтын-депе, который в последние годы В. М. Массоном целенаправленно анализируется как ранний город юга Средней Азии (Массой, Ж 1#

Исследователи, занимающиеся историей народов Средней Азии разрабатывали разные модели развития урбанистических процессов с древнейших времен до средневековья. Э. В. Ртвеладзе выделяет 5 стадий эволюции процесса урбанизации в Бактрии - Тохаристане:

а) древнейшие урбанизированные поселения эпохи бронзы (перв. пол. II тыс до н.э. - начало I тыс до н.э.).

б) формирующиеся города эпохи раннего железа (начало I тыс до н.э. - I в. до н.э.);

в) развитые города эллинистическо-античного периода (III в. до н.э. - III в. н.э.);

г) города переходного периода (вторая половина III в. н.э. - первая половина V в. н.э.);

д) новые раннефеодальные города (вторая половина III в. н.э., возможно, начало IX в. н.э.) (Ртвеладзе, 1986, с. 97).

В целом социальная характеристика урбанизационного процесса в Бактрии не вызывает сомнения. Но к сожалению Э. В. Ртвеладзе не раскрывает сущность своего тезиса, относящегося к ранней стадии процесса урбанизации - "древнейшие урбанизированные поселения эпохи бронзы". Однако, четырехчастные города Бактрии эпохи раннежелезного века (Бактры, Алтын-депе, Кызыл-тепа) объясняются одновременно как "прото" и "ранние города" (Ртвеладзе, 1986, с. 97), что является неправомерным. Протогорода и ранние города - понятия неадекватные и относятся к разным стадиям урбанизации общества. Позднее Э. В. Ртвеладзе эту же стадию градообразования обозначает еще третьим термином - "догородским", что вовсе противоречит исторической действительности (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 26). Такая характеристика культуры эпохи поздней бронзы и раннего железа несостоятельна, хотя бы потому, что, во-первых, невозможно провести хронологическую черту между "догородской" и "городской" эпохами, так как урбанизационный процесс имеет скорее эволюционную закономерность, нежели революционную, хотя в исторической науке существует термин "городская революция" распространенный с легкой руки Г. Чайлда (Чайлд 1966, с. 193 и сл) во-вторых,

к "догородской" эпохе можно отнести и памятники глубокой древности - мустьерские, ашельские и т. & не идущие ни в какое сравнение с памятниками вышеуказанного периода.

Начальные этапы городской культуры Средней Азии Ю. 1 Заднепровский связывает с памятниками раннежелезного времени, хотя сами же Алтын-депе и Намазга-депе - памятники эпохи бронзы -называет Ъродамищ) ешевосточныйотш] а'Х ЗапнепровшЩ19Щс51)1

Б. А. Литвинский выделяет пять стадий эволюции урбанистического процесса в Средней Азии а) -протогорода; б) - древнейшие городские поселения (конец II тыс. до н. э. - первая треть I тыс. до н. э.); в) -античные города (V-VI вв. до н. э.); г) - градостроительный дуализм и начало среднеазиатско-эллинистического синтеза (ГУ-II вв. до н. э.); д) - наивысший среднеазиатско-эллинистическо-индийский синтез и подъем древнего города (I в. до н. э. - III-ГУ вв. н. э.) (Литвинский, 1973, с. 99-125). В модуле развития процесса урбанизации среднеазиатского общества Б. А. Литвинский наглядно демонстрирует эволюционное развитие городской культуры. Первые два этапа служили фундаментом для формирования классического античного города Средней Азии V-VI вв. до и э. В схеме учтена стадияльная характеристика развития городов, их связь с общим культурно-историческим процессом, протекавшим в Средней Азии и на Востоке (Литвинский, 1973, с. 99-125). В целом, не возражая против объективности данного модуля развития городской культуры в Средней Азии, хотелось бы указать и на слабую сторону. Автор не придерживается единого критерия в характеристике городов этапа развития В одном случае за основу определения понятия "протогород", "город" берется социальная структура общества, в другом культурно-политическая или же хозяйственно-ремесленная сфера. К стадии "протогород" отнесены Алтын-депе и Намазга - памятники периода эпохи развитой бронзы, которые характеризуются с точки зрения социальной структуры общества той эпохи в целом, а не с точки зрения исторической топографии памятника, его материальной культуры и т. д. (Литвинский, 1973, с 102-104). Также следует отметить, что в указанной работе Б. А. Литвинского не раскрыта сущность понятия "протогород" и соответственно, не охарактеризованы, не показаны отличительные черты его от городов второй стадии периода конца II - первой трети I тыс. до н. э. (Литвинский, 1973, с 102-105).

В М. Массой выделяет две стадии урбанизации - древневосточную (конец III тыс до н. э. - середина I тыс до н. э.) и античную (III в. до н. э. - ГУ-У вв. н. э.) (Массой, 1973, с 36; 1977, с 5-7) Прав В. М. Массой, когда он пишет о том, что конкретно-исторический подход показывает, что для социально-экономических условий характерно наличие различных типов городских поселений и выполняемых ими функций (Массой, 1977, с. 6). К сожалению, он также, как и другие исследователи не характеризует города конца III тыс. до н. э, к которым относит Алтын-депе (Массой, 1977, с 5-7).

Позднее В М. Массой, в своем обобщающем труде, посвященном Алтын-депе проанализировал весь комплекс археологических фактов - жилища, оборонительные сооружения, монументальные сооружения, монументальные

здания, улицы, погребения, плотность населения, торговлю, ремесла и т. д., доказывая его как ранний город, сформировавшийся в эпоху Намазга V. "Алтын-депе явно перешагнуло рамки простого крупного земледельческого центра и учитывая наличие культового комплекса, могло бы характеризовываться как храмовый городок, как протогородской или раннегородской организм", -заключает он (Массой, 1981, с 108).

Хотя не вызывает сомнения культовый характер храмового комплекса, но судя по вскрытой части он не был грандиозным и не имел внушительных размеров (Массой, 1981, с. 56 и ел, рис 17-19). Соответственно храм Алтын-депе не мог иметь многочисленных служащих и огромное хозяйство, что могло бы служить причиной зарождения целого города. Автор не учитывает фактор пространства в процессе урбанизации. В Средней Азии, учитывая ее географические условия, уровень развития культуры в рассматриваемую эпоху, в сложении раннегородской культуры главным фактором выступает мощная аграрная экономика основанная на ирригационном земледелии, а не центрообразующая сила культов и храмов, которая наблюдается лишь в некоторых местах Месопотамии (Redman, 1978. p. 202 и ел) Не совсем ясно из заключения В М. Массона, Алтын-депе является ли "ранним городом" или же "протогородом" (Массой, 1981, с 108). Оба эти понятия он относит к одной и той же стадии процесса урбанизации. Может быть автор имел ввиду разные культурные слои Алтын-депе, соответствовавшие разным стадиям урбанизации?

"Древние города могут быть определены как крупные пункты, - пишет В.М. Массон, - места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные, ремесленные и торговые функции" (Массой, 1981, с 105-106) Как явствует из характеристики, данный "портрет" города можно отнести к любому абстрактному городу, нежели к конкретному городскому центру эпохи развитой бронзы Средней Азии.

В. И. Сарияниди период "сложения памятников городского типа" относит к середине II тыс. до н. э, т. е. к эпохе бронзы, и особо выделяет Дашли-1, расположенный в южной Бактрии (Сарияниди, 1973, с 6-9).

Сапалли-тепа и Джаркутан - памятники эпохи развитой бронзы юга Узбекистана, А. Аскарлов относит к разряду раннегородских или протогородских культур (Аскарлов, 1984, с 87-97). Правда, он не дает развернутой характеристики этим стадиям. Другой знаток истории народов Средней Азии Н. Негиатов, начало урбанистического процесса относит к эпохе энеолита и ранней бронзы (Негматов, 1989, с. 28)

Таким образом, вышеупомянутые исследователи начало урбанистического процесса относят к эпохе бронзы, к самому концу III-II тыс. до н. э, следовательно, ряд памятников Средней Азии этого времени признаются как ранние города.

После краткого экскурса касающегося проблем урбанизма Средней Азии, можно отметить, что исследователи констатировали просто декларативно наличие раннегородской культуры в эпоху бронзы, другие попытались создать модуль развития среднеазиатского города, к сожалению, так и не раскрыли

сущность ранней стадии города, механизм сложения раннегородской культуры.

Такая научная ситуация в изучении проблемы раннего города обусловлена, как нам кажется, несколькими объективными причинами. Одной из главных причин является отсутствие письменных источников. В Средней Азии в рассматриваемую эпоху не было письменности, соответственно, не было и исторических источников, в отличие от Древнего Востока. Единственным источником для изучения проблемы сложения раннегородской культуры Средней Азии остается археология. К сожалению и она до 80-х годов не располагала достаточными материалами, так как крупнейшие археологические экспедиции, созданные в послевоенные годы, основное внимание уделяли изучению феодальных и античных городов Средней Азии. В целях выявления внутренней структуры ранних городов, лишь только в 70-80-е годы были подвергнуты масштабным раскопкам крупнейшие памятники эпохи бронзы.

Другой немаловажной причиной, несколько задержавшей изучение проблемы сложения ранних городов в Средней Азии, были методологические ошибки: отсутствие системного подхода; не были разработаны понятия "город" и "цивилизация"; в изучении раннего города отсутствуют стадийно-формационный, структурно-пространственный и социально-технологические подходы и т. д. Исключением могут быть лишь несколько работ, опубликованных только в последние годы (Массой, 1981; #

Третий фактор, не позволявший ставить перед исторической наукой задачу изучения проблемы сложения ранних городов эпохи бронзы - это давление стереотипного понятия, разработанного В. В. Бартольдом еще в начале нашего века о трехчленной структуре в феодальном среднеазиатском городе (Бартольд, 1966, IV, с. 172-198).

И, наконец, утвердившееся понятие о том, что появление первых городов, советские историки относили к периоду классового образования и государственности и считали их "раннеклассовыми". Этот рубеж в истории Средней Азии относят к эпохе античности и раннего железа, а эпоха бронзы традиционно считалась обществом первобытнообщинного строя что существенно влияло на рассмотрение проблемы ранних городов эпохи бронзы.

Разложение первобытных институтов и процесс классового образования происходил одновременно, в чреве одного конкретного общества. Процесс исторического развития человеческого общества, в том числе и урбанизации, - это не статика, а движение, непрерывное и скачкообразное, с откатами и катастрофами в отдельных регионах и в отдельные эпохи, что прогрессивно в целом, в конечном счете. Это отнюдь не означает, что первобытное общество не было социально стратифицированным и, что не было городов и примитивной государственности (Илюшечкин, 1988, с 14-15} Процесс образования ранней государственности, будь он в Месопотамии или же в Мезоамерше, обычно переживает несколько чередующихся этапов подъема и крушения, охватывающие длительное время. Примитивная государственность типа "чифдом" обычно была аморфной, неустойчивой и пережила несколько закономерных кризисов, столь характерных для ранних этапов государства. Прошло несколько столетий, пока образовались могучие, устойчивые

государства исторически обозримого времени, которые мы знаем для эпохи раннего железа в Средней Азии.

В связи с этим немаловажное значение имеет дальнейшее изучение проблемы раннего города, прежде всего, теоретического определения диалектически взаимосвязанных понятий "город" и "цивилизация".

В последние годы, на специально созданных конференциях, посвященных городской культуре Средней Азии и Востока сделано несколько попыток унифицировать понятие город, вскрыть его сущность, выявить градообразующие факторы, социально-экономически осмыслить археологические источники и другие проблемы, связанные с процессом урбанизации общества (ГСКБТС, 1986; ГНТВ, 1988; ЗЭУ, 1989).

Сформулировать понятие "город" - одна из сложных задач, стоящих перед исследователями, так как имеется множество точек зрения по данному вопросу.

Концепция о городе, разработанная В. В. Бартольдоей является наиболее распространенной в среднеазиатской урбанистике. Автор считал характерным для городов ГХ-ХП вв. трехчастную топографию - арк (цитадель), шахристан (древний город, жилые кварталы) и рабат (ремесленное предместье) (Бартольд, 1966, IV, с. 172-198). Данная точка зрения применима только для характеристики феодального города, а не для города раннеклассового общества. Было бы ошибкой искать в любом городе трехчастную структуру в топографии. Археологические работы последних лет свидетельствуют об отсутствии единой схемы развития городов, а трехчастное деление было далеко не во всех городах Средней Азии, в особенности в ранних городах (Белова, 1988, с. 69). Например, античный Самарканд был двухчастным (Литвинский, 1973, с. 107). Древние города Индии - Хараппа, Мохенджо-Даро, Калибанган имели двухчленную структуру: цитадель и собственно город (Щетенко, 1973, с. 9).

Такая же ситуация наблюдается в изучении раннефеодального города северной Европы, где были попытки переложить критерии определения капиталистического города на более древний период (Рабинович, Щ с. Щ

Таким образом, для каждой эпохи, каждой цивилизации есть свое понятие города и было бы методологической ошибкой, если бы мы в изучении раннеземледельческих поселений использовали параметры средневекового феодального города. Поэтому обратимся прежде всего, к проблеме раннего города.

1. 1. а. Понятие "город".

Количественный анализ.

В настоящее время историки при определении понятия "город" рассматривают его с точки зрения величины, структуры и характера выполняемых функций (Гуляев, 1979, с. 14).

Г. Чайлд, знаток истории Древнего Востока, в своей известной статье "городская революция" приводит перечень десяти определяющих признаков города:

1) "С точки зрения размеров, первые города должны быть более обширными и густо населенными, чем любое население предшествующей поры" (шумерские города имеют от 7000 до 20000 жителей).

2) "По составу и функциям городское население отличается от жителей любой деревни. Вполне вероятно, что в действительности большинство горожан все еще оставалось земледельцами. Но все города имеют уже в дополнение к этому классы. - профессиональных ремесленников, торговцев, должностных лиц и жрецов. Все они жили, конечно, за счет излишка продуктов, создаваемых земледельцами, живущими в городе и зависимых от него деревнях".

3) ".Монументальные общественные здания не только отличают каждый известный город от любого селения, но и символизируют концентрацию общественного прибавочного продукта (храмы, дворцы)".

4) Изобретение письменности и календаря

5) Развитие точных наук и астрологии.

6) Новое сложное искусство.

7) Появление классовой стратификации общества.

8) Регулярная внешняя торговля на большие расстояния

9) Освобождение части населения от производства продуктов питания для специализации в производстве орудий труда.

10) Государственная организация (Childe, 1950, p. 9-16; Гуляев, 1979, с 14-15).

В данной статье Г. Чайлд предложил считать городами поселения с количеством жителей более 5000 человек, которое легко переводится на гектары с помощью различных методических приемов. Многие исследователи воспринимают эту цифру как определяющую понятие город в сочетании с другими факторами (Массой, 1976, с. 144). Некоторые исследователи основным критерием при определении понятия ранний город берут величину, площадь памятника. Р. Мк. Адаме, крупнейший урбанонолог по Месопотамии, в основу своей типологии древних поселений района Урука начала III тыс. до н. э. берет его размеры: сельские поселения площадью от 0,1 до 6 га, городки (town) от 6 до 25 га и крупные урбанизированные центры (city) площадью более 50 га (Adams, Nissen, 1972, p. 18,73).

Однако размеры древних городов Среднего Востока сильно варьируются. Стены города Эреха в III тыс. до н. э. окружали площадь в 518 га, включавшую в себя сады и огороды; Ур около 2500 лет до н. э. занимал 88 га, тогда как Метило в Палестине всего 1,4 га (Чайлд, 1949, с 95-96).

Даже в первой половине I тыс. до н. э. в Палестине функционировало множество маленьких городов площадью 0,4-1 га (Вейнберг, 1973, с 150). Основным типом античных городов Кушанской империи были города небольшие, площадью от 1,5 до 3 га (Ртвеладзе, 1973, с 25).

Многие малые города России в эпоху их становления занимали площадь менее 1 гектара (Артемьев, 1989, с 109), тогда как неолитический Чатал-Гуйюк около 13 га (Мелларт, 1982, с. 83), однако, последний не являлся городом.

Нередко многие исследователи в структуру месопотамских городов

включали земледельческую округу, городки-спутники, за счет которых площадь городов доходила до фантастических размеров для древности. "Типично шумерский город и, вероятно, большинство городов, созданных в позднейший период, - пишет А. Оппенгейм - состоял из трех частей. Прежде всего, - из самого города, окруженного стеной -территории, на которой находились храм или храмы, дворец с резиденциями придворных и жилища горожан. Далее шел "пригород", по-шумерски "внешний город", где находились дома, пастбища, поля и сады. Третьей частью города был район пристани" (Оппенгейм, 1990, с 92).

Структура раннего города в таком виде неприемлема, она является ошибочной. Поля и огороды никак не могут быть включены в структуру города, хотя, даже они окружены стеной (Чайлд, 1949, с. 95-96).

"Древние города могут быть определены как крупные пункты, места концентрации населения, орудий производства, культурного потенциала, выполняющие особые регулятивные, ремесленные и торговые функции. Роль города, как пункта концентрации, имеющего специфические функции, находит прямое отражение в морфологических особенностях, характеризующих, прежде всего, компактной застройкой и развитием высотной архитектуры", - пишет В. М. Массой (Массой, 1981, с. 105-106).

Такая характеристика древнего города нам представляется абстрактной, она не выражает морфологические признаки, которыми располагают археологические источники. "Крупные пункты" не всегда являются древними городами, примером может быть энеолитический Кара-депе южного Туркменистана, занимающий более 15 га территории (Массой, 1982, с. 36-39) или же неолитический Чатал-Гуйюк Анатолии, занимающий около 13 га площади (Мелларт, 1982, с. 83).

Таким образом, количественный подход, выражающийся в гектарах, в изучении древних поселений не является надежным критерием для определения понятия "город". Но полностью опровергать данный метод было бы ошибочным. В особенности когда речь идет о поселениях ирригационно-земледельческих культур Среднего Востока. Размер территории поселений имеет большое значение при сочетании внутренних структур (об этом ниже) Без такого сочетания трудно определить функцию поселения как "город" или "не город". Размеры памятников эпохи бронзы юга Средней Азии сильно варьируются от 0,4 га до 100 га. По размерам занимаемой площади они могут быть условно разделены: 1 - мини, поселения до 1 га площадью; 2 - малые, от 1 га до 3 га; 3 - средние, от 3 до 6 га; 4 - большие, от 6 до 10 га и 5 - крупные поселения, имеющие территорию более чем 10 га (см. гл. II).

При определении понятия "город", выражающегося в размерах, условной границей минимальной площади раннего города может быть 3-6 гектаров. Поселения, имеющие такие размеры при сочетании с внутренней структуры, могут быть отнесены к разряду ранних городов. Но это условная граница не определяет размеры максимальных территорий деревень. Как выше описывалось, поселения имеющие территории 10 и более гектаров по своей внутренней структуре остаются в рамках понятия "деревня".

*И. И. б. Понятие "город".
Структурно-морфологический анализ.*

Наиболее надежным критерием характеристики древнего города является его внутренняя структура.

Изучение внутренней структуры древнего города, где отсутствуют письменные источники является одной из главных задач археологии. Не изучив внутреннюю структуру древнего поселения, а это возможно только после длительных, крупномасштабных раскопочных работ, невозможно определить его функцию, как город или не город. Особенно это имеет первостепенное значение в изучении ранних городов, где топография их менее выражена, чем у античных или средневековых городов.

Чтобы полнее и точнее охарактеризовать древний город историки, вслед за Г. Чайлдом, перечисляют длинный список структурообразующих элементов урбаногенеза.

Ю. А. Заднепровский для городов древней Ферганы выделяет пять археологических критериев: 1) большие размеры поселений; 2) развитая система укреплений; 3) наличие цитадели; 4) поселения являются центрами оазиса, сельскохозяйственной округи; 5) поселения являются центрами ремесленной деятельности и обмена (Заднепровский, 1973, с 17-18).

В Дальверзине и Чуэте выделяется цитадель, площадь которой соответственно 25 и 4 га (Заднепровский, 1973, с. 18).

Э. В Сайко основным признаком формирования города считает развитость ремесла и обмена (Сайко, 1973, с 18). "Однако главным условием, обеспечивающим реальный переход на исторически новый уровень развития, предполагающий функционирование новых социально-поселенческих структур, включающих город, - пишет она, - являются стадияльно значимые изменения в организации производства (как главного культурно-исторического процесса) во всем объеме его содержания и установление его нового исторически определенного типа, которое обуславливается крупным общественным разделением труда" (Сайко, 1989, с. 32-33). Э. В. Сайко в целом дает акцент на технологический аспект градообразующих факторов, относит их к периоду после второго крупного общественного разделения труда, подчеркивая при этом неземледельческий характер происхождения раннего города, что не соответствует исторической истине.

В. И. Гуляев, суммируя все источники по истории древних городов Востока и Мезоамерики, предлагает выделить 8 археологических признаков:

- 1) по явлению дворцовых комплексов - места пребывания правителя и его двора;
- 2) появление монументальных храмов и святилищ;
- 3) выделение тем или иным способом (стена, ров, "акрополь" и т. д.) важнейших дворцово-храмовых сооружений из общей массы жилых построек и размещение их в "престижной зоне" - в центральной части поселения;
- 4) резкое отличие этих "священных кварталов" - политико-административного и культового ядра любого раннего города - по внешнему

виду и общему составу находок (предметы роскоши, монументальная скульптура, живопись и т. д.) от жилых кварталов;

5) наличие пышных царских гробниц и захоронений;

6) монументальное искусство;

7) письменность (эпиграфика);

8) количественные показатели: большая площадь, значительное число жилых и общественных построек, сравнительно густое население и т. д. (Гуляев, 1979, с 19).

В изучении древних городов, в особенности среднеазиатских, где отсутствуют письменные источники, единственным источником являются археологические материалы, поэтому огромное значение имеет, прежде всего, выработка археологических признаков города.

Мы считаем, что модуль, предложенный В. И. Гуляевым, является наиболее приемлемым для характеристики древнего города, хотя было бы ошибкой, в каждом конкретно взятом регионе, городе искать все 8 структурных элементов урбаногенеза. Скорее всего было бы правильным выделять несколько основных структурообразующих элементов, определяющих главное в характере города, как предлагает Г. А. Кошеленко (Кошеленко, 1983, с 220) и Ю. В. Андреев (Андреев, 1987, с 6), которые по-видимому, с изменением исторического региона и времени будут меняться. Для раннегородской культуры Средней Азии эпохи бронзы и раннего железа не характерна письменность, монументальное искусство, пышные царские гробницы, которые традиционны в древних городах Месопотамии.

Р. М. Адаме выделяет всего три признака: численность населения более 5000 жителей; наличие монументальных сооружений и письменность (Adams, 1966, с. 1). В. М. Массой придерживается приблизительно такой же триады в определении структуры раннего города: население более 5000 человек; наличие монументальной архитектуры и ремесленных кварталов (Массой, 1976, с. 144).

Многие исследователи одним из важнейших признаков города считают наличие стен и укреплений (Вебер, 1923, с 12). А. Оппенгейм считает, что окружающая город стена, как правило, существовала, но не была обязательной. В этом "уги" имел сходство с полисом, который также не обязательно окружался стеной (Оппенгейм, 1990, с 91-92). Другой знаток Древнего Востока И. М. Дьяконов пишет: "Наличие городских стен в любом случае не является показательным для классификации населенных пунктов этого времени, по крайней мере для аллювиальных долин, защищенных болотами или пустынями: здесь стены могут возникать и позже возникновения классового общества (как в Шумере), или даже вовсе не сооружаются (как в Египте)" (Дьяконов, 1973, с 34).

"За редким исключением не обносились стенами и в доколумбовой Мезоамерше города классического периода", - утверждает В. И. Гуляев (Гуляев, 1979, с. 19) Надо полагать, что большое значение приобретает сооружение городских стен в период становления воинствующих империй или государств.

Во второй четверти 1 тыс. до н. э. набирает силу ахеменидская империя, представляющая большую опасность для соседних стран. Вероятно, в виду

этого, города данной эпохи обносились мощными стенами. Города Бактрии в античных традициях описываются с точки зрения мощности, обороноспособности городских стен, называя их "неприступными укрепленными местами", "крепостями". Город Бактры считался самой мощной крепостью на Востоке ахеменидской державы (Пьянков, 1973, с. 127-128)

Ю. В. Андреев в становлении древневосточного города выделяет три эволюционных этапа - "квазигород", "протогород" и собственно город (Андреев, 1987, с. 3-18) Заслуга автора в том, что он характеризует структуру "города" всех трех этапов по отдельности. "Квазигород" - термин, выделенный ранее Г. Сьобергой (Sjoberg, 1978, р 56, 58) соответствует самому раннему этапу урбанизации древнего общества. Ю. В. Андреев предлагает следующие признаки квазигорода: 1) наличие более или менее массивных оборонительных сооружений; 2) компактная застройка всей площади поселения; 3) более или менее правильная планировка, нередко с ясно выраженной сеткой кварталов и улиц; 4) наличие элементов коммунального благоустройства, например вымостка улиц, колодцев, дренажных стоков и т. п.; 5) более или менее благоустроенные жилища; 6) наличие более или менее ясно выраженного ритуального центра в виде открытой церемониальной площади или закрытого святилища, или, наконец, комбинация того и другого (Андреев, 1987, с. 7). "Из этих шести признаков, - пишет Ю. В. Андреев, - выделяющих квазигород среди всех других видов и форм первобытных земледельческих поселений совершенно обязательными должны быть лишь два признака: второй и пятый. Все остальные в зависимости от конкретных условий, места и времени могут либо появляться, либо исчезать" (Андреев, 1987, с. 7-8). Судя по структурной характеристике Ю. В. Андреева квазигород соответствует периоду общинных поселений неолита и раннего энеолита оседлоземледельческой культуры юга Туркменистана - Джейтун, Чопан-депе, Песеджик-депе, Чагыллы, Геоксюр и др. Правда, из вышеуказанных шести признаков в Среднеазиатских квазигородах совершенно отсутствует третий и четвертый.

Ю. В. Андреев выделяет этап "протогород", как промежуточный между этапом квазигород и собственно городом. "Исторически протогород как особый переходный тип поселения соответствует эпохе классового образования и становления государства. Основными предпосылками его зарождения могут считаться: 1) относительно высокий уровень развития общественного производства, обеспечивающего появление прибавочного продукта; 2) далеко продвинувшаяся социальная стратификация общества; 3) политическая интеграция, образование хотя бы примитивного государственного аппарата; 4) развитая специализация (профессионализм) в ремесле, военном деле, культовой практике и т. п.

В отличие от квазигорода, являвшегося по крайней мере, в своей первоначальной форме поселением изолированной общины, протогород уже с самого начала выступает в роли объединяющего (интегрирующего) центра целого района или округа, занимая главенствующее положение внутри в одних случаях сравнительно простой, в других же, весьма сложной иерархии поселений", - заключает Ю. В. Андреев (Андреев, 1987, с. 10). К сожалению

автор дает социально-функциональную характеристику протогорода, а не морфологическую, как описывался квазигород. Также необоснована его идентификация с понятиями "первый город", "ранний город", хотя тут же утверждается, что протогород все же остается особым, еще достаточно архаичным типом поселения, не тождественным городу в самом точном значении этого слова (Андреев, 1987, с. 9,11). Собственно городом автор справедливо считает города древнего Шумера типа Лагаш, Урук и т. д. Разница между протогородом и городом сводится лишь к образу жизни населения, его выполняемых функций и т. д, что представляется не очень убедительным (Андреев, 1987, с.

Таким образом, Ю. В. Андреев, предлагает три стадии эволюции и становления городской культуры Древнего Востока - квазигород, протогород, город Судя по археологическим источникам, эволюция урбанизационного процесса в Средней Азии в целом, укладывается в вышеуказанную схему. Однако термин "квазигород" не является удачным, он не объективно отражает социальную структуру общества общинных поселений на ранней стадии урбанизационного процесса Средней Азии. Нами выделяются три стадии эволюции урбанизационного процесса Средней Азии - общинное поселение, протогород и ранний город Представляется, что историческое понятие "протогород" и "ранний город" не являются адекватными (Блюмхен, 1988, с. 11).

*Г. И. в. Понятие "город".
Функциональный анализ.*

Понятие "город" исследователями рассматривается также с точки зрения его функционального назначения Высказываются разные, крайне противоречивые точки зрения Одни считают городом любое поселение, занимающее политически доминирующее положение в иерархии поселений (Blanton, 1981, р. 393-394). Другие считают городом любое поселение, население которого не занято земледелием (Sjoberg, 1966, р. 56; Trigger, Щ р. 57% Вебер, 1923, с. 7) Третьи считают город городом лишь только потому, что он выполняет функцию политического центра и т. д.(Сенявский, 1989, с. 35; Marcus, 1983, р208)

Многие зарубежные урбанонологи, в основном, англоязычные, увлечены созданием различных "моделей", в археологической литературе появились так называемые "многоугольник Тиссена", "шестиугольник Кристаллера", "древовидные иерархии" и т. д, которые трудно применимы при изучении конкретных объектов (Bernal, 1983, р. 398). "Теория центрального места" В. Кристаллера также не раскрывает сущность и природу ранних городов. Она означает, что в системе поселений центральные места или города (towns) равноудалены друг от друга и имеют шестиугольные пропорции и т. д. (Christaller, 1966). Все эти разработки в основном характеризуют урбанизационные процессы современной торгово-промышленной эпохи, а не древнюю (Хаггет, 1979).

Функциональное назначение ранних городов, их внутренняя структура имеет

свою специфику, свои модели пути развития

В. М. Массой, характеризуя древние города, сильно преувеличивает их ремесленно-торговые функции (Массой, 1981, с. 105-106). Возражая этому тезису В. И. Гуляев пишет: ".роль ремесла и торговли в возникновении и развитии древнейших городов, будь то на Ближнем Востоке или Мезоамерше и Перу несколько преувеличена. Видимо, вначале, когда образовались на базе еще сравнительно слабо развитой техники и экономики раннеклассовых обществ эпохи неолита и бронзового века, основным констатирующим элементом их населения в большинстве случаев были, вероятно, концентрировавшиеся в них представители слагавшихся господствующих классов и государственной власти, жившие за счет эксплуатации зависимого земледельческого населения Наибольших размеров достигали обычно города, бывшие крупными административно-политическими и религиозными центрами" (Гуляев, 1979, с 16-17)[Однако В. М. Массой полемизируя с К. Ламбергом-Карловским высказывает несколько иную точку зрения "Торговая модель, весьма популярная в среде западных исследователей, в применении ранним обществом является модернизацией и преувеличением. Для стран Среднего Востока главной предпосылкой развития урбанизированных культур в III тыс. до н. э. было наличие сбалансированной экономики получения продуктов питания, как правило, дававшей значительный и устойчивый прибавочный продукт в условиях различных форм поливного земледелия Именно эта экономика создавала базу, а при усложнении регулируемых циклов производства в масштабах одной оросительной системы и предпосылки для концентрации населения, формирования крупных центров, своеобразных раннеземледельческих столиц", - пишет он (Массой, 1981, с. 114).

Следует отметить, что ирригационное земледелие, является одним из главных градообразующих факторов в Средней Азии в эпоху бронзы, но исключение составляют некоторые древние города Среднего Востока, как например, Мундигак, в становлении которого огромную роль сыграл великий лазуритовый торговый путь (Сарианиди, 1968, с 7-8; Ширинов, 1990, с 43) "Правда, тут и там города вырастали вокруг царских резиденций, торговых поселений (торговых портов), лприииаулжи некоторых святилищ." (выделено нами), - пишет 1 Опненхейм, знаток месопотамской урбанонологии, где наглядно иллюстрированы различные причинные факторы градообразования (Оппенхейм, 1990, с 88).

Многие ученые характеризуя функции города нередко город противопоставляют деревне. Я. Е. Водарский, буквально пишет: ".город есть концентрация торгово-промышленного труда, образовавшиеся в результате отделения от земледелия, противоположная концентрация земледельческого труда, т. е. экономическая (базисная, основная) противоположность деревне противоположность между городом и деревней проходит через всю историю цивилизации." (Водарский, 1989, с 12).

Конечно, данный тезис является ошибочным, он, возможно, характеризует европейский капиталистический промышленный город, но отнюдь не соответствует функции городов "всею историей цивилизации", в особенности

Востока.

Для ранних городов, в особенности для городов Средней Азии эпохи бронзы, противопоставление деревни и городу не является правомерным, точно также, как и определение горожан неземледельцами.

Древние города Месопотамии W-III тыс. до н. э. были в основном земледельческими (Андреев, 1987, с 11). интересно отметить, что шумерский термин "шп" и аккадский "am" одновременно означали либо понятие "город", либо же "селение" (Дьяконов, 1973, с. 32-33; Гуляев, 1990, с 34-35} "Любопытно, - пишет & И. Гуляев, - что термин "ках" (сап) означал у жителей Юкатана любое селение. Город или крупное селение обозначались как "нох ках" (поп сап) - "большое селение", а небольшое селение или деревушка "чанчан ках" (спапспал сап) - "малое селение" (Гуляев, 1990, с 41-42}

Как видно из вышесказанного, в первичных очагах цивилизаций и в Месопотамии, и в Америке ранние города не противопоставлялись деревням. Это объясняется тем, что их хозяйственно-производственная деятельность мало чем отличается друг от друга, разница была лишь в том, что города были административными и культовыми центрами. "Ранний город отличается от деревни не столько экономически, сколько политически", - пишет В. И. Гуляев (Гуляев, 1979, с 284}

Следует отметить, что ранние города Руси III-IX вв. также были аграрными. "Во многом, особенно на ранних этапах развития феодализма, - пишет П. П. Толочко - город являлся в экономическом плане своеобразным продолжением деревни" (Толочко, 1989, с 10} И. Я. Фроянов также сетует на единство города и волости в древней Руси.

Казалось бы, столь большая отдаленность территории и огромная разница в хронологии, порой тысячелетняя между вышеуказанными центрами раннегородских культур не дает никакого основания для их сопоставления и нахождения общего в их природе.

Однако социально-экономическая структура обществ упомянутых цивилизаций и уровень их развития были очень близки друг к другу, вот почему много общего в выполняемых функциях ранних городов, где бы они не зарождались.

Приблизительно на таком же уровне развития стояли общества раннегородских центров эпохи бронзы Средней Азии.

Ранние города Средней Азии, прежде всего, были хозяйственными центрами, центрами земледельческих микрооазисов, население их в силу географической ситуации, культурной традиции, в основном было земледельческим.

К. Маркс пишет "История классической древности - это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии" (Маркс, Энгельс, соч. т. 46, ч. 1, с 470}

Ранние города были не только земледельческими, но и полуфункциональными.

И. М. Дьяконов относительно вавилонского города III тыс. до н. э. пишет "Город в рассматриваемое время является центром тяготеющей к нему населенной округи: город - центр округи в хозяйственном отношении.; город - центр округи в политическом отношении, как средоточие иерархии общинных

органов самоуправления и как резиденция государственной администрации; наконец, город - его центр в идеологическом отношении" (Дьяконов, 1973, с 303} Разделяя в целом это определение И. М. Дьяконова, В. И. Гуляев пишет: ".считаю, что в нем необходимо несколько сместить акценты. Да, древнейший город действительно был хозяйственным центром округа. Но главное и определяющее состоит в другом. Крупные города первичных очагов цивилизации в Мезоамерике и на Ближнем Востоке в значительной мере обязаны своим процветанием, размещению в них правительственных резиденций. Здесь находился обычно и храм верховного божества" (Гуляев, 1979, с 17} Такую же точку зрения высказывает крупнейший американский ориенталист Г. Франкфорт. "Необходимо лучше понять природу древнейших городов, -пишет он - каковы бы ни были другие их функции, они были, прежде всего, местопребыванием религиозной и светской власти; город был центральным ядром власти, находившейся во дворце и храме." (Гуляев, Щ с 18}

А. Оппенхейм также выделяет главным в городской структуре дворец и храм. Храм и дворец окажутся рядом и будут часто представлять некое единство, то занимая центральное положение в городе, то являясь частью оборонительной линии (Оппенхейм, 1990, с 103).

В.П. Илюшечкин высказывает приблизительно такую же точку зрения «города выполняли одновременно функции центра государства, а также религиозных, культурных и ремесленно-торговых центров, причем ремесло тогда развивалось отчасти как внутриобшинное, а преимущественно как казенное, обслуживающее потребность властей, знати и войска, и содержащиеся за счет государства. Среди перечисленных функций преобладающее значение имеют, видимо, административная и религиозно-культурная поскольку ремесло и торговля оставались еще довольно неразвитыми» (Илюшечкин, 1988, с 16).

О.Г. Большаков и В. А. Якобсон считают города выполнявшими функции центра концентрации и перераспределения прибавочного продукта (Большаков, 1984, с. 10). Однако, такое определение, хотя оно и относится к раннефеодальному городу, но не определяет сущность городских структур и не позволяет отличить их от негородских структур.

"Безусловно, любой город является центром концентрации и перераспределения прибавочного продукта, но не всякий подобный центр есть город, ведь центрами концентрации и перераспределения прибавочного продукта являются монастыри, замки и т. д."- возражает А. В. Коротаяев (Коротаяев, 1988, с. 39).

В.М. Массой допускает возможность существования нескольких типов ранних городов по выполняемой функции - "центры сельскохозяйственной округа, торгово-ремесленные, военно-административные и культурно-идеологические центры" (Массон, 1978, с. 23-24).

В литературе имеются попытки объяснить древние поселения с точки зрения этнической единицы. "Протогород - совместное поселение двух или более родов с целью решения общих для них производственных или военных задач" (Блюмхен, 1988, с 11} Данный тезис почти не поддается археологической

проверке. Трудно представить исторически был ли такой арифметический модуль общежития - один род селения, "два или более родов", протогород и т.д. В любом крупном поселении неолита юга Средней Азии или Анатолии совместно проживали по-видимому, несколько, а может даже более десяти родов.

Анализ источников и материальная культура свидетельствует о том, что ранние города Средней Азии эпохи бронзы, являлись центрами сельскохозяйственной округи, административными и религиозными центрами оазиса.

В меньшей степени в ранних городах появились такие функции, как торгово-ремесленная и военная, хотя полифункционализм является одной из особенных их черт.

1.2. Понятие "город".

Характеристика раннего города Средней Азии.

Таким образом, характеристика раннего города с точки зрения количественного, структурно-морфологического и функционального анализа у ранних исследователей имеет разнообразный оттенок.

Главным из этих трех подходов для характеристики раннего города, является структурный анализ, от исхода этого анализа определяется и его функция. Количественный анализ сам по себе не может служить фактором определения раннего города, но при сочетании с результатами структурного анализа несомненно учитывается.

В определении структуры раннего города, прежде всего, следует выделить археологические признаки. Ниже приведем список признаков характеризующих ранние города эпохи бронзы Средней Азии.

1) наличие монументальных дворцовых комплексов - мест пребывания "верхушки" общества, правителя;

2) наличие монументальных храмов и святилищ - культового центра оазиса;

3) выделение цитадели, окружение оборонительной стеной значительной территории, так называемой "престижной зоны", где расположены дворцовый комплекс и жилые комплексы привилегированных членов общества;

4) большая площадь (не менее 3-6 га) территории занятой компактными застройками, выделение жилых и других общественных кварталов - большая концентрация производительных сил на ограниченной территории, центр ирригационно-земледельческого оазиса;

5) выделение ремесленных кварталов и высокоразвитое ремесленное производство - гончарное, ювелирное, металлургическое, ткачество, строительное, обработка камня и кожи и др;

6) наличие погребений "вождей", жезлов, ювелирных изделий, печати - символов отличия и богатства;

7) резкое отличие монументальных сооружений (дворец, храм, святилища и др.) от рядовых жилых кварталов по внешнему виду, планировке и убранству помещений (суфа, известковая штукатурка стен, отштукатуренный пол,

находки и т. д. }

8) наличие керамических, костяных, каменных, металлических изделий, драгоценных камней, не характерных для данной культуры, территории, свидетельствующие о торговых отношениях;

9) наличие глиптики, эпиграфики возможно, примитивной письменности.

Разумеется данный модуль не является универсальным для ранних городов Средней Азии, он меняется в зависимости от специфики изучаемого региона и города.

Среди перечисленных признаков, характеризующих ранние города Средней Азии, выделяются четыре основных градообразующих фактора: первый, второй, третий, четвертый и седьмой, все остальные пять признаков являются второстепенными. Однако с изменением эпохи, структура основных и второстепенных признаков меняется. Например, в сложении ранних городов никакую роль не играли торговые отношения, но в последующих эпохах, при удачном географическом месторасположении города, торговля превращается в один из основных факторов характеристики города. Пли же, наличие письменности для ранних городов было совсем не обязательно, когда была очень развита сила традиции, устная мифология, слабо развит государственный аппарат.

Таким образом, морфологическая характеристика раннего города эпохи бронзы Средней Азии, это крупное поселение имеющее компактную застройку, не менее 3-6 гектаров территории, резко контрастирующие архитектурные комплексы монументальные и рядовые сооружения светского и культового характера, ремесленные кварталы "цитадель" с мощными оборонительными стенами, печатями и другими драгоценными изделиями и т. д.

В социально-политическом отношении это свидетельствует о том, что ранний город являлся местом концентрации производительных сил, прежде всего, земледельцев - аграрников, сильно дифференцированного общества, административных правителей примитивных государствообразований типа "чифдом" и жречества.

Ранние города были многофункциональными, являлись хозяйственными, административными и культовыми центрами земледельческих оазисов.

Разумеется, становление первых городов, как историческое явление, результат сложных экономических, политических, социальных и идеологических сфер жизни древнего общества и, вероятно, не все оттенки этого сложного механизма отражены в археологических источниках.

Другая, не менее волнующая исследователей проблема - это выявление градообразующих факторов, т. е. условия появления города.

Хотя внутренняя структура и функциональное назначение городов, в какой-то мере, объясняет причину градообразования на том или ином месте.

1.2. Понятие "город".

Градообразующие факторы

Градообразующие факторы меняются в зависимости от конкретных

исторических условий, социально-экономической формации и географического положения, точно так же, как и внутренняя структура города.

Проблему рождения города историки объясняют с двух точек зрения: первая - популярная теория "городской революции" Г. Чайлда, сформулированная еще в 50-х годах; вторая - опровергающая первую, теория "эволюции" - поэтапного рождения города (Adams, 1966, с 18; Массой, 1977, с 79; Андреев, 1987, с 5).

Не вдаваясь в полемику о слабых и сильных сторонах указанных теорий, мы склонны присоединиться к теории эволюционного развития городского генезиса, так как город понятие историческое, результат сложных социально-экономических, технологических развития.

Предпосылками появления ранних городов в Средней Азии являются: 1) благоприятная природная среда - почва, вода, климат и другие географические факторы 2) высокоэффективное ирригационное земледелие, развитая технология, обеспечивавшая продуктами питания все население, земледельцев и неземледельцев, что являлось гарантом прочной оседлости, оседлые поселения - экономический фактор. На юге Средней Азии в период развитой бронзы был изобретен гончарный круг, колесо, освоена сложная технология обжига глиняных сосудов и плавки металла, что привело к резкому улучшению их качества, широко применяются пахотное орудие - соха и повозка с помощью тяговых сил животных, системы планировок и измерений в строительстве архитектурных комплексов и другие технические новшества. Общий высокий уровень культуры включая накопленные знания об окружающем мире - астрономия, календарь, математика и т. д, что обеспечила высокоэффективную экономическую основу развит я общества;

3) необходимые социальные условия, стратификация общества - появление административного управления, религиозное лидерство, которые играли консолидирующую роль в обществе - социальный фактор.

Эти факторы только вместе, в диалектическом единстве, создают ту сложную историческую среду, условия, где рождаются первые города. По отдельности, сами по себе, эти факторы не образуют градообразующую среду.

Ранние города Средней Азии расположены на аллювиальных равнинах, в предгорьях, обычно на берегу, или же поблизости небольших рек и саев. Благоприятные климатические условия, плодородная почва и наличие устойчивого водообеспечения создали наиболее оптимальные условия для ведения оседло-земледельческого хозяйствования

В Средней Азии оседлые поселения появляются довольно рано, в V-VI тыс. до н. э. (поселения джейтунской культуры).

Поливное земледелие надежно обеспечивало население продуктами питания, что привело к прочной оседлости их на одном месте. Древние поселения юга Средней Азии существовали на одном и том же месте, несколько тысячелетий (Массой, 1964, с 26) Общинные поселения джейтунской культуры, размерами были не очень большие, всего 0,5-2 гектара. Они состоят из маленьких однокомнатных квадратных домов, которые сгруппированы вокруг пустырей - площадей. Дома расположены рассредоточено (Массой, 1964, с. 26-27, рис 3).

Но, с течением времени, в эпоху энеолита, в IV-III тыс. до н. а,

увеличиваются их размеры и количество, появляются жилые массивы, "кварталы", улицы, обводные стены и т. д. - эмбриональные признаки раннего города. По площади выделяются три типа энеолитических поселений: I - от 0,1 га до 0,2 га; II - от 0,4 до 1,2 га и III - свыше 2 га (Массой, 1982, с 15). Наиболее хорошо исследовано поселение Кара-депе, занимающее более 15 гектаров территории, где выявлены десятки "домов-массивов" состоящих каждый из 15-20 многокомнатных больших жилых помещений, исходным ядром жилых массивов были "дворы" (Массой, 1982, с 36-39. Табл. Щ XX; 1976, с 142). Один из дворов и примыкавший к нему комплекс определяется как "протохрам" (Массой, 1982, с. 39. Табл. XX)

Однако в Кара-депе не обнаружены монументальные сооружения светского и культового характера, но внутренняя планировка, сплошные застройки, улицы, дворы соответственно строительная техника, ремесло сильно отличались от общинных поселений эпохи неолита и других более мелких энеолитических поселений.

В эпоху бронзы в III-II тыс. до н. э. количество поселений и их размеры продолжают расти, осваиваются новые оазисы, сооружаются ирригационные каналы и т.д. В конце концов количественный рост привел к качественным изменениям.

Внутренняя структура некоторых крупных поселений - Алтын-депе, Гонур-1, Джаркутан, Дашли-3 резко отличаются от других, появляются монументальные сооружения - дворцы храмы ремесленные кварталы "цитадель", оборонительные стены и т. д

Наиболее важным новшеством общественной жизни этого времени является появление печатей, одного из верных признаков собственности. Все это свидетельствует о наличии достаточного избыточного продукта в распоряжении правившего аппарата, что стало возможным благодаря росту производительности земледельческого труда и резкого расширения сельхозугодий.

Таким образом, ранние города появились там, где было наиболее благоприятное экономико-географическое положение (Лаппо, 1989, с. 22) для расцвета ирригационного пашенного земледелия, т. е. аграрно-хозяйственный фактор был одним из основных для градообразования Средней Азии.

Динамика развития поселений от самого их появления до зарождения ранних городов - от VI до начала I тыс. до н. э. прошло три этапа: I этап - протогородские поселения, энеолит, бронза - III-II тыс. до н. э.; II этап - ранних городов, бронза, раннее железо - II начало I тыс. до н. э.

I. Первый этап характеризуется как мелкие общинные поселения, состоящие из однокомнатных рассредоточенных жилых домов со слабо выраженной группировкой, без видимых контрастов как между отдельными домами, так и между поселениями. Все селения земледельцев более или менее однородные и равные.

II. Второй этап характеризуется как протогород с резким увеличением размеров некоторых поселений, которые имели сплошную застройку, формирующую улицы, протокварталы, резко отличающиеся от внутренней

структуры общинных поселений.

Протогорода Кара-депе, Геоксюр, Анау 1, возможно, Алтын-депе и Намазга-депе (соответствующие слои мало изучены) отличаются от раннегородских центров отсутствием монументальных сооружений, цитадели, а также наличием печати и других атрибутов престижа.

Ш. Третий этап ознаменован появлением ранних городов. Это огромное поселение, имеющее сплошную компактную застройку, с уплотненным населением, сложную внутреннюю структуру - монументальные и рядовые сооружения, жилищные и ремесленные кварталы, "цитадель" с мощными оборонительными стенами, а также наличие печатей и других драгоценных изделий роскоши и т. д (о признаках раннего города см. выше). К ранним городам юга Средней Азии относятся Джаркутан, Дашли-3, Тоголок-1, ГонурЧ, Алтын-депе, Намазга и др.

Таким образом, становление раннегородской культуры Средней Азии проходит долгий эволюционный - путь и вырастает непосредственно из раннеземледельческих поселений.

Другим, не менее важным, чем аграрно-земледельческий, градообразующим фактором являлась социальная среда стратифицированного общества - появление административных (дворцовые комплексы) и культовых (храмы) центров, которые служили консолидирующим ядром раннего города.

Ранние города появляются там, где расположены политические и культовые центры

Некоторые исследователи преувеличивают роль ремесла и технологического прогресса в градообразовании (Сайко, 1973, с 18), хотя, в эпоху становления ранних городов в технологическом отношении было высокоразвитое профессиональное ремесленное производство, но в социальном отношении ремесленники еще разобщены по общинам, не объединены по сословиям (Ширинов, 1986, с. 105-113). "Даже там, - пишет В. В. Андреев, - где уровень концентрации ремесленного производства был особенно высоким, сами ремесленники составляли лишь меньшинство в общей массе земледельческого населения раннего города" (Андреев, 1989, с. 95). "При всей выразительности материальной культуры первых цивилизаций не следует забывать о том, - пишет В. М. Массой, - что движущими силами процесса формирования классового общества были, в первую очередь, социально-экономические явления -наличие регулярно получаемого прибавочного продукта, что обеспечивалось развивающейся социальной системой" (Массой, 1989, с. 61).

Ранний город, со всеми свойственными ему сложными социально-экономическими организмами был местом проживания, прежде всего, земледельческого и неземледельческого населения. Вторая группа состояла из ремесленников, аппарата управления, жречества, храмовых служащих и др. В количественном отношении последние составляли лишь маленькую часть населения раннего города.

Такой естественный путь зарождения ранних городов, структура и функция их в целом характерная для городов первичных очагов цивилизации - Месопотамии, Мезоамерики и Индии.

Хотя среднеазиатская цивилизация не является первичной, но она была вполне самостоятельным очагом цивилизации. Соответственно, сложение раннегородских культур Средней Азии не выпало из общей закономерности урбанизационных процессов Древнего Востока.

1.2. б. Понятие "цивилизации".

Зарождение ранних городов тесным образом взаимосвязано с понятием "древняя цивилизация". В связи с этим кратко остановимся на раскрытии понятия "цивилизация".

Как известно, очаги древней цивилизации, благодаря успехам исторических наук, прежде всего, археологии, в настоящее время зафиксированы на десятках точках земного шара. Это не только классические цивилизации Востока, но и культура Африки, Центральной Азии, Дальнего Востока, цивилизации Нового Света (Древние цивилизации, 1989, с 7)

Необходимо подчеркнуть, что традиционно бытовала ошибочная точка зрения в исторической науке о том, что генезис всех очагов цивилизации Старого Света начинается с Месопотамии - "колыбели цивилизации". Однако в последние годы данная точка зрения пересматривается.

'При объяснении процесса становления цивилизации как на Западе, вплоть до Европы, так и на Востоке, за долиной Инда, исследователи склонны были отводить Месопотамии роль некоего движущего механизма, вызывающего подъем всех последующих цивилизаций Старого Света: *ex oriente lux*. Но за прошедшие два десятилетия новые раскопки и новые идеи привели к отказу от такой упрощенной концепции", - пишет крупный американский археолог, специалист по истории Древнего Востока К. К. Ламберг-Карловски (Ламберг-Карловски, 1990, с 3),

Широкие археологические исследования последних двух десятилетий показали, что юг Средней Азии и северные окраины Ирана и Афганистана имели свою особую культуру бронзового века (Аскарлов, 1977; Сарианич 1977; 1990; Массой, 1981; 1989). Эту же территорию М. Тоси называл "зоной туранской цивилизации". (Tosi, 1977).

В последние годы исследователи часто употребляют термин "цивилизация" - "среднеазиатская", "южноузбекстанская", "бактрийская" и т. д, касающейся культуры эпохи бронзы юга Средней Азии или его части. В целом, исследователи считают его одним из очагов древней цивилизации.

Среднеазиатская цивилизация является одной из ярких звеньев в системе древневосточных цивилизаций. Она берет свое начало с эпохи бронзы, конец III-II тыс. до н. э. (Массой, 1989, с 193-194}

В самом определении цивилизация намечаются разные подходы; цивилизация связывается с появлением современного человека, с неолитической революцией, с процессом урбанизации, с обществом, стоящим на пороге классового и с классовым государством (Сайко, Ш с 16).

Известный английский археолог К. Ренфрю цивилизацию определяет как стадию культурного развития, общество которого имело глубокую социальную

стратификацию и государственность (Renfren, 1972 с 4-7, ЗЩ

В литературе имеется целый ряд определений цивилизации, относящийся к историческим явлениям разного характера и уровня развития, как "цивилизация лука", "цивилизация копья", "цивилизация леса", "цивилизация городов" и т. д.

Не увлекаясь историей вопроса, укажем несколько работ, имеющих сводки "Цивилизация и общественное развитие", М, 1987. 100 с; "Древние цивилизации", М., "Мысль", 1989. 479 с; Массой В. М, Л."Наука",19Щ275с.идр.

Г. Чайлд по-существу, в 50-е годы раскрыл природу древне-восточной и европейской цивилизации (СШе, 19501 Чаилд, 19% 195\$

Е И. Гуляев в ряде своих работ всесторонне охарактеризовал цивилизации Мезоамерики (Гуляев, 197% 1974; 1984). Также обращаем внимание на ряд работ зарубежных исследователей, которые так или иначе касались проблемы древневосточной цивилизации и самого понятия цивилизация. Это работы Р. Мак Адамса (Adams, 1966), В. Фейрсервиса (Fairservis, 1971), К. Ренфрю (Renfren, 197Щ К. Фланнери (Flannery, 1972) и др.

В нашем понятии цивилизация - явление более объемное, чем город, охватывающее всю систему общественной жизни.

Понятие "цивилизация" и "культура" также несопоставимые категории исторических явлений.

Культура выражается в одинаковых наборах типов предметов, хозяйств, традиций, образе жизни общества и т. д, которые ограничены как во времени, так и в пространстве. По этой причине культуры между собой резко отличаются. Культура появляется вместе с появлением современного человека.

Цивилизация в отличие от культуры является понятием историческим, оно появилось на определенном этапе культурно-исторического развития человеческого общества. Разные цивилизации между собой имеют больше сходств, чем различий по уровню развития социального прогресса, технологии и техники в хозяйстве и т. д

Цивилизация определенный уровень культурно-исторического процесса, означающий высокое развитие технологии в хозяйстве - сложение пахотного земледелия, изобретение колесницы, повозки и гончарного круга, высокоразвитое ремесло, глубокую социальную стратификацию в обществе, стоявшем на пороге раннеклассовых отношений и примитивных государствообразований, означающий появление ранних религиозных систем, монументальной архитектуры светского и культового характера, ранних городов и др.

Таким образом цивилизация появляется на определенном историческом этапе, отражает высокие достижения в технико-технологическом развитии, глубокие преобразования в социальной жизни общества.

Древняя цивилизация Средней Азии сформировалась в конце III - на рубеже ПЧ тыс до н. э. и в это же время зародились ранние города (Массой, 1989, с 192-193).

Это было закономерным результатом развития исторического процесса, имеющего все экономические, социальные и культурные предпосылки, процесса начало которого уходит в глубь тысячелетий, до эпохи джейтунской

культуры - PV-ҮІ тыс. до н. % когда начался производящий тип хозяйства в Средней Азии.

ГЛАВА II

ЮЖНАЯ СРЕДНЯЯ АЗИЯ В ЭПОХУ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ

2.1. Оазисная система расселения Юго-западная Туркмения

В эпоху поздней бронзы, во второй половине 2 тыс до н.э. & & вся территория Средней Азии, кроме внутренних районов великих пустынь Кара-кумов и Кизил-кумов, высотных частей Памира и Алая уже была освоена. Хозяйственный уклад в жизни этих обществ имел две направленности развития - земледельческую и скотоводческую. Хотя ни один тип ведения хозяйств в обществе не был "чистым" - земледелие всегда сочеталось с разведением скота или наоборот, приоритет отдавался тому или другому типу ведения хозяйства в силу характера окружающей среды обитания.

В центральных и северных районах Средней Азии складывался преимущественно скотоводческий тип хозяйства, о чем свидетельствуют материалы андроновской, тазабагынской, заманбабинской и кайракумских археологических культур (Итина, 1977; Литвинский, 1962; Аскар, 1966).

Уже на юге Средней Азии в предгорьях Копетдага и Памира сложилась оседлоземледельческая культура типа Анау-Ш - Намазга, Сапалли-Дашли (Массон, 1981; Аскар, 1977; Сарияниди, 1977).

География археологических памятников оседлоземледельческих культур юга Средней Азии свидетельствует об оазисном типе расселения.

Формирование наиболее древнейших земледельческих оазисов в Средней Азии связано с деятельностью неолитических джейтунских племен юга Туркменистана - V-IV тыс. до н. э. (Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966, с 76-92). Первые приемы искусственного полива возделывавшихся земель связаны с использованием небольших речек и ручьев и осуществлялись при помощи устройства простейших перегораживающих сооружений и обваловывания земель (Лисицына, 1978).

Памятники джейтунской культуры распространены только на юго-западе Туркменистана, их нет ни в Маршане, ни в Бактрии. Они разделены на три группы: западную, центральную и восточную (Массон, 1966, с. 91; Ломехова, 1979, с 5-6). Центральная группа памятников - Джейтун, Песседжик-депе, Тоголок-депе и Чапан-депе - сосредоточена на берегу ручьев Кара-Су и Секиз-Яб (Массон, 1964, с 20-21; Бердыев 1970, с 30) "Безусловно перед нами неолитический оазис", - характеризует центральную группу памятников О. Бердиев (Бердиев 1970, с. 30).

Восточная группа памятников - Манжукли, Чагыллы, Чакмаклы, Гадыми и др расположена на берегу ручья Меана составляя маленький земледельческий оазис (Бердыев, 1972, с 30-32; Лоллекова, 1979, с. 5-6).

Третий земледельческий оазис составляет западная группа памятников - Новая Ниса, Келяга, Вами, приуроченные к бассейну реки Сумбара (Бердиев, 1970, с 31).

Памятники джейтунской культуры по внешним признакам мало

отличаются друг от друга, представлены в виде маленьких холмов различной конфигурации, площадью не превышающей 2 гектара (Коробкова, 1969; 1981) состоящие из однокомнатных квадратных и прямоугольных домов, расположенных рассредоточено.

Столь раннее сложение оседлоземледельческой культуры на юге Средней Азии объясняется благоприятными природно-климатическими условиями и наличием соответствующих исторических традиций (Массон, 1964, с 11) Это относительно узкая земледельческая полоса, простирающаяся в меридианальном направлении более чем на 1000 км, зажата между горами и степью, куда стекаются многочисленные горные реки и ручьи, которые либо теряются в песках, либо доходят до Амударьи.

Почва в этой зоне плодородная, она состоит из аллювиальных и аллювиально-пролювиальных отложений (Эргашев, 1974) Имеется 8 крупных рек Амударья, Сурхандарья, Шерабадарья, Кундуз, Герируд, Мургаб, Теджен и др. Осадки здесь составляют в среднем 300-450 мм в год (Лисицына, 1978, с 27-28).

Древний ландшафт оазисов Средней Азии по палеоботаническим данным в целом был покрыт тугайным типом растительности, в состав которой входили в районе Чаачи-Меаны - тополь, можжевельник, ива, ясень, вяз, тamarиск и в меньшей степени саксаул (Сарианиди, 1977, с 129).

Остеологические остатки диких животных, найденные в культурных слоях, также свидетельствуют о тугайных и степных ландшафтах, существовавших рядом в эпоху бронзы.

В Сапалли-тепа и Джаркутане найдены кости следующих диких животных: бухарский олень, кулан, джейран, кабан, тур (бык) шакал, лиса, рысь, гиена, камышовый кот, барсук, большая песчанка, заяц-талая и др. (Аскарлов 1977, с 120) в Алтын-депе: кулан, кабан, джейран, сайгак, муфлан, безоаровый козел и лисица (Массон, 1981, с. 98).

Таким образом, на юге Средней Азии в эпоху бронзы существовали по соседству тугайные и степные ландшафты. Именно в данной среде образовывались и развивались земледельческие оазисы. Земледельческие оазисы формировались там, где был устойчивый источник воды. Вода в жизни народов земледельческих оазисов Средней Азии играла исключительную роль, за нее боролись, сооружая каналы и плотины, ей поклонялись, обожествляли ее. В Авесте среди древних культов солнца, луны, специально выделяется культ звезды Тиштрия, имевший астрономическую связь с разливами и дождями, а также богини плодородия и вод Ардвисура Анахиты (Гафуров, 1989, с 78) "Богиня воды Ардвиг Анахит являлась дочерью верховного бога Ахура Мазды и богини земли Армати, считалась одним из источников жизни" (Рзаев 1971, с. 299) Об этом также свидетельствует легенда о Хубби, покровителе Амударьи (Гулямов 1957, с 30-33).

В эпоху энеолита освоение земли продвигается далеко на восток до низовьев р. Теджена, количество памятников резко увеличивается и доходит до 36 (Массон, 1982, с 12) формируются новые оазисы, количество их доходит до 8-9 (Массон, 1982, с. 10 и сл.).

Геоксюрская оросительная сеть, относящаяся к эпохе энеолита ГНП тыс. до н. э. состояла из водозаборной плотины, системы каналов и арыков, и является древнейшим сооружением подобного типа на территории СССР (Лисицина, 1984, с. 14).

Неолитические памятники южного Туркменистана начали изучаться еще в конце ХГХ в (Массон, 1982, с 10) но широкую известность получили лишь после раскопок на холмах Анау американской экспедиции и их фундаментальной публикации (Pumpdy, 1908; сводка об истории изучения см. Массон, 1982, с. 10 и сл.).

Энеолитические комплексы хронологически разделяются на три типа - Анау IА, Анау IБ и Анау II (Schmidt, 1908) которые в дальнейшем были усовершенствованы на материалах стратиграфического шурфа Намазга-депе - Намазга-I, Намазга-2 и Намазга-3 (Куфтин, 1954) означающие ранний энеолитический, развитый энеолитический и поздний энеолитический этапы, в целом, укладываются в пределах IV-III тыс до н. э. (Массон, 1982, с. 13-14)

Энеолитические поселения по площади разделяются на три (НП) типа: от ОД до 2 га; от 4 до 12 и свыше 20 га (Массон, 1982, с. 15). Кара-депе, Ильгынли-депе, Геоксюр-1 являются крупными энеолитическими поселениями. Крупный центр - Геоксюр-1, с восемью другими мелкими поселениями, которые скорее всего занимали по отношению к нему подчиненное положение, составлял самостоятельный оазис (Массон, 1976, с 142-143, рис 15; 1982, с. 12-15, табл. VI).

Как видно из таблицы, оазисы формируются в бассейнах маленьких ручьев, а в наиболее благоприятных оазисах образуются группы поселений, тяготеющих к одному крупному центру. Это прослеживается в Лаинсуйском оазисе, где над остальными выделяются Кара- депе и Намазга-депе, а в Меана-Чаачском оазисе Алтын- депе, в Геоксюрском - Геоксюр I В других оазисах такая иерархия поселений не наблюдается.

Внутренняя структура поселений пока изучена недостаточно, тем не менее, имеющиеся материалы позволяют анализировать социальную структуру экономических обществ.

Образующим началом поселений являются однокомнатные и многокомнатные дома (Массон, 1982, с 16, табл. XX, ГУ) На ранних стадиях отдельные дома как будто бы расположены хаотично и рассредоточено, как и в неолитических поселениях, но при внимательной анализе легко можно установить, что они все же группируются вокруг площадей-пустырей, или же крупного дома (Дашлиджи-депе, Муллали-депе, Ялангач-депе, Манжукли-депе и др.).

На развитых и поздних этапах развития энеолитических комплексов на крупных поселениях дома пристраивались вплотную друг к другу, таким образом, образуя жилые массивы четко формируя улицы, общественно-культурные площади (Кара-деле, Геоксюр I и др.). Планировка и расположение домов в мелких поселениях остаются по-прежнему рассредоточенными.

Таким образом, не только увеличивается количество оазисов и поселений в эпоху энеолита по сравнению с неолитическими, но и усложняется иерархия

поселений, домов, а соответственно социальная структура общества. Такая оазисная форма расселения с крупным центром и соподчиненными поселками была высшей структурной единицей в раннеземледельческих обществах. Если рассматривать крупное поселение как сумму большесемейных общин, своего рода прототип городской общины, то группа поселений с трехчленной или двухчленной иерархией должны соответствовать более крупному общественному объединению, возможно племенному (Массон, 1976, с. 145).

В эпоху бронзы в III-II тыс. до н. э. количество оазисов поселений и их размеры продолжают расти, осваиваются новые территории, сооружаются ирригационные каналы.

Памятники эпохи бронзы юго-западного Туркменистана В. И. Сарияниди разделяет на три группы: западную (от г. Кизил-Арват до Анау) центральную (от Анау до ж. д. ст. Душак) и восточную (от Яссы-тепе у Душака до ж. д. ст. Геоксюр) (Сарияниди, 1960, с. 141) К сожалению, это деление было в известной степени территориальным и не привязано к речным бассейнам или ирригационным оазисам.

Некоторые традиционные земледельческие оазисы (Геоксюр, Арьчинянсу) сформированные еще в эпоху неолита и энеолита, в эпоху бронзы, из-за нехватки воды, вымирают.

Но, следует отметить, что в эпоху поздней бронзы бурно осваиваются новые, никем не занятые, целинные земли. Племена юга Туркменистана, возможно, и Иранского плато энергично мигрировали в восточном направлении; в относительно короткое время формируются десятки земледельческих оазисов в бассейнах рек Мургаба, среднего течения Амударьи, на землях исторической Маргианы и Бактрии. Появляются гигантские по размерам памятники - Алтын-депе (46 га), Намазга-депе (70 га), Улуг-депе (13 га) Гонур-1 (20 га) Джаркутан (100 га) Дашли 3 и др.

В составлении свода оазисов использованы публикации В. М. Массона (Массон, 1966; 1981) И. Н. Хлопина (Хлопкина, 1983) А. Я. Щетенко (Щетенко, 1968 а, б), А. Ф. Ганялина (Ганялина, 1956 а, б; 1959), А. А. Морущенко (Морущенко, 1956) М. Е. Массона (Массон, 1951) и др.

Как видно из таблицы, количество поселений несколько уменьшается, их всего около 20, тогда как на этой же территории в эпоху энеолита памятников было почти в два раза больше.

С морфологической точки зрения, по мнению Е. М. Массона, поселения рассматриваемой эпохи совершенно четко делятся на два типа: небольшие, площадью около 0,5-1 га, а иногда и меньше, крупные, площадью около 10 га (Массон, 1966, с. 152)

Нам представляется более точным разделить их на пять типов: 1) мини поселения площадью до 1 га; 2) мелкие поселения площадью от 1 до 3 га; 3) средние поселения площадью от 3 до 6 га; 4) большие поселения от 6 до 10 га (Хопуз-депе, Гара-депе) и 5) крупные поселения площадью в несколько десятков гектаров (Алтын -депе, Намазга-депе, Улуг-депе).

Судя по результатам многолетних исследований с функциональной точки зрения первый, второй и пятый типы поселений определяются как "сельские"

поселения и "раннегородские центры". Четвертый тип поселений - Хопуз-депе и Гара-депе, по-видимому, не относятся ни к тому, ни к другому. Перед нами сильно разросшееся естественным путем первоначальное ядро, состоящее из сельского общинного поселения, но еще не оформившийся город, где отсутствуют монументальные сооружения и другие элементы урбанизации. По-видимому, эти поселения являлись протогородами.

С точки зрения оазисного расселения интересным является Лансуйский оазис, где столичный памятник Намазга-депе достигает размера до 70 гектаров (Массон, 1966, с. 154) тогда как площади окружающих его мелких поселений составляют от 0,5 до 2,0 гектара. Намазга-депе исследователями давно относят к рангу раннегородских центров (Массон, 1972, с. 36) а мелкие поселения - Шор-депе, Коша-депе и Тайчанак-депе, Ельен -депе и Теккем-депе, как будто бы, были в подчиненном положении экономически, возможно и политически, от Намазга депе.

И.С. Масилов в сочетании групп этих памятников видит всего лишь "небольшой оазис эпохи бронзы" (Масимов, 1968, с. 25-29)

А.Я. Щетенко называет их буквально "поселениями сельского типа" (Щетенко, 1968в, с.18-24; 1968б, с.29) Шор-депе и Тайчанак-депе характеризуют жизнь "сельских" поселений эпохи бронзы южной Туркмении, - пишет А. Я. Щетенко - весьма отличных по своему облику от крупных протогородских центров типа Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе (Щетенко, 1968б, с.29). Лансуйский оазис, яркий пример расселения древневосточного типа, где центром экономической, культурной и политической жизни выступает крупный город, в данном случае - Намазга-депе, и в несколько зависимом положении от него, сельская округа, состоящая из мелких поселений.

По результатам исследований Роберта Мак Адамса, Урук и Ур и другие города юга Месопотамии в старовавилонские времена окружали десятки мелких поселений, размеры которых составляли от 1,5 до 4 га (Adams and Nissen, 1972) Такая картина характерна и для древней Индии.

Но такие крупные раннегородские центры как Алтын-депе и Улуг-депе не имели сельскую округу.

В целом, количество мелких поселений юпмападного Туркменистана в эпоху бронзы уменьшается по сравнению с эпохой энеолита. Этот факт Е. М. Массон объясняет двумя причинами: либо они "полностью погребены аллювиально-делювиальными отложениями, или разрушены при планировке полей последующих эпох" (Массон, 1981, с 96).

По-видимому, объяснение данного факта более сложное, чем нам представляется, оно связано с социальной историей и, возможно, с образованием примитивных политических устройств.

К. Ламберг-Карловски в одной из своих последних публикаций обратил внимание на подобную ситуацию, происходившую в позднеурукское время в южной Месопотамии, где "десятки тысяч жителей маленьких сельских поселений", "покинули свои дома и ушли на юг", а в юпмападном Иране он отмечает сопоставимое "крупное уменьшение населения", ссылаясь на более

раннюю работу Р.Мк. Адамса (Ламберг-Карловски, 1990, с. 8; Adams, 1981, с. 70).

"Идентичные демографическим колебаниям в "сердце" Шумера, как кажется -несколько позднее изменения происходят в Сузиане", - пишет К. Ламберг-Карловски (Ламберг-Карловски, 1990, с. 8).

Нам представляется что еще позднее, такая же ситуация происходит в Южной Туркмении в эпоху Намазга V.

Данная ситуация, на первый взгляд, противоречит закономерности поступательного движения общества, которая по-видимому, должна объясняться своеобразным механизмом образования ранних городских центров, происходивших в это время.

На наш взгляд, очень ценны наблюдения И.М. Дьяконова относящиеся к механизму становления ранних городов Месопотамии, как нельзя просто он объясняет этот процесс "в раннединастический период, то есть, после синойкизма древнейших общин и образования городов, таких семейно-общинных поселений вне городских стен почти не стало, они появляются вновь в Месопотамии лишь с ростом безопасности в пределах более крупных держав, особенно, как уже упоминалось, при III династии Ура" (Дьяконов, 1973, с 32).

Ранние города юга Средней Азии времени Намазга V - Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе, позднее и Джаркутан сперва поглощают свою сельскую округу. Позднее, когда ранние города достигают своего расцвета, определенного уровня социальной жизни, политической структуры когда обеспечивается безопасность не только самого города, но и всей округи, тогда начинается сегментация общества, отделяются большие патриархальные семьи от городской общины и поселяются за пределами города, что наблюдается вокруг Намазга-депе. В археологии они представлены маленькими "дочерними холмами", по сравнению с крупными городами. Этот процесс в истории сложения городской культуры Средней Азии повторяется несколько раз: в эпоху Намазга VI, РЖВ I и II и в эпоху античности. (Пилипко, 1984, с 22; Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с 634:5) Этот цикл повторялся до тех пор, пока не появились крупные промышленные города.

Основными экономическими и социальными ячейками общества эпохи поздней бронзы и РЖВ являлись, именно эти, большие патриархальные семьи, которые постоянно стремились освободиться от зависимого положения крупной родовой общины.

Таким образом, в юго-западной Туркмении, древней традиционной земледельческой зоне, количество оазисов почти не меняется хотя количество памятников несколько уменьшается по сравнению с энеолитическими, но как указывалось выше, размеры некоторых памятников возрастают в несколько десятков раз.

2.2. Оазисная система расселения Маргиана.

В эпоху поздней бронзы в Средней Азии и, прилегающих к ней территориях, наблюдается массовая миграция шеман в Аргиану и Бактрию. Осваиваются новые оазисы.

В Маргиане памятники в основном расположены в бассейне реки Мургаб и относятся к концу времени Намазга V и Намазга VI (Массон, 1956, с. 23-28; Сарияниди, 1990, с. 71-74; Удеимурадов, 1989, с. 11-15).

В настоящее время в низовьях Мургаба выявлено более ста памятников эпохи поздней бронзы, которые группируются в десяти мшрооазисах (Сарияниди, 1990; Масимов, 1990, с. 171-181; Удеимурадов, 1989, с. 6).

Изучение памятников Маргианы было начато еще в середине 50-х годов. В.М. Массоной маргианские комплексы были выделены как мургабский вариант культуры Намазга VI и разделены на два периода - ранний (аучинский - 1600-1300 гг. до н. э.) и поздний (тахирбайский - 1300-100 гг. до н. э.) (Массон, 1959, с. 23-28)

В.И. Сарияниди их разделяет на три комплекса: келлелийский (1750-1500 гг. до н.э.) гонурский (1500-1250 гг. до н. э.) и тоголокский (1250-1000 гг. до н. э.) (Сарияниди, 1990, с. 74).

Судя по количеству оазисов и памятников "центр жизни в пору Намазга VI перемещается из традиционно земледельческих оазисов южного Туркменистана в бассейн р. Мургаб, одновременно свидетельствуя о переходе от оазисной ирригации к освоению крупных долинных рек" (Сарияниди, 1990, с. 77-78).

Памятники Маргианы морфологически несколько отличаются от памятников юга Туркмении и Древнего Востока в целом, они в основном однослойные, в связи с чем, в них отражена материальная культура только эпохи поздней бронзы.

В культурных отложениях памятников эпохи бронзы Маргианы, также как и Бактрии, отсутствуют ранние энеолитические и неолитические слои, а также поздние, перекрывающие их слои раннежелезного века. Это обстоятельство отразилось на сохранности культурного слоя, который подвергся эрозии, денудации и почти не сохранился. Только на некоторых крупных памятниках мощность культурного слоя едва достигает 4 метров (Гонур I), тогда как на памятниках традиционной древней земледельческой зоны он достигает до 30 метров (Улуг-депе) (Массон, 1951, с. 13).

Уместно отметить, что в древней Месопотамии бытовала традиция строить города на вершинах холмов, на старых обжитых местах.

А. Оппенгейм этот факт объясняет как "характерную черту культуры", а не требованиями культа (Оппенгейм, 1990, с. 104).

Возможно, экономическая необходимость заставила древнее население отказаться от этих стереотипов, сильно задерживавших расширение земельных угодий, что было жизненно необходимым для обеспечения функционирования и развития общества, в связи с чем и началась массовая миграция из старых засиженных мест на новые - Маргиану, Бактрию.

Многолетние исследования В.И. Сарияниди показали, что оазисы в Маргиане оформлены совершеннее по сравнению с оазисами южной Туркмении.

В каждом оазисе выделяется одно крупное "столичное" поселение, вокруг которого компактно расположены группы мелких поселений. Количество памятников в них разное - от 3 до 30. Наиболее крупными оазисами являются Гонурский, Тоголокский, Тахирбайский и Аучинский, где расположено от 15 до 30 памятников. Оазисы средних мощностей имеют около 10 поселений, малые - всего 3 (Сарияниди, 1990, с. 7-58).

Морфологически памятники Маргианы разделяются на два типа: крупные с усложненной топографией, площадь которых более 10 га и мелкие, с площадью от 0,5 до 2 га. Вторая группа памятников составляет подавляющее большинство. Примечательной спецификой археологических комплексов Маргианы является то, что здесь рядом расположены поселения оседлоземледельческой и степной скотоводческой культур. Последние представлены как развешенные стоянки в виде скопления керамики и других остатков быта. Это наблюдается около Гонур 1,14, Аучинском оазисе как развешенная стоянка или же перемешанные комплексы, Тоголок 2, Тахирбай 12 и др (Сарияниди, 1990, с. 26,34,45,57).

Наиболее интересным памятником является Гонур 1. Судя по топографии он был ранним городом.

Гонур 1 занимает более 20 га территории, где четко выделяются цитадель - "кремль", жилые и ремесленные кварталы. Он был центром всего гонурского оазиса (Сарияниди, 1990, с 14 и ел, рис. 14).

Другим ранним городом Маргианы является Тоголок 1 площадью 12 гектаров, центр тоголокского оазиса (Сарияниди, 1990, с. 34, рис. 7). Очень интересным памятником тоголокского оазиса является Тоголок 21. Благодаря последовательной работе В.И. Сарияниди, этот памятник вскрыт полностью. Результаты раскопок оказались совершенно неожиданными. Он является одним из древнейших храмовых комплексов не только Маргианы, но и Средней Азии в целом.

В.И. Сарияниди характер культа храма Тоголок 21 определяет как протозороастрийский (Сарияниди, 1989, с 152 и ел; 1990, с. 102-105). Вне всякого сомнения храм Тоголок 21 является культовым, возможно, индоиранского толка.

Нам кажется, что храм Тоголок 21 был культовым, идеологическим центром не только тоголокского оазиса, но и всех оазисов низовья р. Мургаб, возможно даже и Маргианы.

Таким образом, "во II тыс. до н. э. центр жизни перемещается из традиционно земледельческих центров южного Туркменистана в древнюю дельту р. Мургаб, где складывается многолюдная, процветающая страна, упоминаемая в Бехистунской надписи под названием "Страна Маргуш" (Сарияниди, 1990, с. 5)

2.3. Оазисная система расселения Северная Бактрия

В последние годы открыта земледельческая культура эпохи бронзы на юге Узбекистана (Аскарлов, 1973; 1973 а). В 1968 году Л. И. Альбаумом было открыто поселение Сапалли-тепа, а в 1969-1974 гг. здесь велись стационарные раскопки под руководством А. Аскарлова (Аскарлов, 1973; 1974). На материалах Сапалли-тепа выявлена сапаллинская культура (Аскарлов, 1976, с 6).

Памятники эпохи бронзы юга Узбекистана четко распределены по бассейнам мелких саев и ручьев, берущих начало на Кухитангтау и Байсунтау, и некогда, доходивших до Амударьи и Сурхандарьи. Месторасположение их в отношении гор и крупных рек с удивительной точностью сходно со схемой расселения памятников предгорий Копетдага, юго-западного Туркменистана. Они расположены на берегу маленьких саев и ручьев, в равнинной части предгорной зоны, в 4-5 км от гор Кухитанга и Байсунтау и крупных рек Амударьи и Сурхандарьи.

Такое жесткое требование к расселению было продиктовано природными условиями, условиями ведения оседлого земледелия и скотоводства, культурной традицией и уровнем развития техники и т.д.

А. Аскарлов выделяет в эпоху бронзы для южного Узбекистана три земледельческих оазиса: Шерабадский, Бандиханский и Шурчинский (Аскарлов, 1977, с 9-12, рис. 1). А. Аскарлов в более ранних публикациях предполагал также, и четвертый оазис - Денаусский (Аскарлов, 1975, с 115) от которого в дальнейшем отказался.

А. Сагдуллаев выделяет четыре оазиса: Музрабадский, Шерабадский, Бандиханский, Миршадинский (Сагдуллаев, 1978, с. 31-33) Э.В. Ргвеладзе также выделяет четыре оазиса: Уланбулакский (Музрабадский) Шерабадский, Хажаджарский (Миршадинский) и Гиссарский (Пугаченкова, Ргвеладзе, 1990, с. 14).

Районирование памятников по ирригационным оазисам вышеперечисленных авторов по сути верно отражает систему расселения в эпоху бронзы, но эти разработки требуют некоторой конкретизации, к тому же, они не учитывают оазисы, функционировавшие за пределами южного Узбекистана - южный Таджикистан, северный Афганистан, которые вместе составляли одну единую Бактрийскую цивилизацию.

А. Аскарлов, по сути объединяет в одно целое два оазиса Уланбулакский и Шерабадский. Система мелкооазисного расселения столь характерная для юга Средней Азии, как рассматривалось выше в юго-западной Туркмении и Маргиане, убеждает нас и разделяет Шерабадский земледельческий оазис на два самостоятельных микрооазиса - Уланбулаксайский и Бустансайский.

Иерархия поселений, где выделяется один крупный столичный памятник, Сапалли-тепа на Уланбулаксае, Джаркутане на Бустансае и вытекающая из этого социально-экономическая структура общества, также свидетельствует о том, что эти оазисы функционировали самостоятельно.

А. Сагдуллаев выделяет кроме указанных оазисов еще и четвертый Бандиханский, расположенный в предгорьях Байсунтау (Сагдуллаев, 1978а, с 3).

Э.В. Ргвеладзе совершенно справедливо выделяет еще и пятый

земледельческий оазис северной Бактрии - Гиссарский, расположенный на территории Таджикистана (Пугаченкова, Ргвеладзе, 1990, с 14).

Археологические открытия последних лет позволяют выделить седьмой - Нурекский земледельческий оазис, где расположены четыре поселения и могильники, материальная культура последних отражает молалинский этап сапаллинской культуры (Пьянкова, 1989, с. 8-9). Отдельные находки сапаллинской культуры найдены в средней течи р. Вахш и Яван-су (Пьянкова, 1989, с. 8-9, рис. 1) что свидетельствует о движении оседлоземледельческих племен в восточном направлении.

Перечет памятников сапаллинской культуры в северной Бактрии насчитывают более 20, из них десять - могильники. Кроме того, найдены единичные находки в некоторых пунктах, которые в целом свидетельствуют о следах племен древнеземледельческой культуры. Таким образом, география археологических памятников позволяет нам выделить семь земледельческих оазисов в пределах северной Бактрии.

В каждом земледельческом оазисе, как это наблюдается в Маргиане, юго-западной Туркмении, выделяются столичные памятники - Сапалли, Джаркутан, Моллали, Буйрачи 1, размер которых от 8-9 га до 100 га.

Ли Аскарлов памятники эпохи бронзы юга Узбекистана разделяет на три типа: 1) поселения с крепостью (от 4 до 50 га); 2) неукрепленные поселения (Ц2-2 га); 3) сильно укрепленные поселения небольшого размера (ОД га) (Аскарлов, 1976, с. 8).

В связи с накоплением новых материалов, а также учитывая морфологические данные памятников юга Средней Азии в целом, мы предлагаем следующую типологию: 1) мини-поселения площадью от 0,2 до 1 гектара - Кичш-тепа, Куль-тепа, Бустан 4 и др; 2) мелкие поселения площадью от 1 до 3 га - Кизилджар-тепа; 3) средние поселения площадью от 3 до 6 га - Сапалли-тепа; 4) большие поселения с площадью от 6 до 10 га - Моллали, Буйрачи; 5) крупные поселения площадью несколько десятков гектаров - Джаркутан (поселения и некрополь) -100 га, стоят особняком от всего остального.

Судя по материалам, одним из ранних памятников оседлоземледельческой культуры северной Бактрии является Сапалли-тепа. По всей вероятности, он играл доминирующую роль в социально-экономической жизни Уланбулакского оазиса. Уланбулаксай - маленькая горная речка, берущая начало в горах Кухитангтау и впадающая в Амударью. На берегу этого ручья расположены Сапалли-тепа и Куль-тепа, Кичик-тепа. К сожалению, последние два, безжалостно уничтожены во время освоения целины, да и от Сапалли-тепа уцелела лишь крепостная часть.

Сапалли-тепа представляет собой сильно оплывший холм, площадью 4 га. Центральная часть поселения составляет в плане квадратную планировку размером 82x82 м. Поселение обнесено мощными оборонительными стенами, которые образуют сложное фортификационное сооружение. Внутри крепостных стен строились жилища, различные хозяйственные помещения, которые разделены улицами на 8 кварталов. Стены помещений и

оборонительные стены построены из пахсы и сырцового кирпича, размеры которых 42x10x22 см, 44x12x20 см, 46x13x22 см. Жилые комнаты имеют прямоугольную форму, небольшие размеры 2Дх5,0 м, 2,4х4,0 м и т. д. На поселении прослеживается три строительных периода. В Сапалли исследованы 138 могил. Погребения в основном катакомбные и подбойные, находятся под полом жилых помещений (Аскарлов, 1971).

Анализ археологических материалов позволяет датировать Сапалли-тепа временем поздней Намазга V и ранней Намазга VI (Аскарлов, 1977, с 101).

Бустансайский (Шерабадский по А. Аскарлову) оазис расположен в 25-30 км к востоку от Уланбулаксайского. Памятники находятся вдоль обоих берегов Бустансая - одного из дельтовых разветвлений Шерабаддарьи, некогда доходившего до Амударьи. Этот оазис является одним из благоприятнейших районов для земледелия. Река Бустансай некогда протекала широким разливом; ширина сухого русла местами доходит до 2-3 км. Еще в эпоху первых освоений земледелие велось именно на территории сухого русла, на плодородных почвах речного отложения В эпоху бронзы Бустансай превратился в маловодный сай, блуждающий по середине своего же сухого русла.

Джаркутан - столичный памятник Бустансайского оазиса, на сапаллинском и джаркутанском этапах сапаллинской культуры - функционировал совершенно одиноко, как Алтын-депе и Улуг-депе юго-западного Туркменистана, без округи; мелкие поселения появились лишь на моллалинском этапе - Бустан IV. Он расположен на левом берегу высохшего русла Бустансая, на естественных холмах. На этих отдельных холмах легко читаются так называемые остатки отдельных общинных поселений, "цитадели", храм, ремесленные массивы, некрополь и другие строения Оборонительная стена для всего поселения отсутствует. Центральное ядро памятника - "цитадель" занимает около 3 га территории, имеет вокруг крепостную стену.

До настоящего времени исследовано более 1500 погребений, проведены зондаж-шурфовки на 19 участках (Рахманов, 1987, с. 4; Ионесов, 1990, с. 3), полностью вскрыты общинный поселок (холм 5), храм (холм 6), "дворец" (цитадель) и другие объекты.

Материалы раскопок некрополя и поселения позволили выявить три хронологические этапа Джаркутана - Джаркутанский (1500-1350 гг. до н.э.) Кузалинский (1350-1200 гг. до н. э.) и Моллалинский (1200-1000 гг. до н.э.) (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 32-44).

Группа памятников Бустан 1-5 расположена напротив Джаркутана, на правом берегу Бустансая, они вытянуты на территории длиной около 3 км, при ширине 50-100 м.

Раскопки бустанской группы памятников начаты в 1975 году, вскрыто 38 погребений, относящихся к моллалинскому этапу сапаллинской культуры (Аскарлов, 1977, с. 57-59). У. Рахмановым в 1977 году проводились раскопки на поселении Бустан 4, где были выявлены шесть керамических обжигательных печей (Рахманов, 1979, с. 35-40; 1981, с. 142-143).

Бустансайский оазис является экономически наиболее развитым по сравнению с другими оазисами. Именно здесь формируется раннегородской

центр Джаркутан, достигший гигантских размеров.

Третий земледельческий оазис северной Бактрии - Халкаджарский, расположен примерно в 60 км к востоку от Бустансайского оазиса. Памятники этого оазиса находятся на берегу дельтовых притоков р. Халкаджарская, некогда впадавшего в р. Сурхандарью.

В 1970 году археолог Б. Тургунов открыл поселение и могильник Моллали (Беляева, Хакимов, 1973, с 40-43).

В дальнейшем он изучался А. Сагдуллаевым. Поселение Моллали имело площадь около 8-9 га, Буйрачи 1 - 10 га, другие мелкие поселения 0,2-2,0 га (Сагдуллаев, 1978, с 30-32). Оазис функционировал в моллалинском этапе сапаллинской культуры.

Халкаджарский оазис, судя по иерархии поселений, разделяется на две группы: Моллалинскую, со столичным памятником Моллали, и Кизилсайскую с главным памятником Буйрачи 1.

Возможно, перед нами два микрооазиса, близко расположенных друг к другу.

Четвертый земледельческий оазис, расположенный на территории южного Узбекистана - Сангардакский, занимает крайнюю восточную зону долины Сурхана. Сангардакский земледельческий оазис, судя по имеющимся на сегодня источникам, выражен очень слабо. Хотя плохо сохранившийся могильник Хотаитой и одиночные погребения, обнаруженные в нижних слоях бековской крепости Денау (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с 14) не дают оснований на выделение самостоятельного оазиса, но они решительным образом сигнализируют о наличии земледельческих поселений. Возможно, они безвозвратно уничтожены при вторичном освоении этих территорий нашими современниками.

Два последних земледельческих оазиса расположены на территории южного Таджикистана, в бассейнах рек Карасу и Вахша.

В Гиссарском и Нурекском оазисах в эпоху бронзы еще не сформировались крупные столичные поселения. Территория их была освоена в конце эпохи бронзы; не очень благоприятная среда для развития земледелия не обеспечивала того экономического базиса, который мог бы способствовать сложению крупного столичного поселения.

В Гиссарской долине обнаружены два могильника - Тандырйул и Заркамар, облик материальной культуры которых характеризует оседлоземледельческую культуру (Литвинский, Антонова, Виноградова, 1976, с 567-568; Антонова, Виноградова, 1979, с 98-109). Несколько сосудов найдено при строительных работах вблизи г. Орджоникидзебада (Пьянкова, 1989, с. 8). Все они относятся к периоду Моллали сапаллинской культуры, очагом формирования которой был южный Узбекистан. "Появление их в Гиссарской долине и по среднему течению реки Вахш связано, - пишет Л. Т. Пьянкова, - вероятно, с расселением сапаллинцев на северо-восток (вверх по долине Сурхандарьи) на позднем этапе существования этой культуры" (Пьянкова, 1989).

В Гиссарском оазисе поселений пока не обнаружено, но, по-видимому,

данный факт не должен ставить под сомнение земледельческий характер оазиса в рассматриваемой эпохе.

В Нурекском оазисе зафиксированы три поселения и один могильник оседлоземледельческой культуры Все они расположены в среднем течении р Вахш.

В 1974 году был найден могильник около г. Нурек. Были обнаружены: серия керамических сосудов, лазуритовые бусы, каменные терки, отбойники и др. Гончарная керамика могильника по своему облику ничем не отличается от керамики моллалинского этапа сапаллинской культуры, что позволяет датировать нурекский могильник последней четверти II тыс. до н. э. (Пьянкова, 1978, с. 542-543; 1979, с 78-92).

Другой памятник Нурекского оазиса, Кангур-тут, является одним из четырех поселений среди могильников эпохи бронзы южного Таджикистана (Виноградова, Пьянкова, Самойлик, Мельникова, 1979, с. 576). Там вскрыты остатки каменных стен. Керамика в основном станковая белофонная В керамическом комплексе Кангур-тута имеется много фрагментов, покрытых орнаментом, характерным для "степной бронзы". Памятник датируется временем Намазга VI (Пьянкова, 1983, с. 12-13; 1989, с. 9).

Другой аналогичный памятник - Тегузак расположен в горной местности южного Таджикистана. Керамический материал из этого памятника свидетельствует, что он в большей степени относится к ореалу носителей культуры скотоводов "степной бронзы" (Пьянкова, 1981, с. 479; Ж с. 41-64). Здесь представлена только "оседлоземледельческая керамика, по предварительным наблюдениям более ранняя, чем в Тегузаке и Кангурлуте" (Пьянкова, 1989, с. 9).

По всей вероятности, низовья р. Вахш также были освоены земледельческими племенами в эпоху поздней бронзы. "Два погребения с керамикой типа Моллали и украшениями открыты Б.А. Литвинским - в Шартузском районе в Кизляр-тепа, на крайнем юго-западе республики" (Пьянкова, 1989, с. 8). Но пока недостаточно материалов, свидетельствующих о том, что здесь в эпоху бронзы функционировал земледельческий оазис.

Южный Таджикистан в рассматриваемой эпохе был заселен племенами с разным хозяйственным укладом.

А.М. Мандельштамом в 1955-1959 годах в Бишкентской долине, расположенной в низовьях р. Вахш, в Шартузском районе, были изучены Ранний Гульхар и Аруктауский могильники эпохи бронзы, относящиеся ко второй половине II тыс. до н.э. (Мандельштам, 1959, с 72-82; 1968). Изучение материалов этих памятников позволили выделить культуру скотоводческого облика со следами влияния носителей земледельческих культур - бишкентская (Мандельштам, 1968).

В 1961-1967 гг. Южно-Туркменской экспедицией, под руководством Б.А. Литвинского, в низовьях Вахша проводились раскопки могильника эпохи бронзы: Мокони-Мор, Ой-куль, Джар-Куль, Тигровая балка и др, - материалы которых характеризуют скотоводческие племена в литературе именуемые «вахшской археологической культурой» (Литвинский, 1964, с 158).

Могильник Тигровая баша наиболее крупный из могильников Вахшской культуры, находится на правом берегу р. Вахш, где раскопано 116 курганов. Могильник Тигровая балка датируется второй половиной II тыс. до н.э. (Литвинский, 1964, с 158; 1967а, с 126-127; Пьянкова, 1978, с 67 и сл.).

Памятники Вахшской и Бишкентской культур, носителями которых являются скотоводческие племена, расположены именно в низовьях р. Вахш, где были зафиксированы несколько пунктов земледельческой культуры, что свидетельствует об освоении этой территории в эпоху поздней бронзы.

По настоящему экономический потенциал нижнего Вахша проявляется в эпоху раннежелезного века, когда здесь функционировали три земледельческих оазиса - Вахшский, Нижнекафирниганский и Кизилсуйский (Сагдуллаев, 1989).

Как видно из обзора памятников эпохи бронзы северо-восточной Бактрии, они делятся на три группы: скотоводческую (Бишкентская, Вахшская), скотоводческо-земледельческую (Тегузак) и земледельческо-скотоводческую (Кангур-"гут, Тандырайул, Нурек, Дахана).

2.4. Оазисная система расселения. Южная Бактрия.

В 1969-1978 годах сотрудниками советско-афганской экспедиции института археологии АН СССР проведены крупномасштабные исследования на территории северного Афганистана - южной Бактрии.

В.И. Сарианиди исследовал более 40 памятников эпохи бронзы, которые были сосредоточены в Давлетабадском, Фарухабадском, Дашлинском, Ничкинском древнеземледельческих оазисах (Сарианиди, 1976; 1977).

История материальной культуры эпохи бронзы северного Афганистана по сравнению с другими регионами, расположенными за пределами Средней Азии, благодаря трудам В.И. Сарианиди, хорошо знакома читателям.

Материальная культура эпохи бронзы северного Афганистана идентична южно-узбекистанской и составляет вместе одно целое - Бактрийскую культуру.

Южная Бактрия, как и северная, оседлоземледельческими племенами осваивается в эпоху поздней бронзы - во II тыс. до н.э. (Сарианиди, 1977, с.22). Но следы человеческого обитания прослеживаются на территории северного Афганистана с эпохи мустье и верхнего палеолита (Сарианиди, 1977, с.7-11).

А.В. Виноградовым зафиксировано несколько десятков развешанных стоянок неолитического времени (Виноградов, 1979, с 7-62). Однако, материальная культура этих стоянок является следами бродячих неолитических охотников; они генетически не взаимосвязаны с племенами оседлоземледельческой культуры эпохи бронзы. Поселений неолитических земледельческих племен типа джейтунских там нет.

Оседлоземледельческие племена южной Бактрии для данной территории являются пришлыми. Они осваивали плодородную бактрийскую равнину вторично.

Система оазисного расселения, столь характерная для Средней Азии, проявляется и в южной Бактрии. Памятники эпохи бронзы сосредоточены в бассейнах небольших рек и ручьев, некогда доходивших до Амударьи - Ширин

Тагао, Балх, Балхоб, Акча и др. (Крутикова, Сарияниди, 1976, с 3-7, рисЛ; Сарияниди, 1976, с.23).

Давлатабадский оазис является наиболее западным из всех известных оазисов северного Афганистана. Памятники данного оазиса - Тикар 1, 2, 3 и Гирдай-тепе исследованы меньше, но имеют исключительно важное значение для изучения стратиграфии и хронологии напластований культурных слоев памятников эпохи бронзы северного Афганистана. Объекты имеют небольшие размеры: Тикар 1 имеет размеры 75x65, сохранившуюся высоту 3,5 м; Тикар 2 - 80x50 м, высоту около 2 метров; Тикар 3 - 65x55 м, при высоте около 3 метров; Гирдай-тепе - самый крупный среди них 100x95 м, при высоте около 4 м, он выделяется и по мощности культурного отложения, толщина которого составляет около 7 метров. Судя по микрорельефу, он имеет обводные стены, возможно по углам были расположены башни (Сарияниди, 1977, с. 23).

По-видимому, в Давлатабадском земледельческом оазисе Гирдайлгепе выполнял функцию центра столицы. В И. Сарияниди допускает возможность того, что остальные три поселения (Тикар 1,2,3) оазиса отпачковались именно от Гирдай-тепе - наиболее раннего памятника оазиса (Сарияниди, 1977, с. 25).

Полученные материалы из этих памятников позволили В. И. Сарияниди выделить два хронологических этапа: гирдайский и тикарский. Керамический комплекс гирдайского этапа синхронизируется с материалами Дашли 1,3 и Сапалли тепа, а Тикарский этап с поздним комплексом Дашлинского оазиса и, возможно, Джаркутанским, соответствующим комплексом позднего Намазга V и Намазга VI (Сарияниди 1977, с 22-26).

В Фарукабадском оазисе зафиксированы следы около 10 поселений, могильников, керамических обжигательных печей, небольшой серии керамических изделий, кремневых и каменных предметов (Сарияниди, 1977, с. 26-28)

Центральным среди них было поселение Фарукабад 1, размерами 1100x800 м, правда, культурный слой на поселении плохо сохранился. Остальные поселения размером едва доходят до 1 гектара.

Семь памятников эпохи бронзы, расположенные западнее от Фарукабадского оазиса, выделены В.И. Сарияниди, например, Ничинский оазис. По-видимому, эти оазисы составляют одно целое, территория распространения памятников не более 10 км², они базируются на двух водных артериях и напоминают географическое положение энеолитического Геоксюрского земледельческого оазиса южной Туркмении.

Дашлинский оазис наиболее крупный, расположен между Давлатабадским и Фарукабадскими оазисами, примерно в 30 км от р. Амударьи. В оазисе насчитывается около 40 памятников эпохи бронзы. Благодаря оптимальным экологическим ситуациям оазис функционировал в эпоху бронзы, раннего железа и античности.

В Дашлинском оазисе основные стационарные раскопки велись на поселениях Дашли 1 и 3. В Дашли 1 была вскрыта крепость, прямоугольная в плане, размерами 99x85 м, окруженная мощными стенами, усиленная полукруглыми башнями (Сарияниди, 1977, с 30-31). Планировка Дашлинской

крепости аналогичная дворцовым комплексам Джаркутана, если не считать незначительную разницу в размере последней (42x42 м) и квадратных башнях.

В Дашли 3 вскрыто монументальное дворцово-культовое сооружение - круглый храм - дворец имеющий огромное значение в изучении социально-политической истории древней Бактрии (Сарианиди, 1977, с.34-50).

Дашли 3 являлся, по-видимому, столичным памятником оазиса. Он наиболее крупный по размерам и имеет сильно усложненную внутреннюю структуру.

В.И. Сарианиди, в одной из последних публикаций, совершенно справедливо считает, что монументальное сооружение Дашли 3 является результатом достаточного прибавочного продукта в обществе (Sarianidi, 1990, p 112). По всей вероятности, Дашли 3 по характеру внутренней структуры уже не сельское поселение, а скорее всего, рассредоточенный ранний город дашлинского оазиса эпохи бронзы.

Характерной чертой дашлинского оазиса является и то, что здесь функционировали одновременно сразу несколько укрепленных поселений, крепости-поселения Дашли 1, 7, 8 и 14, тогда как в других оазисах они встречаются по одному. По-видимому, это объясняется тем, что Дашлинский оазис состоит из нескольких микрооазисов, о чем свидетельствует схема расположения памятников (Сарианиди, 1977, рис. 7).

Большая серия керамических, металлических и других изделий позволяет Дашли 1 и 3 и другие памятники оазиса датировать серединой и второй половиной II тыс. до н. э. (Сарианиди, 1977, с. 106).

Четвертым древнеземледельческим оазисом южной Бактрии является Шартугайский, расположенный на левобережье Амударьи в северо-восточном Афганистане.

Один из ключевых памятников древнебактрийской культуры - Шартугай. Французским археологом А.П. Франкфортом вскрыты четыре уровня культурных наслоений Шартугая, последовательно в хронологическом отношении сменявших друг друга, и соответствующие им археологические комплексы (Francfort, Pottier, 1978, p. 29-79). Все четыре археологических комплекса разделены на две фазы и датируются в пределах 2200-1800 гг. до н.э. (Франкфорт, 1982, с. 30; 1984, с. 230-231).

Материальная культура нижних слоев характеризуется как хараппская, а верхняя, как бактрийская, что свидетельствует о большом влиянии постхараппской культуры на формирование бактрийской цивилизации (Франкфорт, 1982, с 30-32).

Итак, древнейшая Бактрия состояла из 10 земледельческих оазисов, среди них, наиболее экономически развитыми являлись Бустансайский, Халкаджарский и Дашлинский. Именно на базе этих земледельческих оазисов впервые на этой территории формируются раннегородские центры, такие как Джаркутан и Дашли 3.

Экономические и культурные основы Бактрийской цивилизации, одной из наиболее ярких на Древнем Востоке, были заложены именно в эпоху бронзы. В дальнейшем эта страна в источниках описывается как "прекрасная, с высоко

поднятыми знаменами" (Авеста, Видевдат, I Фарград; Гафуров, 1972, с. 52).

Таким образом, на юге Средней Азии в эпоху бронзы процветало около 30 земледельческих оазисов, которые являлись жемчужиной оседлоземледельческой культуры, фундаментом среднеазиатской или т. н. "туранской" цивилизации.

Оазисная система расселения юга Средней Азии характеризуется освоением гидроресурсов небольших рек и ручьев, их дельтовых разветвлений, саев. По существу, крупные реки Средней Азии: Амударья и Сырдарья, - в эпоху бронзы не были использованы. Уровень развития техники не позволял пользоваться водами крупных рек.

Такая система расселения характерна также для южного Афганистана, Иранского плато, Элама, что объясняется общностью экологического оптимума и культурных традиций.

2.5. Хозяйство и ремесла

Хозяйство в оазисах было комплексным, но ведущей отраслью было поливное земледелие. Сооружались ирригационные каналы, следы которых зафиксированы на Джаркутане. В низовьях Амударьи (Андрианов, 1969, с 102-113) обработка почвы производилась роговыми и каменными мотыгами. Не исключено, что в эпоху Намазга VI на юге Средней Азии существовали и деревянные упряжные пахотные орудия, подтверждением этому служит каменный наконечник сохи, найденный в Джаркутане (Аскаров, Шириной, 1983, с 13-17; Ширинов, 1986, с. 89) сосуд с изображением пахотной сцены, обнаруженный в северном Афганистане (Deshays, 1976, с 95-111, рис. 7-8) Косвенным свидетельством использования тягловой силы во вспахивании почвы, могут служить глиняные модели повозок, найденные в южном Туркменистане (Массон, 1981, с. 97), а также высокий в целом общий уровень культуры (Сарианиди, 1977, с 130).

В северной Бактрии культивировалась карликовая мягкая пшеница, ячмень, просо, виноград и джида (Аскаров, 1973, с 130; 1977, с. 117-118), в южной Бактрии - ячмень, карликовая пшеница (Сарианиди, 1977, с 130), в южной Туркмении - голозерный ячмень, мягкая карликовая пшеница, виноград и нут (Массон, 1981, с. 97).

Уборка урожая осуществлялась костяными, деревянными, возможно и бронзовыми серпами, о чем свидетельствует серп, найденный на Алтын-депе (Семенов, 1974, с 245; Ширинов, 1986, с 102). Переработка зерновых осуществлялась с помощью зернотерок, ступок и пестиков, которые в изобилии встречаются в памятниках земледельческой культуры (Ширинов, 1986).

Удельный вес скотоводства в хозяйстве земледельческих обществ в зависимости от места расположения поселения был разным, исходя из этого же фактора различным был и состав стада.

В памятниках встречаются с устойчивой постоянностью следующие виды домашних животных: корова, бык, овца, коза, свинья, верблюд, осел, собака и др.

Охота в жизни племен эпохи бронзы еще полностью не потеряла своего значения. Охотились на оленя, кулана, джейрана, кабана, сайгака, муфлона, горного козла и др. (Аскарлов, 1977, с 120-121; Массон, 1981, с 98) В дашлинском оазисе было известно и рыболовство (Сарианиди, 1977, с. 130).

Поливное земледелие и применение тягловой силы в пахоте привели к резкому увеличению урожайности земледельческих культур, что не только обеспечивало продуктами питания общество, но и образовывало излишки из года в год. Все это, несомненно, отражалось на социальной структуре общества; стал появляться целый пласт населения не занятого сельхозработой - ремесленники, правители, жрецы и др.

Именно в это время, в эпоху бронзы, наблюдается бурный рост во многих отраслях ремесленного производства. Эпоха поздней бронзы является эпохой расцвета гончарного ремесла. Благодаря применению быстро вращающегося гончарного станка, управлению теплотехникой при обжиге, удачному выбору глины, стало возможным изготовление высококачественных тонкостенных, легковесных и разнообразных по форме керамических изделий, по функциональному назначению было более 20. Стали появляться мастера-керамисты, имеющие свою собственную традицию, школу; продукция их отмечалась специальными знаками. А. Аскарлов пишет: ".каждый квартал имел одну керамическую мастерскую со своим знаком мастера или тамгой мастерской, ложно предполагать, что каждая керамическая мастерская помечала продукцию особым знаком" (Аскарлов, 1977, с. 131).

В крупных раннегородских центрах, таких как Алтын-депе (Масимов, 1973), Гонур I, Тоголок 1 (Сарианиди, 1990, с. 15,40-43, рис.4), Джаркутан появляются кварталы керамистов. В эпоху поздней бронзы в период Моллали-Бустан появляются поселения, специализирующиеся только на выпуске гончарной продукции. К таким, например, относятся: Бустан 4 в северной Бактрии (Рахманов, 1979, с 27-30) и некоторые поселения Маргианы - Гонур 10, Тоголок 5, Тахирбай 8 и др. (Сарианиди, 1990, с 34,46,56).

Наиболее развитым видом ремесла после гончарного, в земледельческих обществах юга Средней Азии в эпоху бронзы была металлургия.

На Сапалли-тепа, Джаркутане, Чуετε и в других памятниках оседлоземледельческой культуры юга Средней Азии обнаружено большое число специализированных орудий, используемых в металлургическом производстве: колотушки, молоты, рудотерки, формы для отливок и другие предметы (шлаки, сопла, тигли, печи и металлические изделия) (Ширинов, 1986, с. 107). А. Аскарлов обнаружил в Сапалли-тепа мастерскую по выплавке металла (Аскарлов, 1977, с. 123).

На Джаркутане внутри дворца, в храме зафиксированы металлургические мастерские, найдено несколько тиглей, использованных в металлоплавке.

По-видимому, некоторые мелкие поселения Маргианы (Гонур 13) были специализированы на производстве металлоплавки и литья (Сарианиди, 1990, с. 34).

В эпоху бронзы в Средней Азии функционировало несколько центров медно-рудной выработки: внутренние Кизил-кумы, Зирабулак - Каратюба,

Чаткали - Куража и Фергана, которые снабжали полуфабрикатами и слитками весь регион (Рузанов, 1988, с. 52-56) Возможно, металлурги Бактрии и Маргианы, пользовались южными центрами выработки, расположенными на территории Хоросана.

К наиболее рано выделившемуся виду ремесла следует отнести изготовление и обработку каменных изделий, т. е. этот вид ремесла включал в себя изготовление орудий труда и оружия - зернотерок, мотыг, серпов, наконечников стрел, ядер для пращ и т. д. Специальных мастерских по обработке камня в пределах поселений памятников эпохи бронзы Средней Азии пока не обнаружено. Возможно, они существовали вне границ поселения и, скорее всего, даже вблизи сырьевых баз. В эпоху бронзы отмечен наибольший расцвет ремесла по обработке камня. Однако в дальнейшем, с появлением железа, снижаются темпы его развития и затем вовсе перестают функционировать (Ширинов, 1986, с. 107-108).

Ткачество было одним из главных отраслей производства древнего общества. Во всех памятниках эпохи бронзы найдены биконические пряслица, использованные на ткацких станках. На Сапалли-тепа обнаружены фрагменты тканей и два сосуда с отпечатками кусочков тканей на придонной части (Аскарлов, 1977, с. 126, рис. 35). Сосуды со следами отпечатков тканей были найдены на Дальверзине. В Дальверзине и Чуэте обнаружено немалое количество орудий, связанных с ткачеством (веретено-диск, челнок, утки, пряслица и др.), они составляли от общего количества находок 9 и 10 процентов (Ширинов, 1986, с. 110).

Многочисленные биконические пряслица и другие предметы, использованные в ткачестве, остатки шелковых тканей, говорят о развитии на Сапалли-тепа и Джаркутане ткацкого ремесла. Возможно, южный Узбекистан входил в территорию ранних очагов шелководства (Аскарлов, 1977, с. 126).

Кожевешое производство имело мнотвековую традицию. В обработке кожи эпохи бронзы по-прежнему применялись кремневые орудия (Алтын-депе, Сапалли, Дашли 3) но не исключено использование и металлических (Ширинов, 1986, с. 110). "Большая потребность в коже, шерсти, смушке, сложность и трудоемкость обработки шкур, должны были сделать необходимым создание специальных мастерских, - заключает А. Аскарлов, - специализацию части населения, в первую очередь мужчин, на выделке шкур и кожи (Аскарлов, 1977, с. 125).

Таким образом, в Средней Азии II тысячелетие до н.э. является периодом отделения ремесла от земледелия и скотоводства. Одним из первых ремесленных производств, отделившимся от земледелия, сформированным как технологически, так и социально, являлись керамическое производство, металлургия, домостроительство и плотничество, ткачество и др, чему свидетельствуют ремесленные мастерские и кварталы в крупных городских центрах - Алтын-депе, Гонур I, Тоголок I, Джаркутан, и мелкие, специализированные на отдельные отрасли ремесла - Гонур 10, Тоголок 5, Тахирбай 9, Бустан 4 и др.

Специализация хозяйства стимулировала повышение производительности

труда, что привело к выработке излишков продуктов питания, предметов роскоши, обмену и торговле. В обществе появился целый ряд сословий не занятых аграрным, а также физическим трудом, что отразилось на материальной культуре ранних городов Средней Азии.

2.6. Обмен и торговля Древнейшие торговые пути Средней Азии (III-II тыс. до н.э.)

В налаживании регулярного обмена между племенами и формировании ранних торговых путей в Средней Азии исключительную роль играли нижеследующие факторы: 1) специализация хозяйств преимущественно на земледельческую или скотоводческую области; 2) отделение ремесла от земледелия; 3) рост производительности труда, обеспечивавший устойчивое накопление излишков продуктов питания; 4) стремление к накоплению богатств - украшения ювелирных изделий, иноземные товары и т.д. 5) глубокое социальное расслоение общества; 6) концентрация сырьевых ресурсов - минералов и металла только в некоторых районах и т.д.

Начало сложения регулярных торговых отношений между племенами, расположенными на определенном расстоянии друг от друга, можно отнести к эпохе бронзы, чему свидетельствуют археологические источники (Ширинов, 1990, с. 42-440).

Оседлоземледельческие и скотоводческие племена в основном, соответственно географической среде, располагались в южной и северной частях Средней Азии. Между ними были Кара-Куш и Кизил-Кумы. Однако, в Маргиане и в Бактрии эти племена буквально жили бок о бок, чему свидетельствуют развешенные стоянки скотоводческой степной культуры находящиеся рядом с памятниками оседлоземледельческой культуры (Сарианиди 1990; Пьянкова, 1989; Виноградова, Кузьмина, 1990 с. 126-151). Между ними и населением сопредельных территорий существовали контакты, связи, возможно, и торговые отношения (Ширинов, 1990, с. 42). Археологические факты свидетельствуют об их мирном сосуществовании (Сарианиди, 1975, с 20-29).

Обменная торговля между скотоводческими и оседлоземледельческими племенами способствовала более или менее устойчивым связям между северными и южными районами Средней Азии в эпоху бронзы во II тыс. до н.э. (Ширинов, 1990, с. 42). Свидетельством этому могут служить лепная андроновская посуда, найденная на оседлоземледельческих памятниках Маргианы (Сарианиди 1975, с. 20-29) и Бактрии (Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 126-151) с одной стороны, и, наличие высококачественной станковой керамической посуды и металлической булавы на тазабагьябских поселениях древнего Хорезма с другой (Итина, 1970, с.51).

В развитии региональной торговли в эпоху бронзы и в последующих периодах важную роль играла концентрация некоторых районов сырьевых баз редких минералов и металлов, изделия из которых имели повышенный интерес. Знаменитый Бадахшанский лазурит в III-II тыс. до н.э. через торговые пути

достигал городов Месопотамии и Египта (Сарианиди 1968, с 3-9; Ширинов, 1990, с 43). Лазурит, доставленный из Средней Азии в Иран, в ахеменидское время широко использовался для украшения царских дворцов, скульптур, мелких ювелирных поделок и т. д (Ставиский, 1971, с. 307).

Из Согдианы и Бактрии в страны Передней Азии поступали лазурит и сердолик, а из Хорезма бирюза. Ктесий упоминает бактрийца, занимающегося мелкой торговлей и обладающего сотнями самоцветов (Пьянков, 1975, с. 126-135; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 220). Из Бактрии в страны Ахеменидской державы поступало сибирское золото. Судя по сообщению Ктесия, в Бактрии были глубокие серебряные рудники (Пьянков, 1965, с. 35-50; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 220). Плиний сообщает, что в "Бактрии реки Ох и Оке несут с горы куски соли" (Плиний, Естественная история, ХХД 7/74-75). указывая на значительность солевых рудников на ее территории.

Объектами торговли в эпоху бронзы были полуфабрикаты из металла, сырьевые базы которых были сконцентрированы только в некоторых горнорудных районах - Кизил-Кумские горы, Зирабулак-Каратюбинский, Чаткало-Кураминский и Ферганский (Рузанов, 1989, с. 52-56), а также центрально Казахстанский и Ирано-Туркменский. Вероятно, из этих центров доставлялись медные полуфабрикаты мастерам-ремесленникам по всей Средней Азии. По-видимому, появляются специализированные мастерские металлургического производства - Гонур 13 и др. Готовые изделия из металла (бронза, серебро, золото) - орудия труда и оружие также пользовались повышенным спросом.

В эпоху поздней бронзы, в период моллали-бустан появляются поселения, специализировавшиеся на производстве керамических изделий, продукция которых шла на сбыт. Это Бустан 4 в северной Бактрии (Рахманов, 1979, с. 27-30) и некоторые мелкие поселения Маргианы - Гонур 10, Тоголок 5, Тахирбай 8 и др. (Сарианиди, 1990, с. 34,46,56).

Этот процесс характерен не только для Средней Азии, но и для всего Среднего Востока. "Так, Тепе-Яхья контролировал добычу и экспорт стеатита, Шахри-Сохте - лазурита, Тали-Иблис - металлургическое производство" (Сарианиди, 1977, с. 154).

Лазуритовые украшения, найденные на Заман баба, Гуджайли (Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с. 156, 180,181, 202) бесспорно свидетельствуют о существовании торговых путей между северными и южными районами Средней Азии (Ширинов, 1990, с. 42). Как известно, единственное местонахождение лазурита в Средней Азии находится на Бадахшане (Ферсман, 1954, с 270). об этой также свидетельствует химический анализ состава металлических изделий из Заман баба (Рузанов, 1987, с. 200). Кроме того об этом торговом пути могут свидетельствовать бирюзовые, лазуритовые и сердоликовые бусы, найденные на некоторых памятниках андроновской культуры, имеющие явное южное происхождение (Аванесова, 1990, с. 28).

Таким образом, одним из торговых путей эпохи бронзы Средней Азии было северное направление, которое связывало Бадахшан, Бактрию и Маргиану с древним Хорезмом, Согдом, вероятно и с центральным Казахстаном и

Уралом. Этот сухопутный путь был проложен по берегам Амударьи (Ширинов, 1990, с. 42). Позднее в эпоху античности был открыт судоходный путь по реке Амударья, связывавший Бактрию с Хорезмом (Вайнберг, 1990, с. 32).

В эпоху бронзы торговые связи переросли из внутрирегионного характера в трансконтинентальные. Товары из Месопотамии доставлялись в далекую Фергану, Китай и Индию, роль Средней Азии была здесь особенно важной из-за ее географического расположения.

В конце IV тыс. до н.э. функционировала разветвленная сеть торговых путей. Пучок торговых путей уходил в северном и восточном направлениях от древнешумерских городов Ур, Урук, Ниппур и Эламских Суз (Alden, 1982, р. 613-640). В дальнейшем, 3300-2800 гг. до н.э., торговые пути охватывают Иранское плато, границы которого выходят непосредственно на южные рубежи Средней Азии. Именно в это время усиливается социально-политическая роль протоэламитов в регионе, которые и контролировали сухопутные торговые пути (Alden, 1982, р. 613-640).

Американский специалист по Древнему Востоку Джон Алден отводит исключительную роль торговле при падении или же в подъеме развитых доисторических обществ (Alden, 1982, р. 613-640). На наш взгляд, значение торговли для ранних обществ сильно преувеличено.

Общеизвестно влияние Шумера и Элама на Восточный Иран, Белуджистан, долины Инда в III тыс. до н.э., позднее на Маргиану и Бактрию (Сарианиди, 1986, с. 34-46; Жарриж, 1982, с. 38).

О существовании торговых связей с Месопотамией могут свидетельствовать цилиндрические печати - амулеты, - показатели собственности найденные на памятниках Бактрии и Маргианы, и относящиеся к середине II тыс. до н.э. (Сарианиди, 1986, с. 34-46; Мейтарчян, 1984, с. 42). Цилиндрическая печать Джаркутана имеет прямую аналогию с цилиндрическими печатями Элама периода Джеидет-Наср (Мейтарчян, 1984, с. 42; Ширинов, 1990, с. 43).

В III тыс. до н.э. в Месопотамии был очень популярен бадахшанский лазурит. В Уре найдены таблички с упоминанием лазурита (Сарианиди, 1968, с. 7). Согласно древнешумерским мифам, правитель Урука требует от правителя Аратты прислать золото, серебро, строительные материалы и лазурит (Сарианиди, 1968, с. 6). Локализация местонахождения Аратты является одним из спорных вопросов. Ю.Б. Юсифов локализует Аратты в районе Урмийского озера на севере Ирана (Юсифов, 1967, с. 19-40). Другие исследователи местонахождение Аратты локализируют в зоне Кермана и Фарса. С.Н. Крамер первоначально локализовал Аратту на территории современного Луристана, а затем в северном Иране, в зоне Каспийского моря и Урмийского озера (Юсифов, 1987, с. 20-21). В.И. Сарианиди местонахождение этой страны локализует в Бадахшане (Сарианиди, 1968, с. 5; 1984, с. 86 и сл.; Sarianidi, 1974, р. 12-15).

Археологические факты как будто бы подтверждают правомерность последней точки зрения. Есть данные позволяющие проследить великий лазуритовый торговый путь от Бадахшана до городов Месопотамии (Ширинов,

1990, с. 43). Благодаря этому пути возникло земледельческое поселение Мундигак в южном Афганистане, где было найдено огромное количество лазуритовых украшений (Сарианиди, 1968, с. 7-8). Другим, более важным, пунктом в торговле был Шахри-Сохта, здесь этот драгоценный камень обрабатывали, о чем свидетельствуют отходы производства (Тоси, 1971, с. 26-27).

Таким образом, одним из путей продвижения лазурита в III тыс. до н. э. был путь от Бадахшана к юго-востоку - долина реки Хилменд, поселения Мундигак, Шахри-Сохта, далее к южным окраинам пустыни Дашти Луг, вероятно, поселение Тали Иблис и древние города Месопотамии: Ур, Урук, Киш, Лагаш и др. и так до самого Египта (Ширинов, 1990, с. 43).

Третий торговый путь связывал юг Средней Азии - Бактрию и Маргиану - с индийскими центрами городской цивилизации Хараппа, Мохенджодаро, с одной стороны, и северо-восточным и юго-западным Ираном с другой (Ширинов, 1990, с. 43).

В литературе известно мнение о влиянии Хараппской цивилизации на формирование бактрийско-маргианского раннегородского культурного очага эпохи бронзы (Массон, 1982, с. 11; Аскарлов, 1984, с. 87-97). Особенно это прослеживается в архитектурном стиле и планировке монументальных сооружений Джаркургана, Дании 1, Тоголок 21 и др. с хараппским Калибанганом и Сурхкода (Щетенко, 1979, с. 107 и сл., рис. 23-24).

Одним из важных пунктов, связывавших долину Инда с югом Средней Азии, было поселение Шартугай, расположенное на берегу р. Кокча в северном Афганистане. Нижние слои поселения характерны для хараппской культуры верхние для бактрийской (Frankfort, Potlier, 1978, p. 29-79; Франкфорт, Ж с. 30-32).

О торговых связях с Индией могут свидетельствовать каменные и металлические печати с изображением орла, найденные в Сапалли-тепа (Аскарлов, 1977, с. 210, табл. Щ 5, 8). имеющие близкую аналогию с печатями из Хараппы (Yak, 1940). Такие же печати найдены и в памятниках Маргианы (Сарианиди, 1976, с. 42-68).

В.М. Массон считает, что изображения на печати, найденной на Алтын-депе, могут быть протоиндийской письменностью (Массон, 1977, с. 147-155). К тому же, известные изделия из слоновой кости являются продукцией явно индийского импорта (Щетенко, 1970, с. 59-63; Гульмурадов, 1975, с. 73-77). Сердоликовые, т.е. "травленные" бусы, индийского происхождения, путем обменной торговли доходят до Урала и Сибири, через андроновцев Средней Азии (Аванесова, 1990, с. 28).

В свою очередь, на поселениях хараппской культуры, встречаются лазуритовые украшения (Маккей, 1951, с. 86), что лишнее раз свидетельствует о торговых связях Индии с югом Средней Азии.

Вероятно, индийские товары конца III-II тыс. до н.э. следовали по двум сухопутным транзитам на запад: первый, северо-западный, мог идти от Хараппы через Боланский проход, вдоль рек Кокча, Амударья, Мургаб, Герируд (Тешен) и достигал юга Средней Азии, северо-западного Ирана;

второй, западный - через Белуджистан, Мундигак, Шахри-Сохта, южная окраина пустыни Дашти Луг и города Месопотамии (Ширинов, 1990, с 43). Существовал также и морской путь, функционировавший от Лотхала до городов Двуречья (Маккей, 1951, с. 131-132; Rao, 1965).

Фергана и Чач, судя по археологическим материалам, только во II тыс. до н. э. были вовлечены в контакт с Древним Миром. Подтверждением этому служит Хакский и Афлатунский клад, а также другие отдельные находки из Ферганы (Ширинов, 1990, с. 44). Хакский клад состоит из шести предметов: бронзового кувшина, трех булавок, обломки ножа и стамески. Типологически, а также, и по химическому составу клад очень близок к металлическим изделиям Гиссар III северного Ирана. Здесь очевиден привозной характер его для Ферганы (Заднепровский, 1962, с 52-55). По своим внешним и внутренним признакам Афлатунский клад имеет общую параллель с материалами Гиссар III, что свидетельствует об устойчивых связях между Ферганой и южными рубежами Средней Азии, Ираном и даже Месопотамией. Каменные барельефные изображения змеи из кишлака Сох и по стилистике, и по семантике явно месопотамского происхождения (Воронец 1956, с 48-55, рис. 6).

Некоторые отдельные металлические изделия - нож, кинжал, кельт-лопатка, кирка, наконечники копий и др, найденные в Ферганской долине, а также Чимбайликский клад Ташкентского оазиса, и по форме, и по химическому составу, находят близкие аналогии с материалами степных культур Казахстана, Урала и Поволжья (Заднепровский, 1962, с 6,56-64; Рузанов, 1987, с. 201).

Кельт-лопатки, найденные в различных точках Ферганской долины и северо-восточного Казахстана, многие специалисты считают предметами китайского происхождения. Связь с Синьцзяном и северным Китаем (культура Лушань и Яныпаю) особенно усиливается в период расцвета Чустской культуры (Заднепровский, 1962, с. 106-107).

Таким образом, во II тыс. до н.э. до Ферганы дошел торговый путь, берущий начало от городов Месопотамии, через Иран, южную Среднюю Азию и т.д. Этот же путь уходил от Ферганы на Восток в Синьцзян, северный Китай и т.д. (Ширинов, 1990, с. 44).

Еще один путь из Ферганы уходил на запад до Урала и Поволжья, через казахстанскую степь

В III-II тыс. до н.э. торговые связи носили опосредствованный характер, товары доставлялись поэтапно.

В Средней Азии, в III-II тыс. до н.э. товарно-денежных отношений еще не существовало. Товаром являлись драгоценные камни, изделия из них, предметы из слоновой кости, металла, металлические и ювелирные изделия, мелкий рогатый скот, зерно и др. В качестве торгового эквивалента в меновой торговле, по всей вероятности, выступали драгоценные камни (лазурит и др.), металлы, металлические изделия, овцы, пшеница, ячмень и др. (Ширинов, 1990, с. 44).

Судя по документам из Шуруппака, медь выступала в качестве меры стоимости (Чайлд, 1956, с 295; Массон, 1964, с. 232).

Натуральный обмен был весьма характерным явлением для

древневосточного общества даже тогда, когда уже в торговых отношениях функционировали денежные эквиваленты В Иране в VI-V вв. до н.э. как свидетельствуют письменные источники, - одна годовалая овца стоила 10 баров ячменя, осёл 50 баров, мул и корова 1100 баров, 1 марриш (10 л) вина 3 баров (10 л). фрукты шли 1 к 1. Хотя стоимость этих же товаров также определялась денежной единицей - серебряными сиклями (Дандамаев, Луконин, 1985, с. 226-228).

Исходя из этого же можно представить, что торговые отношения в Средней Азии, несмотря на отсутствие денежных единиц развивались и функционировали.

Таким образом, торговые пути, проложенные в III-II тыс. до н.э. по просторам Среднего Востока, служили путем проникновения культурных достижений, передовых идей и технологических новшеств. Главное, эти же пути служили передвижению народов во времена массовых миграций, которые в истории повторились множество раз.

2.7. Происхождение Сапалли-Дашлинского археологического комплекса и общая историческая ситуация юга Средней Азии во II тыс. до н.э.

На территории Средней Азии четко выделяются культуры двух типов - "степная" и оседлоземледельческая К первой относятся: суярганская, заманбабинская, андроновская, тазабагьябская, кайракумская, вахшекая, бшшентская; ко второй, - анаусская, наиазгинская, алтыновская, сапаллинская, дашлинская и саразмская). Эти две исторические общности были в тесном контакте, однако развивались они по-разному. Племена носители оседлоземледельческой культуры по уровню развития близко стояли к древним цивилизациям Востока, где началось формирование раннегородской культуры В формировании и развитии хозяйства, культуры и идеологии племен носителей культуры "степного" типа было ощутимое влияние юга, с одной стороны, и севера, с другой. Именно влияние севера и благоприятный для скотоводства экологический фактор впоследствии привели к образованию здесь кочевнического типа хозяйства.

Выделение археологически: культур и выявление их генезисов в Средней Азии обоснованы в разных научных исследованиях.

Не касаясь проблемы выявления археологических культур вообще, как таксономической единицы археологических понятий и культур, выделенных на территории Средней Азии, мы коснемся лишь проблемы культур непосредственно связанных с нашей тематикой - анау, намазга, алтын, сапалли и дашли. Эти перечисленные культуры во-первых, имеют много общего между собой, как генетически, так и культурно-экономически; во-вторых, в названиях этих культур допущена некоторая путаница, разные исследователи по-разному называют одну и ту же культуру.

На юге Средней Азии археологическая культура оседлоземледельческого характера, имеющая местные мезолитические корни, формируется в эпоху неолита, в VI-III тыс. до н.э. - Джейтунская, она эволюционным путем

трансформируется в культуру Анау I А, Б, П - Намазга НП в эпоху энеолита (Массон, 1964, с. 126); в свою очередь, последняя - в культуру Анау III - Намазга PV-V в эпоху бронзы и т. д.

Энеолитические памятники юга Средней Азии изучались еще в конце III столетия (Ершов, 1956, с. 24). Энеолитические комплексы стали широко известны благодаря результатам раскопок на северном холме Анау американскими археологами Р. Пампелли и Г. Шмидтом (Pompelly, 1908). Г. Шмидтом было выделено несколько комплексов, сменяющих друг друга и характеризующих материальную культуру эпохи энеолита и бронзы - Анау IV (Pompelly, 1908). Соответствующие энеолитические комплексы распространенные на юге Средней Азии назывались культурой Анау I и II, а бронзовые Анау III и IV (Ганялин, 1956, с. 37-66).

В дальнейшем, в середине 50-х годов периодизация археологических комплексов эпохи энеолита и бронзы, предложенная Г. Шмидтом, была коренным образом дополнена и детализирована на основе материалов стратиграфических раскопок Намазга-депе. Б.А. Куфтин предложил шесть комплексов - Намазга I-VI, из них первые три характеризуются как энеолитический, остальные три как бронзовый (Куфтин, 1956; Массон, 1956).

С тех пор в археологической литературе прочно утвердилось название за энеолитическими комплексами как "анаусская культура", а за комплексами эпохи бронзы как "намазгинская".

Б.А. Куфтины и В.М. Массоном археологические комплексы эпохи бронзы хронологически были разделены на три этапа - ранний, средний и поздний, соответственно Намазга IV, V и VI (Куфтин, 1956; Массон, 1956).

Памятники культуры Намазга первоначально были известны только на юге Туркменистана. В дальнейшем они были открыты и в Маргиане. Материалы тахирбайской группы памятников В.М. Массоном были охарактеризованы как "особый мургабский вариант" культуры Намазга VI (Массон, 1959, с. 12-28). Позднее Б.Н. Удеимурадов выделяет келлелинские и алтыновские локальные варианты культуры типа позднего Намазга V (Удеимурадов, 1989, с. 15-16).

В 70-х годах А. Аскарлов такой же комплекс как мургабский вариант культуры Намазга VI, полученный из Сапалли-тепа, расположенный в северной Бактрии, охарактеризовал, как самостоятельную культуру - сапаллинскую (Аскарлов, 1973, с. 122; 1974, с. 26-32).

В.И. Сарияниди открывает археологический комплекс, очень близкий к сапаллинскому, в южной Бактрии. Но автор воздержался связывать эти комплексы с какой-либо токсонимической единицей археологических понятий - "культура", "локальный вариант", или же "культурная общность". Правда, в связи с резким увеличением материалов В.И. Сарияниди в своих последних публикациях твердо утверждает о том, что археологические комплексы Бактрии, Маргианы времени Намазга VI едины и образуют тл. бактрийско-маргианский археологический комплекс - БМАК, что не вызывает никакого сомнения (Сарияниди, 1990, с. 74-89). В.И. Сарияниди БМАК характеризует как адекватное понятие "археологическая культура" и считает целесообразным выделить в будущем т. н. "намазгинскую", "алтыновскую", "амударьинскую" и

другие варианты вполне конкретного Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (Сарианиди, 1990, с. 77).

И.Н. Хлопин на материалах поселений и могильников Сумбар I-III и Пархай I-II выделяет Сумбарскую культуру, распространенную в юго-западном Туркменистане (Хлопин, 1983).

В М. Массон археологические комплексы времени Намазга V Алтын-депе выделяет как самостоятельную культуру и называет "культура Алтын-депе, или алтыновская культура в археологическом понимании данного термина" (Массон, 1981, с. 90). Отсюда вытекает, что комплексы времени Намазга IV и VI, соответствующие культурные слои Алтын деле, являются другими археологическими культурами. Но это не так. В.М. Массон сам же, во всех своих публикациях утверждал о генетической взаимосвязанности трех археологических комплексов эпохи бронзы, характеризующих всего лишь три этапа развития культуры Намазга (Массон, 1989, с. 17)

Исходя из этой системы археологические комплексы оседлоземледельческого типа юга Средней Азии, северо-восточного Ирана, Восточного Ирана и северного Афганистана вместе взятые могут быть определены как единая культурная общность, которая может быть названа как Намазгинская историко культурная общность" - НИКО, так как термин "Намазга" в научном обороте появился раньше, чем другие термины: "БМАК", "Сапалли" или "Алтын-депе" обозначающие эту же культуру, а что касается термина "анаусская культура", то он прочно утвердился за энеолитическими комплексами южного Туркменистана.

Конечно же, в системе НИКО могут быть определены локальные варианты и, возможно, даже самостоятельные культуры Это естественно памятники НИКО, распространенные в широтном направлении более чем на 800-1000 км. Отдаленность памятников друг от друга несомненно влияет на облик их материальной культуры. Делает каждый регион своеобразным, что выражается в понятии локальный вариант или даже как самостоятельная культура.

В последние годы исследователи уделили достаточное внимание вопросу происхождения салалли-дашлинского археологического комплекса Бактрии эпохи бронзы. Как известно, этот комплекс и в Бактрии, и в Маргиане появляется внезапно, происхождение его не связано с местными традициями.

В разрешении вопроса о происхождении салалли-дашлинского и маргианского комплексов на сегодняшний день существует несколько точек зрения - южно-туркменистанский, северо-восточно-иранский, нижне-зарафшанский и местный.

А. Аскарлов в одной из ранних публикаций высказался в пользу северо-восточного Ирана в сложении сапаллинской культуры (Аскарлов, 1973, с 125). однако, в последующих работах он склоняется к точке зрения, что сапаллинская культура сложилась в результате перемещения племен юга Туркмении, носителей культуры Намазга V и VI (Аскарлов, 1977, с. 106-112).

В.И. Сарианиди анализируя археологические комплексы Бактрии и южного Туркменистана указал на множество общих черт и различий, считая это результатом необязательной их генетической взаимосвязанности

(Сарианиди, 1982, с 33). Он объясняет происхождение бактрийских и маргианских археологических комплексов передвижением части населения Иранского Хорасана (Сарианиди, 1977, с 143; 1982, с 33-35). Эту же точку зрения он вновь повторил в одной из своих последних публикаций, на основе больших фактических материалов Маргианы (Сарианиди, 1990, с 74-89).

В М. Массон возникновение мургабских и бактрийских оазисов считает результатом "передвижения групп общин под централизованным руководством хозяйственных и военных лидеров" из южного Туркменистана (Массон, 1982, с 11-12). Ранее, В. М. Массон генетически привязывал происхождение тахирбаевской группы памятников Маргианы к комплексам Намазга VI юга Туркменистана (Массон, 1959, с 20-28).

В.А. Алекшин выводит сапаллинскую культуру из заманбабинской культуры низовьев Заравшана. Его аргументация - общность некоторых погребальных традиций (парные захоронения, кенотаф), конструкция погребений (катакомбы) и хронологический приоритет заманбабинского комплекса перед сапаллинским (Алекшин, 1980, с 24-31). Однако, катакомбные конструкции погребений были очень широко распространены на юге Средней Азии, в северо-восточном и восточном Иране, Сенегале, Белуджистане и т. д. Более того, погребальная конструкция сапаллинской культуры в большинстве ямная, а не катакомбная. Ямные захоронения в Джаркутане составляют основной тип погребальных сооружений.

Парные захоронения и кенотафы известны в традициях многих народов Древнего Востока.

Хронологический приоритет одного комплекса перед другим никак не может быть аргументацией в пользу генетически взаимосвязанных разных культур.

Таким образом, все перечисленные точки зрения объясняют происхождение бактрийско-маргианского археологического комплекса с миграцией племен с запада на восток, или же с севера на юг.

Принципиально отличается точка зрения Б. А. Удеимурадова от теории миграции. Автор считает, что сложение БМАК происходило на основе культуры местного энеолитического и раннебронзового веков. Недостаточность материалов для такого заявления очевидна, что и признает автор, однако, он надеется на "открытия" в будущем (Удеимурадов, 1989, с 18-19). Что касается келлелийского и гирдайского комплексов, то они сами являются пришлыми для данной территории и не имеют столь глубокую древность, приоритет в хронологии, в чреве которого смогла созреть и спонтанно расплескаться такая высокая культура как БМАК. За относительно короткое время она охватывает всю территорию в эпоху Намазга VI.

Суммируя вышеизложенное нам представляется, что сложение БМАК является результатом организованной миграции населения из древних центров оседлоземледельческих культур юга Туркменистана, северо-восточного и восточного Ирана, т.е. с территории НИКО. Нет необходимости в повторении объединяющих общих черт материальной культуры Бактрии и Маргианы в эпоху поздней бронзы. Она приведена буквально во всех исследованиях

археологов Средней Азии, касающихся одного периода.

Дело в том, что эта территория в эпоху энеолита и бронзы представляла одну культурную общность т.е. "туранскую цивилизацию", которая искусственно была разделена советскими и англоязычными археологами на две - Гиссар I-II и Намазга I-VI. Условная граница проходила через легко доступные Туркмено-Хорасанские горы, которые никогда не служили для разделения культур народов, населявших обе стороны.

Начало массовой колонизации территории Бактрии и Маргианы, судя по археологическим материалам, происходит одновременно, видимо в эпоху раннего Намазга VI. Хотя малочисленная инфильтрация населения из древних перенаселенных земледельческих центров в восточном направлении на новые целинные земли могла происходить и в более ранние периоды (Удеимурадов, 1989, с 19).

В эпоху Намазга VI происходит упадок старых земледельческих центров Намазга-депе и Алтын-депе южного Туркменистана (Массон, 1959, с 109). Почти одновременно, в первой трети II тыс. до н. э, приходят в запустение Шах-тепе, Тюренг-тепе, Тепе Гиссар и другие земледельческие центры Иранского Хорасана (Массон, 1964, с 244).

Надо полагать, что именно население этих земледельческих центров перемещается на Восток, в просторы Бактрии и Маргианы. Отдельные Гиссарские племена доходят до Белуджистана (Массон, 1964, с 244).

Массовая миграция населения не является результатом упадка культуры, кризиса общества или же экологической ситуации региона, о чем пишут буквально все исследователи (Куфтин, 1954, с 29; Массон, 1959, с. 109; Аскарлов, 1977, с. 155 и др.).

Мы полагаем, что упадок культуры, запустение крупных центров происходит позже, после миграции.

Как известно, экономический и культурный расцвет общества в старых земледельческих оазисах происходит в эпоху Намазга V. Именно в это время достигают своего апогея в размерах крупнейшие городские центры Алтын-депе, Намазга-депе, Тюрег-тепе, Шах-тепе и др. Наблюдается расцвет плужного земледелия, ремесел, строительного дела, развивается дальняя торговля (Массон, 1981, с. 96-108).

Естественно, экономическое благополучие привело к демографическому взрыву, которое отражено в плотных застройках жилых массивов, и в увеличении площади поселений и городов.

Существующий водный режим и земельные ресурсы в старых земледельческих оазисах уже были не в силах обеспечить продуктами питания, что и привело древнее население к поиску новых территорий.

Экономический подъем и увеличение населения несомненно привело к глубоким социальным изменениям. В чреве старых социальных организмов рождаются новые институты. В частности, примитивные государственные образования типа "чифдом" (об этом см. гл. III). Конечно, все эти явления протекали в острых социальных противоречиях, что несомненно разделило общество на противоборствующие стороны, вследствие чего часть населения

была вынуждена покинуть старые насиженные места.

Такая же историческая ситуация прослеживается и ранее, в конце IV - первой половине III тыс. до н.э., в пору расцвета Анауской культуры, когда часть населения уходит из старых мест на юго-восток, в Сеистан, Белуджистан (Массон, 1981, с. 112).

Таким образом, причина миграции населения в эпоху бронзы, прежде всего, была социальная, образовавшаяся в результате экономического подъема, а не упадка, или же "засоления почвы" и "изменения климата".

Типы и география расположения памятников Бактрии и Маргианы свидетельствуют об организованном переселении. Наиболее ранние поселения, как обычно, сильно укрепленные - Дашли I, Сапалли, Аучин I, Келлели 4 и др, первоначально, действительно выполняли функцию военных форпостов колонизации на новых местах. Необходимо подчеркнуть, что, как правило, выбор местности первых пунктов не был удачным, ни один из них не разрастался и вскоре были заброшены. Вторичные пункты после адаптации выбирались более удачно, разрастались и превращались в ранние города, стали центрами экономической, культовой и политической жизни округа. Это - Джаркутан, Дашли 3, Келлели I, Гонур I и др, где ядром также как и в первых пунктах была укрепленная часть города.

Суммируя вышеизложенное, констатируем, что центром стандартизации эталонов культуры социальных и технических новшеств в эпоху Намазга V был Туркмено-Хорасанский регион. А в эпоху Намазга VI этот центр перемещается в Бактрию и Маргиану. Старый центр Хорасан приходит в упадок. Именно в это время, со второй четверти II тыс. до н.э., Намазгинская историко-культурная общность сильно разрастается она охватывает Дешти Луг и Дешти Кевир - центральный Иран с севера, северо-востока и с востока. Это - Хорасан, южная Туркмения Астробод, Маргиана, Бактрия, Сеистан и Белуджистан, которые являются зоной распространения среднеазиатской цивилизации, так удачно названной М. Тоси "туранской" (Тоа, 1977). Среднеазиатская цивилизация исторически несколько запазданное явление, но абсолютно самостоятельный и первичный очаг в системе цивилизаций Древнего Востока, таких как Шумер Элам и Хорасан. Она не является "цивилизацией второго порядка", или же результатом влияния более древних цивилизаций.

Мы далеки от мысли принизить роль шумерских, эламских и индийских цивилизаций в Древнем Востоке. На всей протяженности III тыс. до н. э. было сильно влияние эламской цивилизации на сопредельные страны, ядром которой была Сузиана. Она охватывала, с одной стороны, северо-западное направление - Сиалк, Тепе Гиян, Годин-тепе и др, с другой, - восточное направление - Мальян, Тепе Яхья возможно, Шахри-Сохта. Таким образом она охватывала западные и южные окраины Дешти Луг (Alden, 1982, с. 613-640, Ламберг-Карловски, 1990, с 11), но не более.

Протоэламские печати, таблички, оттиски цилиндрических печатей были найдены в самых отдаленных уголках иранского нагорья в Шахри-Сохте, Тепе Гиссаре, в Бактрии, в Джаркутане, в Маргиане, Тоголок I, Гонур I и т. д. Мы

считаем, что это всего лишь результат торговых связей, которые в это время функционировали довольно регулярно (Ширшов, 1990, с. 42-44).

Расцвет Индийской цивилизации происходит в середине III тыс. до н.э, ее влияние доходит на севере до Амударьи, о чем свидетельствует поселение Шартугай. Отдельные индийские предметы найдены в Бактрии, Маргиане и Южном Туркменистане.

Во II тыс. до н.э. на Среднем Востоке историческая ситуация меняется усиливается влияние среднеазиатско-туранской цивилизации. В контактной зоне двух цивилизаций уже доминируют среднеазиатские культурные эталоны. В ряде памятников - Шартугай, Сибри, Мергарх и Ношаро хараппский культурный слой перекрывается бактрийским (Ламберг-Карловски, 1990, с. 12-18).

Такая же картина наблюдается в Сеистане, где происходит борьба за влияние среднеазиатской и эламской цивилизаций.

К.К. Ламберг-Карловски заключает, что именно в это время происходит усиление древних культур Средней Азии, которая по значимости не уступала древним цивилизациям Месопотамии, Элама и Инда (Ламберг-Карловски, 1990, с. 12).

Восточную ойкумену среднеазиатской цивилизации составляли Бишкентская и Вахшская скотоводческие культуры, а также земледельческо-скотоводческая культура (Кангур-Тут, Тандырайул, Нурек, Тигровая Балка), последняя является результатом перетрансформации сапалли-дашлинской культуры.

Анализ исторической ситуации показывает, что в конце III и II тыс. до н. э, в Средней Азии наблюдается общий подъем социально-экономической жизни. Это, несомненно, привело к зарождению ранних городов и классовых отношений. Налицо поступательное движение, исторический прогресс. Однако, данный тезис как будто бы противоречит тому историческому факту, что, именно в это время приходят в упадок многие раннегородские центры Среднего Востока - Мохенджодаро, Хараппа, Шахри-Сохте, Мундигак, Джаркутан, Намазга-депе, Алтын-депе, Шах-тепе, Тюренг-тепе и др. Историки это объясняют как общее, характерное явление для всего региона, происходившее одновременно в результате экологической катастрофы - аридизация, иссушение климата, засоление почвы, перемещение ландшафтов и т.д. (Массон, 1981, с. 130 Аскарлов, 1977, с. 155-156; Сарияниди, 1977).

Нам представляется что причиной данного исторического явления может быть не экология а скорее всего социальная сфера.

Во-первых, анализ оазисного расселения юга Туркмении, Маргианы, Бактрии показывает, что аридизация климата, имевшего столь катастрофические последствия все-таки не произошла. Ни один из древних земледельческих оазисов не превратился в пустыню. Крупные поселения вымирают, но, рядом появляются другие мелкие поселения. Более того, в последующие эпохи эти же оазисы не только функционируют, но и разрастаются увеличивается количество памятников. Исследования Г. Н. Лисиной свидетельствуют об относительной стабильности климата Средней

Азии в голоцене в целом (Лисицина, 1978).

Мы не исключаем некоторые локальные природные катастрофы - изменение русел рек, высыхание маленьких ручьев, или же, засоление почвы и т.д, но они не межконтинентальный характер.

Во-вторых, кризис крупных городов произошел хронологически неодновременно (Массон, 1981, с. 130), а поэтапно. Шах-тепе, Тюренг-тепе приходят в упадок в первой трети II тыс. до н.э, Алтын-депе и Намазга-депе, где-то в середине II тыс до н.э, Джаркутан, Дашли 3, Гонур I, Тоголок I в конце II и в начале! тыс. до н. э, Шахри-Сохтевконце III тыс, Мохенджо-дарои Хараппа в середине II тыс. до н.э. и т.д.

Средний Восток в конце III и II тыс. до н.э., представлял огромную кипящую арену социальных перемен. Это было время становления раннеклассовых отношений и примитивных государствообразований типа "чифдом", каждый оазис, или же регион представлял одну социальную сущность, имеющую свою линию подъема и кризиса.

Как правило, ранние примитивные государства, а их образовалось множество, в разных регионах, были не устойчивыми, обреченными на социальный кризис, неудачу и распад. Вслед за кризисом шло возрождение и этот цикл повторялся до тех пор, пока не образовывались могущественные государствообразования. Такова историческая закономерность социального развития общества (об этом см. гл. VII).

Нам представляется, что кризис ранних городов, происходивший после их расцвета является отражением того социального цикла, который был связан со становлением ранних примитивных государств. Что касается разновременности кризиса раннегородских центров, то это объясняется неравномерностью исторического развития общества. Общая закономерность исторического развития не была исключением и для Средней Азии.

ГЛАВА III

ГОРОДИЩЕ ДЖАРКУТАН И ЕГО ИСТОРИКО-ТОПОГРАФИЧЕСКОЕ И СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ

3.1. Историческая топография

Джаркутан является одним из крупнейших памятников эпохи бронзы Средней Азии, а может быть и всего Среднего Востока. Памятник был обнаружен весной 1973 года Ш. Пидаевым и В. Пилипко, а с осени этого же года начались раскопочные работы (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 4).

Джаркутан относится к памятникам раннегородской цивилизации столичного типа, отличающихся своими внушительными размерами от других поселений Древней Бактрии. Он расположен в 60 км к северу от г. Термеза, на левом берегу высохшего русла Бустанся некогда являвшегося одним из притоков Амударьи. Памятник вытянут вдоль русла Бустанся, занимает огромную территорию - более 100 га и легко "читается" в рельефе (рис. 1) (Ширинов, 1989, с. 43-44). Берега Бустанся имеют веерообразную линию и крутой подъем, высота которого местами достигает от 8 до 10 метров. Западная и северная части памятника ограничиваются берегом сухого русла реки, который разделен впадинами, оврагами. Последние разбили его на отдельные стоящие холмы. Другая - восточная часть памятника, постепенно сливается с равниной, и не имеет естественных границ (рис. 1). На этих отдельных холмах хорошо прослеживаются остатки отдельных общинных поселений, "цитадель", дворец и другие строения, а также некрополь. Обводная оборонительная стена для всего поселения отсутствует. Центральное ядро памятника - "цитадель" - сильно укреплена и занимает около 3 га территории; имеет вокруг крепостную стену (рис. 1) (Аскарлов, Ширинов, 1989).

Цитадель. Ядром городища Джаркутан является его укрепленная часть - "цитадель", расположенная на одном из крайних западных холмов, имеющего в плане овально-круглую форму и занимающего 3 га территории. По краям холм окольцовывается земляным валом, относительная высота которого около 1 м, ширина от 3 до 5 м. Внутренняя часть цитадели слегка понижается. Имеются отдельные бугры, засыпанные осколками керамических сосудов. Наблюдаются впадины, которые, вероятно, в древности были площадями и улицами.

В 1987-1988 гг. здесь были проведены раскопочные работы. Удалось выяснить, что "цитадель" обнесена крепостной стеной. Открытый участок крепостной стены длиной более 80 м усилен ритмично чередующимися контрфорсами. Во внутренней части крепости расположен дворцовый комплекс.

На территории "цитадели" вскрыто три жилищных массива. В каждом из них три-четыре помещения, а также 10 погребений, расположенных у стен дворца и крепостных стен "цитадели".

Вход в "цитадель", судя по рельефу, был расположен в южной части. Именно там от получившегося разрыва крепостной стены образовались две встречные линии, от чего получилась впадина шириной около 8-10 м. От этого

входа уходят две улицы на север и северо-запад, разделяя "цитадель" на несколько секторов.

Дворец. Расположен в западной части "цитадели", у самого края обрыва. Дворцовый комплекс в настоящее время полностью вскрыт. Выявлены все архитектурно-планировочные детали. Он в плане строго квадратный, ориентированный по странам света, имеет размеры 42x42 м (рис. 2, 1). К сожалению, дворец полностью не сохранился, его западная часть еще в древности была размыта. Внешняя стена толщиной в 4 м, усилена 13 квадратными башнями. Эти башни (4,0-4,5 м) расположены по углам комплекса попарно и в плане выглядят как "ласточкин хвост". В середине каждой стороны расположены еще по одной (Рис. 2, 1). Две башни находятся с двух сторон главного входа на западном фасе. Одиночные башни расположены посередине фасада. Ворота расположены на южной стороне и симметрично разделяют комплекс на две части (Ширинов, 1988, с. 104-105). Внутренняя планировка дворца (34x34 м) довольно простая. Бытовые и ремесленные помещения построены по периметру обводной стены. Помещения расположены только в один ряд. Центральная часть дворца без помещений - там сооружена огромная суфа из переотложенного и утрамбованного материкового грунта (рис.2, 1).

Судя по керамическим материалам, дворец был сооружен в джаркутанское время (середина II тыс. до н.э.). Все погребения также относятся к этому времени. У ворот одиночное погребение расположено на 50 см выше, чем основание обводной стены. Внутри дворца погребения покоятся не на материке, а в культурном слое. Все это свидетельствует о том, что дворец одно из ранних сооружений на Джаркутана.

Запустение дворца происходит в X-IX вв. до н.э., так как здесь расчищены 5 мусорных ям разной величины и конфигурации с керамикой бустанского времени салалинской культуры.

Нам представляется, что носители культуры Джаркутана в какое-то время сосуществовали с пришлыми иноземными этническими группами, о чем свидетельствует лепная и традиционная станковая керамика.

Храм. В 1983 году нами проводились раскопочные работы на холме 6, где был выявлен нестандартный архитектурно-планировочный комплекс. Впоследствии он был определен как общественно-культурный центр - храм огня. Комплекс расположен в восточной, наиболее возвышенной части Джаркутана, что обеспечивало его хорошую обзримость со всех сторон. Если дворец находится на крайнем северо-западе памятника, то храм расположен на противоположной стороне, на юго-востоке, там, где восходит солнце. Комплекс построили в 350 м от дворца за пределами "цитадели" и в 50 м от поселения общинников, на расстоянии от ближайшего могильника. Вокруг храма, судя по топографии, вероятно, существовали незастроенные пустыри.

Храм Джаркутана представляет в плане прямоугольник (44,5x60 м), ориентированный по странам света и обнесенный мощной обводной стеной, толщиной 4,5 м (рис. 2, II; 19) (Аскарлов, Ширинов, 1985, с. 16-17; Аскарлов, Ширинов, 1989, с. 7-24).

Архитектурно-планировочная структура храма, в целом, характерна для

салаллинской культуры. Здесь четко прослеживается древнебактрийская архитектурная традиция. В храме выявлены системы обводных коридоров, монолитная обводная стена, дворцовые комплексы и многие другие архитектурные детали.

Храм возведен в джаркутанское время на поздней стадии этого этапа, не ранее XIV в. до н.э. Время прекращения его функционирования можно отнести к бустанской стадии моллалинского этапа - X в. до н.э. В пределах этого времени, по данным археологических комплексов, храм пережил три хронологических этапа - джаркутанский, кузалинский и моллалинский. Основная планировочная структура, заложенная при его возведении, на всех этапах не менялась. Некоторые изменения отмечены в основном в хозяйственно-производственной части храма (Аскарлов, Ширинов, 1989, с. 7-24).

Жилищные кварталы. В 1980-1981 гг. был раскопан жилищный квартал. Холм 5, где прослеживаются отдельные дома, состоящие из нескольких комнат, мощеная дорожка, культовые помещения, погребения под полом, бассейн, имеющий сакральное значение. Квартал не имел обводной стены. Комплекс относится к самому раннему этапу обживания Джаркутана.

В 1989-1991 гг. раскопаны еще два холма (7 и 8), где открыты строительные остатки жилищного квартала разной величины, относящиеся к джаркутанскому и моллали-бустанскому периодам салаллинской культуры

Таких холмов на Джаркутане более двух десятков. Они разного размера, от 0,2 до 1,0 га и конфигурации. Судя по результатам шурфов, каждый из холмов представлял жилищный квартал, который, по-видимому, отражал отдельную социальную ячейку общества.

Ремесленные массивы. Окраинные восточные холмы (1 и 2), по всей вероятности, были использованы для сооружения керамических обжигательных печей, о чем свидетельствуют скопление шлаков и обожженная земля рыжевато-обгорелого цвета. Вместе с тем, необходимо отметить, что вскрыто всего несколько обжигательных печей прямоугольной формы. Они расположены друг от друга на расстоянии 15-20 м. Какие-либо иные постройки здесь отсутствуют. Возможно, это специально отведенное место для обжига керамической посуды.

Некрополь. Отделен от городища водосборной канавой, образовавшейся в обрывах между холмами. Некрополь Джаркутана по существу - это огромное могильное поле, занимающее десятки малых и больших холмов, расположенных на южных и западных частях памятника с территорией более 20 га (рис. 1) (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 8).

Некрополь Джаркутана изучается с года открытия самого памятника, с 1973 года. В настоящее время открыто более 1500 погребений, материалы из которых в основном опубликованы (Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Рахманов, 1977, с. 4; Ионесов, 1990, с. 3). Судя по топографии, в некрополе Джаркутана насчитывается более десяти тысяч погребений.

Археологические комплексы некрополя и городища абсолютно идентичные и представляют все этапы салаллинской культуры.

Погребения находятся на глубине 0,4-2,0 метра от дневной поверхности.

Могильные сооружения в основном ямные и ямно-катакомбные.

Могильник выводится в специально отведенное место, за пределы города, только во второй стадии джаркутанского этапа сапаллинской культуры (XV-XIV вв. до н.э.) Ранее, на первой стадии, некрополь и общинный поселок находились в одном месте, т.е. умерших членов семьи хоронили тут же в доме, где они жили, под полом или же замуровывали в стены. Это прослеживается в общинном поселении, вскрытом на холме 5, во дворце цитадели, и по результатам шурфов в некоторых, еще не раскопанных, центральных холмах Джаркутана.

Некрополь Джаркутана функционировал на всех этапах жизни города - джаркутанском, кузалинском и моллалинском (XV-X вв. до н.э.). При этом джаркутанский этап (XV-XIV вв. до н. э.) разделяется на две стадии: 1) время погребений под полом домов (XV в. до н.э.) и 2) время специализированных некрополей (XV-XIV вв. до н.э.). Материальная культура этих двух стадий ничем не отличается, но они не одновременные, а последовательные.

Таким образом, изучение Джаркутана показывает, что ядром города была "цитадель". Одними из ранних сооружений в "цитадели" были дворцовый комплекс и крепостная стена. Внутренняя территория "цитадели" полностью застраивается на моллалинском этапе сапаллинской культуры. Судя по рельефу, она так и не была плотно застроена. По-видимому, это объясняется социальными причинами.

Судя по данным из шурфов, одновременно с "цитаделью", за ее пределами, осваивается большая часть города, которая постепенно разрасталась.

Первоначально соседские общины, занимавшие наиболее удобные части отдельных холмов, видимо, состояли из ряда малых семей. В дальнейшем соседская община - поселение развивалось двумя путями: 1) поселение достраивается по окраинам, разрастается и превращается в городской квартал; 2) от общины отпачковывается малая семья, которая и осваивает пустующие территории. Это происходит на моллалинском этапе (холм 7).

Таким образом, Джаркутан состоит из агломераций отдельных архитектурно-строительных комплексов, включающих в себя, как монументальные, так и рядовые строения, ремесленные площади, некрополь и т.д. Историческая топография города имеет усложненный характер.

Несколько отличается от этого топография Алтын-депе. Памятник более компактный в плане, округленно трапецевидный, имеет естественные границы со всех сторон, так как поднимается над окружающей поверхностью на 17-22 м, общая площадь его 26 га, мощность культурных наслоений около 30 м (Массон, 1981, с. 6). Топография Алтын-депе имеет усложненный характер, хотя ярко выделяющихся монументальных сооружений там пока не обнаружено. Интересно отметить, что на Алтын-депе, также как и на Джаркутане, культовый центр расположен в крайней восточной части города, холм ремесленников в северной, а некрополь на юге (Массон, 1981, с. 7, рис. 1). На Алтын-депе зафиксированы оборонительные стены с фланкирующей башней, основание мощных въездных ворот (Массон, 1981, с. 30-34). Однако, из-за недостатка материалов, не совсем ясно, был ли город окружен оборонительной стеной, или

же, она имела только в районе главных ворот.

Другой раннегородской центр юга Туркмении Намазга-депе имеет гигантские размеры, охватывает около 70 га земли, подтреугольный в плане, слегка вытянут с севера на юг почти на километр, мощность культурного слоя достигает 34 м. Намазга-депе, как и Джаркутан, состоит из "Ряда крупных всхолмлений", насчитывающих "до полутора десятков". Поверхность понижается к югу и юго-востоку. Наиболее крупный и высокий холм расположен в северной части памятника (Литвинский, 1952, с. 30-52, рис. 1; Массон, 1966, с. 154). Судя по величине всхолмлений, некоторые из них, по-видимому, являлись руинами монументальных сооружений.

Намазга-депе планографически менее изучен, чем Алтын-депе или Джаркутан.

По-видимому, Улуг-депе также относится к категории ранних городов или протогородов Средней Азии. В плане он неправильной формы, слегка вытянутый по оси с востока на запад. Общая площадь объекта около 10 га, мощность культурных наслоений более 30 м (Масимов, 1972, с. 35).

Гонур I является одним из столичных памятников Маргианы. Он, скорее всего, был неукрепленным ранним городом с площадью более 20 га. Гонур I, также как и Джаркутан, аморфный по структуре, состоит из агломераций отдельных холмов, в плане подтреугольный, слегка вытянут с юга на север. По микрорельефу выделяются кварталы керамистов, жилые массивы, "кремль" и др. Наиболее крупный холм - "центральный", высота которого достигает 4 м, с площадью около 1,5 га, где и был раскопан прямоугольный кремль-крепость, размерами 130-120 м, ориентированный строго по странам света (Сарианиди, 1990, с. 14-33, рис. 4, 6).

Другой, наиболее крупный памятник Маргианы, Тоголок I имеет несколько иной микрорельеф, чем Гонур I или Джаркутан. Памятник занимает около 12 га, при высоте 4 м. Это огромный, без видимых понижений и впадин, массивный и компактный бугор, резко возвышающийся над окружающей поверхностью (Сарианиди, 1990, с. 34-45, рис. 7).

Дашли 3 является наиболее ярким памятником Южной Бактрии, топография которого, в некотором смысле, очень близка джаркутанскому, но он намного меньше размерами, рассредоточен, состоит из "высокого холма и блинообразной" возвышенности, общая территория около 3 га. На высоком холме был вскрыт дворцовый, а на блинообразной возвышенности - храмовый и жилые комплексы. Судя по вскрытым комплексам, перед нами не поселение общинников, а скорее всего, ранний город, окруженный оборонительной стеной и, возможно, рвом (Крутикова, Сарианиди, 1976, с. 6-7; Сарианиди, 1977, с. 34-50, рис. 11-15).

Топографическая ситуация Мундигака IV в целом, имеет близкую аналогию с топографией Джаркутана. Он расположен, также как и Джаркутан, на берегу небольшого ручейка, одного из притоков р. Хилженда на предгорной равнине Кандагарской долины афганского Сеистана (Cosal, 1961, tig. 3). Мундигак занимает более 30 га территории, расположен на естественных холмах, насчитывающих более 10 (А, Б, В, 7, Д, Е, Ф, Р и др. Cosal, 1961, tig. 3).

Ядром поселения является холм, высотой более 20 м, который постепенно сливается с другими, менее крупными холмами, что наблюдается и в Джаркутане. Правда, холмы Джаркутана приземистые, соответственно и культурные наслоения намного меньше, чем у Мундигака.

На Мундигаке вскрыты монументальные архитектурные комплексы как светского, так и культового характера, оборонительные стены, рядовые жилые комплексы и т.д. (Cosal, 1961, vol. I, p. 63-65; vol. E, fig. 21). Значительная территория Мундигака окружена оборонительной стеной, на Джаркутане же она прослеживается только на "цитадели" и на небольшом участке западной окраины города.

Шахри-Сохта - крупный городской центр середины III тыс. до н.э. иранского Сеистана. Его площадь составляет около 70 га. Памятник состоит из десятка холмов разной величины, высота которых достигает до 20 м. Расположен он на естественном плато на берегу Руди-Байобин, одного из дельтовых рукавов р. Хильменд, в 40 км южнее от города Забул, административного центра иранского Сеистана (Tosi, 1966, p. 15-66, fig. 28-32; 1969, p. 283-383, fig. 37-38; Тоси, 1971, с. 15-30).

Шахри-Сохта выделяется своими внушительными размерами среди десятка (более 30) мелких поселений, площадь которых едва достигает 1 га. В Шахри-Сохте IV периода вскрыто монументальное здание - "соженный дворец" площадью 500 кв.м, крупные жилищные кварталы, узкие улицы, отдельно стоящие ремесленные участки и т.д. Некрополь занимает 20 га и сливается с городским организмом. Такая же топография наблюдается и в Джаркутане.

"На первый взгляд городище похоже на усеянное развалинами широкое поле с почти плоским возвышением, - описывает топографию Шахри-Сохта итальянский исследователь М. Тоси - рассеченным в верхней его части прорытыми водой руслами ручей..." (Тоси, 1971, с. 17). В какой-то мере поверхность Джаркутана также рассечена водосборными каналами и впадинами, но, в отличие от Шахри-Сохта, цитадель четко выделяется от остального городского массива.

В Горганской долине, в северо-восточном Иране, выделяется среди других мелких поселений своими внушительными размерами Тюренг-депе, который, по-видимому, являлся столичным ранним городом. Он расположен на нескольких холмах, растянувшихся на 700 м, высота центрального из них достигает 34 м. На центральном холме отмечены остатки платформы из сырцового кирпича, вероятно, это было основание какого-то монументального сооружения (Deshayes, 1964; 1974; 1975). Другие поселения Горганской долины намного уступают Тюренг-депе, Тепе Гиссар Шах-тепе занимали всего 1-1,5 га (Массон, 1964, с. 242).

Крупные городские центры с усложненными топографическими ситуациями вырисовываются во всех историко-географических зонах Ирана: Хузистане - Эламе Сузы формируется как ранний город, к таковым можно отнести также Чагамыш и Чандувех (Массон, 1989, с. 129).

Многими исследователями отмечено влияние Элама на развитие урбанизационного процесса сопредельных территорий, в особенности тех, что

расположены от него в восточном и северо-восточном направлении, вплоть до южных рубежей Средней Азии.

Как известно, другим наиболее ранним центром городской культуры является Индия - хараппская цивилизация. Крупнейшим городским центром хараппской цивилизации является Мохенджо-даро, который функционировал во второй половине III тыс. до н.э. Город занимал 260 га территории, состоящей из двух холмов - "цитадели" и "нижнего". "Цитадель" в плане имеет неправильную эллипсоидную форму, где вскрыты в основном сооружения монументального характера: культового и светского назначения, огромные складские помещения, бассейн, оборонительная стена и др. (Marshal, 1931; Маккей, 1951; Массон, 1989, с. 177-205).

Нижний город отличается регулярностью застройки. Там сконцентрированы жилые массивы, разделенные на кварталы сетью прямолинейных улиц и переулков, ширина которых от 1,2 до 10 м; там имелась и широко разветвленная городская канализация. Все дома сооружены из жженого кирпича (Marshal, 1931; Маккей, 1951; Массон, 1989, с. 190).

Ради справедливости, следует отметить, что топографическая ситуация Мохенджо-даро городское пространство максимально использовано под строительство, густо застроено, почти полностью отсутствуют свободные земельные участки, что говорит о плотности населения, и даже о его перенаселенности, что, по-видимому, подтолкнуло городскую экономику на путь интенсивного развития. Тогда как жилые массивы Джаркутана расположены друг от друга на некотором расстоянии, есть много пустующих территорий, и город как бы, состоит из агломераций. Правда, "цитадель" Джаркутана, также как и в Мохенджо-даро, занимает отдельный холм, хотя и здесь регулярность застроек несравнима. Это объясняется, прежде всего, тем, что экономика Джаркутана находилась еще на стадии экстенсивного развития. Осваивались новые целинные земли, ранее никем незанятые. Такая экономическая черта характера не только для Джаркутана, но и для всех ранних городов Бактрии и Маргианы в эпоху поздней бронзы.

Наряду с Мохенджо-даро крупным городом является Хараппа, есть и менее значительные города Калибанган, Летал, Котади и др. с площадью от 5 до 12 га (Jochi, Madhu, Tassi, 1984).

Таким образом, историческая топография наиболее крупных памятников Древнего Востока имеет некоторые общие черты, что объясняется, несомненно их общим уровнем развития.

III.2. Стратиграфическое изучение.

Теперь рассмотрим хронологическое сочетание различных комплексов, вскрытых на Джаркутане. С этой целью нами, совместно с У. Рахмановым, проведен зондаж-шурфовка городища Джаркутан 19 стратиграфических шурфов на отдельных холмах и один разрез на "цитадели" (Рис. 7-9) (Рахманов, 1987, с. 4).

Ранее, в 1972 году, А. Аскарковым было заложен шурф на "цитадели"

Джаркутана. Данные материалы вместе с материалами стратиграфического изучения Сапалли-тепа легли в основу периодизации сапаллинской культуры в целом.

Комплексы, полученные из шурфа, хотя в количественном отношении и малочисленны, все же, дали возможность А. Аскарову хронологически расчленил время функционирования "цитадели", и Джаркутана в целом на два этапа - ранний Джаркутан и поздний Джаркутан, так как комплекс из нижнего слоя шурфа был идентичен керамике из Сапалли тепа (Аскаров, 1977, с. 60-64).

А. Аскаров на основе изучения материалов, полученных из Сапалли-тепа и Джаркутана, предложил для культуры Сапалли три хронологических этапа - сапаллинский (нижний слой Сапалли-тепа), джаркутанский (верхний слой Сапалли тепа и нижний слой Джаркутана) и моллалинский (верхний слой Джаркутана) (Аскаров, 1977, с. 60-63).

Далее А. Аскаров совместно с Б. Абдуллаевым, на основе изучения закрытых одновременных комплексов, полученных из 582 могил из некрополя Джаркутан 4, расчленил и комплекс моллалинского периода на два хронологически последовательных этапа - кузалинский и моллалинский (Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 40).

Таким образом, функционирование городища Джаркутан хронологически было разделено на три этапа: джаркутанский, кузалинский и моллалинский. Деление материалов из некрополя на три комплекса, выражающих три хронологически последующих этапа развития культуры Сапалли, в целом не вызывает сомнений, но, к сожалению, они возникают при выяснении времени функционирования некрополя Джаркутан 4а. Складывается впечатление, что "цитадель" Джаркутана функционировала на всех трех хронологических этапах культуры Сапалли, хотя верхний слой единственного шурфа, заложенного А. Аскаровым, несколько перемешан, так как основное место в шурфе занимала мусорная яма, образовавшаяся в период запустения городища (Аскаров, 1977, с. 60-63).

Естественно, возникает вопрос, вся ли территория Джаркутана функционировала одновременно, или же его освоение протекало поэтапно? Единственный метод разрешения данной проблемы - стратиграфически изучить каждый холи отдельна. С этой целью были проведены зондаж-шурфовка и разрезы.

В результате дорожных работ, в северо-западном углу "цитадели" Джаркутана образовался разрез, где зафиксированы контуры древней мусорной ямы, заполненной золой, костями животных и обломками керамики.

Нами, совместно с У. Рахмановым, сделана зачистка разреза (длиной 12,5 м, глубиной 45 м, толщиной охвата 1,0 м), материалы зафиксированы по микрослоям (Рахманов, 1987, с. 4).

В разрезе отмечены 33 слоя, прослойки линз, различающихся между собой как по цвету, так и по содержанию (Рис. 10, I-IV). Они в целом разделяются на три свиты (блока), содержание которых в свою очередь разделяется на три комплекса. Нижнее заполнение мусорной ямы мощностью 2,5 м, оно состояло из культурных напластований джаркутанского времени. Верхние микрослои,

толщина которых составляет 1,5 м, содержат керамический материал, несколько перемешанный с кузалинским и моллалинским комплексами (Рис. 12, II).

Третий микрослой (слои пронумерованы сверху вниз), длиной 1,2 м и толщиной до 0,6 м, содержат материалы кузалинского этапа, но с редким включением керамики моллалинского этапа (Рис. 11, II, 1-3). А вот, четвертый слой, толщиной 0,4 м, содержит только керамику кузалинского этапа (Рис. 11, II, 4; 12, I, 2). Наблюдаются линзы и прослойки, содержащие перемешанный керамический материал кузалинского и джаркутанского этапов (Рис. 11, II, 4, 8, 9) и чисто джаркутанский (Рис. 12, I, 1). Многие слои, прослойки и линзы не содержат керамических материалов.

Таким образом, материалы стратиграфического разреза и ранее заложенного шурфа свидетельствуют о том, что "цитадель" Джаркутана функционировала на всех трех хронологических этапах развития Сапаллинской культуры, джаркутанском, кузалинском и моллалинском (Рахманов, 1987, с. 4). Этому выводу не противоречат комплексы, полученные позднее, при раскопках дворца, патриархального дома и крепостной стены.

Ради справедливости, следует отметить, что материалы верхних горизонтов мусорной ямы шурфа, точно также, как и у позднее раскопанных комплексов, неоднородны, так как керамические комплексы моллалинского и кузалинского времени несколько перемешаны.

Тем не менее, они отражают хронологическую последовательность культурных напластований. Об этом свидетельствует значительное преобладание в одних (верхних) слоях моллалинского комплекса, в других (подстилающих их), кузалинского. Такая же картина наблюдается и в стратиграфических шурфах, заложенных на территории городища Джаркутан.

С целью стратиграфического изучения городища шурфы были заложены на следующих холмах: холме 1-3 шурфа; 2-1; 4-2; 6-2; 7-3; 8-1; 9-1; 10-2; 12-2 и один шурф заложен между холмами 4 и 5 (Рис. 10; 11, I).

Шурфовке подвергались в основном северные и восточные холмы, где находится само городище. Южные и западные холмы заняты под могильником, не подвергались изучению методом шурфовок, так как здесь это мало результативно и более эффективен метод раскопа на широких площадях.

Шурфы, в основном, имели размер 4х4 м, 2х4 м и 2х2 м. Результаты шурфовки показали, что толщина культурных слоев на Джаркутане нигде не превышает 1,7 м.

В шурфах отмечены слои джаркутанского и кузалинского этапов сапаллинской культуры. Культурные напластования верхних горизонтов шурфов везде разрушены и развееаны. Слои моллалинского этапа сохранились очень плохо в большинстве случаев они разрушены.

Как видно из таблицы, территория Джаркутана неодновременна. В 8 случаях освоение территории относится к джаркутанскому этапу, в 4 - к кузалинскому и в 2 - к моллалинскому. В 5 шурфах (2, 3, 5, 14, 16) зафиксированы материалы только джаркутанского и кузалинского времени; в 2 (4, 6) представлены материалы всех трех этапов; в 2 (15, 19) только

джаркутанского; в 4 (1, 7, 12, 17) только кузалинского и только в 1 (9) случаев зафиксированы материалы моллалинского этапа сапаллинской культуры (Рахманов, 1987, с. 5-7). Таким образом, стратиграфическому изучению подвергались 8 холмов (шурфы), "цитадель" (разрез, шурф, раскопка), холм 5 (раскопки) и др., которые и составляют центральную часть Джаркутана. Его окраина - южные и западные холмы, занятые под могильник, изучались сплошным вскрытием.

Итак, центральная часть Джаркутана - "цитадель", 9 холмов (1-8, 10), судя по керамическим материалам, полученным из шурфов, освоены в джаркутанском этапе сапаллинской культуры. Только холмы и курганообразный маленький холмик, расположенный между холмами 4 и 5, были освоены в кузалинском этапе. Здесь, как этому свидетельствуют материалы шурфа, не обнаружено остатков каких-либо строений. А холм 9, обособленный островок, окруженный рвами, расположен чуть в стороне от основного ядра городища и, судя по рельефу, являлся могильником, использованным, по всей вероятности, в кузалинском этапе.

Как показали материалы шурфов, освоение плоскостей конкретных холмов начиналось с середины его территории, а края, последовательно, по мере разрастания жилищных массивов и производственных мощностей. Примером этому служит холм 1 - самый крайний, северо-восточный. Шурф (19), заложенный в центре холма, дал материал исключительно джаркутанского времени, а шурфы (17, 18), на окраинах, материалы кузалинского и моллалинского времени. Такая же картина наблюдается и на холме 7, где шурфы (6) в середине холма содержат керамические комплексы всех трех этапов, а шурф (8) на окраине, только кузалинский.

В кузалинском этапе максимально осваивается территория центрального Джаркутана.

Культурный слой, содержащий материалы моллалинского, завершающего этапа культуры Сапалли, в некоторых холмах (4, 8 10) не обнаружен, что свидетельствует о начале запустения городища. Но не исключено, что данный факт объясняется и тем, что верхние культурные горизонты подвергались разрушению и развеянию.

Стратиграфическая ситуация Джаркутана в значительной степени отличается от характера накопления культурных напластований Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе, Анау, Тепе Гиссар, Шах-тепе, Шахри-Сохте, Мундигака и др. древнеземледельческих центров, где в пределах ограниченной площади накапливаются культурные отложения толщиной до 30 м, характерные для памятников эпохи энеолита и бронзы юга Туркмении и Среднего Востока. Эта традиция, с основанием новых земель носителями культуры Намазга VI, была нарушена. На новых местах жилые массивы образовывались разбросанно и в настоящее время представлены в виде отдельно стоящих невысоких холмов, каждый из которых, как показали раскопки, являлся комплексом различной планировки и функционального назначения - "дворец", храм, общинный поселок и т.д., по-видимому, продиктованное социальными причинами, что отражено и в планиграфии, и в

стратиграфии. Поэтому, мощность культурных остатков на каждой из холмов не превышает более 1,7 м. Археологический материал содержит один или два, гораздо реже три хронологических этапа культуры. Аналогичная картина наблюдается на памятниках эпохи развитой бронзы Мургабского оазиса юга Туркмении, дашлинского и ничкинского оазисов северного Афганистана и южного Таджикистана, где мощность культурных отложений небольшая - 1-1,5 м.

Таким образом, Джаркутан представляет собой агломерацию поселений, отражающих в своем лице раннегородские организмы. Отдельные строительные комплексы, как по форме, так и по функции, резко отличаются друг от друга. Среди холмов резко выделяются "цитадель" и холм 6. Последний расположен на наиболее возвышенной части территории Джаркутана. В результате раскопочных работ выяснилось, что он был занят общественно-культовым центром - храмом огня, архитектурно-планиграфическая структура которого несравнима с другими комплексами Джаркутана, она даже не имеет себе равных по монументальности в целом среди подобного рода сооружений Ближнего Востока в рассматриваемое время.

Формирование "цитадели" на Джаркутане свидетельствует о глубоких изменениях в социально-экономической структуре древнего общества, не вмещающегося в рамки первобытнообщинного строя. Как показало историко-топографическое изучение и результаты раскопок, "цитадель" обособлена, окружена крепостной стеной, в западной части расположен дворец, по середине размещены жилые массивы, они между собой разделены пустырями-впадинами, которые в древности, возможно, выполняли функции улиц и площадей.

Как показали результаты раскопок на холмах 5 и 7, они были заняты под общинные поселения, которые по монументальности планиграфии и по функции резко отличались от "дворца" и храма.

На Джаркутане четко выделены "цитадель", храм и жилищные кварталы. В дальнейшем, в классическом древневосточном городе они превратились в неотъемлемую часть городского организма, и представлены, как цитадель - место обитания правителей общества, храмы, мечети - как идеологические религиозные центры, а также, городские кварталы или же сельские усадьбы.

Таким образом, материальная культура Джаркутана зафиксировала крупный перелом исторического развития общества от первобытного строя к классовому образованию.

Позже, во второй половине джаркутанского этапа, окончательно прекращающиеся погребения умерших внутри поселения некрополь выводится за пределы города, в специально отведенное место. Классическим примером этому служит некрополь Джаркутана, который простирается на несколько десятков гектаров, где насчитываются десятки тысяч могильных ям.

Также, впервые ремесленные кварталы выводятся за пределы жилищных кварталов, что прослеживается на Джаркутане. В данном случае речь идет о керамических обжигательных печах, которые есть в Алтын-депе, Улуг-депе и на других памятниках южного Туркменистана (Масимов, 1970, с. 51-63; 1972, с.

35-45; Щетенко, 1970, с. 43-45) и в Сапалли-тепа (Аскаров, 1977; Рахманов, 1981, с. 142-143) расположены в пределах поселений. А в Джаркутане они выведены в специально отведенные участки, в данном случае, холмы 1 и 2.

Результаты раскопок показали, что именно на этих двух крайних холмах (1, 2) были сконцентрированы обжигательные керамические печи, разбросанные на большой территории, они находились друг от друга на расстоянии 15-20 м и не имеют никаких строительных остатков. По-видимому, мастера-керамисты еще не отделились от общего общинного поселения или же один из близлежащих холмов был занят под их жилые массивы.

Таким образом, подводя итоги историко-топографическому изучению Джаркутана, можно констатировать, что он резко отличается от малых памятников изучаемой эпохи и энеолитических памятников Средней Азии

Широкое планиграфическое изучение Джаркутана дает возможность реконструировать социально-экономическую структуру общества носителей культуры Джаркутан и древней Бактрии в целом.

ГЛАВА IV ПЛАНИГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДЖАРКУТАНА

IV.1. "Цитадель". Комплексы, полученные при раскопках крепостной стены

Как отмечалось выше, "цитадель" в плане имеет округлую форму и занимает около 3 га территории. "Цитадель" была окружена земляным валом, судя по микротопографии (Рис. 2, I). В целях изучения конструкции земляного вала было заложено два раскопа на восточной и южной окраине "цитадели" (Рис. 3, II).

В настоящее время вскрыто более 85 м крепостной стены "цитадели" (Рис. 2, I). Стало ясно, что весь восточный и южный фасады "цитадели" были окружены крепостной стеной. Последняя сооружена в соответствии с определенными требованиями, предъявляемыми к фортификационным сооружениям. Толщина стены различна, вероятно, это зависело от рельефа местности. Южный блок оборонительной стены имеет толщину от 2,5 до 2,8 м, тогда как восточный от 1,4 м до 2,4 м. Стена сооружена исключительно из крупноформатного сырцового кирпича размером 9-12x24x26x50x55 см. Сохранность высоты стены до 1 м, во многих участках она обвалилась.

Крепостная стена усилена с обеих сторон контрофорсами. Они ритмично чередуются через определенное расстояние (Рис. 2, I).

Контрофорсы двух типов: маленькие, в виде узкой стены и массивные, в виде больших площадок. В большинстве случаев, контрофорсы разрушены: они сползли в обрыв. Такими же контрофорсами усилена крепостная стена Хасанлу ШВ Ирана (Dyson, Muscarella, 1989, p. 1-28, fig. 2).

Крепостная стена сооружена на хорошо сnivelированной поверхности. Сооружение специального фундамента не наблюдается, хотя на южном участке, около входных ворот, крепостная стена покоится на галечной насыпи. Расчищен участок стены, длиной 12 метров, поставленный на галечный слой, толщина последнего 10-12 см. Вероятно, это было связано с обособленностью данного участка, поскольку здесь расположены главные ворота "цитадели".

Очевидно, оборонительная стена окружала цитадель, включающую дворец и жилые дома. В северо-восточной части, вдоль стены открыты три прямоугольных в плане помещения. Три других помещения раскопаны за пределами оборонительной стены, в южной части цитадели, около главного входа. На остальных участках за оборонительной стеной каких-либо иных помещений не обнаружено. Крепостная стена сооружена на этапе Джаркутан 1 и частично функционировала позже, о чем свидетельствует керамический комплекс (рис. 13, II; 14, II, 1-7).

Оборонительная стена "цитадели" приходит в упадок в период Джаркутан III, так как некоторые обвалившиеся участки стены не восстанавливались и превратились в мусорные свалки.

Предметов вооружения около оборонительной стены найдено немного. Обнаружено всего несколько десятков каменных ядер и около десяти

наконечников стрел. По-видимому, это можно объяснить отсутствием военной угрозы извне. Сам факт сооружения оборонительной стены связан с социальными причинами и фактором освоения новых земель.

На двух участках, на северо-восточной и южной части "цитадели", вдоль крепостной стены вскрыты жилые дома. Дом на северо-восточном участке, состоящий из трех помещений, построен изнутри в притык вдоль крепостной стены. Все дома прямоугольные в плане, размерами 3,4-3,8x4,9 м, одинаковы по площади - 16,7 кв.м; 19,4 кв.м и 19,6 кв.м. Судя по планировке, первые два помещения составляли одну секцию с общей площадью 364 кв.м. Там же, в середине помещения обнаружено парное погребение с восемью сосудами (Рис. 16, III; 17, II). При вскрытии помещений собрана небольшая серия керамических изделий, каменных ядер, кремневых наконечников стрел, пряслиц, зернотерок, терок, пестики, ступки, отбойники, ложила и другие предметы.

Эти три помещения, по-видимому, составляли один общинный дом, представляющий жилье одной семьи. Судя по находкам каменных ядер и наконечников стрел, они были функционально связаны с оборонительной стеной.

В южной части цитадели, около главного входа, с наружной стороны крепостной стены зафиксированы три помещения расположенные в один ряд (Рис. 5, III). Здесь обнаружено более тысячи обломков керамики, десятков зернотерок, терок, пестиков, ступок, отбойников и др. (Рис. 25, II, III). Судя по керамическим и каменным изделиям помещения были сооружены в период Джаркутан II и связаны с переработкой продуктов питания.

IV. 2. "Цитадель". Комплексы, полученные при раскопках многокомнатного дома.

Топографическая ситуация «цитадели» не сложная. Здесь четко прослеживаются общие ворота, улицы, пустующие площади, а между ними бугорки разных конфигураций. На одном из них был заложен раскоп (Р-3), расположенный ближе к восточной части "цитадели". Этот бугорок топографически выделяется. Он вытянутой формы, направлен с юга на север, и с некоторыми понижениями с южной стороны присоединяется к обводному валу.

Раскопками оголена планировка одного т.н. патриархального общинного хозяйства. Это 4 помещения расположенные рядом. Они выстроены на одной линии (Рис. 2, II).

В северо-восточном углу помещения 4 обнаружено погребение. Оно имеет овальную форму. Его размеры 1,4x0,9 м. Скелет покойного отсутствует. В погребении зафиксированы 6 сосудов: ваза, кубок, конический сосуд, кувшин (Рис. 18, III, 6, 7, 12, 14). Весь комплекс датируется временем Джаркутан I.

Результаты раскопа 3 показывают, что один дом - хозяйство состоит из двух секций, каждая включает два помещения.

Вместе с тем в помещении 6 была расчищена круглая в плане мусорная яма

глубиной около 1 м, содержащая лепную и расписную посуду, нехарактерную для сапаллинской культуры. Это типичные формы для периода Кучук-1 раннежелезного века. Комплекс состоит из крышки круглой формы с петлей в середине для захвата, полусферических мисок, хумчи, горшков, котлов, вытянутой формы с волнистым венчиком, чаш и мисок полусферической формы расписных и нерасписных и др. (Рис. 19б, III; 20, I), которые датируются 1000-900 гг. до н.э. (Аскарлов, Альбаум, 1979).

После керамики самые многочисленные каменные изделия: зернотерки, терки, пестики, ступки, отбойники, ядра и др.

Найдено три экземпляра пряслиц биконической формы, изготовленных из глины и алебаstra (Рис. 23, II, 3, 4) керамический шпатель (Рис. 23, II, 5) для выравнивания швов, халцедоновые бусы (Рис. 23, II, 1) и др.

По всей вероятности, это патриархальный дом одной семьи. Судя по находкам, жители были заняты переработкой сельхозпродуктов, возможно, ткачеством, не исключено, изготовлением каменных ядер.

Судя по планировке, жители комплекса стояли на верхней ступени социальной иерархии общества Джаркутана. Несомненно, они были не в одном ряду с обитателями дворца и храма. Однако комплекс расположен на территории "цитадели" и это свидетельствует о том, что его обитатели имели бесспорное преимущество и привилегии перед общиной, расположенной за пределами крепостной стены.

IV. 3. "Цитадель". Комплексы, полученные при раскопках дворца.

Дворец расположен в западной части "цитадели" у самого края обрыва. Он строго квадратный в плане, ориентирован по сторонам света, имеет размеры 42х42 (Рис. 3, I). К сожалению, дворец полностью не сохранился, его западная сторона, где сейчас обрыв, по-видимому, еще в древности была размыта. Внешняя стена толщиной в 4-4,2 м усилена 13 квадратными башнями. Башни (4,0х4,4 м) расположены по углам комплекса попарно и в плане напоминают "ласточкин хвост", а в середине каждой стороны расположены по одной башни (Рис. 3, I; 5, I). Еще две находятся с двух сторон главного входа на западном фасаде. Одиночные башни расположены в середине фасада, а ворота, устроенные в южной стороне, симметрично разделяют комплекс на две части. Они состоят из длинного коридорообразного помещения с зауженными проходами в обоих торцах. Ширина прохода 0,9 м, размеры помещений 25х6,0 м.

Стены комплекса сохранились в удовлетворительном состоянии, их высота, в настоящее время, составляет около 1 м (Рис. 5, II).

Конструкция обводной стены дворца комбинирована кирпичной кладкой с пахсой (Рис. 6, I). Впервые на памятниках сапаллинской культуры зафиксирована сложная конструкция возведения мощных стен, где сочетаются кирпичная кладка с пахсой. Толщина четырехметровой обводной стены разделена на три полосы: по центру сооружена стена из цельных пахсовых

блоков, толщиной 1 м; по краям полосы, шириной 1,5 м каждая, из крупноформатного кирпича (10-12x25-26x50-55 см) (Рис. 6, I). Разрезы и тщательная зачистка показали, что пахсовое ядро стены и кирпичная кладка с двух сторон были возведены одновременно. По-видимому, данная конструкция в строительстве монументальных сооружений применялась в целях антисейсмичности.

За обводной стеной, судя по разрезу проложенной траншеи (30 м), наблюдается умеренное понижение материка. Заполнение этого "котлована" резко отличается от материкового грунта, где прослеживается прослойка строительных отбросов, угольки, кое-где скопление золы, редко встречается битая керамика. "Котлован" мог образоваться из-за выбора земли для строительства дворца. Он неглубокий (0,6 м) (Рис. 6, II). Судя по всему, оборонительного рва и водоема вокруг дворца не существовало.

IV. 3.б. Внутренняя планировка дворца.

Внутренняя планировка дворца (34x34) довольно простая. Бытовые и ремесленные помещения построены по периметру обводной стены (Рис. 3, I). Помещения расположены только в один ряд. Центральная часть дворца без помещений - там установлена суфа (Рис. 3, I). Все помещения обращены в сторону центральной части комплекса. Их связывают неширокие дверные проемы. Выявлена планировка девяти помещений. Судя по топографии, помещений могло быть 14-15. Открытые комнаты прямоугольные в плане, размер самого маленького - 2,0x35 м (пом. 3), большого - 5,8x62 м (пом. 1).

Все помещения, кроме 8, относятся к первому строительному периоду, последнее ко второму. Помещение 9 выделяется своими размерами, убранством, тщательностью обработки поверхности пола и стен. Здесь имеется сразу же два алтаря огня и два бытовых очага. По-видимому, обитатели помещения 9 занимали более обособленное положение.

Суфа. Центральная часть комплекса занята огромной, почти квадратной в плане суфой (12,8x13,8). Ее сохранившаяся высота 0,6 м. Суфа сооружена из специально утрамбованного грунта, который почти однороден - сыпучая комковатая земля с очень редкими обломками керамики.

Стена длиной 3 метра выведена от стен помещений в сторону центральной части дворца. Она повторена через каждые 5-6 метров. По-видимому, эти стены служили опорами айванных перекрытий, которые были открыты в сторону центральной суфы.

Во внутренней планировке дворца наблюдаются некоторые другие архитектурные детали, функциональное назначение которых не очень ясно. Например, это три маленькие прямоугольные тумбы, пристроенные к свободной стене. Первая, находится у юго-западного блока обводной стены. Длина ее 2,2 м, ширина 1,2 м, при высоте 1,2 м. Вторая, расположена в южной части восточной стены, длина ее 3,2 м, ширина 1,2 м, высота 1,0 м. Третья, находится в восточной части северной стены. Длина ее 3,2 м, ширина 2,5 м, высота 0,9 м. Все три тумбы пристроены к обводной стене впритык, но шов

между ними отчетливо виден. Возможно, тумбы служили платформой, подиумом для другого сооружения. Не исключено, что они могли служить местом культовых жертвоприношений. Аналогичные тумбы, пристроенные к стене ранее зафиксированы в круглом храме и в дворцовом комплексе в Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с. 34-50).

Во внутренней части вдоль обводной стены по обе стороны входа открыта галерея коридоров или, так называемая "гребенчатая архитектура", с одной стороны, и 3 параллельных коридора, с другой (длина 2,5 м, ширина 0,9 м) открыты в сторону центральной суфы. Гребенчатая планировка уже известна в Дашли 3 в северном Афганистане (Сарианиди, 1977, с. 34-50, рис. 11-17).

Таким образом, можно реконструировать внутреннее убранство дворца, состоящее из нескольких ярусов по вертикали. Первый ярус, самый нижний, представлен суфой, в центре двора дворцового комплекса. Второй ярус, - крыши айванов, сооруженных со всех сторон суфы. Крыши домов, по всей вероятности, были чуть выше, чем айванов. Обводная стена, по-видимому, была наиболее высоким, четвертым ярусом, внутренней планировки дворца по вертикали (Рис. 4).

Открыто 6 погребений, связанных с дворцовым комплексом. Одно из них расположено внутри, остальные 5 за пределами комплекса.

Единственное погребение (6), найденное внутри дворца, расположено в северной части на краю суфы, прямо против ворот. В нем похоронен мужчина зрелого возраста. Скелет ориентирован головой на юго-запад. Он в скорченном положении, на левом боку, погребение богатое. Покойника сопровождают 11 керамических сосудов (Рис. 20, II) и одно бронзовое навершие булавы, которое, несомненно, являлось символом власти, отличия (Рис. 24, I, 5). Остальные погребения расположены впритык к внешней стороне обводной стены. Следует отметить, что три из них расположены с двух сторон ворот (погр. 1, 1а, 2). Вероятно, это имело какое-то символическое значение. С внешней стороны ворот, в левой части, обнаружено два погребения (1, 1а), в которых на одном и том же месте находятся мужчина и женщина, положенные друг на друга (Рис. 16, I). В верхнем погребении (1) обнаружены: сосуд, кубок (3 экз.), конический сосуд (2 экз.), ваза, чаша и кувшин (Рис. 16, I). Интересно отметить, что внутри горшка и у лица погребенного обнаружены три маленькие гальки. В нижнем погребении (1а) покоится женщина средних лет, которую сопровождает один единственный сосуд - горшок. У ворот захоронен также мужчина (погр. 2) с пятью керамическими сосудами - сосуд со сливом, плоское блюдо, кубок, чайник с трубчатым носиком, горшок (Рис. 16, II). В сосуде, который находился у лица покойника, была обнаружена галька. Остальные два погребения 3 и 4 принадлежат малолетним детям и сильно разрушены. Сопровождают их по 2-3 миниатюрных керамических сосудов. Погребения расположены в южном фесе, у средней башни. В одном из них (3) обнаружен только череп младенца, остальные части костяка отсутствуют. Под головой погребенного найдены две речные гальки и три сосуда - пиала, чаша, чаша со сливом. Керамические материалы всех погребений относятся к джаркутанскому этапу сапаллинской культуры (Рис. 16, II; 20, II).

Необходимо упомянуть и о культурном отложении за обводной стеной, где найдены целые зернотерки, ступки, пестики, терки, ядра и др. Много найдено кухонной керамики, которая изготовлена из огнеупорной глины и сильно закопчена. Зафиксированы остатки разрушенного очага и тандыра. Судя по находкам, на этих площадках, прямо у обводной стены, в особенности на юго-восточной стороне, обрабатывали зерновые, изготавливали пищу, возможно, пекли лепешки.

Архитектурная планировка дворца Джаркутана находит близкую аналогию с северо-афганским Дашли 1, маргианским Тоголок 21 (Сарианиди, 1977, с. 30-33, рис. 9; 1990, с. 102-154, рис. 21, 25, 35), памятниками эпохи бронзы, а также Игды-кала древнего Хорезма поры поздней античности (Толстов, 1962, с. 234-238, рис. 146).

IV.3.в. Керамический комплекс.

При раскопках дворца обнаружено большое количество керамики, орудий труда и оружия, украшений и другого инвентаря различного назначения. Основную массу составляет керамика. Всю керамику можно разделить на лепную и гончарную.

Лепная посуда составляет меньше 1 процента. Это кухонная посуда - котлы, сковороды, горшки и др. В мусорных ямах обнаружена лепная расписная и нерасписная керамика периода Кучук-1 раннежелезного века.

Гончарная керамика Джаркутана, как правило, изготавливалась из тщательно обработанной глины, без примесей. Она хорошо обожжена. Большинство сосудов снаружи покрыты светлым, а на завершающих этапах, красным ангобом.

В коллекции керамических изделий дворца имеется около 20 целых сосудов, которые дают возможность описать и выделить несколько вариантов типов сосудов. Встречается ваза двух вариантов - ваза на низкой ножке с коническим развернутым резервуаром (Рис. 20, II, 1-3) и ваза на высокой ножке с коническим резервуаром со слегка отогнутым венчиком (Рис. 20, II, 3) кубок на ножке с глубоким резервуаром (Рис. 20, II, 10; 16, II, 11, 14; 16, I, 1-3), конический сосуд (Рис. 20, II, 6-9; 16, I, 6), коническая чаша со слегка выделенным венчиком (Рис. 16, II, 4, 9; 16, I, 7), коническая чаша более удлиненной формы с вытянутым резервуаром (Рис. 20, II, 9), чаши со сливом (Рис. 16, II, 15), кувшин с яйцевидным и сплюснутым туловом (Рис. 16, II, 2, 5; 16, I, 5), плоские тарелки (Рис. 16, II, 12), чайник с трубчатым носиком (Рис. 16, II, 13), пиалы (Рис. 16, II, 8) и др. Также собрано несколько тысяч фрагментов керамики, из них около 40 процентов - фрагменты стенок сосудов и донца, остальные венчики, по которым можно определить форму сосуда. Они составляют следующие типы: вазы, кубки, хумчи, конические сосуды (тагоры), хумы, кувшины, горшки, чайники, пиалы, сфероконические миски, котлы, сковорода, крынки, чаши со сливом, графины и др. (Рис. 16-17).

Вазы разделяются на два варианта: вазы с глубоким коническим резервуаром со слегка вогнутым вовнутрь венчиком (Рис. 22, I, 6, 3, 13) и вазы с

коническим резервуаром со слегка отогнутым венчиком (Рис. 22, I, 7).

Кубки разделяются на варианты: кубки с глубоким вытянутым резервуаром (Рис. 21, III, 7) и кубки со сфероидным резервуаром (Рис. 20, II, 10, 11).

Чайники имеют сфероидные и шаровидные тулова с трубчатым сливом (Рис. 16, II, 13).

Кувшины встречаются с шаровидной (Рис. 22, III, 2), реже яйцевидной (Рис. 21, III, 13) и грушевидной формой тулова (Рис. 22, I, 11). Миски в основном полусферические (Рис. 22, II, 2). Чаши полусферические, иногда, с прямым бортиком и клювовидным сливом. Крынки имеют вытянутое тулово и слегка отогнутый наружу венчик. Графины имеют узкое горло, каплевидное тулово. Горшки представлены несколькими вариантами форм тулова: шаровидная, сферическая (Рис. 22, II, 1, 4, 10). Конические сосуды (тагора) огромные по размерам, венчик выделен четко, стенки толще, чем у ваз, массивные (Рис. 22, II, 5, 11, 13, 15).

Котлы имеют шаровидную форму, изготовлены из огнеупорной глины, лепные (Рис. 21, I, 4, 7, 12, 13). Сковороды (жаровни) имеют массивный пирамидальный бортик, толстостенные, лепные (Рис. 20, III, 15). Хумы и хумчи массивные, толстостенные, венчики круглые в плане, крупные по размерам (Рис. 21, III, 1-3; 22, II, 2, 10).

Керамический комплекс из дворца хронологически разделяется на три периода сапаллинской культуры. Керамический комплекс из двух нижних уровней полов и заполнения между ними представляет варианты посуды джаркутанского этапа. Верхние два уровня пола дают несколько перемешанный керамический комплекс кузалинского и моллалинского периодов.

Расписная керамика. При раскопках дворца было зафиксировано 5 мусорных ям, при зачистке которых извлечено большое количество фрагментов лепных и гончарных сосудов. Лепная керамика разделяется на расписную и нерасписную (Рис. 21, I, II). Расписная посуда в основном представлена полусферическими чашами с круглым дном, горшками с шаровидным туловом и слегка отогнутым венчиком (Рис. 22, I). Орнамент, как правило, расположен вдоль венчиков чаш и горшков (Рис. 21, II). Только в одном случае его нанесли в придонной части сосуда (Рис. 21, II, 4). Орнамент в виде угольников, заполненных косой штриховкой (Рис. 21, II) или же параллельными (Рис. 21, II, 2) и горизонтальными ломанными линиями (Рис. 21, II, 3). В мотивах орнамента встречаются лепестки, пятна (Рис. 21, II, 5, 6). Орнамент нанесен светло-коричневой, красной, иногда, белой краской. Неорнаментированная лепная керамика дворца представлена следующими типами: полусферическими и глубокими чашами (Рис. 21, I, 1, 3), мисками (Рис. 21, I, 6, 9, 19), горшками (Рис. 21, I, 2, 4, 7), сосудами со сливом (Рис. 21, I, 8), хумами и хумчами (Рис. 21, I, 12, 13). По технике изготовления и по фактуре они совершенно идентичны расписным сосудам. Привлекает особое внимание сосуд со сливом (Рис. 21, I, 8), он в единственном экземпляре. Данный тип отсутствует в комплексе керамических изделий Кучук-тепа, Бандихан, Тилля-тепа, однако среди комплекса станковой керамики сапаллинской культуры он широко известен. По-видимому, этот лепной сосуд со сливом, является подражанием подобному типу

сосудов, так часто встречающихся в обиходе джаркутанцев.

Как уже отмечалось выше, в мусорных ямах "дворца" встречается и станковая керамика, характерная для сапаллинской культуры. Аналогичная картина характерна для всех памятников Бактрии в пору раннежелезного века (Аскарлов, Альбаум, 1979, с. 27; Сагдуллаев, 1967, рис. 20, 21). Гончарная керамика из мусорных ям представлена 9 типами посуды: полусферические чаши, миски с вертикально поставленным бортиком, кувшины, хумы с треугольными и округлыми в разрезе венчиками, биконические сосуды, конические сосуды, цилиндрические горшки, банки, миниатюрные сосуды на кольцевом поддоне и др. Среди гончарной посуды, извлеченной из мусорных ям, встречаются новые типы сосудов, которые неизвестны среди керамических изделий Джаркутана. К ним относятся: миска с вертикально поставленным бортиком, цилиндрические горшки, банки и сосуды на кольцевом поддоне.

Также из дворца происходит несколько групп маленьких поделок, изготовленных из обожженной глины. Одна группа таких предметов - терракотовые булавы. Они имеют шарообразную форму с круглым углублением, диаметр углубления 1,0 см, глубина 1,8 см (Рис. 24, II, 13).

Несколько биконических пряслиц, изготовленных из обожженной глины, найдено в дворовой части дворца. Они по форме и размерам копируют известные каменные пряслица.

Диск-колесо (диаметр 5,0 см), со сквозным отверстием в центре (диаметр 1,3 см), биконической формы, в разрезе сплюснутое. Оно изготовлено из обожженной глины. Обе поверхности расчерчены многочисленными, уходящими от центра линиями. Орнамент напоминает разбегающиеся от одного центра световые лучи-звезды, солнца. Пучок лучей замыкает круг (Рис. 24, I, 1). Возможно, этот предмет являлся глиняным модулем небесного колеса.

Собрана коллекция керамических скребел для кожи, которых более 40 экз. Изготовлены они из обломков керамических сосудов. По форме круглые и овальные, диаметром 2,6-7,0 см (Рис. 23, III). Аналогичные керамические орудия труда на памятниках эпохи бронзы были известны и ранее (Хлопин, 1974, с. 10).

Судя по керамическим материалам, дворец был сооружен в джаркутанское время (середина II тыс. до н.э.). Все погребения относятся к этому же времени. Одинокое погребение (2) у ворот, расположено на 50 см выше, чем основание обводной стены. Погребение (9), расположенное внутри дворца, покоится не на материке, а в культурном слое. Все это свидетельствует о том, что дворец является одним из самых ранних сооружений Джаркутана.

Запустение дворца приходится на X-IX вв. до н.э., так как, в мусорных ямах обнаружен керамический комплекс, характеризующий моллали-бустанское время сапаллинской культуры и раннежелезного века.

Нам представляется, что носители культуры Джаркутана в какое-то время могли сосуществовать с пришлыми этническими группами, о чем свидетельствуют материалы из мусорных ям, где были обнаружены наряду с лепной керамикой и гончарная посуда

I.V.3.г. Металлические изделия

Металлические изделия из дворца не многочисленны, их всего около 10 экз. Среди предметов особое внимание заслуживают навершие булавы, найденное в погребении 6 и музыкальный инструмент, найденный в помещении 4.

Навершие булавы сильно окислено, форма овально-удлиненная сплюснутая. Вершина дугообразная. Основание состоит из четырех остроконечных пиков. Внутренняя часть изделия полая лишь с одной перегородкой. Сохранились куски от деревянной рукоятки. Длина предмета 8,5 см, ширина 4,5 см (Рис. 24, I, 5). В коллекции металлических изделий уникальным является музыкальный инструмент - дудка, который был найден на верхнем полу помещения 4. Дудка в виде специально оформленной трубочки, плавно сужающейся к краю. Инструмент сохранился не полностью. Длина его 7,0 см, диаметр 0,7-0,3 см. Широкий конец предмета слегка сплюснут. Инструмент внутри полый, со всех сторон имеются очень узкие отверстия (едва проходит иголка). На каждой поверхности просверлено в два ряда по три отверстия асимметрично друг к другу. Имеются также по два отверстия в торце и по бокам инструмента (Рис. 24, II, 5). Таким образом, на поверхности инструмента насчитывается 18 отверстий. Внутренняя полость инструмента разделена на две части. Определить звучание данного инструмента не представляется возможным из-за его фрагментарности. Тем не менее, можно предположить, что перед нами музыкальный инструмент. Аналогий ему на памятниках эпохи бронзы Бактрии и Маргианы не известно. Но аналогичный предмет имеется в коллекции металлических изделий Тилля тепа, памятника раннежелезного века и античности (Сарианиди, 1990).

Бронзовые и каменные косметические флакончики (Рис. 24, I, 3, 4) найдены в помещении 6 и 9. Один бронзовый флакончик целый. Его высота 7,2 см, диаметр отверстия 1,0 см, диаметр тулова 3,6 см (Рис. 24, I, 4). Косметические металлические флакончики очень широко распространены на памятниках финальной бронзы Бактрии, Маргианы и сопредельных территорий.

Два гвоздя один целый, другой обломанный, - были найдены в помещении 1. Длина целого 6,7 см, другого 6,5. В сечении они квадратные 0,5-0,6 см и 0,4-0,5 см (Рис. 24, II, 1, 2). Квадратные в сечении бронзовые гвозди очень редкая находка на памятниках сапаллинской культуры. В Сапалли-тепа найдено всего несколько гвоздей с квадратным сечением (Аскарлов, 1977, с. 197. Табл. XXXIII, 14-16, 19).

Круглый в сечении металлический стержень, длиной 12,6 см, диаметром 0,7 см, найден в помещении 5 (Рис. 24, II, 8).

В помещении 2 на полу обнаружен маленький брусок, слегка суженный к одному из концов. Его длина 3,5 см, диаметр сечения 0,4 см (Рис. 24, II, 3).

В помещении 5 на полу, найдены два бронзовых изделия. Первое - сильно деформированный прут, круглый в сечении (0,3 см), вероятно, серьга или же кольцо (Рис. 24, 4). Второе - тонкий обломок листовидного изделия. Не

исключено, что перед нами обломок вотивной сохи (Рис. 24, II, 7).

Среди металлических изделий особый интерес представляет восьмилепестковая печать, зафиксированная во дворце. На лицевой стороне печати рельефное изображение восьми лепестков, в центре которых деформированный круг. Посередине оборотной стороны имеется полукруглая петелька. Диаметр печати 4 см, толщина всего несколько миллиметров (Рис. 24, II, 11).

Несколько бронзовых предметов, не поддающихся описанию, также найдено во дворце. Величина их всего в несколько миллиметров.

IV.3.д. Каменные изделия

Они являются самой массовой находкой после керамических изделий и по типам, и по количеству. В коллекции много орудий труда, предметов быта, украшений и других изделий.

Печать. Две печати, изготовленных из окаменевшего известняка, найдены в помещениях 5 и 6. Первая печать круглая в плане, ее диаметр 3,5 см. На лицевой стороне барельефно изображены 4 лепестка, расположенных крестообразно (Рис. 24, II, 12). Аналогичные печати известны на других памятниках Бактрии и Маргианы.

Вторая печать также изготовлена из окаменевшего известняка. Она круглая в плане, диаметром 3,9 см. Лицевая сторона изделия разделена на четыре сектора равносторонним крестом. В центре креста вырезана круглая точка. По середине с помощью четырех точек изображен квадрат. По краям круга нанесено 19 насечек и 18 точек. Круглые точки нанесены методом сверления. Удлиненные насечки, методом резания и шлифовки. Обратная сторона также оформлена точечками и полукруглой петлей. По краям равномерно расположены 5 точек, в центре которых, петля (Рис. 24, I, 12).

Изображения на печати, видимо, имели космогонический характер. Крест, расположенный внутри точек и удлиненные насечки, по краям круга, вероятно, олицетворяют единство вселенной.

Интересен косметический флакончик, изготовленный из окаменевшего известняка. Он имеет фаянсовый белый цвет. Форма флакончика аналогична бронзовым, с одной разницей, у первых, плоское донцо тупо срезано, тогда как у вторых - металлических оно слегка выделена. Форма реповидная с высокой шейкой и отогнутым наружу венчиком. Высота 5,7 см, диаметр тулова 4,2 см, диаметр отверстия горла 1,0 см (Рис. 24, I, 3).

Бусы. В помещение 4 на суфе были найдены бусинка и заготовка для нее. Бусинка биконической формы, изготовлена из мраморизованного известняка (Рис. 24, II, 6). Лазуритовая заготовка для бус бесформенная, с несколькими просверленными отверстиями (Рис. 24, II, 16).

Прялица. Они найдены во дворовой части дворца, изготовлены из мраморизованного известняка, черного андезита. Форма, как правило, биконическая (Рис. 24, II, 15). Андезитовая пряслица оформлена четырьмя круглыми глазками (Рис. 24, II, 15). По-видимому, пряслица могли иметь и

идеологическое значение. Не исключено, что они служили оберегами для ткацких станков.

Грузила. Среди материалов выделяются предметы, которые следовало бы связать с ткачеством. Первый из них, - большой шар, имеющий желобок для привязывания веревки (вес 5,2 кг, рис. 23, I, 6). Он мог служить отвесом для вертикальных ткацких станков.

Другой отвес имеет грушевидную форму. Его вес около 1 кг (Рис. 23, I, 5). Он специально изготовлен для применения вертикальных ткацких станков.

Орудия земледелия. Из находок наиболее многочисленны орудия труда земледельцев, изготовленные из магматических пород. Это зернотерки, терки, пестики, ступки, отбойники и др. Перечисленные орудия труда связаны с переработкой продуктов питания.

Зернотерки обнаружены во всех помещениях, их всего 21 экз. Особое скопление зафиксировано в помещении 5. Размеры зернотерок разнообразны. Их длина 24-50 см, ширина 15-40 см, толщина 6-20 см. По форме они разделяются на овально-удлиненные, округлые, прямоугольно-продолговатые (Рис. 25, I).

Терок по количеству меньше, чем зернотерок (12 экз.). Последние по форме разнообразны: овально-удлиненные, треугольные, прямоугольные, трапецевидные и др.

Ступки (4 экз.), они разделяются на глубокие и плоские, большинство в виде фрагментов (Рис. 26, III).

Пестики. Их всего 8 экз. Все они представлены в виде обломков, круглые в сечении, диаметр 9-11 см (Рис. 26, I). В помещении 5 обнаружена наковальня. Она имеет неправильную округлую форму. Поверхность с обеих сторон ровная (длина 24 см, толщина 12 см). Выбоины, в основном, сконцентрированы на середине рабочей поверхности. В микротрещинах под микроскопом видны окислившиеся остатки бронзы. По всей вероятности, наковальня была использована дляковки металла.

Точильные предметы. Плоские и трапецевидные плиточки. Их использовали для заточки режущих металлических предметов.

Лощила для обработки кожи, они найдены почти во всех помещениях. Предметы изготовлены из речной гальки, имеют разнообразную форму: округлую, прямоугольную, продолговатую и т.д. Рабочая поверхность отполирована до блеска.

Ядра-отбойники. Круглые по форме весом 100-400 гр., изготовлены из речной гальки. Они использовались двояко - как оружие и как орудие для изготовления зернотерок (Рис. 26, II).

Подшипники (2 экз.). Круглые в плане и плоские в разрезе предметы, диаметром 12,5-15,0 см. В центре имеют выступ высотой 2 см. Их изготавливали специально, в качестве подпятников, потому и придавали дисковидную форму (Рис. 23, I, 3, 4).

Отщепы (18 экз.). Каменные изделия встречаются на всех памятниках эпохи бронзы. Полагают, что они, с приходом металлических орудий, в основном, исчерпали свои возможности использования в хозяйстве. Вместе с тем, из быта металл их полностью не вытеснил. Отщепы (10 экз.) и галечные

орудия использовались и как режущие инструменты, и в качестве скребел для чистки кожи.

Костяных изделий найдено очень мало, хотя костяные остатки, в целом, изобилуют. Это несколько костяных проколов. Длина одной из них 9,5 см. Проколки сделаны из расколотой трубчатой кости. Заостренный конец сильно отполирован, имеет зеркальный блеск (Рис. 24, П, 9, 10).

Итак, керамические изделия обнаружены во дворце самые обыкновенные, тем не менее, наблюдается преобладание кухонных сосудов в сравнении с другими объектами. Культовая керамика практически отсутствует. Наиболее массовая находка - орудия труда, связанные с переработкой продуктов земледелия.

Внутри дворца зафиксировано также зернохранилище. Много предметов, связанных с ткачеством, обработкой кожи, керамики и металлургии. Археологический комплекс дворца свидетельствует о концентрации различных ремесленных мастерских внутри комплекса.

Судя по архитектуре и находкам, дворец был обиталищем обособленных лиц. Об этом свидетельствуют также многолепестковые бронзовые и каменные печати, навершия булавы, модель Вселенной и другие престижные изделия.

Суммируя вышеизложенное можно заключить, что дворец был местом обитания высшего слоя общества. Не исключено, что он принадлежал вождям племен, сконцентрировавших в своих руках верховную власть. Джаркутанский дворец является одним из ранних дворцовых комплексов, отражающих социальную дифференциацию общества, возможно, уже сформированную власть имущих.

IV.4. Комплексы, полученные при раскопах храма.

Прямоугольный в плане храм (44,5x60 м), ориентированный по странам света, расположен к югу от цитадели. Храм защищен обводной стеной, толщиной 4,5 м (Рис. 27-29). Его построили по единому заранее продуманному плану. Внутренняя площадь храма четко подразделяется на три части: Восточную, Центральную и Западную, а функционально на культовую (Восточная, Центральная) и хозяйственно-производственную (Западная).

Культовая часть храма занимает большую восточную половину комплекса (центральная и восточная части, размеры ее 35x35 м). Это входной коридор длиной 25 м, двор-святилище с жертвенной комнатой и священным колодцем под айваном, сакральная платформа с главным алтарем под "чахартаком", хранилище священной золы типа "проаноса", с двумя боковыми помещениями, и сокровищница для хранения храмовых реликвий и богатства.

Меньшую, западную половину комплекса составляют хозяйственно-производственные строения храма. Последняя площадью 35x13 м.

Культовая и хозяйственно-производственная части комплекса разделяются стеной, длина которой 38 м, толщина 0,8 м.

Внутри храма выявлено 17 помещений разного размера, относящихся к трем строительным этапам обживания. Это обводные коридоры, 3 двора, 8

параллельных узких коридоров, мощенная дорожка, 5 круглых алтарей, 4 колодца, 4 входа и выхода, сакральная платформа, печи, мусорные ямы и др.

Тщательное стратиграфическое наблюдение позволяет выделить 3 строительных этапа существования храма. Они связаны с перепланировкой западной производственно-хозяйственной частью храма. Культовая часть остается почти без изменения с начала строительства до запусения объекта. В хозяйственно-производственной части, на втором и третьем строительных этапах сооружаются новые помещения, закладываются входы, вырубаются новые и т.д.

По всему комплексу наблюдаются четыре уровня пола. Один из ранних уровней имел настил из гравия. Такой же мелкой щебенкой были устланы полы входов и выходов дворов и улиц, коридоров. Сопоставление гравийного пола с глинянными полами входов и выходов других помещений позволяет определить строительные этапы внутренней планировки храма.

Первым строительным этапом обживания храма является фундамент, который покоится прямо на материке.

Стены некоторых помещений храма следует отнести ко второму этапу. Их построили на галечной вымостке, которой на первом этапе была покрыта вся пустующая поверхность объекта.

Стены третьего строительного этапа покоятся на 60 см слое культурных отложений. Последнее наблюдается под стенами помещений 16 и 17 в хозяйственно-производственной части храма.

Вертикальная стратиграфия мощенной дорожки во дворе 2 не противоречит разделению памятника на три строительных этапа. Здесь также четко наблюдаются три уровня галечной вымостки улиц (Рис. 33, II; 37, II).

Первый строительный период. Основная идея планировки храма была воплощена в самом начале его строительства. Позже внутренняя планировка храма претерпевает незначительные изменения, которые в целом не меняют картину.

Стены первого строительного этапа покоятся прямо на материке, который прослеживается в разрезах обводной стены, сакральной платформы, помещений, галереи коридоров.

К первому строительному этапу относятся следующие сооружения: обводная стена, обводные коридоры, сакральная платформа, 14 помещений, галерея коридоров, два входа-выхода 1 и 3, один колодец, один алтарь, мощенная дорожка и др. (Рис. 28, I).

Второй строительный этап. Стены второго строительного этапа покоятся на гравийном полу. Продолжают функционировать почти все внутренние стены храма. Перестраивается хозяйственный двор III, частично входной двор (1), вестибюль. Полностью отсекается хозяйственный двор (3), с прилегающими к нему помещениями (31, 16), от остальной, южной хозяйственно-производственной части храма. В связи с этим был прорублен новый вход-выход (4) для автономного функционирования комплекса.

Сделаны некоторые изменения в культовой части храма. Так, были вырыты, два колодца (2, 4) и сооружены три алтаря. Один из колодцев (1) был

зарыт и на месте его сооружен круглый алтарь огня (Рис. 28, II).

Третий строительный этап. Стены третьего строительного этапа сооружены на культурном слое, следовательно, его следует отнести к самому позднему периоду функционирования храма.

Внутренняя планировка храма в целом не меняется. Крупноформатным кирпичом полностью закладываются вход 3 и прилегающий к нему входной Т-образный коридор, вследствие чего отсекаются от хозяйственно-производственного комплекса помещения 13 и 14. Для автономного функционирования этих помещений был прорублен новый вход-выход (2) (Рис. 29, I).

IV.4.a. Строительные материалы, техника.

Основным видом строительного материала, из которого были сооружены храмы Джаркутана, Сапалли, Дашли 3, как и других памятников Бактрии этого времени, послужили изготовленные из лессовой глины крупноформатные кирпичи. Они прямоугольной формы, размерами 50-56x25-27x9x12 см. Кирпичи формовали из местной глины вперемешку с саманом. Связующим материалом служила жидкая глина с примесью самана. Толщина прослойки между кирпичами иногда достигает 8 см. Поверхность стен помещений и некоторых дворов (3), полов и платформы были неоднократно отштукатурены глиняным раствором.

При строительстве широко использовали серый аллювиальный песок, как добавку к лессовой глине. Возможно для увеличения пластичности штукатурки и для предотвращения растрескивания ее при высыхании. Так называемая "коалиновая" штукатурка была применена для отделки "винодельных" мастерских (пом. 9, 11). Она прослеживается в виде тонкой пленки, накладываемой в несколько слоев (до 5 слоев) Пол "винодельни" мастерской (пом. 9 и 11) отштукатурен гипсовым раствором. Широко применялась речная мелкая галька. Ею устланы двор-вестибюль, входные коридоры, основание входа и дорожки во дворе - святилище.

Отпечатки следов камыша в обгоревших комках глины свидетельствуют о том, что его использовали для оформления перекрытий помещений и коридоров. В конструкциях храма применяли также древесину, главным образом, для изготовления балок плоских перекрытий.

Основанием колонн "чехортака" служили крупные каменные глыбы (Рис. 37, I).

Стены всего комплекса храма Джаркутана возведены из стандартных кирпичей, размерами 50-58x25-27x9-12 см, т.е. почти кратными 1:2:4. В зависимости от сочетания кирпичей в кладке, стены имели стандартную толщину - 50-55 см, 75-80 см, 100-110 см. Обводная стена составляет исключение, она имеет толщину 4,5 м. Связка швов раствором в кладке, сделана как по вертикали, так и по горизонтали.

Открытая часть проходов и дворов, в виде узкой дорожки, выстлана мелким гравием, специально привезенным из пойм рек.

Наблюдается кладка в пяти вариантах (Рис. 32, IV): 1) кирпичи в один ряд по длине и поперек (Рис. 32, IV, 1); 2) в полтора ряда по длине и поперек (Рис. 32, IV, 3); 3) в два ряда и центральный ряд поперек, а боковые по длине продольно к линии стены (Рис. 32, IV, 3); 4) в два ряда - два кирпича в один ряд поперек, боковой, два продольных с одной стороны (Рис. 32, IV, 4); 5) в два ряда оба поперек к линии стены (Рис. 32, IV, 5).

По-видимому, строители храма знали систему измерения возможно, существовал модуль. Не исключено, что основой модули служила длина кирпича - 50-55 см.

При планировании храма учитывалось движение солнца. Начало его строительства, судя по ориентации храма можно отнести к летнему солнестоянию.

Планировка и архитектурные конструкции храма в целом свидетельствуют о существовании зачатков знаний по математике, геометрии, астрономии и т.д., что достигалось исключительно через практику жизни.

IV.4.5. Обводная стена, коридоры, входы, дворы, помещения

Храм обнесен мощной обводной стеной, длина которой 60 м, ширина 44,5 м, толщина 4,5 м. Обводная стена во всех трех строительных этапах не меняется. Изменяется лишь место расположений входов-выходов, - одни закладывают, другие прорубают.

Обводная стена сооружена из тщательно снивиленной поверхности. Линия направления обводной стены строго прямолинейна, башен или других элементов, которые обычно применяются при оформлении мощных обводных стен не наблюдается. Восточный блок обводной стены не прямолинейный. В его северной части выступает полукруглое помещение, подобное башням крепостных стен поздних времен, но это не фортификационная башня, а круглое помещение, хранилище огня - атешга (об этом ниже), сооружение прямо в теле обводной стены.

Во всех известных храмовых сооружениях обводные стены отличаются монументальностью. Например, в круглом храме Дашли 3, Тоголок 21 (Сарианиди, 1977, с. 34-50; 1990, с. 102-155), культовом центре Алтын-депе (Массон, 1981, с. 56-80), "круглом доме" в Тепе Гавра, в слое XI A (Tobler, 1950, p. 17-22), в "овальном храме" Хафадже (Moortsat, 1959, p. 20, fig. 16), культовом центре Тюренг тепе (Deshaus, 1948; Массон, 1964, с. 242), храма Мундигака-IV (Cosal, 1961, fig. 36) и многих других.

В планировке храма Джаркутана широко использована система обводных коридора. Они зафиксированы на западной, южной, восточной и северных частях. Ширина их 1,5 м, кроме южного, ширина последнего 2,3 м, длина от 15 до 25,5 м. Полы коридоров покрыты по-разному: западный, входной "Т-образный коридор был устлан мелким гравием, толщина слоя составляла 6-7 см; южный коридор - циновкой, а восточный и северный были только оштукатурены толстым слоем (5-8 см) глины.

Все эти коридоры функционировали на всех строительных этапах, кроме

западного, который на третьем строительном этапе, вместе с входом, полностью закладывают. Система обводных коридоров широко известна на памятниках эпохи бронзы Средней Азии.

Входов-выходов в храме было зафиксировано четыре. Главные ворота храма расположены на южном фасае, ширина которых 1,7 м. Остальные входы-выходы имеют узкий коридор шириной 0,9 м.

Входы-выходы функционировали не одновременно. Главный служил только в дни религиозных праздников, остальные ежедневно.

Дворы являлись неотъемлемой частью монументальных культовых сооружений. В храме Джаркутана их зафиксировано три. Это не просто случайно оставленные пустующие места, а преднамеренно запланированные дворы, о чем свидетельствуют двор-вестибюль (I), двор-святилище (II) и хозяйственный двор (III). Они по размеру, оформлению и по заполнению не одинаковы.

Двор I, размерами 83x9,3 м расположен у главного входа. Он выполнял функцию вестибюля.

Двор II, размерами 125x235 м, общая площадь 277 кв.м, резко отличается от прочих. В центре его находилась вымощенная дорожка, которая пандусом поднимается с юга на север. Пандус возвели из земляной насыпи и кирпича. Во дворе три круглых алтаря и три колодца, выполнявших культовую функцию.

Двор III квадратный в плане, размерами 10,5x12,7 м, расположен в западной части храма, он имел хозяйственно-производственное назначение.

Наличие дворов в общественно-культурных сооружениях - один из обязательных атрибутов. Правда, во многих не крупных святилищах эпохи неолита и бронзы Средней Азии и Древнего Востока их нет. В поздних храмах Древнего Востока везде появляются дворовые части. Они обнаружены в Нуши и Джан (Stronach, 1978, p. 1-11, fig. 1; 1972, p. 43-45, fig. 38), Кухи-ходжа (Gulleni, 1964, fig. V, VI; Кошеленко, 1966, с. 101), храм у террасы Персеполя (Schippman, 1971, p. 169), Дахани-Гуламон (Bousherlat, 1984, с. 137, fig. 11), Ак-бешиме (Нильсен, 1966, с. 65-74, рис. 21,22), Еркурган (Сулейманов, 1986, с. 110) и во многих других.

В храме Джаркутан выявлено 17 помещений разного размера и назначений. Планировка показывает, что помещения расположены неравномерно и сконцентрированы в основном в хозяйственно-производственной части храма.

Судя по планировке, интерьеру и заполнению помещений храма одна часть из них выполняла функцию хранилищ священного огня (пом. 1) и золы (пом. 5) другая включала: храмовую кухню, металлургическую мастерскую (пом. 8), "винодельню" (пом. 9, 11), бытовые и другие.

Как видно из нижеприведенной таблицы в храме почти нет двухкомнатных секций. Много отдельных крупных помещений, но они либо культовые (пом. 5), либо производственные (пом. 8). Только на втором строительном этапе выделяется двухкомнатная секция, состоящая из помещений 15, 17, с общей площадью 43,19 кв.м. Возможно, оно было единственным жилым помещением в храме. Другие (Б, В), явно не бытового назначения.

IV.4.в. Платформа.

Центральная часть храма, прямоугольная в плане, размерами 13x31 м, площадью более 400 м², сплошь выложена кирпичной кладкой и является сакральной платформой, имеет исключительно культовый характер (Рис. 36, II). Она состоит из 10 рядов кирпичной кладки общей мощностью 1,4 м. На поверхности платформы не обнаружено остатков никаких других сооружений, кроме четырех булыжниковых баз от колонн, расположенных в южной части напротив центрального зала (пом. 5) - хранилища священной золы. Сохранившаяся поверхность платформы на 1-1,2 м выше уровня полов, окружающих его помещений и дворов. Кирпичи в основном положены по длине и соответствуют длине платформы; местами наблюдаются кирпичные ряды, поставленные поперек. Кирпичная кладка читается хорошо, сверху выглядит как шахматная доска, так как цвет кирпича и швов контрастный, швы имеют серовато-болотный цвет, толщина швов между кирпичами 3-5 см.

Зачистки в контрольном шурфе показали, что основание платформы тщательно сневилеровано и покрыто мелким гравием, толщина слоя составляет 3-4 см. Поверхность платформы была отштукатурена саманно-глиняным раствором. Полы почти всех помещений, невзирая на их функциональное назначение, были тщательно отштукатурены.

В южной части платформы были найдены четыре каменные базы от колонн. Они располагались симметрично друг другу на расстоянии 2,50x3,50 м (Рис. 36, II). Базы уходят вглубь платформы на 1,5 м, имеют квадратную форму (0,90 м) (Рис. 36, II). Одна из них была расчищена до основания. Она углублена, прорезает всю толщину платформы и на 10 см уходит вглубь материка. В самом центре между базами находился алтарь огня, о чем свидетельствуют зольные скопления.

Выход из сакральной платформы осуществлялся через проход, расположенный в юго-западном углу микрокомплекса. Он с центра площади замечен не был. Вход как бы прячется за продольной стеной. Он неширокий, всего 0,80 м. Аналогичная картина наблюдается на памятниках VIII в. до н.э. в священной террасе Бард-е Нешанде и Масжиди-Солайман, где главная лестница, ведущая к алтарю имеет ширину 25 м, а две боковые более скромные и узкие (Гиршман, 1978, с. 69). Сакральная платформа Джаркутана очень близка сооружениям данного типа, известным на памятниках Ирана (Tobler, 1950; Гиршман, 1978, с. 67-73).

Алтарь огня на платформе храма Джаркутана находился под четырехколонным сооружением и, несомненно, доминировал не только в центральной части храма, но и во всем храме. От него сохранились четыре квадратные (0,90 м) каменные базы от колонн. Судя по характеру, сооружение было довольно высоким 7-8 м, широко открытым с четырех сторон. Его перекрытие, вероятно, было четырехскатным. Внутри сооружения располагался главный культ храма - квадратный алтарь огня, который, вероятно, был установлен на невысоком квадратном подиуме, подобно алтарям в Пасаргадах (ВИА, 1970, с. 311, 312) и Сурх-Котале (Шлюмберже, 1985, с. 59-63, рис. 51).

Принцип планировки четырехколонных сооружений храма Джаркутана, ахеменидского Ирана и более поздних зороастрийских - чахартаков сасанидского времени, одинаков.

Сакральная платформа была сооружена в самом начале строительства храма, чему свидетельствуют несколько десятков мелких фрагментов керамики джаркутанского времени, обнаруженных между кирпичами и в "колодце" основания баз. Планировка платформы не менялась до конца обживания храма. Необходимо подчеркнуть, что таких огромных по размерам платформ на памятниках эпохи бронзы Средней Азии и Ближнего Востока нет.

IV.4.г. Галерея коридоров

В восточной, культовой части храма, открыта галерея коридоров, так называемой гребенчатой планировки. Галерея состоит из 8 узких, параллельных коридорообразных помещений. Они ориентированы с юга на север, толщина стен-перегородок 1,05-1,2 м, длина 7,10-1,2 м, сохранившаяся высота 80 см. Ширина коридоров, образовавшихся между этими массивными стенами, составляет 0,9-1,0 м. Южные концы стен примыкают к еще более массивной (2,2 м), перпендикулярно лежащей, стене, таким образом, коридоры замыкаются с одной стороны, а с другой, - северной, они открыты и выходят к обводному коридору. Заполнение коридоров однотипно: гумусированный лёсс с включением фрагментов керамики, костей животных, почти не наблюдается зола, угольки.

Галерея коридоров сооружена в самом начале возведения храма и до конца его функционирования ее не перестраивали, лишь на третьем строительном этапе в 4-ом коридоре был вырыт колодец (4). Галерея коридоров была богата керамическими находками, среди которых много целых сосудов. Это парадно-столовая посуда: вазы на высоких ножках (5 шт.), кубки (4 шт.), чайники с трубчатым носиком (3 шт.), графин (1 шт.), конический сосуд (1 шт.), чашечки (3 шт.), крынки (2 шт.). Количественный анализ всей керамики из галереи коридоров показывает, что она состоит в основном из парадно-столовых и тарных сосудов.

Галерея коридоров храма Джаркутана имеет очень интересную архитектурную планировку. Аналогичная планировка была зафиксирована в энеолитических поселениях Ялангач-депе, Мулали-депе Южной Туркмении и Тепе Гавра Северной Месопотамии (Массон, 1965, с. 313-350) и Северном Афганистане, Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с. 34-50).

Галереи коридоров в Дашли 3 наблюдаются и внутри круглого сооружения так называемого храма, вблизи от дворца, а также, в жилом массиве (Сарианиди, 1977, с. 34-50, рис. 11, 15).

В Ялангач-депе коридоры построены вблизи круглых жилых помещений, но они выглядят обособленно (Массон, 1964, рис. 58).

Коридорно-гребенчатая планировка характерна для многих поздних архитектурных сооружений Средней Азии (Якубов, 1979, с. 118 и сл; Нильсен, 1966, с. 175 и сл.).

IV.4.1. Алтари, очаги, колодцы.

Одним из главных атрибутов храма Джаркутана - наличие почти во всех комплексах алтарей огня Алтари по форме разделяются на два типа - круглые и квадратные (Рис. 34, I).

Круглых алтарей 6 штук, квадратных - 2. Они возведены в разные строительные этапы и расположены в разных частях комплекса. Одни расположены под открытым небом, во дворе на платформе, другие, внутри помещений.

На первом строительном этапе функционировало всего два алтаря оба квадратные. Первый из них, главный алтарь храма, сооружен на сакральной платформе под "чахартаком". Второй, квадратный алтарь, расположен в хозяйственно-производственной части храма, в помещении 12.

Круглых алтарей в храме зафиксировано 6. Все они дисковидные в форме почти правильного геометрического круга.

Четыре круглых алтаря (3-6) расположены в восточной, культовой части храма, а в западной, хозяйственно-производственной части, их всего два: в помещениях 11, 15.

Круглые алтари все одинаковы в плане, имеется разница в размерах, диаметр их варьирует от 90 до 160 см, толщина бортика от 16 до 22 см, высота их от 8 до 10 см. Алтари сооружены из сырцового кирпича, тщательно отштукатурены, поверхность их слабо обожжена, почти не имеет следов закопчения. Находятся они прямо на полу. Подиумов, баз, не наблюдается. Заполнение почти у всех одинаковое - стерильная зола с включениями мелких угольков древесины, - которое покрыто отвердевшим лессом. По-видимому, после запустения храма, алтари были специально замурованы земляной насыпью.

Алтарь 1, сооруженный на третьем строительном этапе, самый крупный, диаметром 1,6 м, толщина дисковидного бортика 20 см, высотой 10 см (Рис. 34, I, 16). Он расположен в западной, хозяйственно-производственной части храма, в помещении 15, рядом с хозяйственным двором 3. Этот алтарь и помещение, видимо, выполняли функцию домашнего святилища, были связаны с хозяйственным двором 3 и прилегающими к нему помещениями.

Алтарь 2 также сооружен на третьем строительном этапе, диаметр его составляет 115 см, толщина стенок 20 см, высота 10 см (Рис. 34, I, 1), расположен в западной части храма, в помещении 11, в так называемой "винодельне". Алтарь внутри имеет полукруглое в плане углубление, диаметр которого составляет 40 см, глубина 24 см (Рис. 34, I, 1).

Алтарь 3 диаметром 90 см, шириной 16 см и высотой 9 см (Рис. 34, I, 2; 35, I), расположен в восточной, культовой части храма, в юго-восточном углу двора-святилища (2), в помещении 7, относится к третьему строительному этапу.

Алтари 4, 5, 6 находятся в восточной части храма, под открытым небом, во дворе-святилище (2). Алтарь 6 самый крупный, был сооружен на втором строительном этапе, функционировал также и в третьем, вместе с другими

алтарями 4 и 5, расположенными недалеко от него.

Алтарь 6 расположен в глубине двора, в торце гравийной дорожки, вблизи стены. На первом строительном этапе на месте этого алтаря функционировал колодец, который был засыпан и затем, был сооружен алтарь. А за алтарем был вырыт новый колодец. Алтарь как бы отодвигал новый колодец на задний план, возвеличивая этим культ огня. Диаметр алтаря 150 см, ширина бортика 20 см, высота 10 см (Рис. 34, I, 7).

Алтари 4 и 5 расположены вдоль гравийной дорожки, которая симметрично разделяет двор-святилище на две части, пандусом поднимается и упирается в алтарь 6.

Передний алтарь 4 расположен у подножья пандуса на расстоянии 2 м от гравийной дорожки, диаметр его составляет 125 см, ширина бортика 16 см, высота 10 см (Рис. 34, I, 4).

Алтарь 5 расположен в одном ряду с алтарем 4, в двух метрах от него, диаметр его составляет 90 см, ширина 18 см, высота 9 см (Рис. 34, I, 3).

Судя по количеству алтарей и оформлению двора-святилища, где одновременно горел священный огонь в трех алтарях, на третьем строительном этапе роль огня особо усиливается.

Квадратные алтари, их два. Следует отметить, что функциональное назначение круглых алтарей более бесспорно, нежели, квадратных. Один из них расположен на сакральной платформе, другой, в помещении 12, в хозяйственно-производственной части храма.

Квадратный алтарь, расположенный на сакральной платформе, сильно разрушен. Были собраны рваные куски бортика алтаря. Эти небольшие фрагменты в разрезе имели пирамидальную форму, а не прямоугольную, как у стенок круглых алтарей. Вся поверхность, даже основание бортика тщательно отштукатурены и обожжены, что свидетельствует о том, что бортики алтаря не сооружались на месте. Вероятно, их изготавливали в другом месте, а затем монтировали. Имеются фрагменты углов алтарей, которые дают возможность восстановить их форму. Последние в виде квадрата, или же, прямоугольника. Ширина основания фрагмента бортика 18 см, высота 11 см. На месте алтаря было большое скопление золы. Этот алтарь расположен в обособленном месте, посередине четырех квадратных каменных баз от колонн, вероятно, они являются остатками сооружения типа поздних зороастрийских чахартаков. Это сооружение, вместе с алтарем в центре, было доминирующим для всего храма.

Восстановить размеры алтаря трудно, вероятно, они соответствовали размерам сооружения. Как уже отмечалось, базы расположены симметрично, на расстоянии 2,5 м и 3,5 м. Если за основу брать хотя бы половину величины алтаря, то можно вывести размер квадратного алтаря, который собственно равен 12х12 м или 1,7х1,7 м. Не исключено, что он был больших размеров, более крупный чем круглый алтарь, диаметр которого составляет 160 см.

Второй квадратный алтарь расположен в западной хозяйственно-производственной части храма, в помещении 12. Он находится справа, в 50 см от входа, расположенного в восточной стене. Алтарь, квадратный в плане 90х90 см, глубиной 8 см. Это единственный алтарь, который углублен в пол (Рис. 34, I,

5). Его стенки обожжены более интенсивно по сравнению с остальными, заполнение характерно всем прочим алтарям. В данном случае, может быть, перед нами, бытовой очаг?

Необходимо подчеркнуть, что в храме зафиксированы бытовые очаги, которые отличаются по форме и месторасположению от культовых. Бытовые очаги находятся в стене, имеют форму прямоугольника, открыты с одной стороны, то есть имеют вид очага. Как правило, бытовые очаги находятся в стенах или же вплотную пристроены к ней, о чем свидетельствуют жилые кварталы Джаркутана (пом. 5, рис. 34, II) и Сапалли-тепа, где очагов на полу вообще не обнаружено. Бытовые очаги сильно закопчены - свидетельство их постоянного использования и применения недоброкачественного топливного материала - сырой древесины, кизяка и т.п. Такое топливо запрещалось жечь в культовых алтарях. Исходя из этого, можно допустить, что квадратный очаг в помещении 12, скорее всего, был культовым, т.е. алтарем огня

Очаги зафиксированы в помещениях 4, 5, 6, 7, все они расположены в восточной культовой части храма, имеют одинаковую конструкцию, вмонтированы в стену на высоте 40-60 см от уровня верхнего пола помещений. Размеры их близки, ширина открытой лицевой стороны очага 95 см, глубина в стене 65 см, высота 30 см (очаг в пом. 5), лишь очаги в помещениях 6 и 7 чуть меньше по размерам - 70x50x30 см.

Стенки очагов сильно закопчены, обожжены, многократно отштукатурены. На стенках очага в помещении 5 прослеживаются следы ремонта. На полу очага толстым слоем (до 40 см) скопилось зола с углем, которая свидетельствует о том, что во время ремонта накопившаяся зола даже не убиралась. Это можно объяснить не культовым, а бытовым назначением очага (Рис. 34, II). По-видимому, очаги-камины использовались для обогрева помещений.

Колодцы занимали значительное место в функционировании храмов. На территории храма обнаружено 5 колодцев, 3 из них, во дворе-святилище (колодцы 1, 3, 5), по 1, в галерее коридоров (колодец 2) и в помещении 8 (пом. 4), в металлургической мастерской (колодец 4).

Во всех строительных этапах функционировал только один колодец 4, во время его расчистки обнаружена керамика всех трех периодов обживания храма. Колодец 1, расположенный в глубине двора-святилища, был засыпан на втором строительном этапе и содержал керамический материал только джаркутанского времени. Здесь же расположены колодцы 3 и 5. Они дали керамические комплексы кузалинского и моллали-бустанского этапов Сапаллинской культуры. В колодце 2, расположенном в пределах галереи коридоров, содержался смешанный материал кузалинской, моллалинской и бустанской керамики.

Керамические комплексы, обнаруженные в колодцах, являются бесценным материалом при определении этапов обживания всего храма.

Глубина колодцев 7,5-8 м, диаметр устья 1 м. Возможна в древности, устья колодцев были закреплены кирпичной кладкой, которая сохранилась только у колодца 1. Суфа, возведенная вокруг устья колодца, имеет размеры 2x2,5 м; бортики устья колодца приподняты над полом на 20 см.

Все колодцы служили источником воды. Некоторые из них (1, 3, 5), помимо этого, были объектом поклонения, т.е. культовыми.

Итак, внутренняя планиграфия храма Джаркутана включает в себя следующие конструктивные элементы: в обводе - коридор, ядро - центр храма - открытая платформа, главный алтарь огня под "чахартаком", расположенный на платформе, микрокомплексы помещений, сгруппированные вокруг ядра, помещения, дворы алтари, колодцы, коридоры, мастерские и т.д.

IV.4.ж. Керамический комплекс.

Дневная поверхность Джаркутана изобилует россыпями археологического материала - керамика, каменные и костяные поделки, относящиеся к изучаемому периоду. Только, эти подъемные, материалы могут составить десятки тысяч экземпляров. В храме же как это выяснилось после раскопок, находок мало. Крайне редко встречаются металлические и костяные изделия, немногочисленны каменные поделки и даже керамика. Однако, скудость находок не отражается на их качестве, т.к. они разнообразны и дают богатую информацию.

Немногочисленность находок можно объяснить, прежде всего, стремлением хозяев содержать помещения храма в сакральной чистоте. Кроме того в пределах храма отсутствовали бытовые помещения. Все изделия, бывшие в употреблении в храме, в какой-то мере являлись сакральными, что требовало бережного отношения к ним и, возможно, после поломки их хоронили в специально отведенных местах. Наконец ситуацию можно объяснить постепенным запустением храма: целые предметы и ценные вещи были оттуда увезены.

Материалы фиксировались с учетом микронаслоений, из культурных заполнений помещений, коридоров, дворов и колодцев.

Наиболее многочисленными являются керамические изделия.

Керамические изделия эпохи бронзы Бактрии сравнительно хорошо изучены. В литературе имеется ряд типологических разработок предложенных А. Аскарковым (Аскарков, 1977, с. 64-68), В.И. Сарияниди (Сарияниди, 1977, с. 60-70), Б. Абдуллаевым (Абдуллаев, 1982, с. 10-15), У. Рахмановым (Рахманов, 1987, с. 9-17). А. Аскарков для раннего периода сапаллинской культуры выделяет 14 типов керамических сосудов, В.И. Сарияниди 13 типов, Б. Абдуллаев 11 типов, У. Рахманов 16 типов.

Систематизация керамических комплексов, вышеуказанными авторами, не противоречит друг другу. При типологической классификации керамического комплекса храма мы исходили из вышеуказанных разработок. Керамика храма имеет много общего с комплексами других памятников сапаллинской культуры, но вместе с тем и отличается.

В комплексе храма имеется много новых керамических форм, которых нет на других памятниках.

Керамика из храма, как правило, изготовлена на гончарном круге. Лепные сосуды составляют менее 1 процента. Станковая посуда тонкостенная,

высококачественная, обожжена в высокотемпературных печах. Большинство керамических сосудов покрыты бесцветным ангобом, некоторые культовые предметы окрашены в красный цвет и залощены. Столовые, бытовые и даже тарные сосуды изготовлены из высококачественного лесса, тщательно измельченного и пропущенного через сито. В состав глины в малом количестве входит мелкий речной песок. Только некоторые культовые предметы: курильница, переносные алтарики, - изготовлены ручным способом. В состав их глины для огнеупорности добавлены шамот, размельченная слюда и другие компоненты.

Станковую посуду очень хорошо обрабатывали. Редко встречаются экземпляры, свидетельствующие о плохом обжиге. Они сероглиняные с внутренней стороны а внешняя поверхность обожжена до светлорыжевого цвета.

Многие сосуды имеют следы обжига разной степени: открытая часть сосудов белфонная, закрытая часть краснорыжевая, - так как в обжигательной камере сосуды ставились друг на друга, что отразилось на их цветовой гамме. Бракованной, искаженной по форме посуды почти не обнаружена.

По схеме разработанной А. Аскарковым керамический комплекс храма разделяется на три хронологических этапа: джаркутанский, кузалинский, моллали-бустанский, которые соответствуют трем этапам, выявленным нами из материалов городища Джаркутан – I, II, III.

Керамический комплекс храма по функциональному назначению можно разделить на две большие группы: А - хозяйственно-бытовая керамика разделяется в свою очередь на 5 категорий - столовая, кухонная, бытовая, тарная и специализированная; группа Б - культовая керамика - разделяется на 8 типов - кольцевые подставки с изображениями, бокал, переносные алтарики, курильницы, ритон, кубок, традиционная керамика, зооморфный сосуд.

Культовые сосуды могли иметь традиционные формы - чашечки, вазы, банкообразные сосуды, но в отличие от других серийных экземпляров они залощены до зеркального блеска, что является признаком уникальности - обособленности данных сосудов.

Керамический комплекс I этапа (джаркутанский) включает в себя 26 типов (табл. 10).

Как видно из таблицы, хозяйственно-бытовая керамика составляет подавляющее большинство керамических изделий храма, - 91,5 процента, а культовая керамика 8,5 процента. Нам кажется, что такое соотношение количества керамических сосудов не противоречит культовому характеру храма, так как, храм жил полнокровной жизнью включая и духовный, и хозяйственно-бытовой аспекты функционирования. Из таблицы видно, что основное количество храмовой посуды составляет столовая, так называемая парадная посуда 52,0%, а также тарная - 24,5%. Бытовая керамика представлена в меньшем количестве - 81%. Мизерный процент от общего числа керамических изделий составляет кухонная - всего 2%. Судя по процентным показателям, ведущим типом керамического комплекса являются вазы - 33%, конические

чаши – 11,2%, горшки - 6,4%, хумы и хумчи - 24%.

Единичными типами для храма являются графин, плоские блюда, котлы, жаровни, "тарнов", "дастархан", ритон, кубок и др. Сюда еще можно отнести тигли для плавки металла. Только для храма характерны такие типы керамических изделий, как переносные алтари, курильницы, ритон, а также кубуры, "тарнов", "дастархан", тигль и, возможно, графин.

Керамический комплекс Джаркутан II (кузалинского времени) в количественном отношении меньше, чем джаркутанского. Следует отметить, что он беднее и в типологической вариации сосудов.

Керамический комплекс Джаркутан II включает в себя всего 5 типов по типологической разработке А. Аскарлова, Б. Абдуллаева (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 21-23. рис. 2) и У. Рахманова (Рахманов, 1987, с. 13). В основу их систематизации легли материалы могильников, естественно, там не были обнаружены целые наборы типов сосудов, таких как тарные, кухонные, бытовые. Соответственно, они не нашли отражения в их классификационных таблицах.

Мы, по мере возможности, будем дополнять вышеизложенную систематизацию (Табл. 11). Хотя материалы храма стратиграфически не очень четко делимы, но все же, закрытые комплексы из колодцев позволяют нам более полно представить керамический комплекс кузалинского этапа сапаллинской культуры.

Некоторые кузалинские сосуды, как будто бы выпадают из эволюционного ряда развития форм от Сапалли к Моллали. Например, вазы несколько отличаются от ваз джаркутанского и моллалинского этапов. Последние по форме ближе друг к другу. Вазы кузалинского времени менее стройны, грубоваты, массивнее, фигурнее. Резервуар стал намного меньше по величине, он уступает, как джаркутанским, так, и моллалинским вазам. Такая же разница наблюдается по кувшинам. Правда, кувшины кузалинского времени более стройны, четче выделена шейка, а тулово более шаровидное, на плечже появляются горизонтальные прямые и волнистые параллельные начерченные линии.

Технология изготовления керамических изделий не деградировала. По-прежнему, используется быстровращающийся гончарный круг. Сосуды хорошо обожжены, все покрыты бесцветным ангобом.

Как видно из таблицы, по-прежнему, основным типом посуды для обитателей храма служили вазы, кувшины, горшки, хумы и хумчи. Культовые сосуды, по-видимому, были более разнообразными, чем на предыдущих этапах. Но, в силу объективных причин, нам не удалось выяснить какое количество принадлежит ко II этапу. Констатируем лишь наличие культовой посуды и выделяем в таблице под знаком "+". Это касается ритуальных подставок, переносных алтариков, курильниц, кубков и др.

В периоде Джаркутан II увеличивается количество культовых сосудов традиционных форм, как бы подчеркивая этим сакральность их использования в храме.

Керамический комплекс Джаркутана III (моллали-бустанский) в

количественном отношении больше, чем предыдущий.

Большинство сосудов покрыто монокромной краской. Из-за неравномерности покрытия образуются горизонтальные линии, как следы лощения, но в меньшем количестве в комплексе встречается и светлофонная посуда.

Многие формы керамических сосудов являются прямым продолжением комплекса Джаркутан I. Резервуар ваз опять становится крупным, вместительным, ножки кольцевые, основание менее массивное, легковесные по сравнению с вазами II этапа. Кувшины, горшки, миски, хумы и хумчи ничем не отличаются от керамического комплекса Джаркутан I, разве, что, только по цветовой гамме. Даже крупные сосуды типа хумчи в III этапе окрашивают в темно-красный цвет с горизонтальными полосками.

Культовая керамика этого периода была очень разнообразна: курильницы с нарезными отверстиями, кубки, подставки, переносные алтарики, зооморфные сосуды и т.д. (Табл. 12).

Ниже приводится таблица количественных показателей керамического комплекса моллалинского периода. Как отмечалось выше, многие ритуальные предметы из-за трудности стратиграфического разделения были отнесены к комплексу джаркутанского периода (табл. 10).

На последнем этапе обживания храма вновь увеличивается процентная доля столовой посуды, которая составляет 51,5%.

В целом, процентное соотношение категорий сосудов не изменяется. Основными категориями сосудов по-прежнему, являются столовые, тарные и бытовые сосуды. Кухонная посуда и специализированные керамические изделия занимают незначительную долю процента в комплексе.

На последнем этапе, культовая керамика была разнообразнее. По-прежнему, в ритуале были использованы подставки, переносные алтарики, курильницы, кубки, традиционная форма посуды. Появляются также новые формы - зооморфный сосуд который не характерен для сервизов носителей культуры Сапалли.

Судя по процентным показателям керамического комплекса храма, его сервизы в основном составляли столовые, тарные и культовые сосуды, что, несомненно, свидетельствует о важном значении этого объекта в жизни общества.

В Сапалли вазы составляли 13,2%, бокалы (кубки) - 7,9%, конические чаши – 14,3%, а культовые сосуды отсутствуют вовсе. В могильнике Джаркутан 4а количество ваз увеличивается до 24,9%, бокалов (кубков) до 11,6%, конических чаш до 36,5% (Рахманов, 1987, с. 10-11). Эти же типы сосудов в храме составляют соответственно 11,0%, 8,2%, 11,2%.

Как показывает таблица, керамического комплекса Джаркутан I, наиболее популярен тип сосудов, бывших в употреблении в храме, являются вазы (11,0%), бокалы (8,2%), кувшины (9,0%), конические чаши (11,2%), хумы (14,2%), хумчи (10,3%), горшки (6,4%), курильницы (4,6%). Они резко отличаются от количественных показателей из не культовых объектов.

Например, в заполнениях печей и мусорной ямы Бустан, кувшины

составляют 79,3%, хумы и хумчи - 10,5%, тагора - 6,7%, вазы - 2,6%, конические чаши -1,9%, бокалы – 0,8%, миски – 0,1% (Рахманов, 1967, с. 11).

Таким образом, то, что было популярно в храме, не является столь характерным для объектов некультового назначения

Процентные показатели керамического комплекса лишь совпадают с показателями керамических сосудов из могильника. Впрочем, это естественно. Оба объекта не являются рядовыми и связаны с сакральной, духовной стороной жизни общества. Возможно, этим можно объяснить столь схожий процентный показатель отдельных типов сосудов из могильника Джаркутана и храма.

IV.4.з. Металлические изделия

Металлические изделия в храме крайне редки. Их всего десять экземпляров, хотя здесь и функционировала металлургическая мастерская. Целых металлических изделий в храме не обнаружено. Наиболее выразительным предметом является бронзовое долото. Оно найдено на полу обводного коридора (Рис. 49, I, 9). Долото прямоугольное в сечении, сохранившаяся длина 7,0 см; ширина одного конца 1,6 см, другого 0,4 см, толщина 0,7 см.

В центральном зале (пом. 5) было обнаружено несколько экземпляров обломков от тонких прутьев, длина которых 3-7 см, и каплевидный маленький шарик (Рис. 49, I, 11-13).

В одной из металлоплавильных печей был обнаружен кусок расплавленной бронзы. Он неправильной округлой формы, весом около 2 кг, сильно окисленный. В этом же помещении, в металлургической мастерской найдены 4 тигля для плавки металла, один из них целый (Рис. 52, II, III). На дне тигля наблюдаются крапинки металла.

IV.4.к. Каменные изделия

Их всего 58 экз. В основном это орудия труда и оружие: зернотерки - 12 экз., терки - 7, пестики - 9, ступки - 6, двуручная брусковидная колотушка - 1 экз., отбойники - 6, ядра - 2, подшипники - 2, лоцила для керамики - 2, биконические пряслица - 3, мраморный сосуд - 2. 6 экземпляров изделий из кремня, аморфный нуклеус -1, пластинка - 4 экз., отщепы - 2 и наконечник стрелы листовидной формы.

Зернотерки и по форме, и по исходному сырью ничем не отличаются от зернотерок Сапалли-тепа (Ширинов, 1986, с. 40-41, рис. 11а, 12). Они в плане, как правило, овально-удлиненные. Среди них один целый. Его длина 52 см, ширина 29 см, толщина 18 см (Рис. 49, II, 5). Остальные представлены в виде обломков.

Терки - верхний камень зернотерки (по форме они несколько варьируют, овальные, треугольные, четырехугольные, трапецевидные). Размеры терок 15,5 - 18,4x10,1 - 18Дх4,2 -5,2 см.

Ступки, в основном изготовлены из мраморизованного известняка. Одна

целая, остальные - в виде фрагментов. Размеры целой ступки: диаметр чашевидного углубления 15,6 см, глубина 13,5 см, корпус ступки обработан и имеет цилиндрическую форму.

Функцией ступок является размельчение зерновых и масличных культур, а также минералов для красок (Ширинов, 1986, с. 41).

Пестики являются составной частью ступок, их использовали для размельчения различных зерновых, поэтому их торцовые концы сработаны. Длина пестиков достигает 25 см, диаметр в сечении 6-7 см (Рис. 49, II, 3). Поверхность предметов сильно отполирована в результате длительного трения руками.

Двуручная колотушка, один экземпляр, огромная по размерам - длина 60 см, диаметр в сечении 21 см, вес 19 кг. Рабочей частью являются оба торцовых конца (Рис. 52, II, III). Первоначально нам казалось, что ее использовали для дробления руды, но изучение рабочей поверхности под лупой не подтвердило наше мнение. По-видимому, перед нами тяжелая колотушка, предназначенная для размельчения каких-то трав, кустарников, не исключено, эфедры, конопли, граната и т.д., которые применялись при изготовлении напитка хаоми-саоми (об этом ниже).

Отбойники, по форме в основном шаровидные, округлые, уплощенные, весом 400-700 граммов (Рис. 49, II, 1). Их использовали для придания шероховатости зернотерок и терок (Ширинов, 1986, с. 46).

Лощила для выглаживания поверхности керамических сосудов. Они маленькие, едва помещающиеся между большими и указательными пальцами, овальные в плане, изготовлены из мелкозернистого песчаника и известняка. Одна из плоскостей является рабочей поверхностью, заметны грубые линейные следы.

Пряслица биконической формы (Рис. 50, I, 4-6; 49, I, 15) едва ли свидетельствуют о наличии ткачества, как ремесла внутри храма. По всей вероятности они служили предметом одежды служителей культа.

Ядра имеют шаровидную форму (Рис. 49, II, 2), которая столь характерна для поселений Сапалли, Джаркутана. По-видимому, в храме оказались случайно.

Сосуды В седьмом коридоре было найдено два фрагмента мраморного сосуда розового цвета. Они изготовлены способом дробления. По следам работы, ширина лезвия металлического инструмента была 0,4 см.

Гипсовая печать найдена в помещении 8 в единственном экземпляре. На лицевой стороне печати нанесена сетка, состоящая из ромбиков. На обороте, в середине, имеется маленький выступ с отверстием - петля. Диаметр печати 3 см, высота 2 см, общая высота 33 см (Рис. 50, I, 2).

Кремневые изделия видимо, в храме оказались случайно. Пластинки и отщепы очень фрагментарны. Единственное целое кремневое изделие - это наконечники стрелы листовидной формы. Он изготовлен из темно-коричневого кремня способом отжимного ретуширования, симметричен, прекрасно выделены черешок и перо. Длина его 6,0 см, ширина 2,5 см, длина черешка 0,7 см (Рис. 49, II, 4). Такие же наконечники стрел были найдены в Сапалли-тепа,

Дашли 3 и на других памятниках эпохи развитой бронзы Средней Азии.

Функциональный анализ каменных орудий показывает, что они в основном были связаны с переработкой продуктов земледельческих культур. И это не противоречит культовой функции храма, так как там функционировало большое храмовое хозяйство – “винодельня”, кухня металлургическая мастерская и др.

Орудий труда в количественном отношении очень мало. Это прежде всего объясняется тем, что храм не являлся жильем. Служители культа, по-видимому, по причине своего социального положения могли пользоваться готовыми продуктами.

IV.4.л. Костяные изделия.

Их всего несколько экземпляров - 4 шт. Часть сделаны из трубчатой кости. По размерам они небольшие, длина 8 см, диаметр 3 см (Рис. 50, 1, 7). Кость с двух сторон спилена, поверхность сильно отполирована, имеет слегка изогнутый профиль. Возможно перед нами рукоятка какого-то инструмента.

Две проколки, изготовленные из расколотых трубчатых костей, поверхность которых сильно заполирована. Под микроскопом видны продольные линейные следы. Длина их 4-5 см (Рис. 49, I, 6, 7). Четвертый предмет - кусок оленьего рога, распиленный с одной стороны (Рис. 49, I, 4). Найдены рога со следами пиления астрогол со следами шлифовки.

В коллекции несколько десятков маленьких глиняных шариков, диаметр которых 2 см, всего несколько граммов, функциональное назначение которых совершенно не ясно (Рис. 49, I, 3).

Таким образом, орудия труда свидетельствуют о хозяйственной деятельности обитателей храма. Судя по тому, что они немногочисленны, можно предположить, что храм, прежде всего был культовым объектом, а не центром производства и местом проживания семейств.

Внутри храма функционировали лишь некоторые виды производства - кухня и "винодельня" для изготовления ритуальных опьяняющих напитков и пищи, а также мастерская по металлоплавке - столь необходимая для жизни культовых центров.

IV. 5. Комплексы, полученные при раскопках жилищного квартала на холме 5.

Холм 5 расположен на одной линии с "дворцом" и храмом. Расстояние между храмом и холмом 5 50-60 м, а от дворца 120-130 м. Холм внешне ничем не выделяется от окружающей территории, плоский приземистый, в плане округленный. Он полностью раскопан в 1979-1980 годы А. Аскарковым.

Получен интересный археологический комплекс: вскрыто более 35 помещений различных размеров, колодцев, погребений, очагов, мощеная дорожка и т.д. (Рис. 54).

Первоначальным ядром массива являлась постройка, состоящая из 14 помещений, размещенных в виде прямоугольника, где наружные стены также

служили обводной стеной. Толщина наружных стен 1 м, тогда как внутренние стены имели толщину от 0,75 до 1 м (Рис. 53).

Наружные стены строго прямолинейные. Внутренняя планировка четко разделяется в шахматном порядке на 6 двухкомнатных секций. Вход в массив осуществлялся с двух сторон - с юго-западного и юго-восточного угла, где имеются небольшие дворики.

Судя по внутренней планировке, помещение 1 с колодцем являлось организующим ядром. Вокруг этого помещения расположены 4 многокомнатные секции, вход в которые осуществлялся через это помещение. Помещение 1, по-видимому, было общим для всего жилмассива, хотя размеры его не самые большие - 4,0x5,6 м. Наиболее крупным по размерам в этом комплексе является помещение 2, расположенное к югу от помещения 1 - 5,2x6,9 м. Еще две двухкомнатные секции расположены внутри прямоугольника и обращены выходом не к общественным помещениям, а на юго-восточный двор.

Многокомнатные секции, как правило, состоят из двух помещений: одной большой и одной маленькой комнат.

Секция А и пом. 2 в этом массиве занимали самую большую площадь - 47,88 м² и 35,88 м² соответственно. Площадь секций Г и Ж в два раза меньше, чем вышеуказанные - 242 м² и 25,20 м². Здесь же, в секции А, под полом помещения 2 было обнаружено самое богатое погребение с 32 керамическими сосудами и 10 металлическими изделиями (Рис. 57). Судя по набору сопровождающего инвентаря, погребение принадлежало явно не рядовому члену общества. Об этом свидетельствует также огромная площадь секции, его месторасположение в отношении к помещению 1 с общим колодцем. По-видимому, обитатели секции А имели доминирующее положение над остальными членами этой общины, обитавших в массиве. Возможно, общий колодец, расположенный в помещении 1 принадлежал им.

Во втором строительном периоде массив расширяется в восточном и южном направлениях, застраиваются пустующие территории за пределами обводной стены. Вскрыто 14 помещений, относящихся ко второму строительному этапу (Рис. 53). Стиль планировки ухудшается, не соблюдается строгая прямоугольность помещений, некоторые из них имеют трапецию в плане. По мере сохранности стен можно выделить несколько многокомнатных секций.

Как видно из таблицы 14, площадь помещений и секций намного уменьшается по сравнению с первым строительным этапом. Из четырех выделенных секций самой маленькой оказалась секция Н, занимающая площадь всего в 16,47 м², а секция Л площадью 27,40 м² является самой большой во втором строительном этапе, тогда как, функционировавшая на первом строительном этапе самая маленькая секция занимала 24,20 м² площади.

Ухудшение планировки секций, а также уменьшение их площади на втором строительном этапе, по-видимому, связано с социальным статусом образовавшихся новых семейств.

На последнем этапе обживания холма многие помещения (12,25-29) теряют

свое функциональное назначение, они сnivelированы, здесь проложена гравийная дорожка, ширина которой около 1 метра. Она прослеживается на протяжении 20 м, по направлению с юго-запада на северо-восток и ведет к квадратному алтарю огня, сооруженному в помещении 12. Уровень гравийной дорожки выше, чем поверхность пола помещений первого и второго строительных периодов на 12-13 м.

Под гравийной дорожкой, неглубоко, были зарыты 5 черепов собак. Черепа расположены челюстями друг к другу, составляя при этом круг. По-видимому, перед нами факт преднамеренного жертвоприношения, который был связан со строительством каменных цист, гравийной дорожки и перепланировкой.

На третьем строительном этапе массив решительным образом перестраивается. Правда, эти изменения касались в основном домов второго строительного этапа, а сооружения первого строительного этапа - первоначальное ядро массива, остались почти без изменения.

Под полом помещений было обнаружено 47 погребений (Рис. 58-61). Все они имеют ямно-подбойную конструкцию могильных сооружений. Семь погребений принадлежит детям, возраст которых от 10 до 12 лет. Они похоронены в хумах (погреб. 18, 30, 39, 40) и просто в ямах (погреб. 22, 24, 38) под стенами помещений (погреб. 14-17). Четыре погребения без останков человека, но с керамическими сосудами, т.н. кенотафы (погреб. 23, 25, 36 и 45). Одно погребение ямно-подбойное без единого материала и костей (погреб. 31, рис. 58).

В самом богатом погребении (31) обнаружено 32 керамических и 3 металлических сосуда, а также две бронзовые шпильки, два ножа, кинжал, косметический флакон и навершие булавы (Рис. 58). В бедных же погребениях обнаружено всего по одному (погреб. 47) или же два-три керамических сосуда (погреб. 13, 26, 46). Необходимо отметить, что в погребении 47 умерший лежит на спине с ромбическим расположением ног (Рис. 61), что не характерно для погребального ритуала сапаллинской культуры.

Собран большой набор керамических сосудов, относящихся к джаркутанскому этапу сапаллинской культуры.

Очень разнообразны металлические изделия: навершия булавы (Рис. 62, II, 1), кинжалы (Рис. 62, II, 1; 62, I, 5, 4), бритвы (Рис. 62, I, 2), косметические флакончики (Рис. 63, II, 15-17; 62, II, 5), шпильки (Рис. 63, II, 1-9; 62, II, 2), проколки (Рис. 62, II, 8, 9; 63, II, 11), рыболовный крючок (Рис. 62, I, 8), миниатюрная теша - тятка (Рис. 62, I, 7), серьги (Рис. 62, II, 7), зеркала (Рис. 63, I, 11), печати (Рис. 64, II, 11), сосуды (Рис. 64, II, 4) и другие поделки.

Строительный инструмент для штукатуривания - малка (Рис. 64, II, 1) изготовлен из глины и качественно обожжен. Этот инструмент пока единственный в комплексах материальной культуры памятников эпохи бронзы Бактрии и Маргианы. Из обожженной глины также изготовлены: веретено-диск (Рис. 64, II, 2, 5), биконические пряслица (Рис. 63, I, 7-9; 12, 13), модели-колесики от повозки (Рис. 63, I, 10, 11), навершия булавы (Рис. 63, I, 16, 17), фигурки животных (Рис. 64, II, 3; 64, I, 5, 6) и другие мелкие поделки.

В комплексе имеется серия прекрасных, двусторонне обработанных,

кремневых наконечников стрел листовидной формы, печать вырезанная из мягкой породы камня (Рис. 64, I, 7), гладили (Рис. 64, I, 13, 10) и т.д. Наиболее массовыми после керамических изделий являются орудия труда и оружие, изготовленные из крупных глыб и галек - зернотерки, терки, ступки, пестики, отбойники, ядра, колотушки, подпятники, наконечники сохи, наковальня и т. д.

Из каменных изделий особый интерес вызывает наконечник сохи (Рис. 56, II), который свидетельствует о наличии пахотного земледелия на Джаркутане.

Таким образом, жилой массив холма был сооружен в самом начале освоения Джаркутана, на джаркутанском этапе, о чем свидетельствует несколько десятков погребений обнаруженных под полами. Запустение его связано с общим запустением городища, которое происходило в X-IX вв. до н.э. Первоначально оно состояло из 14 помещений, разделенных на 6 секций, расположенных внутри обводной стены. На втором строительном этапе массив расширяется, осваиваются новые территории. На третьем строительном этапе он несколько хиреет, перестраивается, разрушаются несколько домов.

Судя по планировке и комплексу материальной культуры, жилой массив принадлежал одной патриархальной общине. Основным занятием общины было сельское хозяйство и ремесленное производство (строительство, ткачество, кузнечное дело, керамическое производство и т.д.).

IV. 6. Комплексы, полученные при раскопках жилищного квартала на холме 8.

Холм вытянут с востока на запад. С трех сторон, с запада, юга и севера окружен небольшими оврагами. Восточная его часть постепенно сливается с другими холмами (5, 6), где ранее было вскрыто общинное поселение (холм 5) и храм (холм 6).

Раскоп был заложен на наиболее возвышенной части холма, примерно в 100 метрах к западу от храма. Выявлено шесть помещений, галерея коридоров, двор, очаг и другие планировочные элементы

По всей вероятности, первоначально сооружалась общая обводная стена, затем внутри ее разбивались многокомнатные дома. Внутренняя планировка жилого квартала довольно простая, она разделена пересекающимися под прямым углом стенами. При сооружении стен помещений прослеживаются два строительных этапа. Первый, наиболее ранний, относится к джаркутанскому этапу и является основным ядром жилищного массива. На втором строительном этапе - моллалинском периоде, в основном сооружаются помещения за обводной стеной, лишь некоторые из помещений первого этапа перепланируются. К первому строительному этапу относятся пять помещений, галерея коридоров (Рис. 66), второе помещение, суфа, очаг за обводной стеной и стена, разделяющая помещение 2 (Рис. 66).

Галерея коридоров или так называемая "гребенчатая планировка" зафиксирована на восточном участке комплекса. Она состоит из шести узких коридоров, ширина которых всего 70-80 см, при длине 3 м. Коридоры открыты с южной стороны гае, по-видимому, был расположен небольшой дворик. На полу

одного из коридоров найдена бронзовая бритва с длиной лезвия 12 см. Торцовая часть лезвия отогнута назад (Рис. 67, IV). Такая форма металлических бритв не характерна для материальной культуры земледельческих племен юга Средней Азии.

Дворовая часть данного жилого квартала расположена в восточной части и обращена в сторону храма. На втором строительном этапе двор застраивается, к стене в продольном направлении пристраиваются новые, поперечные стены вследствие чего, образуются еще два помещения (6,7). К стенам пристроена невысокая суфа шириной 50-60 см. Пол помещений полностью устлан кирпичной кладкой. К этому же периоду относится бытовой очаг, расположенный в северной части двора. Очаг подковообразный в плане, диаметром 90 см, шириной устья 70 см. Вокруг очага диаметром в 3 м образовался огромный зольник толщиной 50-60 см. Судя по мощности зольных отложений, очаг использовался длительное время.

Таким образом, для первого строительного (джаркутанского) этапа можно выделить отдельно стоящие секции (А, Б), состоящие из двух комнат, а также, возможно, и третьего дома, расположенного напротив галереи коридоров, которая еще полностью не раскопана.

На втором строительном (моллалинском) этапе за продольной (обводной) стеной сооружают еще два однокомнатных дома (пом. 6, 7). Помещение 2 делят на две части и, таким образом, секция А превратилась в трехкомнатную, что было, видимо, связано с увеличением численности жителей поселения, образованием новых семей.

Судя по размерам и конфигурации холма, до настоящего времени, вскрыта лишь четвертая часть общинного помещения.

IV. 7. Комплексы полученные при раскопках жилищного квартала на холме 7.

Холм 7 занимает небольшой бугор в центральной части Джаркутана. Холмик отделен от холма 8 водосбросовым каналом и расположен в 100 метрах к западу от храма; он круглый в плане (диаметр 15 м).

После вскрытия холма, нами зафиксирован интересный архитектурный комплекс. Это квадратный поселок типа замка, обнесенный обводной стеной. К сожалению, восточная и южная части комплекса размывта, а стены основательно уничтожены. Судя по планировке сохранившихся стен, комплекс состоял из 8-10 помещений. Удалось выявить лишь 6 помещений. Размер комплекса 15 метров в северо-южном направлении, в западно-восточном направлении он вскрыт на 10 м, общая его площадь 150 м² (Рис. 68, I).

Внутренняя планировка поселка строго прямоугольная. Помещения расположены в шахматном порядке. Сохранность стен разная. Западная обводная стена сохранилась на высоту до 90 см, а восточная на 20-30 см, многие не сохранились, имеются лишь отрезки стен.

В жилом массиве трудно выделить отдельные секции (Табл. 16). Возможно, это были трехкомнатные секции. Не исключено, что весь комплекс

принадлежал одной патриархальной семье.

Находок из данного комплекса не так много. Фрагментов керамических сосудов 1080 шт. Более 50% всех осколков принадлежит толстостенным сосудам типа хумов и хумчи, тагора и т.д. Донцев от керамических сосудов 56 шт. Венчиков от тонкостенных сосудов 105 шт., от толстостенных 42 шт.

Фрагментов зернотерок 56 шт., терок 32, ступок 8, пестиков 11, отбойников 25.

В одном из комплексов во время зачистки обнаружено много - 160 шт., крупных булыжников, они совершенно не обработаны. Применение их остается загадкой.

Таким образом, предложенный комплекс, с точки зрения архитектуры и планировки, совершенно не похож на другие комплексы вскрытые ранее на Джаркутане. Правда, судя по керамике, в целом, он относится к позднему этапу обживания городища - моллалинскому периоду.

IV.7.а. Керамический комплекс

В отличие от других холмов, на холме 7 получен исключительно моллалинско-бустанский керамический комплекс. Весь комплекс состоит из кухонной посуды, сделанной на гончарном круге, тесто плотное, коричневого и красно-коричневого цвета, без видимых примесей. Сосуды в основном покрыты красным ангобом, имеют вертикальное лощение, попадались сосуды со светлым ангобом.

Керамический комплекс в основном представлен следующими типами посуды вазы кувшины горшки, мялки, крынки цилиндро-конические, тагора, хумы воронки, графины котлы и др. В основном керамические сосуды красно-ангобированные, имеют следы лощения. Вазы имеют эллипсоидную или округло-коническую форму. Венчик плавно вогнут вовнутрь. Судя по обломкам, ножки у них были массивные, в виде круглого диска. Всего в раскопе найдено около 20 ваз с диаметром венчика 17-20 см, высота сосудов 14-19 см, диаметр ножек -10-14 см (Рис. 70, I, 6).

Тулово кувшинов трех разновидностей раздутое, округлое, сферическое. Диаметр венчиков 9-10 см, диаметр донец 6-7 см, высота 18-22 см (Рис. 69, I, 2).

Горшки имеют овально-вытянутую, округлую, биконическую и цилиндрическую форму, с тонким заостренным надломленным венчиком и узким вогнутым поддоном. В технологическом отношении, впервые в моллалинско-бустанском этапе, применялось ангобирование отдельных участков и нанесение зигзагообразного вертикального лощения. По размерам горшки разнообразные, встречаются миниатюрные (высотой до 5 см), а также массивные (высотой до 25 см) с диаметром венчика 9-10 см (Рис. 69, I, 2).

Миски сферические, полусферические, конусовидные, цилиндрикоконические, уплощенно-конические и др. Размеры диаметры венчиков 10-20 см, диаметры донец 5-12 см, высота от 8 до 15 см (Рис. 69, II, 3).

Крынки с вытянутым овальным туловом, слегка отогнутым венчиком и плоским донцем. Поверхность хорошо заглажена. Размеры диаметр венчика 6

см, диаметр донца 5 см, высота 12-14 см (Рис. 69, III, 11).

Цилиндро-конические сосуды по форме напоминают "баночные" сосуды древнебактрийской культуры. Цилиндрическая часть у них глубокая - до 50 см, а коническая приземистая (Рис. 69, III, 11).

Тагора имеет округлое тулово и подпрямоугольный венчик, диаметр которого до 60 см (Рис. 69, I, 5).

Хумы имеют подтреугольную округлую и крючкообразную форму венчика, диаметром 32-36 см (Рис. 69, I, 4).

В отличие от комплексов других этапов культуры Сапалли, в моллали-бустанском периоде нами отмечены новые сосуды-воронки. Они имеют полусферический резервуар и длинный слив в виде трубы. Всего обнаружено 3 экземпляра (Рис. 70, II, 1-3).

Графин имеет длинную горловину и сферическое тулово, он также отмечается впервые в комплексе бустанского периода (Рис. 70, II, 6).

Котлы (3 экз.) лепные, тесто с примесью гипса и шамота. По форме различаются. Один из них имеет шаровидное тулово с плоским дном, другой, - с вытянутым туловом и слегка отогнутым венчиком (Рис. 69б II). Также зафиксированы конические сосуды (Рис. 69, I, 5; 70, II, 7), чайник (Рис. 69, III, 5), плоские тарелки (Рис. 70, I, 1) и др.

В моллали-бустанском периоде культуры Сапалли керамическое производство поднимается на новый уровень. Появляются красный и темно-красный ангоб, широко распространяется лощение. Сосуды притерпевают изменения и по форме - появляются совершенно новые типы ваз со сложными геометрическими формами, крынки, цилиндро-конические сосуды, графины, воронки и т.д.

Таким образом, комплекс, вскрытый на холме 7 совершенно отличается от других комплексов Джаркутана. Он относится к моллали-бустанскому периоду сапаллинской культуры - XIII-X вв. до н.э.

Перед нами - укрепленный общинно-патриархальный дом, типа феодального замка. Общинно-патриархальный дом ранее был открыт на холме 5, но там его не окружала обводная стена, да и внутренняя планировка не отличалась четкостью. Патриархальные дома, вскрытые на "цитадели" также не имеют общей обводной стены, да и помещений меньше. По-видимому, комплекс, вскрытый на холме 7 принадлежал одной патриархальной семье - обособленной, социально независимой, богатой, что и нашло отражение в архитектуре. Социальный ранг обитателей данного комплекса, резко уступая верхнему слою общества, это было присуще обитателям храма и дворца.

Таким образом, в моллали-бустанское время в Джаркутанском обществе усиливается роль отдельных патриархальных семей, как в социальном, так и экономическом отношении.

IV.8. Результаты разреза сухого русла канала.

Протяженность Джаркутанского канала около 100 метров. Он отделяет холмы 5 и 6 от холмов 7 и 8. Головная часть канала находится недалеко от

храма. Он ориентирован с востока на запад. Конец канала соединен с оврагом, который, в свою очередь, сообщается с сухим руслом реки Бустансай. Канал проходил по центру городища Джаркутан. Он широкий. Ширина у основания русла составляет 8 метров. Берега покатые, глубина небольшая 80-90 см.

В целях выяснения периода сооружения канала, является ли он искусственным или естественным, нами был заложен поперечный разрез через канал в 20 метрах от храма.

Длина разреза 12 метров, ширина 1 метр (Рис.71). От поверхности основания русла на глубине 1,2 м зафиксирован материк. Разрез показал три свиты наслоений первая, - довольно стерильный песчаниковый слой, толщина которого 20 см. Сверху лежит второй, сильно сцементированный болотный слой, с большой примесью битой керамики (толщина 60 см). Керамика очень мелкая, по существу, это осколки, которые не дают возможность определить форму. Третий слой, (толщина 40 см) более гумусированный, но очень твердый лесс. В этом слое также содержатся керамические материалы. Боковые блоки соответствуют этим наслоениям. Судя по структуре отложений берега канала, он искусственный, его сделали с помощью насыпи, а не способом рытья в материке. Об этом свидетельствуют береговые отложения. Твердая сцементированная лёссовая пачка содержит многочисленные керамические остатки, которые дают форму и хронологию. Материалы с обоих береговых блоков дают находки только джаркутанского времени, что, несомненно, свидетельствует о времени сооружения данного канала. Функционировал ли канал в последующее время сказать трудно, так как керамика центрального блока, то есть у основания русла, настолько раскрошена, что невозможно восстановить ее форму.

Таким образом, перед нами канал эпохи развитой бронзы, который сооружен в джаркутанское время - XV-XIV вв. до н.э.

Разрез осуществлен нами по ярусному методу и керамика получена по блокам и ярусам, разделена она нами на три блока - северный, средний и южный. Из среднего блока получено небольшое количество керамики и, к сожалению, формы их не удалось восстановить.

Керамический комплекс из северного блока состоит в основном из тарных сосудов - хумов и тазикоа. Они все станковые, имеют хороший обжиг, снаружи покрыты светлым ангобом.

Хумы по форме делятся на две группы: открытые и закрытые. Открытые хумы напоминают тазики, они имеют большой диаметр венчика, до 1 м, толстостенные, венчики клювом вогнуты внутрь сосуда.

Закрытые хумы имеют вытянутое тулово и уплощенные венчики, диаметром до 30 см (Рис. 72, III, 2, 5, 7).

Тазики неглубокие и в отличие от открытых хумов, имеют более тонкие стенки. Абсолютно все тазики имеют коническую форму, венчики вогнутые во внутрь диаметром 50-60 см (Рис. 72, II, 1-3).

Из южного блока получена разнообразная керамика, относящаяся к джаркутанскому времени.

Вазы представлены двумя фрагментами. Диаметр их 34-36 см. Оба

фрагмента с обеих сторон покрыты светлым ангобом, в изломе кирпичного цвета. Оба резервуара ваз имеют коническую форму, венчик сильно вогнут во внутрь (Рис. 72, I, 1, 2).

Диаметр венчика конического сосуда 42 см, светло-ангобированный край венчика затупленный (Рис. 72, I, 3).

Миски имеют полусферическую форму с вогнутым уплощенным венчиком, диаметр венчика 46 см, сосуды с обеих сторон покрыты светлым ангобом (Рис. 72, I, 4).

Кувшины имеют вытянутую форму с узким горлом, диаметр венчика 12 см. С обеих сторон имеют светлый ангоб (Рис. 72, I, 5).

Горшки с биконическим туловом и слабо выделенным горлом, отогнутым краем венчика, диаметр венчика 12 см, имеет снаружи ангоб светлого цвета.

Миниатюрный сероглиняный сосуд имеет сильно отогнутую форму венчика, узкую горловину (Рис. 72, I, 6).

Керамический комплекс, полученный из разреза, свидетельствует о том, что канал Джаркутана относится к джаркутанскому периоду культуры Сапалли.

В более позднее время канал, видимо, был засыпан, так как из разреза материалы поздних периодов не обнаружены.

Таким образом, канал Джаркутана был сооружен на раннем этапе освоения данной территории и является одним из древнейших ирригационных сооружений на территории Узбекистана.

IV. 9. Результаты раскопок ремесленного массива (холм 1 и 2)

В целях получения дополнительных сведений по исторической топографии Джаркутана были проведены археологические исследования на крайних северо-восточных холмах (холм 1 и 2, рис. 73, I), занимающих около 3 га территорий. Интерес к этому участку был вызван тем, что здесь, благодаря рекогносцировочным наблюдениям, было установлено наличие следов производственно-ремесленной деятельности. Холм 1 расположен примерно в 300 м к востоку от 'цитадели' и является как бы северо-восточной границей городища.

Первые раскопки на холме 2 осуществлены У. Рахмановым в 1984 году. Им было заложено три шурфа, в одном из которых обнаружена гончарная однокамерная печь (шурф 3). В результате этих раскопок зафиксировано несколько мусорных ям, большое количество отходов производства - шлаки, заготовки и пр., преимущественно битой столовой и тарной посуды, что позволило говорить о производственном назначении данного участка города. В шурфе 3 (холм 2) на глубине 25 см, обнаружена керамическая однокамерная печь. Хорошо сохранилась топочная камера с сильно оплавленными зеленоватыми стенками. Камера овальной формы, размером 120x180 см по оси СВ-ЮЗ. Глубина камеры 110 см. Вокруг топочной камеры толстый (20 см) слой обожженной земли красноватого цвета, возможно, следы обжигательной камеры, которая не сохранилась. В заполнении топочной камеры обнаружены

множество мелких фрагментов столовой посуды, оплывшие шлаки, камни, уголь.

Другая керамическая печь была обнаружена в южной части холма 2, в 30 метрах от печи 1. Керамическая печь состоит из обжигательной и топочной камеры. Топочная камера разделена на две части. Первая овальной формы, размером 130x100 см (Рис. 73, II). Вторая часть топки, овально-вытянутой формы, размером 120x60 см. Их разделяет сильно оплывшая перегородка, толщиной 10-12 см (Рис. 73, II). Она подкреплена крупными булыжниками и кирпичами. Стенки топки сильно оплавлены, ошлакованы, зеленовато-серого цвета, что свидетельствует о их длительном использовании. Заполнение плотное, смешанное с большими скоплениями угля керамического брака, шлака, оплывших кирпичей, камней, костей животных, обломков зернотерок и т.д. Ниже этого слоя шел толстый слой чистого серо-белого пепла, под которым выявлено красноватое дно топки. В нижнем северном углу топки находилось входное отверстие диаметром 25 см, ведущее во вторую часть топочной камеры. На противоположной стороне расположено второе устье топочной камеры, диаметром 30 см (Рис. 73, II). Обе топки использовались, как нам кажется, одновременно.

Обжигательная камера крайне плохой сохранности. Она круглая в плане диаметром 220 см. Судя по мощному слою прокаленной красноватой земли, обжигательная камера использовалась достаточно долго. Жаропроводные отверстия из топочной камеры в обжигательную камеру не уцелели.

Обнаружена серия керамических изделий, преимущественно характеризующих Джаркутан II (кузали) сапаллинской культуры (Рис. 74).

Недалеко от печи обнаружена мусорная яма диаметром 150 см. В ней преобладает керамика времени Джаркутан II, но отдельные образцы относятся к более раннему этапу.

На крайнем северо-восточном холме 1 городища были обнаружены еще две керамические печи. Сохранность печей очень плохая. Можно судить только о размерах топочной камеры (1,60-1,80x2,40-2,60). Печи расположены друг от друга на расстоянии 30 м.

Итак, судя по результатам археологических работ данный массив использовался исключительно в производственных целях. На всей площади холма не выявлены следы каких-либо долговременных жилых построек. Судя по всему, на холме осуществлялся производственный процесс по массовому изготовлению гончарной керамической продукции. Несмотря на то, что в настоящее время на вскрытой площади холмов удалось установить местонахождение лишь четырех керамических печей, есть основание полагать, что их было больше.

Таким образом, эти два холма (1, 2), слившиеся воедино, расположенные на крайнем северо-востоке, являлись обособленным производственным массивом джаркутанских гончаров. Это обособление, как нам кажется, произошло уже в конце этана Джаркутан I и получило дальнейшее закрепление на этапе Джаркутан II (кузалинское время). Керамические печи, обнаруженные на холме показывают, что массив использовался достаточно интенсивно и

длительное время для производства керамики на сбыт. Тот факт, что верхние слои холма не сохранились, не позволяет нам делать категорические выводы о функционировании производительности массива во время Джаркутан III (моллали-бустанское время). Нам представляется что и на завершающем этапе сапаллинской культуры керамическое производство на холме не было приостановлено. Хотя производственная роль этого участка в экономике Джаркутана в моллали-бустанское время несколько уменьшилась, так как на этом этапе появляются крупные производственные массивы на Бустане. Керамические печи Джаркутана несколько меньше по размерам керамических горнов Бустана 4, к тому же технологически они отличны от них тем, что топочная камера в бустанских печах не разделена перегородкой на две части. Такая конструкция печей известна на некоторых поселениях в южном Туркменистане эпохи Намазга IV (Масимов, 1979).

В ходе раскопок на ремесленном массиве Джаркутана было собрано значительное число керамического материала. Подавляющая его часть (примерно 95%) принадлежит столовой посуде. Это прежде всего, - вазы на ножках, кубки, кувшины, горшки, хумы, хумчи, тазики, чаши.

Отсутствие какой-либо архитектуры, кухонных отходов, костей животных свидетельствует о том, что данный массив использовали исключительно в производственных целях, что было результатом социально-экономического развития древнеземледельческой общины, где стало возможным, в силу дальнейшего углубления специализации и разделения труда, обособить керамическое производство, ориентирующееся на рынок. Этот факт качественно отличает квартал керамистов на Джаркутане от Сапалли тепа. На последнем памятнике керамические печи сосредотачивались в каждом жилом квартале и использовались не для всего поселения в целом, а лишь для хозяйственных нужд большой патриархальной семьи, т.е. носили, по выражению А. Аскарлова, придомный характер.

Археологические данные, полученные в результате раскопок ремесленного массива Джаркутана, расширяют фактологическую базу для всестороннего и комплексного исследования экономических и социальных отношений древнеземледельческого общества второй половины II тыс. до н.э.

IV. 10. Комплексы, полученные при раскопках некрополя

Могильник отделен от городища водосбросной канавой, образовавшейся в обрывах между холмами, и занимает десятки малых и больших холмов, расположенных в южной и западной частях памятника с территорией более 20 га (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 8). Он выведен в специально отведенное место заделы города только на второй стадии джаркутанского этапа сапаллинской культуры (XV-XIV вв. до н.э.).

Ранее, на первой стадии освоения территории Джаркутана, некрополь и жилые массивы находились в одном месте, то есть, умерших членов семьи хоронили тут же в помещении, где они жили, под полом. Это прослеживается в

жилищном массиве, вскрытом на холме 5, в "цитадели", судя по результатам шурфов в некоторых еще нераскопанных центральных холмах Джаркутана. Такая картина характерна и для Сапалли тепа (Аскаров, 1977).

До настоящего времени вскрыто более 1500 погребений, материалы из которых в основном опубликованы (Абдуллаев, 1977; 1979; Аскаров, 1977, с. 46-57; Аскаров, Абдуллаев, 1983; Рахманов, 1977, с. 4; Ионесов, 1990, с. 3).

Судя по топографии, в некрополе Джаркутана насчитывается более десяти тысяч погребений. Только лишь на одном из холмов на площади около 1 га было вскрыта 731 могила (Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 8, рис. 2).

Погребения находятся на глубине 0,4-2,0 метров от дневной поверхности. Могильные сооружения в основном ямные и ямно-котакомбные, иногда в хумах.

Археологические комплексы некрополя и городища абсолютно идентичны и представляют все этапы сапаллинской культуры - сапалли, джаркутан, кузали и моллали-бустанский этапы

Основная доля погребений относится к сапалли-джаркутанскому и моллали-бустанскому времени, меньшая часть, к кузалинскому, хотя процентные показатели на каждом холме - могильнике, в зависимости от месторасположения разные.

Ближние холмы, такие как некрополь, функционировали в течение всех этапов существования города, а наиболее южные и западные - только на последних этапах. По всей вероятности, каждый холм - некрополь предназначался для конкретного общинного поселка, связанного с родовой дифференциацией (Ионесов, 1990, с. 12).

Сначала захоронения производились в ближних холмах Джаркутан 3, 4, 4А. Доля погребений джаркутанского этапа в могильнике Джаркутан 4А составляет 485%, кузалинского этапа - 19,5%, моллали-бустанского этапа - 32%. А в могильнике Джаркутан 4В, который был наиболее отдаленным от города, погребения раннего этапа освоения города джаркутанский этап, составляет всего 3Д подавляющее большинство останков - 71,5% принадлежит к моллали-бустанскому этапу, количество кузалинских погребений остается почти без изменений - 25,2% (Ионесов, 1990, с. 10-11).

Таким образом, с течением времени погребальные комплексы продвигаются "горизонтально" на юг и на запад от города, осваиваются новые холмы под некрополь.

Некоторые ближние холмы-некрополи (Джаркутан 4А), представляющие погребальный комплекс всех этапов обживания города, возможно, свидетельствуют о существовании специальных родовых могильников и могут соотноситься с конкретными жилмассивами - городским кварталом.

Для всех этапов обживания города, доминирующим были захоронения в скорченном положении на боку, мужчин на правом, женщин на левом, с большим набором керамических бронзовых и каменных изделий (Рис. 75).

Отклонения от этой общей традиционной формы иногда встречаются, но не в большом количестве. Зафиксированы останки лежащие на спине, животе, в сидячем положении, а также расчлененные скелеты. В кузалинском и

моллалинском этапах несколько увеличивается доля расчлененных скелетов (Рис. 75).

Одной из норм похоронного ритуала являлись кенотафные погребения т.е. без костей человека, но с набором керамических сосудов с глиняными куклами, иногда и без них, абсолютно пустые (Рис.76).

Доля кенотафных погребений увеличивается в молали-бустанском этапе, составляя 17% от общего числа захоронений, тогда как в джаркутанском этапе они составляли всего 3,1%. Возможно, к категории кенотафных погребений относятся захоронения целой туши молодого барана на левом, или правом боку, на подобие погребальных ритуалов людей (Ионесов, 1990, с. 13-18).

Ориентация погребенных с истечением времени меняется. Если в джаркутанском этапе погребенные в основном были ориентированы головой на север и северо-запад, то в последующие этапы ориентация умерших постепенно изменяется на юго-запад и юг. Западная ориентация в кузалинском этапе составляла 63,2% от общего числа погребений, в молалинском этапе она составляла лишь 40% (Ионесов, 1990, с. 16).

Устойчивой традицией в погребальном ритуале является то, что в ямно-катакомбных могилах входное отверстие, независимо от пола умершего, обращено к солнечной стороне, к востоку и югу.

Захоронения в основном одиночные, но в редких случаях встречаются и парные.

В моллали-бустанском этапе в погребальном ритуале появляется новый обряд - кремация, которая прослеживается в погребении 32 могильника Джаркутан 4А и в погребении 16 могильника Бустан 3. Последнее погребение расположено на другом берегу высохшего русла реки напротив некрополя Джаркутана. В Бустан 3 Н.А. Аванесовой вскрыта грунтовая могильная конструкция, трапецевидная в плане, длиной около 2 м, глубиной 0,9 м, где зафиксировано сильное возгорание огня. Возможно, перед нами, специальная конструкция для кремации умерших, хотя сгоревших костных останков не было обнаружено. Не исключено, что имеется взаимосвязь таких факторов, как увеличение количества кенотафных погребений молалинского этапа с обрядом кремации.

Следы огня в погребальном обряде были зафиксированы ранее в Тулхарском могильнике в Бишкентской долине (Мандельштам, 1968, с. 96-108).

Таким образом, в диалектическом единстве представлены разные погребальные обряды в некрополе Джаркутана, что, в целом, свидетельствует о становлении религиозного мировоззрения, сложной социальной структуры общества и его стремительной динамике развития

Археологические комплексы некрополя и городища абсолютно идентичны и представляют все этапы сапаллинской культуры.

В динамике развития погребальных комплексов выделяются две стадии: 1) некрополь под полом жилого массива внутри города и 2) некрополь в специально отведенном месте, за чертой города.

Материалы обеих стадий развития погребального комплекса абсолютно идентичны, хронологически последовательны.

По-видимому, такое резкое изменение в динамике развития погребального комплекса связано с переломом в мировоззрении обитателей храма, с изменением социальной структуры общества, экономическим благосостоянием, резким увеличением популяции. Этот переломный момент происходил в джаркутанское время в XV-XIV вв. до н.э.

Более того, отделение города от некрополя усиливается в последующем моллалинском этапе. На границе между городом и некрополем, буквально над обрывом, сооружается длинная крепостная стена с прямоугольными башнями, расположенные в 50 м друг от друга и отходящие от них навстречу друг к другу крепостные стены (Рис. 68, II).

Стена толщиной в 2 м прослеживается лишь в нескольких метрах в наиболее возвышенном месте, где и расположены башни, а в низинах стена полностью смыта. Крепостная башня удлиненно-прямоугольная в плане, размером 3x9 м. Судя по микрорельефу местности, таких башень было еще несколько и, возможно, их связывала крепостная стена. Но, к сожалению, она полностью уничтожена ветряной, дождевой, в особенности, солевой эрозией. Об этом могут косвенно свидетельствовать темно-коричневые сильно раскрошенные земляные пятна.

По-видимому, западная окраина города на протяжении около 100 м была отгорожена от некрополя. Возможно, стена символизировала условную границу двух миров - мертвых и живых.

Но это отнюдь не означает наличия общегородской оборонительной стены.

Подводя итога, можно констатировать, что комплексы Джаркутана были разнообразны - функциональные и рядовые, культовые и светские. Вещевой инвентарь, изготовленный из глины, металла, камня кости, по сравнению с любым объектом, наиболее серийный, насчитывающий сотни тысяч экземпляров, который представляет все хронологические этапы развития сапаллинской культуры.

Трудно переоценить значение комплексов Джаркутана в изучении социальной, экономической, культурной, духовной истории народов Средней Азии второго тысячелетия до нашей эры.

Комплексы Джаркутана имеют такое же значение в изучении истории материальной и духовной культуры Среднего Востока, как комплексы, полученные французской археологической миссией в Мундигаке в южном Афганистане, советско-афганской экспедицией в Дашли 1,3 в северном Афганистане, итальянской археологической миссией в Шахри-Сохте в восточном Иране, американскими археологами в Тепе-Гиссар, Тюренг-тепе в северном Иране, московскими и ленинградскими археологами в Алтын-депе, Тоголок, Гонур в южном Туркменистане.

ГЛАВА V ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОМПЛЕКСОВ, ХРОНОЛОГИЯ

V.I. Периодизация комплексов

В результате анализа довольно многочисленного археологического материала, полученного при планиграфических и стратиграфических раскопках, с уверенностью можно допустить выделение четырех разновременных последовательных археологических комплексов - джаркутан, кузали, молали-бустан и раннежелезного века периода Кучук 1а, которые в целом укладываются в пределы от середины II тыс. до н. а до первой четверти I тыс. до н.э.

Нами не будет анализироваться четвертый комплекс раннежелезного века, ибо эта тема для самостоятельного исследования, тем более, что материалы РЖВ I немногочисленны, они в основном состоят из небольшой серии расписной керамики, извлеченной из мусорных ям позднего периода обживания "цитадели", дворцового комплекса и которые опубликованы (Аскарков, 1977, с. 230; Шайдуллаев, 1990, с. 8, 9, 14).

Комплексы Джаркутана в целом характерны для материальной культуры эпохи поздней бронзы юга Средней Азии, которые именуется как комплексы сапаллинской культуры.

В конце 70-х годов А. Аскарковым были выделены три археологических комплекса: сапалли, джаркутан, моллалли, в основу которых легли материалы одноименных поселений и могильников (Аскарков, 1977, с. 60-88). Далее, он же, совместно с Б. Абдуллаевым, выделил и четвертый комплекс - кузалинский (Аскарков, Абдуллаев, 1983, с. 21-25). У. Рахманов выделил еще один, пятый - бустанский комплекс (Рахманов, 1987, с. 13). Однако, процесс дробления на комплексы сапаллинской культуры на этом не остановился, В. Ионесов выделяет восемь комплексов и подкомплексов (Ионесов, 1990, с. 8-11). Во многих случаях эти мелкие дробления на комплексы необоснованны и не соответствуют исторической действительности.

Формы керамических сосудов, в особенности, тонкостенных, очень изменчивы во времени и, естественно, могут служить основой при разработке хронологии развития материальной культуры. Однако мелкие изменения в формах венчика, донца, тулова или же покрытия не всегда являются результатом эпохальных изменений, а всего лишь результатом существования одновременно нескольких мастеров гончаров.

При выделении комплексов разных хронологических этапов и культурных вариантов, в последние годы успешно применяется метод В. Робинсона (Robinson, 1951, с. 293-301). При хронологическом определении алтыновских комплексов этот метод весьма удачно применила Л.Д. Кирчо (Кирчо, 1972, с. 172-176).

Л.Д. Кирчо предлагает количественный метод определения относительной хронологии, где коэффициент совершенно идентичных комплексов составляет 200%, одновременных - 175%, близких по времени - 170-100% (Кирчо, 1972, с.

172-176). Этот же метод при выделении комплексов сапаллинской культуры был применен У. Рахмановым (Рахманов, 1987, с. 14-15), а для комплексов периода Намазга V и VI южной Туркмении Б. Удеимурадовым (Удеимурадов, 1989, с. 11-14).

Результаты раскопок на территории городища Джаркутан не позволяют нам выделить 7-8 хронологически разновременных археологических комплексов. Здесь наиболее устойчивым постоянством отличаются ранее описанные нами комплексы: Джаркутан, Кузали, Моллали, которые хронологически последовательны. Классическая триада в хронологии развития материальной культуры - начало, развитие, финал также подтверждаются стратиграфическими шурфами и закрытыми комплексами, вынутыми из колодцев Джаркутана.

Все три комплекса Джаркутана генетически взаимосвязаны и максимально характеризуют материальную культуру города. В связи с этим, а также для удобства восприятия читателя, мы предлагаем обозначать их римскими цифрами Джаркутан I, II, III, - соответствующих - Джаркутан, Кузали, Моллали.

Комплекс Джаркутан I характеризуется:

1. Исключительно высококачественной, изготовленной на гончарном круге, обожженной светло-коричневой и светлофонной керамической посудой.

2. Менее 1% составляют лепные кухонные сосуды - котлы и жаровни.

3. Наличием хозяйственно-бытовых и культовых керамических сосудов - вазы, кувшины, бокалы (кубки), банки, графины, конические чаши, чаши со сливом, миски, плоские блюда, чайники, котлы, жаровни, горшки, тазики, хумы, хумчи, подставки, кубуры, тарнов, тигли, переносные алтарики, ритоны, кубок и др.

4. Доминирующими типами сосудов являются: конические чаши, вазы, бокалы, кувшины, горшки, хумы и хумчи; малочисленными - чаши, котлы, тазики, чайники; редкими - графины, жаровни, плоские блюда, тигли, "тарнов" и др. (табл. 8).

5. Наличием единичных сероглиняных сосудов: графина, конического сосуда, чаши со сливом, горшков и др.

6. Разнообразием каменных изделий плоские зернотерки неопределенной формы, высококачественные, симметричные с зазубренными краями кремневые наконечники стрел удлиненно-листовидной формы, биконические пряслица с орнаментом и др. (Рис. 49, II).

7. Металлическими вставными изделиями: столярные инструменты, земледельческие орудия, нож однолезвийный с отогнутым назад концом и др.

8. Высокоразвитой архитектурной планировкой, монументальной и рядовой.

Комплекс Джаркутан II (Кузали) характеризуется:

1. По-прежнему, вся посуда изготовлена на гончарном круге, светлофонная, с хорошим обжигом, но несколько массивнее и тяжелее.

2. Появлением нарезной штампованной орнаментированной посуды, изготовленной на гончарном круге, похожей на орнаментацию степной культуры.

3. Отсутствием сразу нескольких типов сосудов: бокалов (кубков),

графинов, конических чаш, чаш со сливом, плоских блюд, чайников (табл. 9).

4. Резким возрастанием доли хумов и горшков, увеличением ассортимента культовых сосудов.

5. Изменением формы некоторых сосудов вазы менее стройные, массивные, грубоватые, венчик резко вогнут вовнутрь, образуя угловатость, ножки балясинообразные, массивные, объем резервуара уменьшается. На плечиках кувшинов появляются горизонтальные прямые и волнистые параллельные начерченные линии (Рис. 42, III; 44, II; 45, I).

Комплекс Джаркутан III (моллали-бустан) характеризуется:

1. Высококачественной керамической посудой, изготовленной на гончарном круге быстрого вращения. Сосуды в отличие от комплекса Джаркутан II покрыты монокромной красной краской, в малом количестве встречается и традиционная светлофонная керамика. Из-за неравномерного нанесения краски иногда появляются горизонтальные полосы на сосудах.

2. Отсутствием лепной керамики. Мотивы орнаментов в виде вдавленных треугольников, в начерченных ромбиков, прямых, ломанных, волнистых линий имеются на высококачественно изготовленной на гончарном круге посуде (Рис. 46, I).

3. Восстановлением нескольких традиционных типов сосудов, конических чаш, плоских блюд, курильниц цилиндрической формы, зооморфных сосудов и т.д. (табл. 10).

4. Резким увеличением количества и ассортимента культовых сосудов (табл. 10).

5. Появлением ваз, резко отличающихся, как по форме, так и по размерам, от ваз Джаркутана II. Резервуар ваз опять становится крупным, вместительным, ножки полые, кольцевые, тонкостенные и легковесные, венчики их не угловатые как у предыдущих, а плавно вогнутые во внутрь или же наружу (Рис. 70, I; 70, III; 132, II, 8).

6. Разнообразием каменных изделий зернотерок с устойчивой формой, удлиненно-седловидной, биконические пряслица с круглым орнаментом.

Для всех трех комплексов характерна развитая архитектурная планировка.

Необходимо подчеркнуть, что все три комплекса Джаркутан I, II, III генетически взаимосвязаны, они вырастают из одного корня. В целом прослеживается эволюционный ряд основных типов керамических сосудов ваз, кувшинов, горшков, мисок, хумов, чаш конической формы, тагора и др. Такая же преемственность прослеживается в комплексах металлических и каменных изделий, погребальных обрядах.

Мы далеки от мысли, что выделенные три последовательных археологических комплекса городища и некрополя Джаркутана, да и в целом сапаллинской культуры сформировались в "тепличных" условиях, без всякого влияния извне.

В формировании комплексов Джаркутана в определенной степени сыграла свою роль северная степная культура типа андроновской, возможно, и ямная культура, древние земледельческие культуры южной Туркмении, Иранского плато, Сеистана, Белуджистана и долины Инда. Этот тезис не

означает, что сапаллинская культура является результатом синтеза нескольких культур, речь идет только лишь о влиянии их, и о проникновении некоторых элементов культуры.

Однако в литературе высказана также иная точка зрения. Некоторое своеобразие кузалинского (Джаркутан I) комплекса Б. Абдуллаев объясняет сильным влиянием хараппской и постхараппской культуры долины Инда (Абдуллаев, 1981). По-видимому, своеобразие комплекса Джаркутан II не является результатом внешнего влияния, а, скорее всего, объясняется внутренней социальной причиной обособлением ремесленного производства, высокой стандартизацией керамических сосудов, усилением религиозного культа, возможно, использованием рыночных отношений и т.д.

Материальная культура городища разделена на три комплекса - Джаркутан I, II, III, которые в целом соответствуют трем комплексам - джаркутан, кузали, моллали, ранее выделенным А. Аскарковым и Б. Абдуллаевым на материалах некрополя (Аскарков, Абдуллаев, 1977, с. 16-31).

Одновременно сооружаются крепостная стена "цитадели", дворец, храм, жилищные массивы и функционируют они в течении всего периода бытования города. Лишь многокомнатный дом, за крепостной стеной и ремесленные массивы на холмах 1 и 2, расположены в крайней северо-восточной части, а холмы 7 в юго-западной части города.

Таким образом, центральная часть ядра города осваивается в период Джаркутана I. В последующем, в периоде Джаркутан II осваивается почти вся территория города и некоторые мелкие холмики (7, 9) на третьем этапе. Такую динамику развития поселений подтверждают и результаты 19 стратиграфических шурфов (см. гл. III).

Не вызывает сомнения последовательность трех комплексов Джаркутан I, II, III, что подтверждают результаты разреза мусорной ямы на западном фазе "цитадели" (Рис.7). Нижние культурные слои разреза мощностью 2,5 м содержат материалы только периода Джаркутана I, средние, мощностью 1,5 м - Джаркутан II, а верхние мощностью 12 м - Джаркутан III. Правда, верхние два комплекса несколько перемешаны (Рис. 10-12).

Такие же результаты были получены из храма, где нами вскрыто 5 колодцев, которые имеют глубину более 7 метров и, естественно, при зачистке отсюда были вынуты археологические материалы. Материалы из трех колодцев (1, 3, 5) оказались абсолютно не перемешанными, так как эти колодцы поочередно были засыпаны и вырыты.

Эти закрытые комплексы из колодцев 1, 3, 5 содержат керамические находки трех этапов сапаллинской культуры - джаркутанского, кузалинского и моллалинского, соответствующих трем комплексам существования города - Джаркутан I, II, III.

Колодец 1 содержал только керамику джаркутанского времени (Рис. 40, III), колодец 3 - кузалинского (Рис. 42, III), а колодец 5 - моллали-бустанского этапа (Рис.47, II).

Принципиальное значение для определения времени возведения храма, имеют материалы, полученные из шурфов, заложенных на площади сакральной

платформы. Во всех шурфах картина одинакова: первоначально идет кирпичная выкладка до глубины 140 см, ниже материк с песчанной засыпкой. Между кирпичами широкие щели, в которых встречаются обломки керамики исключительно джаркутанского облика. Зачистка кладок на разных участках храма свидетельствует о том, что время возведения основной архитектурно-планировочной структуры храма относится к джаркутанскому этапу.

Галечная дорожка, расположенная во дворе храма, была разрезана в двух местах (Рис. 37, II). В обоих случаях одинаковая картина, т.е. в полутораметровой толщине три слоя галечной вымостки, что также указывает на три хронологические последовательности сооружения и функционирования храма в целом. Однако, керамика среднего слоя была слишком фрагментированной и малочисленной, что не позволило отнести ее к какому-нибудь конкретному этапу культуры сапалли, но керамический комплекс, полученный с уровня верхнего слоя галечной дорожки явно моллалинский.

Следует отметить, что архитектурно-планировочные комплексы храма, дворца, жилых массивов на холмах 8 и 5, четко разделяются на три строительных горизонта. Так, на одном участке стена верхнего горизонта стояла на культурном слое, в другом, - на галечной вымостке, в третьем, - на материке. Но, к сожалению, строительные горизонты не привязаны к хронологическим этапам из-за отсутствия датирующего материала. Правда, стены третьего строительного этапа покоятся на культурном слое, который содержит керамику кузалинского периода (Джаркутан II). Следовательно, эти стены (храм, пом. 13, 17) сооружены после кузалинского времени, вероятно, они относятся к моллали-бустанскому времени (Джаркутан II), но зафиксировать помещения сооруженные в кузалинское время (Джаркутан Б), крайне трудно из-за отсутствия материала. Логически к этому периоду можно было бы отнести стены, сооруженные на галечной вымостке второго строительного горизонта.

Количество уровней полов в некоторых помещениях храма и дворца разное, их насчитывается до 5 слоев.

Полученные нами факты в результате планиграфических и стратиграфических раскопок позволяют говорить о наличии трех последовательных комплексов: Джаркутан I, II, III, которые полностью соответствуют ранее выделенным трем комплексам на основе материалов некрополя: джаркутан, кузали, моллали-бустан.

Необходимо подчеркнуть, что в количественном отношении комплекс Джаркутан II намного меньше, чем два остальных.

V.2. Хронология

Относительная и абсолютная хронология сапаллинской культуры в целом разработана. А. Аскарлов на основе материалов, полученных из Сапалли тепа, Джаркутана, Моллали, определил существование сапаллинской культуры в пределах 1700-1000 гг. до н.э. и разделил их на три этапа - сапаллинский этап 1700-1500 гг. до н.э.; джаркутанский - 1500-1350 гг. до н.э.; моллалинский -

1350-1000 гг. до н.э. (Аскарлов, 1977, с. 90-105).

В дальнейшем, в различных научных публикациях, посвященных вопросу хронологии сапаллинской культуры, в основном подвергался раздроблению третий этап - моллалинский.

А. Аскарлов и Б. Абдуллаев моллалинский этап разделили на два периода - кузалинский XIII-XII вв. до н.э. и моллалинский XI-X вв. до н.э. (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 32-44).

Далее У. Рахмановым этот же этап сапаллинской культуры был разделен еще на два периода - моллали - 1200-1050 гг. до н.э. и бустан - 1050-500 гг. до н.э. (Рахманов, 1987, с. 16). Для археологических комплексов Джаркутана и Бустана У. Рахмановым определены четыре хронологических периода: сапалли -1700-1500 гг. до н.э.; джаркутан -1500-1350 гг. до н.э.; кузали - 1350-1200 гг. до н.э. и бустан - 1050-900 гг. до н.э. (Рахманов, 1987, с. 15-16). Следует отметить, что такое деление на этапы выглядит несколько искусственным, в связи с тем, что стратиграфические отложения культурных слоев и количественные показатели материалов комплексов противоречат такому равному, симметричному делению этапов.

Хронологическое дробление развития материальной культуры эпохи бронзы юга Узбекистана на этом не завершилось В. Ионесов выделил 7 этапов и стадий развития сапаллинской культуры, при этом укладываясь, как и все перечисленные авторы, в пределах 1700-950 гг. до н.э. (Ионесов, 1990, с. 9-10).

Можно указать лишь на один факт, который наглядно иллюстрирует несостоятельность чрезмерного увлечения мелким дроблением хронологии материальной культуры эпохи бронзы В. Ионесов ранний этап сапаллинской культуры датирует в пределах 1700-1650 гг. до н.э., т.е. для всего комплекса отводит всего 50 лет. Одно дело, когда речь идет о датировке конкретного слоя пола средневекового памятника, где обнаружена монета, другое дело, датировать целый ранний комплекс, охватывающий несколько строительных горизонтов. Тем более, что В. Ионесов датирует два нижних строительных горизонта Сапалли-тепа. Парадоксально, но факт, что автор третий строительный горизонт Сапалли-тепа датирует 1650-1550 гг. до н.э., т.е. отводит на существование их уже 100 лет, а не 25 по логике датировки первых двух строительных горизонтов (Ионесов, 1990, с. 9).

Изъяны при разработке хронологической школы эволюции комплексов сапаллинской культуры заключаются не только в вышеупомянутых несоответствиях. Ниже приводятся разработки разных исследователей по хронологии сапаллинской культуры.

Из таблицы следует, что неизменной остаются нижняя и верхняя границы определения хронологии сапаллинской культуры. Первоисследователь сапаллинской культуры А. Аскарлов хронологические рамки ее существования определил в пределах 1700-1000 гг. до н.э. (Аскарлов, 1977, с. 89-105). Этому же предела придерживались все последующие исследователи, занимающиеся историей материальной культуры эпохи бронзы юга Узбекистана. Правда, верхняя граница хронологии сапаллинской культуры В. Ионесовым поднята до 950 г. до н.э. (Ионесов, 1990, с. 10), У. Рахмановым до 900 г. до н.э. (Рахманов,

1987, с. 16).

Однако, внутренняя периодизация хронологии сапаллинской культуры имеет противоречия у разных авторов и соответственно носит несколько субъективный характер.

Сапаллинский этап на материалах Сапалли-тепа был датирован А. Аскарковым в пределах 1700-1500 гг. до н.э., продолжительностью в 200 лет (Аскарков, 1977, с. 89-105).

У. Рахманов комплексы Сапалли-тепа разделил на два этапа: сапаллинский - нижние слои Сапалли-тепа, и джаркутанский - верхние слои Сапалли-тепа и соответственно датировал их 1700-1500 гг. до н.э. 1500-1350 гг. до н.э. (Рахманов, 1987, с. 15). В результате этого искусственного разделения комплекса Сапалли-тепа, продолжительность его функционирования составляет 350 лет, а не 200 лет.

В хронологии джаркутанского и кузалинского этапов сапаллинской культуры у исследователей почти нет расхождений. Но вот заключительный этап сапаллинской культуры - моллалинский датируется по-разному.

А. Аскарков сначала нижнюю границу хронологии моллалинского этапа определил XIV вв. до н.э. (Аскарков, 1977, с. 101-105), позднее, совместно с Б. Абдуллаевым - XI в. до н.э. (Аскарков, Абдуллаев, 1983, с. 42-44). У. Рахманов и В. Ионесов нижнюю границу моллалинского этапа определяют 1200 г. до н.э. (Рахманов, 1987, с. 16; Ионесов, 1990, с. 10).

Верхняя граница хронологии моллалинского этапа сапаллинской культуры также имеет соответствие у разных авторов. А. Аскарков и Б. Абдуллаев эту черту проводят в районе 1000 г. до н.э. (Аскарков, Абдуллаев, 1983, с. 42-44), а У. Рахманов и В. Ионесов - 1050 г. до н.э. (Рахманов, 1987, с. 16; Ионесов, 1990, с. 10). 100 лет не столь уж большая ошибка в датировке комплексов эпохи бронзы, однако, рубеж XI в. до н.э. одним исследователем взят как начало функционирования моллалинского комплекса (Аскарков, Абдуллаев, 1983, с. 42-44), а другим, как конец (Рахманов, 1987, с. 16; Ионесов, 1990, с. 10), что свидетельствует об искусственности и необоснованности данной датировки.

Такова на сегодняшний день разработка хронологии комплексов сапаллинской культуры. В настоящее время накопилось огромное количество материалов, которые позволяют нам заново рассмотреть и уточнить хронологию комплексов данной культуры. Выше указывалось о выделении трех комплексов существования города: Джаркутан I, II, III, соответствующих комплексам джаркутан, кузали и моллали, выделенных и охарактеризованных А. Аскарковым и Б. Абдуллаевым.

Первоочередной задачей является определение верхней и нижней границы хронологии комплексов их внутренней относительной периодизации.

Как известно, многие памятники эпохи поздней бронзы Бактрии содержат материалы раннежелезного века периода Кучук I и Кызыл I. В верхних слоях "цитадели" Джаркутана зафиксирован слой с лепной расписной керамикой раннежелезного века. Во дворце обнаружены четыре мусорные ямы, содержащие материалы периода Кучук I (Шайдуллаев, 1990, с. 14). В мусорных ямах обнаружена керамика обоих этапов моллали-бустанской эпохи

поздней бронзы (33,3) и Кучук I раннежелезного века (66,7) (Шайдуллаев, 1990, с. 14), что свидетельствует о непрерывности цикла жизни на Джаркутане, даже, в какой-то степени, о существовании двух комплексов.

В Буйрачи I комплекс раннежелезного века периода Кучук I и Кызыл I также перекрывают культурные слои, содержание которых характеризует моллалинский этап сапаллинской культуры (Сагдуллаев, 1978, с.10; 1978а, с. 32).

В Бандихан-тепа I в нижнем X ярусе зафиксирован керамический комплекс, характеризующий переходной этап Намазга VI к Яз 1, от периода поздней бронзы к раннему железному веку (Сагдуллаев, 1978а, с. 33).

Таким образом, в Бактрии, в динамике развития комплексов поздней бронзы периода молали и раннежелезного века периода Кучук I, не было разрыва, соответственно и в хронологии. Такая же картина наблюдается и в Маргиане, где культура раннежелезного века типа Яз I некоторое время сосуществовала с культурой эпохи финальной бронзы (Кошеленко, Сарияниди, 1984, с. 179). Такой процесс отчетливо наблюдается и на юге Туркмении в Улуг-депе, Елкен-депе (Сарияниди, 1972, с. 53-55).

Абсолютная хронология комплексов Яз I, Кучук I, Кызыл I раннежелезного века юга Средней Азии в целом определена X-VIII вв. до н.э. (Аскарлов, Альбаум, 1979; Сагдуллаев, 1978, с. 13; Массон, 1984, с. 4; Сарияниди, Кошеленко, 1985, с. 180; Заднепровский, 1978; Пилипко, 1989, с. 3; Ширинов, Шайдуллаев, 1988, с. 13-26; Шайдуллаев, 1990, с. 13).

Определение хронологии раннежелезного века Средней Азии имеет две тенденции: первая, - его удревление и, вторая, - омолаживание.

В Средней Азии в начале нашего века впервые были найдены железные изделия. В южном Туркменистане на Анау был найден железный серп и фрагмент ножа, которые были датированы X-VI вв. до н.э. (Schmidt, 1908, р. 156-154, 187).

Наиболее ранние железные изделия и "крицы" найдены также в Дара-тепа, Куй-сай, Дальверзине, который в целом датируются IX-VII вв. до н.э. (Массон, 1984, с. 4; Сагдуллаев, 1982, с. 233; Кошеленко, Сарияниди, 1985, с. 180).

Комплекс Яз I В.М. Массон первоначально датировал 900-650 гг. до н.э. (Массон, 1959, с. 41-48); позднее начальный этап он отнес к самому концу II тыс. до н.э. (Массон, 1966, с. 182), а в последних публикациях опять вернулся к первоначальной датировке - X-VIII вв. до н.э. (Массон, 1984, с. 4).

А.А. Марущенко, на основе изучения материалов Елкен-депе, предложил для слоев типа Яз I дату XII-VII вв. до н.э. (Марущенко, 1959, с. 65).

Сторонники удревления начального этапа раннежелезного века, в основном, ориентируются на материалы Ирана, где по объективным причинам он начался намного раньше, чем на юге Средней Азии и датируется XIII-XII вв. до н.э. (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 43-51).

Нивелирование исторических процессов разных территорий является методической ошибкой.

Неравномерность социально-экономического развития общества особенно ярко проявлялась в древности.

Есть сторонники более позднего начала раннежелезного века в Средней Азии, которые датируют его VII-VI вв. до н.э. (Сагдуллаев, 1989, с. 13; Рузанов, 1983, с. 46).

Сторонники занижения даты начала РЖВ I в Средней Азии до VII-VI вв. до н.э. в основном ссылаются на малочисленность или же отсутствие железных изделий в комплексе того или иного памятника, но малочисленность железных изделий в комплексе материальной культуры РЖВ I характерна не только для Средней Азии, но и для Ирана и других территорий (Погребова, 1977, с. 254). Более того, ранние железные изделия считались ценными, в связи с чем бережно хранились и в случае поломки не выбрасывались, а переплавлялись. Обычно ранние железные изделия были довольно миниатюрными, в связи с чем они были более подвержены разрушениям, чем крупные.

За основу начала РЖВ I в Средней Азии необходимо взять дату формирования комплексов типа Яз I, Кучук I, Кызыл I, Тиля I, Этек I, которые полностью сменяют комплекс эпохи поздней бронзы типа Намазга VI. Почти все исследователи дату начала формирования вышеперечисленных комплексов РЖВ I считают 1000 или 900 гг. до н.э., т.е. X и IX вв. до н.э. (Массон, 1959, с. 41-48; 1984, с. 4; Аскарлов, Альбаум, 1979; Сарианиди, 1989; Сагдуллаев, 1978, с. 13; Пилипко, 1989, с. 3; Ширинов, Шайдуллаев, 1988, с. 13-16; Шайдуллаев, 1990, с. 13). Данную датировку подтверждает ряд радиоуглеродных анализов из Кучук-тепа, Тилля-тепа и Бенгуана (Аскарлов, Альбаум, 1979; Массон, 1984, с. 4).

Таким образом, смена комплексов эпохи поздней бронзы и раннего железа на юге Средней Азии, в том числе и в Бактрии, произошла в районе X-IX вв. до н.э. Эта датировка в настоящее время является наиболее общепризнанной, ее придерживается и автор этих строк. Соответственно, дата завершения функционирования комплекса Джаркутан III моллали-бустан сапаллинской культуры - нами определяются X-IX вв. до н.э.

При определении нижней даты хронологии сапаллинской культуры большинство исследователей, занимающихся историей материальной культуры Узбекистана, имеет единое мнение - 1700 г. до н.э. (Аскарлов, 1977, с. 101; Рахманов, 1987, с. 15; Ионесов, 1990, с. 9).

Однако, при определении датировки идентичных сапаллинским комплексам сопредельных территорий - южной Бактрии, Маргианы и южной Туркмении, в мнениях разных исследователей существуют расхождения.

Скруплезный анализ материалов из Сапалли-тепа позволил А. Аскарлову синхронизировать их с южно-туркменистанскими комплексами периода позднего Намазга V и Намазга VI (Аскарлов, 1977, с. 100).

В 50-е годы сначала Б.А. Куфтин, а позднее В.М. Массоном были разработаны стратиграфические отложения комплексов энеолита и бронзы (Намазга I—VI) и их хронология (Куфтин, 1956, с. 260-290; Массон, 1956, с. 291-373). Б.А. Куфтин комплекс Намазга VI датировал серединой II тыс. до н.э. (Куфтин, 1956, с. 266). В.М. Массон комплекс Намазга V синхронизировал с материалами Гиссар Ше, Шах-тепа Па и другими памятниками Ирана и предложил следующую датировку: Намазга IV-III - начало II тыс. до н.э.;

Намазга V - в пределах II тыс. до н.э.; Намазга VI - вторая половина II тыс. до н.э. (Массон, 1956, с. 314-326). Данная разработка обоснована на хорошо документированных материалах 17,5 метровых стратифицированных отложений Намазга-тепа и соответствует реальной археологической картине.

В дальнейшем, В.М. Массон на материалах Тахирбай 3 и Аучин-депе несколько удревнил дату хронологии комплекса Намазга VI, разделив ее на два этапа: ранний - Аучин-депе - 1600-1300 или 1700-1400 гг. до н.э. и поздний Тахирбай 3 - 1300-1000 или 1400-1100 гг. до н.э. (Массон, 1959, с. 28).

Однако, тенденция удревления комплексов Намазга V и VI не остановилась на этом. В начале 70-х годов В.М. Массон на материалах Алтын-депе комплекс Намазга VI датировал 2100-1650 гг. до н.э. (Массон, 1970, с. 418, 419), а в начале 80-х годов уже 2300-1850 гг. до н.э. (Массон, 1981, с. 95).

Американский археолог Ф. Кол датирует комплексы Намазга V и VI 2500-1850 гг. до н.э. (Kohl, 1984, Табл. I). Необходимо подчеркнуть, что такое удревнение хронологии комплексов Намазга V и VI явно противоречит стратиграфии памятников юга Средней Азии.

Следует отметить, что имеется и другая точка зрения, противоположная вышеуказанной, склоняющаяся к омолаживанию комплексов Намазга V и VI. И.Н. Хлопин датирует комплексы Намазга V и VI -1650-1350 гг. до н.э. и 1350-1000 гг. до н.э. (Хлопин, 1983, с. 55-57; Хлопина, 1978, с. 12).

В.И. Сарияниди материалы Дашли I и 3 синхронизировал с комплексом Намазга VI и датировал второй половиной II тыс. до н.э. (Сарияниди, 1977, с. 22-106). Гонур, Тоголок, Тахирбай, представляющих три этапа маргианских комплексов, соответствующих Намазга VI, он датировал 1500-750 гг. до н.э. (Сарияниди, 1990, с. 59-74).

Нам представляется более вероятным датировать комплексы Намазга VI серединой и второй половиной II тыс. до н.э.

Комплексы Джаркутана полностью соответствуют комплексам мургабского варианта Намазга VI, соответственно, нижняя граница хронологии комплексов Джаркутана нами определяется как XVI в. до н.э.

Таким образом, комплексы Джаркутана могут быть датированы не древнее, чем XVI в. до н.э. и не позже, чем X—IX вв. до н.э.

Материалы культурных отложений городища нами разделены на три комплекса - Джаркутан I, II, III.

Комплекс Джаркутан I охватывает нижний культурный слой городища, который покоится прямо на материке и характеризует ранний период освоения данной территории, он полностью тождествен джаркутанским комплексам, ранее выделенным А. Аскарковым на материалах верхних слоев Сагалли-тепа и некрополя Джаркутан (Аскарова 1977, с. 101). В дальнейшем, он несколько расширил диапазон хронологии данного комплекса, определив его третьей четвертью II тыс. до н. э. (Аскарова Абдуллаева 1983, с. 39). Примерно этим же временем комплекс датирует У. Рахманов, но определяет его как джаркутанскую фазу сапаллинского этапа (Рахманов, 1987, с. 15). И, по-видимому, У. Рахманов прав, объединив два комплекса - Сапалли и Джаркутан в один этап. Коэффициент схожести комплексов Сапалли-тепа и Джаркутан 4В

по методу В. Робинсона составляет 197,7, что означает их идентичность и, следовательно, датировку их двумя фазами: Сапалли - 1700-1500 гг. до н.э. и Джаркутан - 1500-1350 гг. до н.э., определяя им в общей сложности 350 лет (Рахманов, 1987, с. 15), что несомненно противоречит стратиграфии Джаркутана и Сапалли-тепа.

В. Ионесов джаркутанский комплекс определяет как самостоятельный этап, разделив его на две фазы и датировав в пределах 1650-1350 гг. до н.э. (Ионесов, 1990, с. 9-10).

Керамика, металл, камень, архитектура комплекса Джаркутан I имеют полную аналогию с комплексами Дашли I и 3, которые В.И. Сарияниди в целом датирует второй половиной II тыс. до н.э. (Сарияниди, 1977, с. 106). Правда, кремневые наконечники стрел Дашли 3 выглядят несколько архаичными по сравнению с наконечниками Джаркутана и Сапалли-тепа (Сарияниди, 1977, с. 103, рис. 52). Материальная культура Давлатабадского оазиса разделена на два последовательных комплекса: Гирдай-тепа и Тикар 1,2. В.И. Сарияниди Тикар - комплекс синхронизировал с комплексом Дашли 3 и Намазга VI, а гирдайский отнес к периоду до сложения дашлинского комплекса (Сарияниди, 1977, с. 25-26). Памятники дашлинского оазиса были сгруппированы на западную (Дашли 1-6, 9-14) и на восточную (Дашли 7, 8, 14-17) и самым общим образом была определена их хронология - западная группа более ранняя, чем восточная (Сарияниди, 1977, с. 28). Позже, В.И. Сарияниди более конкретизировал относительную хронологию северо-афганских комплексов Дашли 3 синхронизировал с сапаллинским этапом; Дашли I с джаркутанским; Дашли 17, 17 с моллалинским этапом (Сарияниди, 1990, с. 62).

Комплексы Джаркутана и Сапалли-тепа имеют полную аналогию с маргианскими, о чем говорилось выше, БМАК - бактрийско-маргианский археологический комплекс в настоящее время общепризнан.

А. Аскарлов комплексы Сапалли тепа синхронизировал с материалами Аучин депе и Тахирбай V (Аскарлов, 1977, с. 90). Комплексы Аучин депе и Тахирбай в конце 50-х годов были выделены В.М. Масоном и датированы серединой, второй половиной II тыс. до н.э. (Массон, 1959, с. 12-28, табл. I-XVI).

Накопленный большой материал дал возможность исследователям проследить динамику развития комплексов Маргианы. Б. Удеимурадов выделил три последовательных этапа: Келлели, - синхронный периоду поздней Намазга V; Тахтабазар-Гонур - между Намазга V и VI; Тоголок - Намазга VI (Удеимурадов, 1989, с. 13-15).

В.И. Сарияниди предлагает следующую датировку комплексов Келлели - 1750-1500 гг. до н.э.; Гонур - 1500-1250 гг. до н.э.; Тоголок - 1250-1000 гг. до н.э. и Тахирбай - 1000-750 гг. до н.э. (Сарияниди, 1990, с. 74).

Отсутствие единых стратиграфических отложений комплексов Маргианы несколько затрудняют четкую периодизацию хронологии. Нам представляется, что Гонурский и Тоголокский комплексы мало чем отличаются друг от друга, следовательно, было бы целесообразно соединить их воедино и датировать одним хронологическим этапом.

Келлелийский комплекс действительно древнее, чем остальные. Наличие терракотовых антропоморфных фигур, расписной керамики типа Намазга IV, десятков типов керамической посуды, характерной для ранних периодов позволяют синхронизировать его с периодом Намазга V. Совершенно обоснована синхронизация слоев 0-2 Алтын-депе и Келлели (Удеимурадов, 1989, с. 9), хотя, имеются определенные различия в архитектурной традиции.

Нам представляется более объективным выделить три последовательных этапа в хронологии комплексов Маргианы-Келлели, Тоголок-Гонур и Тахирбай.

Комплекс Джаркутан I синхронен с комплексами Аучин I (Массон, 1959, табл. I-III; Сарияниди, 1990, табл. I, II), Гонур I, Тоголок 1,24 (Сариялиди, 1990, табл. VI-X, XXXVII-XI, IV, I-VI, I-XXII, ХСПШ-С), а Джаркутан III с Тахирбай (Массоу, 1959, табл. V-XII).

Керамические изделия Джаркутан I имеют близкую аналогию с комплексом Намазга VI - Намазга-депе (Массон, 1956, с. 307, 308, табл. XXXVIII, XXXIX), отдельные типы - конические чаши, вазы на ножке, чайники, крынки, хумы и др. со слоем 0-2 Алтын-депе (Удеимурадов 1989, с. 9), могильниками Сумбар I, Пархай I (Хлопин, 1983) и другими памятниками поздней бронзы юга Туркмении.

Отдельные предметы из комплекса Джаркутан I имеют аналогию с изделиями из памятников Ирана-Гиссар III, Шах-тепе, Сиалк II, Шахри-Сохте IV; Афганистана, Пакистана - Мундигака IV; Мергар VII, VIII, Наушаро, Пирак, Сибири и даже Месопотамии - Джемдат Наср, которые в целом дают возможность коррелировать хронологию.

Конические сосуды, чаши, чаши со сливом, характерные для материалов слоя Гиссар III и IIIc (Schmidt, 1933, fig. CXVII, H1636, CXVI, H420, H1024; 1937, fig. XXVI, H4141, XXXVIII, H3956, H4104, XXII, H4021, XXXVI, H4136, H5215 и др.).

Хумча с подносом и чаши со сливом имеются в Шах-тепе (Агпе, 1945, fig. XXII; 544; XXXI, 1708; XLIII, 1461).

Джаркутанские горшки, миски, плоские блюда и лавролистные наконечники стрел аналогичны изделиям, найденным в слоях IV периода Шахри Сохте (Lamberg-Karlovski, Tosi, 1968. fig. 24, 25).

Бокалы, чаши, кувшины, конические сосуды, хумы и вазы имеют аналогию с сосудами из слоев IV—VII периода Мундигака (Cosal, 1961, fig. 66, 191, 192, 195, 195a; 73, 106, 525-26; 116, 121; 124, 679 и др.). Однако, многие из них расписаны, их фактура, расцветка и поверхность не соответствуют джаркутанским изделиям.

Следует отметить, что вышеперечисленные предметы, хотя и имеют аналогию с джаркутанскими, но они более ранние.

М. Тоси в целостном виде ни один из комплексов Сеистана - Шахри-Сохте, Мундигака, Кветти не синхронизировал с комплексом Намазга VI (Tosi, 1969, p. 381).

Джаркутанские каменные биконические пряслица с нарезными кругообразными отверстиями, т.н. "глазками" имеют очень широкий

хронологический диапазон от Сузы в Месопотамии до Джукара в Индии (Хлопин, 1983, с. 49). Бронзовые наконечники булавы - церемониальные жезлы, типа джаркутанских, были широко распространены в III - начале II тыс. до н. э. в Эламе (Amiet, 1990, p. 164), они найдены в Чога-Замбиле при раскопках храма Киририши (Ghirshman, 1966, pl. LVII-LXI), также в иранских памятниках Шах-тепе II (Агпе, 1945, fig. 572, в), в слое VI Сиажа (Girsgman, 1939, p. 48).

Цилиндрическая печать Джаркутана имеет прямую аналогию с такими же печатями Элама периода Джамдет-Наср (Мейтарчян, 1984, с. 42). Отдельные предметы Джаркутана аналогичны предметам Яхья-тепе периода IV (Lamberg-Karlovski, 1970) однако, Яхья-тепа датируется тремя фазами (С, В, А) в пределах 3400-1800 гг. до н.э.

Близкую аналогию с джаркутанскими имеет комплекс Гиссар III, датированный Е. Шмидтом 2000-1500 гг. до н.э. Р.Х. Дайсон и С.М. Ховард, повторно изучив Тепе Гиссар несколько удревели комплексы: период 1-4000 г. до н.э. и ранее; период II - 3600-2900 гг. до н.э. и период III - 2500-1700 гг. до н.э. (Дайсон, Ховард, 1983, с. 34-36).

Бронзовые косметические флакончики аналогичны Сумбар I (Хлопин, 1983, с. 177, табл. XVIII, 15), Гиссар III (Schmidt, 1937, pl. LVII), Шах-тепе Па (Агпе, 1945, fig. 403), Алтын-депе (Кузьмина, 1966, табл. XVI.45), Тоголок 24 (Сарианиди, 1990, табл. XXXVI, 27) и т.д.

Заканчивая обзор определений аналогии комплекса Джаркутан I заметим две крайности в решении вопроса: необоснованное удревление и омолаживание комплексов. О необоснованном удревлении комплексов Яхья-тепе уже высказано в литературе (Сарианиди, 1990, с. 73). Время запустения Гиссар III определено 1700 г. до н.э. (Дайсон, Ховард, 1983, с. 36), тогда как этот комплекс имеет близкую аналогию с бактрийскими, а они датируются позже указанной даты. Приблизительно в это же время приходят в упадок Шах-тепе, Тюренг-тепе, Намазга-депе (Массой, 1964, с. 244). В принципе, иранские и южнотуркменские комплексы должны быть более ранними, чем бактрийские, так как именно выходцы из этих территорий колонизовали Бактрию. Процесс переселения длился медленно, несколько столетий. К.К. Ламберг-Карловский пишет: "... протоэламитам потребовалось приблизительно двести лет, чтобы продвинулись из центрального района в Хузистане до периферийного пункта Тепе Яхья (Ламберг-Карловский, 1990, с. 11). В.М. Массон такую историческую ситуацию называет "эффектом запоздания" (Массон, 1982, с. 13). Р. Дайсон еще в середине 60-х годов заметил, что убейдские материалы комплекса Сиалк III должны датироваться не убейдским временем, как это следовало бы, а последующим за ним временем - урукским периодом (Dyson, 1965, p. 237).

Что касается более поздней датировки комплексов Сапалли и Намазга VI, И.Н. Хлопин впоследствии синхронизировал их с комплексами Сумбар I, Пархай I, объясняя это тем, что эти комплексы никак не могут быть одновременными. В комплексе Сумбарских могильников много разнообразных типов сосудов с петлевидной ручкой и сосуды с непропорционально удлиненным сливом (Хлопин, 1983, I-I-XII, которые, несомненно, являются

признаками позднего этапа развития материальной культуры Средней Азии. А в Сапалли-тепа найден всего один сосуд с петлевидной ручкой (Аскаров, 1977, табл. X, VIII, 5), в Джаркутане их нет вообще. В Сапалли тепа всего один тип сосудов имеет слив - это чаши, но с очень коротким сливом (Аскаров, 1977, табл. XXII). В следующем, жаркутанском периоде (15), слив как составная часть сосудов удлиняется типологически становится более разнообразным.

Нам представляется что хронология Сумбарских комплексов в пределах 1350-1050 гг. до н.э. в целом определена верно (Хлопин, 1983, с. 55-58). Однако они должны синхронизироваться не с ранним, а с развитым этапом сапаллинской культуры - Джаркутан 15 (жаркутанским).

Таким образом, хронологию комплекса Джаркутан I мы определяем серединой и третьей четвертью II тыс. до н.э. при этом, разделяя ее на два периода: Джаркутан 1а - ранний (XVI—XV вв. до н.э.), период погребений внутри жилищ Джаркутан II поздний (XIV-XIII вв. до н.э.) - период погребений за пределами города. Комплекс Джаркутан I единственный, но на определенном этапе развития некрополь выводится по социальным причинам за пределы города, в связи с чем тот или иной объект датируется ранним или поздним периодом. По-видимому, грань между ранним и поздним периодами 1-го этапа можно проводить по времени появления в комплексе предметов, принадлежавших андроновско-тазабагыбской культуре, это несколько фрагментов лепных орнаментированных сосудов из храма и два однолезвийных бронзовых ножа, найденных в холмах 5 и 8. Лепной сосуд орнаментирован в верхней части штампованными треугольниками вершиной вверх в два ряда (Рис. 47, III, 8). Данный тип керамики специалистами датируется в пределах XIV-XI вв. до н.э. (Итина, 1977).

Бронзовые ножи относятся к разряду однолезвийных с плавно отогнутым концом, т.е. т.н. "хвостатых ножей" (Рис. 67, IV), которые были широко распространены в степной зоне Средней Азии и Сибири, и датируются концом эпохи бронзы (Кузьмина, 1966, с. 48-49).

К раннему периоду Джаркутан 1а относятся: "цитадель", дворец крепостная стена "цитадели", жилищные комплексы внутри "цитадели" и на холме 5, погребения внутри их, канал и др. могут быть датированы XVI-XV вв. до н.э.

К позднему периоду Джаркутан 15 относятся, кроме вышеперечисленных объектов, храм, жилые комплексы на холме 8, некрополь на холмах 4а, 45,4а ремесленные массивы на холмах 1 и 2 и др. и могут быть датированы XIV-XIII вв. до н.э.

Комплекс Джаркутан II (кузалинский) охватывает средние культурные слои и строительные этапы, этот комплекс впервые был зафиксирован А. Аскаровым и Б. Абдуллаевым на материалах некрополя Джаркутан 4А и датирован XIII-XII вв. до н.э. (Аскаров, Абдуллаев, 1983, с. 21-25, 42). В дальнейшем, У. Рахманов (Рахманов, 1987, с. 14-16) и В. Ионесов (Ионесов, 1990, с. 9-10) датировали его в пределах 1350-1200 гг. до н.э.

Некоторые типы сосудов из комплекса Джаркутан Б, такие как вазы с рельефным венчиком, конические чаши, графины, аналогичны подобным

изделиям из разграбленных погребений Дашли 17 и Дашли 19 (Сарианиди, 1977, рис. 31).

Целая серия керамических изделий аналогична изделиям комплекса Тахирбай 3 (Массон, 1956, табл. VI).

А.Ф. Ганялин, еще в 50-е годы описывал керамический комплекс из "вышки" Намазга-депе и Теккем-депе, аналогичных комплексу Джаркутан II. "Керамика Намазга VII (в его разработке) - пишет он - резко отличается от керамики предшествующего слоя. Из керамических форм для этого слоя характерны вазы с резко профилированным, как бы острореберным краем и низкой внутри полый ножкой, бомбовидные сосуды с плоским небольшим донцем и характерным перехватом в нижней части тулова, миски и чаши самых различных размеров с характерной вогнутостью венчика внутрь сосуда" (Ганялин, 1956, с. 65-66). Одним из признаков данного комплекса автор считал наличие начерченных орнаментов, состоящих из горизонтальных и волнистых линий, которые характерны и для комплекса Джаркутан II и III (Ганялин, 1956а, с. 80-82, рис. 5, 6). Этот комплекс А.Ф. Ганялиным был датирован второй половиной II тыс. до н.э. (Ганялин, 1956а, с. 86).

Многие типы сосудов комплекса Джаркутан II находят близкую аналогию с керамическими изделиями из могильника Тигровой Балки долины Вахша: плоские блюда с загнутым внутрь венчиком, биконические сосуды, высокогорный кувшин с прочерченным орнаментом, миски, горшки на поддоне, хотя они лепные, но по форме очень похожи (Литвинский, 1964, с. 157-158; Пьянкова, 1974, с. 165-180; 1989, с. 57-77). В раннетулхарском могильнике найдена серия керамических сосудов изготовленных на гончарном круге, по форме аналогичных джаркутанским сосудам периода II (Мандельштам, 1968, табл. XII, 645; XIII, 1-5; XIV, 1-7; XIII, 1-5). Отдельные керамические сосуды также имеют близкую аналогию с изделиями из слоя В североафганского памятника Шартугай (Francfort, Pottier, 1978, pl. II, 3; VI, 9, 11, 15, 17).

Прочерченный орнамент, в виде прямых и зигзагообразных линий, зафиксирован на сосудах из Нурекских могильников Тегузак, Шартугай (Пьянкова, 1989, с. 71-72).

Комплекс Джаркутан II находит аналогии с комплексами и более отдаленных территорий. Затрагивают интересы нашей темы результаты раскопок итальянских археологов в некрополе Кателай I в долине Сват западного Пакистана (Stacul, 1966, p. 37-79). Раскопано более двухсот погребений, где скелеты лежат в скорченном положении с сопроводительным материалом (Stacul, 1966, p. 40, fig. 2; 4, 5, 6, 7). Погребения в основном грунтовые, но есть сооружения из крупных каменных плит, такие же, как на холме 5 Джаркутана. Выделено более 20 типов керамических сосудов (Stacul, 1966, p. 50-55), среди них: кубок (fig. 41, 71, д. к.), кувшин (fig. 37), ваза (fig. 46; 71, а, а с), графин (fig. 49; 72), - имеют близкую аналогию с джаркутанскими. Встречаются сосуды с орнаментами в виде вырезанных треугольников начерченных прямых и ломанных линий (Stacul, 1966, fig. 69, с; 71, с. e. f; 72, а, Ъ, с, о, к, m, h).

В погребении 207 обнаружены две терракотовые антропоморфные фигуры (fig. 24). Такие же погребения были вскрыты и в Джаркутане. Более того, лицевая часть фигур из погребения 207 очень похожа на джаркутанские (Рио85). Весь комплекс синхронизируется временем Гиссар III, Стаж VI, Шах тепе ПА, Хурвин, Чон-ху-Доро (Stacul, 1966, p. 77-78).

Французскими и пакистанскими археологами в долине р. Кочи у подножья Боланского прохода выявлен самобытный очаг земледельческой культуры, непрерывно развивавшийся с VIII тыс. до н. э. до начала I тыс. до н.э. Получено огромное количество первоклассных материалов из поселений Мергар, Наушаро, Пирак, Дамб Саадат, Сибри и др. (Жарриж, 1982, с. 36-38).

Для нас представляет интерес поселение Наушаро, характеризующее классическую культуру Хараппа, Пирак - постхараппского времени (II-I тыс. до н.э.), Сибри и могильня Мергар III. Многие предметы из могильника Мергар аналогичны джаркутанским. Крынки, чаши, небольшие чашечки, миски, вазы на высокой конической ножке являются основными типами сосудов Мергара VIII, которые характерны и для бактрийских комплексов (Jarrige, Lechevallier, 1979, fig. 34; Santoni, 1984, fig. 8,3; Jarrige, 1988, fig. 130, 137).

В целях корреляции хронологии джаркутанских комплексов в литературе высказано мнение о некоторой схожести отдельных типов сосудов из "могильня Н" хараппской и постхараппской культуры Джжукар (Рахманова 1977, с. 15). По-видимому, нельзя отрицать факт влияния Хараппы на Бактрию, о чем свидетельствуют невидимые ниточки связей Харагшы, Шартугай, которые особенно проявляются на материалах комплекса Джаркутан II (кузали).

Таким образом, комплекс II-го периода (кузалинского) Джаркутана может быть датирован XIII-XII вв. до н.э., хронологически оба охватывают более короткий срок, чем два остальные этапа.

К периоду Джаркутан II относятся "цитадель", крепостная стена "цитадели", жилые кварталы цитадели и холмов 5 и 8, дворец, храм, некрополь на холмах 4А, 4Б, 4В, ремесленные массивы на холмах 1 и 2идр.

Комплекс Джаркутан III (моллали-бустан) охватывает верхние культурные слои и строительные этапы. Комплекс был впервые выделен А. Аскарковым на материалах могильника и поселения Молали и был датирован в пределах 1350-1000 гг. до н.э. (Аскарков, 1977, с. 84-88, 101-105). А. Сагдуллаев чуть позже, на основании изучения материалов из Моллали и Буйрачи I, подтверждает предложенную датировку А. Аскаркова и определяет 1300-1000 гг. до н.э. существование моллалинского этапа (Аскарков, 1978, с. 13). В дальнейшем А. Аскарков и Б. Абдуллаев несколько омолаживают датировку моллалинского этапа, определяя XI—X вв. до н.э. (Аскарков, Абдуллаев, 1983, с. 42-44). Продолжительность функционирования комплекса необоснованно определена коротким сроком в 100-150 лет. Мощность культурного слоя поселения Молали и Бустан, холма 7 Джаркутана, составляет более 1 метра и включает 2-3 культурных слоя. Огромное количество погребений этого периода также свидетельствуют о более длительном сроке существования данного комплекса. Именно в этот период резко увеличивается количество памятников

сапаллинской культуры, ареал их распространяется к востоку и доходит до Кулябской долины (Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 134).

В разработках У. Рахманова и В. Ионесова датировка молалинского этапа сапаллинской культуры определена в целом в пределах 1200-900 гг. до н.э. (Рахманов, 1987, с. 16; Ионесов, 1990, с. 10).

Керамический комплекс Джаркутан Ш (моллали-бустан) имеет более близкую аналогию с комплексами из могильника и поселения Бустан, которые расположены на расстоянии 1-2 км от Джаркутана на правом берегу Бустансая (Рахманов, 1979, с. 34-43), а также с Бандихан I - могильник и поселение Молали, Буйрачи I, расположенном в Бандиханском и Миршадинском оазисах в 20-40 км восточнее Джаркутана. А. Сагдуллаев керамический комплекс нижних культурных слоев Бандихан I определил как переходный от Намазга VI к Яз I и датировал XI-VIII вв. до н.э. (Сагдуллаев, 1978а, с. 33-34).

Джаркутанский комплекс III-го периода находит широкий круг аналогий на памятниках древней Бактрии, Маргианы, южного Туркменистана и сопредельных территорий. Вазы, горшки, миски, кувшины, хумчи, найденные в джаркутанском комплексе, аналогичны таким же сосудам, найденным в могильниках и поселениях южного Таджикистана (Нурек, Заркамар, Тандырйул, Пьянкова, 1975; Виноградова, 1986, с. 126-151, рис. 5, 8, 9, 11; 1982, с. 70-73; Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 126-151, рис. 5), Кангур-Тут и Тегузак (Пьянкова, 1981, с. 477; Виноградова, 1984, с. 74; Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 138-142, рис. 8,9), Карим Берди (Виноградова, Кузьмина, 1986, а 145-146, рис. П) ранний Тульхар, Аруктау (Мандельштам, 1959, табл. XII, 6-8; XIII, 1, 5; XIV, 1-7), Тигровая Балка, Вахш I, Ойкул (Пьянкова, 1989, с. 57-77) и др. В целом, комплексы, вышеуказанных памятников, датируются в пределах XII-XI вв. до н.э. - рубежом II-I тыс. до н.э. (Мандельштам, 1959, с. 88-95; Пьянкова, 1982а; 1989, с. 100-101; Виноградова, Кузьмина, 1986, с. 144).

Некоторые типы сосудов - вазы, кувшины, блюда, горшки - идентичны по форме найденным в Бактрийских памятниках: Дашли 17 и 19, Шартугай (Сарианиди, 1977, рис. 31,1; Francfort, Pottier, 1978, pl. IV; 2; V, 1-5), Маргианских: Тахирбай 3 (Массон, 1959, табл. VII, IX), южного Туркменистана: Елькен-депе I (Марущенко, 1959, с. 58-62, рис. 2, 4; табл. IV, V), Теккем-депе (Марущенко, 1956а, с. 67-86), Сумбар I, II (Хлопин, 1983, табл. IX, 269613) и др.

Отдельные типы сосудов, металлические и каменные изделия имеют аналогию и с более отдаленными территориями - Индии (Мохенджо-даро, Харалла), Ирана (Кейтарах, Марлык) и т.д., о которых ранее писали А. Аскарлов (Аскарлов, 1977, с. 104-105), У. Рахманов (Рахманов, 1986, с. 16) и др.

Проделанный обзор хронологии позволяет нам датировать комплекс Джаркутан Ш (моллали-бустан) XII-X-IX в. до н.э.

К периоду Джаркутан Ш относятся "цитадель", жилые кварталы на "цитадели" и на холмах 5, 7, 8, дворец храм, ремесленные массивы на холмах 1, 2, некрополь, могильник поселения Бустан и др.

Таким образом, в результате вышеприведенного анализа хронология Джаркутанских комплексов имеет следующую картину.

В настоящее время имеется довольно большая серия радиоуглеродных датировок комплексов Бактрии, Маргианы и Ирана (Долуханова Щетенко, Тоси, 1985, с. 118-123; Дайсон, 1986, а 85-92). Однако, к сожалению, радиоуглеродные датировки крайне противоречивые. Так, например, два анализа из Гонур I дают цифру от 2300 г. до н.э. до 2340±40 г. до н.э., Тоголок 11320±40 и 3110±40 г. до н.э. (Сарианиди, 1990, с. 73), из могильника Тигровая Балка 860 г. до н.э. и III тыс. до н.э. (Пьянкова, 1989, с. 101). По радиоуглеродным датировкам переходной этап от Намазга V к Намазга VI произошел в 2330-2160 гг. до н.э. (Долуханов, Щетенко, Тоси, 1985, с. 122).

Как видно, радиоуглеродные датировки не всегда соответствуют археологическим датировкам и явно противоречат стратиграфии среднеазиатских памятников. Их использование в определении хронологии несколькостораживает нас. Однако, необходимо упомянуть о результатах радиоуглеродного анализа Хогне Югнера, профессора Хельсинского университета, материалов из маргианского памятника Гонур I, где из восьми анализов семь дали дату 1430-1600 гг. до н.э., что соответствует исторической действительности (Данные анализов любезно представил В.И. Сарианиди).

В свете вышеприведенного анализа можно сделать следующие выводы о хронологии конкретных комплексов оседло-земледельческой культуры Маргианы и Бактрии.

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать, что колонизация Бактрии и Маргианы началась в период поздней Намазга V, о чем свидетельствуют Гирдайский и Келлелийский комплексы.

Причин для передвижения огромного количества населения энергичного осваивания и создания яркой материальной культуры Бактрии и Маргианы за столь короткое время было несколько: экономическая социальная природная техническая и т.д. Наиболее благоприятные природные условия обеспечили развитие экономики периода Намазга V, что привело, в свою очередь, к демографическому взрыву и, соответственно, к острой нехватке земли в старых традиционных земледельческих оазисах южной Туркмении, Ирана и южного Афганистана.

Внутренние, очень динамичные изменения социальной структуры общества, рассматриваемой эпохи, также обусловили уход части населения от обжитых мест в поисках новых земель.

Следует отметить, что именно в эпоху финальной бронзы, благодаря развитию техники, появилась возможность осваивать новые земли на больших территориях, производить крупные строительные работы.

В Бактрии и Маргиане природные условия были идеальными для развития земледелия и скотоводства. Во II тыс. до н.э. в этот регион устремились не только носители культуры типа Анау-Намазга, но и Хараппы (Шартугай), андроновско-"газабагыябской" (Ранний Гульхар, Тигровая Бажа, Вахш I, Тандырайул, Кангуртут) и др.

Таким образом, переход материальной культуры Бактрии и Маргианы в РЖВ I произошел по той же причине, что и в вышеуказанных территориях, в районе X-IX вв. до н.э., что и является верхней хронологической границей

нашего исследования

ГЛАВА VI

Хозяйство и ремесленное производство Джаркутана

Вопрос о хозяйстве оседлоземледельческих племен эпохи бронзы юга Средней Азии нашел свое отражение в трудах В.М. Массона, А. Аскарова, В.И. Сарианиди, Э. Масимова и автора настоящих строк.

Земледелие на юге Средней Азии сложилось довольно рано, в VI-V тыс. до н.э. (Массон, 1971; Коробкова, 1968).

География археологических памятников эпохи бронзы свидетельствует о том, что земледельческие оазисы возникали только в затухающей части: в низовьях крупных рек, в поймах ручьев и саев. В условиях Средней Азии такой территорией оказались лессовые равнины предгорья. Полноводная часть крупных рек, где крутые берега Мургаба, Теджена, Шерабаддарьи, Сурхандарьи, не говоря об Амударье, еще не были подвластны земледельцам.

Древние поля, использованные под посевы, по-видимому, судя по размерам полей зафиксированных в низовьях Амударьи, были небольшими и занимали от 0,5 до нескольких гектаров, в плане они имели неправильную прямоугольную форму (Толстов, 1962, с. 90, рис. 39).

Почва обрабатывалась с помощью примитивных ручных мотыг и пахотных орудий – омача (Ширинов, 1986, с. 89). На юге Туркменистана, начиная с эпохи неолита выращивали двухрядный ячмень, мягкую пшеницу, карликовую пшеницу, нут, рожь, мелкий виноград (Массон, 1971; 1981, с. 97; Лисицина, 1965, 135-136). В Бактрии культивировался ячмень, мягкая пшеница, просо, виноград, джида (Аскаров, 1973, с. 130; 1977, с. 117-118; Сарианиди, 1977, с. 130).

Земледелие всегда сочеталось со скотоводством. На памятниках эпохи бронзы юга Средней Азии с устойчивым постоянством встречаются виды домашних животных: корова, бык, овца, коза, свинья, верблюд, осел, собака и др. Лошадь, по-видимому, в эпоху бронзы еще широко не использовалась в хозяйстве. В единственном экземпляре найдены ее останки в Теккен-депе (Ермолова, 1983, с. 44-48). Охота в жизни племен эпохи бронзы еще полностью не теряла своего значения, охотились на оленя, кулана, джейрана, кабана, сайгака, муфлана, горного козла и др. (Ермолова, 1983, с. 44-48; Аскаров, 1977, с. 14; Массон, 1981, с. 97-98). В Дашлинском оазисе также было известно и рыболовство (Сарианиди, 1977, с. 130).

Вышеприведенная характеристика является всего лишь общим контуром хозяйственной деятельности племен эпохи бронзы. Исследования, специально проведенные автором, позволяют заключить о том, что хозяйство и ремесло конкретных поселений, городов чрезвычайно разнообразны, имеют свою специфику, отличительные хозяйственные черты, уровень развития техники и т.д. (Ширинов, 1986).

На Джаркутане найдено более двух тысяч орудий труда и их votivные

копии, в основном, изготовленные из камня, металла и кости. Подавляющее большинство и из них связано с земледелием – с обработкой почвы, уборкой урожая, размельчением и растиранием зерна.

На холме 5, общинном поселении, был найден в единственном экземпляре каменный наконечник сохи – омач, имеющий принципиальное значение для определения почвообрабатывающей техники (Аскарлов, Ширинов, 1983, с. 13-17). Он имеет удлиненную форму, расширяющуюся в сторону налопатника (Рис. 56, II). Естественная форма его не подвергалась сильному изменению. Угол рабочего лезвия орудия 45-50 градусов, длина 11,5 см, оно утончено сколами, после чего тщательно выравнено методом пикетажа и грубой абразивной шлифовки. В зауженном конце предмета имелось отверстие диаметром 5 см для насадки на рукоятку.

Изучение рабочей части орудия под бинокулярным микроскопом показало наличие на рабочем лезвии строго параллельных линейных следов, сопровождающихся блеском. Поверхность местами была стерта до 5 см от рабочего лезвия. Форма данного предмета близка к кетменеобразным мотыгам, но следы износа у мотыг несколько иные, чем у вышеописанного предмета: они кометообразной формы и не расположены параллельно друг к другу, а как бы разбегаются от центра. Кроме того, для мотыг характерны ступенчатые изломы рабочего лезвия, которые образуются при обработке почвы инертными движениями. Немаловажно и то, что у наконечников сохи имелось отверстие для рукоятки. Мотыги, найденные в Сапалли, Дальверзине имели не отверстие, а боковые выемки, что характерно в целом для Средней Азии и Ближнего Востока. Ранние пахотные орудия были деревянными, а позднее к ним прикрепили и наконечники с отверстием для устойчивости крепления. Судить о типах пахотных орудий, которые были оснащены такими наконечниками крайне трудно, так как они могли успешно использоваться на разных пахотных орудиях. Возможно, они прикреплялись к одноручным прямогрязильным пахотным орудиям типа «омач» у таджиков Зарафшана и к пахотным орудиям Афганистана (Вавилов, Букинич, 1929, с. 179-187, рис. 130, 132). Общая форма орудия и характер следов износа подтверждают наше предположение. Также в некрополе была найдена вотивная копия наконечника сохи. Таким образом, каменные и металлические вотивные наконечники сохи свидетельствуют о существовании пахотного земледелия на Джаркутане. Подтверждает это также сосуд с изображением пахотной сцены, найденной в Северном Афганистане (Deshayes, 1976, p. 95-111, fig. 7, 8).

Согласно данным Ю.А. Краснова, появление первых упряжных пахотных орудий на территории юга Средней Азии относится к первой половине III тыс. до н.э. в периоде Намазга III (Краснов, 1975, с. 85). Ю.А. Заднепровский полагает, что племенам чувской культуры (конец II – первая четверть I тыс. до н.э.) было известно пахотное земледелие (Заднепровский, 1962, с. 75).

Изобретение плуга являлось важнейшим техническим скачком в технологии почвы (Сайко, 1990, с. 29), что несомненно привело к резкому увеличению посевных площадей. Значение плуга в хозяйстве древних обществ было настолько велико, что в Древнем Шумере существовали мифы,

посвященные спору между мотыгой и плугом, где описывается достоинство каждого из них. Сам царь выступает в роли землепашца, приносит жертвоприношения «быков и ягнят» и разливается «пиво» в сосуды, в честь «плуга» (Крамер, 1965, с. 91-98).

Обработка почвы производилась также с помощью кетменя, миниатюрная копия которого найдена в некрополе, кольев, мотыг, кирок, изготовленных из дерева и кости, которые очень широко были распространены в древнем Востоке (Ширинов, 1986, с. 97-100; Семенов, 1974, с. 183-188).

На Джаркутане, также как и на Сапалли тепа не были найдены орудия, связанные с уборкой урожая. Видимо они были костяными, возможно металлическими, подобные найденным в Дашли 3, которые не сохранились.

Орудия, связанные с размельчением и растиранием зерна: зернотерки, терки, ступки и пестики, - на Джаркутане найдены в большом количестве, более тысячи экземпляров, что свидетельствует о высоком развитии земледелия. По-видимому, искусственные оросительные каналы, наряду с внутригородскими, были и за его пределами, но они безвозвратно утеряны в результате освоения и перепланировки полей в последние годы.

Геоксюрская оросительная сеть, относящаяся к эпохе энеолита IV-III тыс. до н.э., состояла из водозаборной плотины, системы каналов и арыков и является древнейшим сооружением подобного типа на территории СССР (Лисицина, 1984, с. 14).

В эпоху бронзы, в III-II тыс. до н.э., ирригационная техника совершенствуется, широко осваиваются новые целинные земли Маргианы и Бактрии. Джаркутанский канал, относящийся к середине II тыс. до н.э., был протяженностью до 100 км, а Бандиханский прослеживается на протяжении 3,5 км (Аскарлов, 1977, с. 118). В Хорезме самые древние следы ирригационных сооружений относятся к концу II тыс. до н.э. Примитивные ирригационные сооружения прослеживаются в районе стоянок Кокча 3, Базар и Якка-Парсан (Итина, 1977, с. 180; Толстов, 1962, с. 74-77; Андрианов, 1969, с. 102-113).

Джаркутанцы выращивали карликовую пшеницу, мягкую пшеницу, ячмень, просо, лубяные культуры и коноплю. Было развито садоводство – виноград, джида, возможно, инжир и гранаты, последние в диком виде встречаются и сейчас.

Юго-западная Азия, куда входят Афганистан и Туркестан, одна из семи мировых очагов древнего земледелия, выделенная Н.И. Вавиловым, является родиной мягких сортов пшеницы, ржи, льна, люцерны, шабдара персидского клевера, яблони, груш, алычи, гранатов, айвы, черешни (Вавилов, 1932, с. 7, 8). По всей вероятности древние поля занимали широкое, к этому времени полностью заполненное наносами русло и поймы Бустаная. Оазис занимает примерно 4x5 км территории.

А. Аскарлов, исходя из урожайности пшеницы и нормы потребления продуктов питания, вычислил 0,3 га посевной площади на одного человека (Аскарлов, 1977, с. 147). При таком расчете джаркутанцами обрабатывалось 7,5 га земли при общей численности населения 25 тысяч человек.

В Авесте, в третьей главе «Видьевдата» призывается развивать

земледельческое хозяйство и оседлое скотоводство. «Там, где благочестивый человек возделывает побольше хлеба, трав, растений и съедобных плодов, где он орошает сухую почву или осушает почву слишком влажную – в наибольшей мере выращивает крупный и мелкий скот..., где крупный или мелкий скот дает наибольший навоз» (Фарград 2-6; пер. И.С. Брагинского, 1956а). Далее, в этой же главе, говорится: «Тот, кто обрабатывает землю ... левой и правой рукой, правой и левой рукой, тот воздает земле прибыль. Это подобно тому, как любящий муж дарует сына или другое благо своей возлюбленной жене, покоящейся на мягком ложе... Так говорит (ему) земля: «О ты человек, который обрабатываешь меня левой рукой и правой, правой и левой... по истине буду я рожать без усталости, производя всякое пропитание и обильный урожай... Кто сеет хлеб, тот сеет правдивость» (Фарград 25-26, 31; пер. Брагинского, 1956; Гафуров, 1989, с. 70).

Скотоводство в Средней Азии во все времена было неотъемлемой частью хозяйства. Судя по остеологическим материалам, состав стада домашних животных Джаркутана составляли: козы, овцы, коровы, быки, буйволы, свиньи, ослы, верблюды и собаки.

Объектами охоты являлись бухарский олень, кулан, кабан, джейран, тур, заяц-талай, большая песчанка, барсук, камышовый кот, гиена, рысь, шакал и др. (Батыров, 1983).

Находки из Джаркутана свидетельствуют о развитии металлургии, ткачества, гончарного, кожевенного, мукомольного, строительного и других видов ремесел.

В храме найдены тигли с остатками плавленного металла, огнеупорные толстостенные горшки молочного и розового цветов обжига, квадратные печи для вторичной плавки металла. В дворовой части дворца вскрыты узкие длинные канавки вырытые в земле, которые являлись примитивными устройствами для плавки металла.

В погребальной практике увеличивается традиция захоронения умерших с металлическими votivными копиями богатства и орудий труда. Регламентация погребальных обрядов, в том числе, изготовление votivных изделий осуществлялось в храме. Изготовление оружия и орудий труда, жезлов, печатей, возможно, находилось в руках правителей дворца.

Огромное количество металлических изделий, орудий труда, связанные с металлургией – наковальни, колотушки, молоточки и др., свидетельствуют о развитости металлургического ремесла на Джаркутане. Однако, отсутствие на Джаркутане шлаков, руды, позволяет говорить только о металлообработке. Вероятно, на городище привозили металлические слитки, полуфабрикаты и изношенные изделия, которые подвергались вторичной плавке.

Металлургия являлась занятием (мастеров), не каждый член общества владел навыками сложной термотехники и выплавки металла и другими операциями, связанными с этой отраслью производства.

«Только профессиональный мастер, хорошо знакомый со свойствами жидкого металла, умеющий определить по цвету колебания температуры металла, мог изготовить подобное орудие», - таково заключение Н.Н.

Тереховой о технике изготовления шила из Каушугэ – памятника культуры энеолита южной Туркмении, Анау Ia (Терехова, 1975, с. 30).

«Территория южной Туркмении – один из древнейших центров становления металлообрабатывающего производства. Как показали исследования материалов, относящихся к раннему периоду, металлообработка в своем развитии проходит длительный и сложный путь. Начиная с V тыс. до н.э. здесь наблюдается постоянный процесс усложнения специализированной деятельности в этой сфере, происходит становление схем, появляются новые операции. Фиксируется четкая профессиональная направленность технических задач в разработке технологии производства. В развитии технического строя металлообрабатывающего производства намечается несколько этапов, связанных с существенными изменениями в технике производства, с появлением новых технологических приемов» (Терехова, 1990, с. 177).

Специальные исследования металлургии в древнейшей Болгарии позволили Е.Н. Черных разделить труд на 4 ранга. «Первый – низший ранг – характеризуется наличием в структуре единственной ячейки и горняк-металлург-кузнец, В рамках последней мастера являлись универсалами и производили все операции от добычи руды вплоть до изготовления орудий и украшений из металла». Второй ранг определяется по наличию в структуре двух ячеек: 1) горняк-металлург и 2) кузнец-литейщик. Третий ранг дает в структуре три ячейки: 1) горняк, 2) металлург, 3) мастер по орудиям труда и оружию, мастер-ювелир (Черных, 1978, с. 280-281, рис. 119). На наш взгляд, труд в металлургическом производстве эпохи бронзы юга Средней Азии относится к третьему рангу, согласно делению Е.Н. Черных, где в структуре выделяются три ячейки. Однако в крупных поселениях и ранних городских центрах зафиксированы последние две ячейки в структуре: 1) металлург и 2) мастера по орудиям труда и оружию, и мастер-ювелир, об этом свидетельствуют остатки плавильных печей, богатейшая коллекция металлических и ювелирных изделий, найденные практически во всех памятниках эпохи бронзы Средней Азии.

С появлением механических устройств для изготовления глиняных сосудов – гончарного круга, оно перестало быть домашним занятием женщин, им занимались уже профессионалы-мастера. На юге Средней Азии это произошло в конце Намазга IV и в начале Намазга V. Керамические изделия Джаркутана очень разнообразны, высококачественны, разделены на 27 типов. Найдено много каменных изделий, которые применялись в гончарном производстве: диски-подшипники под ось станка, ложила для сглаживания и полировки поверхности сосудов.

О масштабах выпуска гончарной продукции на Джаркутане можно судить по размерам площадей отведенных для сооружения обжигательных печей. Площадь занимает два холма (1, 2) с общей территорией около 3 га, где пока вскрыты 4 обжигательные печи. Такой же ремесленный массив, как и джаркутанский, позднее появляется и на Бустан б, где пока вскрыты обжигательные печи (Рахманов, 1987, с. 6). Ремесленный массив Алтын-депе занимает 2 га, где было обнаружено 20 печей (Масимов, 1976, с. 7).

Ремесленные массивы – гончарные, медеплавильные, зафиксирована также на Шахдаде, Шахри-Сохте, Тепе Гиссар и других памятниках Ирана (Сайко, 1990, с. 137).

Продукция керамического производства так же, как и металлургического, в эпоху бронзы являлась предметом торговли, чем и объясняется усовершенствование конструкций и резкое увеличение мощности обжигательных печей, обособление ремесленных массивов гончаров. Ранние обжигательные печи Джаркутана были однокамерными с площадью 0,7-0,8 м², тогда как поздние, двух ярусные имели площадь по 6,3 м² (Рахманов, 1987, с. 7-8).

На Джаркутане найдено много изделий, связанных с ткачеством: каменные шары-утяжелители, грушевидные и дисковидные отвесы, каменные и керамические пряслица, веретено-диск, костяные и металлические проколки, бронзовые спицы и др.

Н.Н. Ершовым была опубликована ткацкая мастерская Каратага, где приведено графическое и фотоизображение вертикальных ткацких станков (Ершов, 1984, с. 8, 52, рис. 2, 9). В начале века изображение шелкоткацкого станка было приведено в работе американского археолога Р. Пампелли.

Шары-утяжелители, грушевидные и дисковидные отвесы Джаркутана имеют прямую аналогию с формой утяжелителей каратагских станков. Многие исследователи каменные дисковидные предметы, обнаруженные в памятниках, ошибочно считают в памятниках, ошибочно считают утяжелителями палок-копалок, однако, они использовались на вертикальных ткацких станках типа каратагских и назывались «большое грузило» - барсан (Ершов, 1984, с. 52, рис. 9, 26).

На Алтын-депе, Саразме были найдены плоские каменные предметы с выделенной ручкой для захвата, функция которых В.А. Алекшиным была определена как гири весов (Алекшин, 1973). Однако точно такие же каменные «гири» использованы как отвесы на ткацких станках Каратага (Ершов, 1984, с. 8, рис. 2).

На Джаркутане также существовали горизонтальные ткацкие станки, о чем свидетельствуют многочисленные биоконические пряслица. Веретено-диски были использованы при прядении ниток из шерсти и других волокон. На Сапалли-тепа были найдены остатки ткани из натурального шелка (Аскарлов, 1977, с. 126).

В связи с бурным ростом домостроительства и градостроительства развиваются строительное и плотничье ремесла.

На Сапалли-тепа и Джаркутане обнаружены погребения плотников-ремесленников, где обнаружен набор столярных инструментов миниатюрных размеров – топор, теша, стамеска, тесла, долота, лестница и т.д. В Сапаллитепа найдено много деревянных изделий; 14 блюд, 2 ложки, 2 гребня, молоток, доски от гробов, куски от балок и т.д. (Аскарлов, 1977, с. 126; Ширинов, 1986, с. 168-169).

Крупноформатные прямоугольные кирпичи – основной материал в строительстве домов, вероятно, формовался в деревянных формах,

изготовленных из досок.

Таким образом, также, имело место кожевенное производство. Во время раскопок было собрано несколько десятков кремневых скребков с характерными следами изнашивания рабочего края, образующегося при обработке кожи – закругленность рабочего края, продольные линейные следы и блеск на поверхности (Ширинов, 1986, с. 40). Скребки для обработки кожи, также изготовлены из обломков керамических сосудов (Рахманов, 1983, с. 18-20).

Переработкой продуктов питания, в том числе, растиранием зерна в муку, занимались специалисты или же это являлось занятием каждой семьи. Скорее всего, это было занятием домохозяек, о чем свидетельствует равномерное расположение зернотерок, терок, ступок по комплексам.

Очевидно, не каждый владел секретами изготовления опьянительных напитков типа хаоми-саоми или «бузы» - пива, производство которых не вызывает сомнения после вскрытия двух мастерских в храме. По-видимому, этим занимались профессиональные мастера.

Таким образом, на Джаркутане явно выделившими ремесел могут быть: металлургия, ткачество, гончарное, столярное, и, возможно, кожевенное производство, а также виноделие. Возможно, металлургическое производство было под контролем дворца и храма.

Наши исследования показали, что ремесленное производство Джаркутана технологически было на уровне профессионального.

Археологические материалы в целом дают возможность проследить становление и развитие ремесел в Средней Азии. В.М. Массон разделяет его на три этапа: 1) домашний промысел – неолит; 2) общинное ремесло – энеолит, ранняя бронза; 3) отделение ремесла от земледелия – развитая, поздняя бронза и ранний железный век (Массон, 1972, с. 116-117).

Однако жесткая установка хронологических границ между этапами затрудняет использование этой схемы при изучении хозяйств конкретных памятников, так как, нередко, домашний промысел существовал с ремеслом в пору его становления, что главным образом вытекало из неравномерности уровня исторического развития отдельных обществ.

По уровню развития ремесленное производство Джаркутана укладывается на третий этап – отделение ремесла от земледелия по схеме В.М. Массона.

Высококачественная продукция ремесленного труда в основном шла на сбыт, а также на выполнение государственного и храмового заказов А. Аскарлов и Б. Абдуллаев, изучая керамический комплекс Джаркутана заключает, что продукция гончаров «не только обеспечивала внутренний спрос населения, но и шла на внешний рынок» (Аскарлов, Абдуллаев, 1983, с. 53). Джаркутанские ремесленники, по всей вероятности, на сбыт производили также и металлические орудия, ювелирные изделия, ткани и др. Не исключено, что в основном товаром для обмена торговли выступала продукция аграрного сектора.

«Основой всякого развития и товарообменом опосредствованного

разделения труда является определение города от деревни» - пишет К. Маркс (Маркс, Энгельс, т. 23, с. 365). Как выше отмечалось, на юге Средней Азии в эпоху бронзы в каждом оазисе выделяются раннегородские центры. Однако, они еще не противопоставляются деревне по причине одинаковости экономического оазиса. Определение К. Маркса подходит к промышленным городам средневековья нежелезным ранним аграрным городам.

Наличие пахотного земледелия, становление ремесла является характерной чертой раннесредневековых обществ, будь они в Древнем Востоке или же в Мезоамерике.

Резюмируя вышеприведенный анализ можно заключить, что экономической основой джаркутанского общества было высокоразвитое пахотное земледелие и ремесло. Есть все основания считать, что в Джаркутане, в рассматриваемой эпохе, уже сложились социальные ячейки свободных земледельцев, металлургов, гончаров, столяров, строителей, «виноделов» и др. Произошло второе крупное разделение труда – ремесло отделилось от земледелия.

ГЛАВА VII

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНАЯ СТРУКТУРА КОМПЛЕКСОВ ДЖАРКУТАНА

VII. 1 Архитектура и планировка комплексов

В последние годы в литературе часто упоминается термин археологическая архитектура, который относится к планировочным комплексам, вскрытым археологами на руинах древних городов и поселении (Пугаченкова, 1982, с. 21-42). Их изучение, вкупе с другими источниками, - историческими, этнографическими, письменными имеет первостепенное значение для раскрытия феномена сложения древних цивилизаций, культур, религий, классов и государственности.

На Джаркутане вскрыто несколько ярких архитектурно-планировочных комплексов - рядовых и монументальных, культовых и светских,- имеющих неравнозначную информативность.

1.а) Рядовые помещения. Все жилые помещения Джаркутана в основном прямоугольные, кроме одного помещения, круглого в плане (храм, пом. 1), которое имело культовое назначение.

Рядовые жилища разделяются на два типа: 1) жилища, сосредоточенные в большом количестве на ограниченной территории, типа поселков, и, 2) отдельно стоящие дома, состоящие всего из нескольких помещений.

Первый тип рядовых жилищ был вскрыт на холмах 5 и 8. Поселения в основном состоят из двух, реже трехкомнатных секций (Рис. 46, II). Секции состоят из одного большого и двух маленьких помещений, с общей площадью 24,2 - 47,9 м² для первого этапа и 22,4- 31,2 м² для третьего этапа.

Для первого этапа заметен фактор регулирования построек в поселениях, где внешние стены жилищ составляют замкнутый квадрат или прямоугольник, но с несколькими выходами. На холме 5 сгруппированы четыре секции вокруг одного двора (пом. 1); еще две секции примыкают к этому ядру, но имеют отдельные выходы, которые в целом образуют прямоугольник размером 18x24 м (Рис. 35, III). Внутри этого прямоугольника сплошная застройка, улицы еще не спланированы. На третьем этапе уже спланированы мощные улицы, подходы, но жилища построены хаотично за пределами первоначального ядра, вследствие чего отдельные дома уединены от общего двора-ядра. Размер поселка стал более крупным 30x38 м.

Второй тип рядовых жилищ - отдельные дома выделяются на втором и третьем этапах бытования города, хотя продолжают функционировать крупные поселения. Отдельные дома состоят из 1-2 секций. Они вскрыты внутри "цитадели", за крепостной стеной и на холме 7.

Дома, расположенные внутри "цитадели" и за крепостной стеной, состоят из 3-4 помещений, построенных в один ряд (Рис. 5, III; 2, II). Такая конструкция планирования рядовых жилищ на ранних этапах не наблюдается, она появляется на этапе Джаркутан II.

Двухсекционный дом на холме 7 несколько отличается планировкой от вышеуказанных, по форме он напоминает усадьбы и замки более поздних периодов (Рис. 68).

Помещения расположенные внутри двора (пом. 3, 4) и в культовой части храма (пом. 3, 4, 6) не связаны друг с другом, а прямо сообщаются с двором; перед нами как будто самостоятельные однокомнатные секции. В этих комнатах не зафиксированы бытовые очаги, обогревательные камины. По-видимому, некоторые из них не являлись бытовыми жилыми помещениями, а скорее всего были служебными.

Таким образом, на Джаркутане бытовали три типа секций однокомнатные, двух и трехкомнатные. В количественном отношении наиболее доминирующими были секции двухкомнатные, которые являлись организующим началом всего комплекса.

Конструкция и планировка помещений и секций в целом характерна для жилых комплексов Бактрии и Маргианы.

В неолитическом Джейтуне еще не существовали двухкомнатные секции (Массой, 1966, с. 84-88, рис. 16). В истории Средней Азии двухкомнатная секция появляется в эпоху позднего энеолита, впервые они зафиксирована на Геоксюр I (Хлопин, 1966, с. 99-102, рис. 19).

Однако заметим, что в эпоху неолита и энеолита площадь жилых домов остается почти неизменной: в Джейтуне от 13 до 39 м², средняя площадь 23,5 м², Геоксюр I от 15,5-24,5 м² (Массон, 1966, с. 84-88; Хлопин, 1966, с. 101).

В эпоху бронзы площадь жилых секций увеличивается на Джаркутане она составляет от 24,2 до 47,9 м² в среднем 35,7 м², почти такой же показатель имеют жилые секции Дашли 3 и Сапалли-тепа.

Как явствует из таблицы, наиболее мелкой единицей в планографии комплексов являются однокомнатные секции, зафиксированные во дворце и храме, которые, по-видимому, были использованы как жилье или служебное помещение. Сопоставляя их площадь - 10,5 и 21,1 м², можно отметить приоритет социальной значимости храма перед дворцом.

Двухкомнатные секции во всех этапах обживания Джаркутана остаются основным типом жилья. Площадь их в раннем этапе составляет 35,7 м², а на позднем этапе она уменьшилась до 21,5 м², что объясняется резким увеличением количества малых патриархальных семей и социальным неравенством.

На втором, и особенно, третьем этапе усиливается обособленность отдельно стоящих домов. Дом типа "усадьба" (холм 7) компактен, окружен единой обводной стеной, плотно застроен, разделен, как минимум, на 3 секции с общей площадью 150 м². По-видимому, он служил жильем большой патриархальной семьи. Таких домов, судя по топографии, было не много.

Наиболее крупным жилищным объединением были кварталы, которые состояли, в основном, из множества двухкомнатных секций. На раннем этапе обживания площадь кварталов составляла 432 м² на последнем этапе она сильно разрослась и ее площадь увеличилась до 1140 м² (холм 5).

Другой квартал (холм 8) вскрыт частично, он больше размером чем

предыдущий, и его площадь приблизительно равна 1800 м².

Судя по топографии, на Джаркутане функционировали более крупные кварталы и основная часть населения Джаркутана проживала именно в этих кварталах. Такие кварталы занимали основную территорию Джаркутана - "цитадель", холмы 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10 и др.

Площадь монументальных сооружений - дворца и храма - остается неизменной; также остается почти неизменной их внутренняя планировка, что свидетельствует об их твердом устоявшемся социальном статусе, о чем будет речь ниже.

Необходимо подчеркнуть, что секции и отдельные помещения, отнесенные к категории рядовых жилищ заметно отличаются друг от друга по мощности стен, размерам занимаемой площади и расположением к центральному двору. Таковой, например, является секция А отличающаяся толстыми стенами и большими размерами от остальных, а также своим близким расположением к центральному двору и общественному колодцу.

Двухсекционный дом, расположенный внутри "цитадели" (Рис. 2, II) выглядит более ветхим и бедным по сравнению с домом, находящимся почти на окраине города на холме 7 (Рис. 68, I).

В храме помещение 4 с оформленными суфами выглядит более парадным, по сравнению с таким же по размерам помещением 6 (Рис. 28; 29).

Таким образом, судя по характеру и планиграфии типов жилищ социальная структура общества Джаркутана была сложной, включая в себя 6-7 социальных ячеек вертикального и горизонтального деления о чем будет идти речь в следующей главе.

VII. 1. б. Монументальные сооружения

Их в Джаркутане два - дворец и храм. Оба эти объекта вскрыты полностью, что дает нам возможность максимально проанализировать их архитектурно-композиционную планировку и сопоставить с другими аналогичными комплексами.

Оба комплекса окружены мощными обводными стенами, вся планировка имеет четкую ориентацию по странам света. У обоих центральная часть имеет свободное пространство, а по периметру расположены различные сооружения, пожалуй, на этом их сходство и заканчивается.

Дворец квадратный в плане, обводные стены усилены 13 квадратными башнями, в том числе 8-ю попарно расположенными башнями типа "ласточкин хвост", по углам двора.

Внутренняя архитектурная композиция дворца довольно простая, ее площадь составляет 34х34 м. Центральная часть свободна от застроек и здесь расположена огромная суфа, квадратная в плане, площадью 176,6 м² она занимает 16,5 м всей внутренней площади дворца. Бытовые и ремесленные помещения построены в один ряд по периметру обводной стены. Такую архитектурно-планировочную композицию Г.А. Пугачешова выделяет как "двор в обводе одного ряда комнат" (Пугаченкова, 1977, с. 30-33, рис. 9).

Архитектурно-композиционный стиль дворца Джаркутана имеет ряд аналогий с другими памятниками. Территориально и хронологически наиболее близкой ему является южнобактрийская крепость Дашли I (Сарианиди, 1977, с. 30-33, рис. 9).

Дашли I прямоугольная в плане крепость размером 99x85 м, обнесена мощными (3-4) стенами, которые усилены полукруглыми башнями, в том числе имеются башни, расположенные по углам (Сарианиди, 1977, с. 30-31, рис. 9). Правда, дворец Джаркутана в два раза уступает по размерам дашлинскому и его обводные стены ранжированы квадратными башнями, но стиль планировки один и тот же; имеются лишь различия во внутренней застройке. Несколько узких помещений, расположенных вдоль обводной стены Дашли I (пом. 35, 36, 39, 40, 41, 50) и дворца (пом. 3, 4) Джаркутана по размерам и по плану одинаковые.

Не исключено, что опыт моделирования Дашли I был использован зодчими при строительстве дворца Джаркутана.

В.И. Сарианиди, сопоставляя Дашли I с этнографическими материалами, заключает, что Дашли I является крепостью, в которой обитали выделившиеся семьи местного общества (Сарианиди, 1977, с. 33).

Ряд памятников Маргианы, рассматриваемой эпохи, дает близкую аналогию с архитектурным стилем дворца Джаркутана.

Келлели 3, сильно укрепленная крепость, квадратная в плане, размерами 128x128 м. По внешнему фасаду каждая из четырех сторон имеет по шесть прямоугольных башен, в общей сложности их 24. Планировка башен и их размеры аналогичны джаркутанским. Точно также, как во дворце Джаркутана, в Келлели 3 вход фланкируется с двух сторон квадратными башнями (Масимов, 1986, с. 174-176, рис. 2).

Несмотря на общую схожесть, между комплексами имеются некоторые различия. В Келлели 3 вообще отсутствуют угловые башни, тогда как дворец Джаркутана сильно укреплен именно по углам. Внутри башни Келлели 3 полые, а в Джаркутане монолитные. Хотя вход в этих комплексах расположен по середине сторон и разделяет их симметрично, в Джаркутане всего один вход, а в Келлели их четыре. Дворец Джаркутана по размерам в три раза уступает Келлели 3, что имеет важное значение при определении функции комплексов.

Нам представляется, что Джаркутан - это миниатюрная, несколько улучшенная архитектурная композиция Келлели 3.

Другой памятник Маргианы, Келлели 4, по планировке похож на дворец Джаркутана. Это крупный квадратный дом (29,5x29x5 м) с монолитными обводными стенами, каждая из сторон которой снабжена одной квадратной башней, только у входа их две. Внутри Келлели 4 сплошь застроен, в основном двухкомнатными секциями (Масимов, 1986, с. 172-173, рис. 1).

Принцип оформления углов обводных стен комплексов башнями зафиксирован и в других памятниках Маргианы - "дворец" и храм Гонур I, храм Тоголок 21 и др. (Сарианиди, 1990, с. 102-155, рис. 19, 23, 25, 34, 35; Мамедов, 1991, с. 10-12; 1991а, с. 15-18).

В планировке некоторых крупных многосекционных домов и обводных

стен Мундигака ГУ прослеживается применение прямоугольных и квадратных башен, в том числе угловых (Cosal, 1961, pl. II, fig. 28).

Мы уже отмечали выше, что архитектурная композиция Джаркутана имеет аналогию с памятниками более отдаленных территорий. Так, например, дворец Джаркутана очень похож на индийский Сурх-Кода и Калибанган (Jansen, 1979, p. 191, fig. 86; Щетенко, 1979, с. 118 и сл., рис. 23, 24).

Ряд памятников Ирана имеет близкую аналогию по стилю планировки с дворцовым комплексом Джаркутана. Планировка X дома Баста, расположенного в низовьях Хильменда, датирующегося 900 г. до н.э., очень близка джаркутанскому дворцу. В центре комплекса внутри сооружена огромная квадратная суфа, аналогичная джаркутанской. Правда, обводные стены усилены не квадратными, а полукруглыми башнями, точно такими же, как у южнобактрийской Дашли I (Allen, 1989, p. 57-66, fig. 2). Планировка т.н. "центрального дома" расположенного на "форте" Тепе Нуш-и-Джана, которая датируется VIII-VII вв. до н.э. схожа с планировкой дворца Джаркутана (Stronach, 1969, p. 1-20, fig. 3; Stronach, Raaf, 1978, p. 1-28, fig 3). По стилистике планировка имеет некоторую общность с Баба-Джан-тепа (Goff, 1968, p. 105-134, fig. 4). Общий стиль дворца Джаркутана находит близкую аналогию в планировке Талл-и Тахти II периода Пасаргады, который расположен внутри цитадели (Stronach, 1965, p. 9-40, fig. 4), а также дом 17 Дахан-и-Гуламон, Годин-тепа (Scerrato, 1966, p. 19, pl. 2; Stronach, 1969, p. 1) и азербайджанским Сарытепе (Мамедов, 1991, с. 10).

Следует отметить, что архитектурная стилистика дворца Джаркутана в последующих этапах развивается и применяется при строительстве крепостей и монументальных сооружений.

Внутренняя планировка Алтын 10, памятника середины I тыс до н.э. из южной Бактрии, имеет много общего с джаркутанским дворцом (Сарианиди, 1977, с. 123-128, рис. 60).

Оборонительная стена и принцип расположения квадратных башен Игдыкала, памятника поздней античности Хорезма, полностью аналогичны джаркутанскому дворцу (Толстов, 1962, с. 254-258, рис. 146). К таковым можно отнести также сильно укрепленные усадьбы Анкакала, Чолтобе, Калалы-гор 2, Кургашин кала и другие памятники древнего Хорезма (Вайнберг, 1991, с. 26-27, рис. 2; Коляков, 1991, рис. 1).

Суммируя архитектурно-композиционный анализ дворца Джаркутана можно констатировать, что он резко отличается от остальных жилых массивов - поселения общинников монументальностью, четкостью планировки и внутренним убранством помещений. Имеют принципиальные различия между собой дворец и храм по характеру планировки и убранству.

Дворец был, по-видимому, местом обживания верхушки правящего слоя общества. Дворец Джаркутана был полифункциональным: он был резиденцией правителя, хранилищем общественных богатств (пом. 2), местом нахождения ремесленных мастерских (юго-западный двор), святилищем (пом. 6), местом общественных сборищ (центральная суфа) и т.д.

Другим монументальным архитектурным комплексом Джаркутана

является храм.

В последние годы на ряде памятников Средней Азии и Афганистана были вскрыты отдельно стоящие комплексы монументального характера, именуемые "храмом", "культовым центром", "святилищем" и т.д., подобные культовым центрам Алтын-депе (Массон, 1981), круглому храму Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с. 34-50), храму огня Джаркутана (Аскаров, Ширинов, 1988, с. 16-17). Правда, и ранее были известны в литературе т.н. святилища, культовые помещения, в памятниках энеолита и бронзы Средней Азии, Ирана, Афганистана (Сарианиди, 1962, с. 47-56; 1977, с. 203-224), но они не отличались монументальностью внутренней архитектурно-планировочной структуры, что вызывало сомнение в их культовом назначении.

В храме наглядно видна система обводных коридоров, дворовые комплексы и многие другие архитектурные детали, которые характерны для Сапалли-тепа, Дашли 3 и других памятников древней Бактрии (Аскаров, 1977, с. 13-33; Сарианиди, 1977, с. 29-50).

Храм построен на основе единого, заранее продуманного плана по типу "двор в обводе коридоров". Генеральная планировка храма заложена в самом начале его основания - на первом же строительном этапе, который датируется второй половиной поздней стадии джаркутанского этапа (XIV в. до н.э.), и эта планировка не меняется на всех этапах функционирования храма, за исключением частичной перестройки помещений, дворов, приспособления их к конкретным функциональным назначениям.

Архитектурный комплекс храма состоит из следующих элементов: обводной стены, обводных коридоров, дворов, платформы, помещений, галереи коридоров, мощенной дорожки, алтарей, очагов. Они топографически четко разделяются на три части: западную, центральную и восточную. Западная часть, как отмечалось выше, является хозяйственно-производственной, центральная - культовой, где находится сакральная платформа, а восточная - состоит из двора-святилища, сокровищницы и священного зольника с двумя боковыми подсобными помещениями и круглого помещения - атешга. Храм представляет собой прямоугольник в плане, обнесенный мощной обводной стеной.

Монументальная архитектура Бактрии в эпоху бронзы представлена двумя видами планировки - прямоугольной и круглой. Внутренняя планировка их очень разнообразна.

К прямоугольным монументальным сооружениям относятся и культовые и светские постройки - это храмы и дворцы Джаркутана, Сапалли, крепости Дашли I, дворца Дашли 3 (Аскаров, 1977; Ширинов, 1988, с. 106-108; Сарианиди, 1977). Культовый центр Алтын-депе - памятник раннегородской культуры юга Туркменистана, в эпоху бронзы, также был прямоугольным (Массон, 1981, с. 56-80, рис. 18). Большое значение в изучении древней архитектуры эпохи бронзы имеют памятники Маргианы - Тоголок 21, Келлели 3 и 4 (Масимов, 1986, с. 171-181, рис. 1, 2).

Храм Дашли 3 единственное монументальное сооружение эпохи бронзы Средней Азии, в основу которого легла круглая планировка (Сарианиди, 1977, с. 34-50, рис. 12-14).

Высоко развитая монументальная архитектура Бактрии в эпоху бронзы, в дальнейшем, послужила импульсом в развитии архитектурных конструкций всей Средней Азии.

Нужно подчеркнуть, что эти сходства в архитектуре храма Джаркутана с другими памятниками, скорее всего, имеют общий характер, нежели в конкретных конструктивных деталях. В конкретных архитектурных конструкциях храм Джаркутана резко отличается от других бактрийских монументальных сооружений.

Обводные стены храма не предназначены для оборонительных функции, так как здесь не зафиксировано ни одной конструкции фортификации, даже наоборот, одновременно функционировали два, а то и три входа, которые отнюдь не служили для укрепления обороноспособности объекта. Тогда как обводные стены дворца Джаркутана усилены 13-ю квадратными оборонительными башнями (Ширинов, 1988, с. 106-108). Единственное назначение квадратных башен дворца Джаркутана - усиление его обороноспособности, т.е. военное.

В Сапалли-тепа, во дворце Дашли 3, отсутствуют оборонительные башни, но трехрядовые обводные стены привязаны друг к другу, образуя при этом Т-образные коридоры-тупики, которые выполняли роль ложных входов-ловушек. Благодаря этому достигнута сильная обороноспособная фортификация, которая не является характерной для храма Джаркутана. По-видимому, их, прежде всего, разнит функциональное назначение, где один являлся культовым зданием, а другой - светским.

Судя по функциональному назначению, наиболее сопоставимы архитектурно-планировочные комплексы храмов Дашли 3 и Джаркутана. Однако, и здесь нет полного тождества: храм Дашли 3 круглый, более того, обводные стены увенчаны квадратными башнями, хотя оба объекта - храм Джаркутана и круглый храм Дашли 3 являются по своей специфике монументальными сооружениями культового характера.

Храм Тоголок 21 также как и храм Джаркутана - прямоугольный, но и он имеет обводные стены, дополнительно усиленные полукруглыми башнями, что не характерно для конструкций культовой архитектуры

Итак, хотя в целом основы архитектурных планировок монументальных сооружений Бактрии и Маргианы едины, но как видно из вышеописанного, в деталях конструкции храм Джаркутана не имеет аналогий, пока он единственный в Средней Азии изучаемого периода.

Теперь попытаемся проанализировать внутреннюю планировку храма Джаркутана путем его сопоставления с другими памятниками.

Внутренняя планировка храма довольно проста, много свободных пространств, которые оформлены как дворы (I, II, III), платформа и обводные коридоры. Все помещения имеют форму в плане в виде геометрического прямоугольника, лишь одно из них круглое.

Помещения сгруппированы по функциональному назначению образуя микрокомплексы, расположенные по обоим сторонам центральной платформы в один ряд. Внутренняя планировка храма построена по единой композиции.

Система обводных коридоров и пустующая центральная часть в целом характерна для планировки монументальной архитектуры Бактрии эпохи бронзы, что подтверждают планировки Сапалли, храма и дворца Дашли 3 и дворец Джаркутана, но в деталях конструкции храм Джаркутан резко отличается от других памятников. Центральная часть храма действительно имеет открытое пространство, но вместе с тем, оно является доминантой всего комплекса. Дело в том, что центральные части Сапалли и Дашли 3 просто не застроены, вероятно, они выполняли какие-то функции, но в храме Джаркутана в центральной части находится специальная платформа общей площадью более 400 м², возведенная из массивных прямоугольных кирпичей, высота которой 140 см. В южной ее половине находился главный алтарь под четырехколонным сооружением типа "чахартак", от которого остались только каменные основания размером 90х90 (Рис. 35, II; 36, II).

Центральная часть храма - платформа с главным алтарем, сооруженная по конкретным идеологическим требованиям была местом главных ритуалов, а не просто открытым пространством. Планиграфически платформа является связующим ядром всего комплекса.

В храме, кроме платформы, зафиксированы еще три незастроенных свободных пространства - это три двора (I, II, III), которые были заранее спланированы, окружены прямолинейными стенами, имеющих строгую функциональную нагрузку. Площадь дворов разная 80, 280, 130 м² соответственно. Дворы храма Джаркутана, в отличие от пустующих мест Сапалли и Дашли 3, спланированы и сооружены специально. Например, двор III лежит на платформе; поверхности платформы искусственно придана пандусная наклонность, на которой сооружен алтарь и вырыты колодцы. Судя по интерьеру, данный двор носил определенную идеологическую нагрузку. Остальные два двора также имели функциональную предназначенность - двор I выполнял роль вестибюля, двор II сугубо хозяйственную функцию. Вместе с тем, несмотря на свою функциональную предназначенность, они органически сочетались с остальными комплексами, составляя единый ансамбль. Именно через двор осуществлялось сообщение с глубинными сакральными объектами и хозяйственными помещениями.

Обводные коридоры являются одним из существенных элементов монументальной архитектуры Бактрии в эпоху бронзы. По-видимому, это один из показателей сакральности объектов. В храме Джаркутана обводные коридоры полностью охватывают культовую часть комплекса. Ширина коридоров стандартная - 1,5 м, почти по всей длине они были крытыми. Обводные коридоры, с одной стороны, удлиняли ход к главному почитаемому объекту - огню под "чахартаком" на платформе, а с другой стороны, они ведут к любой точке сакральной части храма. В хозяйственной части храма обводного коридора нет. Здесь функционировал осевой коридор, по обе стороны которого сооружены прямоугольные помещения хозяйственно-производственного назначения.

Если сопоставить систему планировки обводных коридоров храма Джаркутана с другими монументальными сооружениями Сапалли, храм и

дворец Дашли 3, Тоголок 21, то сразу убедимся, что между ними есть огромная, даже принципиальная, разница. Дело в том, что обводные коридоры храма Джаркутана сливаются и сочетаются с внутренним ансамблем, а обводные коридоры Сапалли, дворец и храм Дашли 3, не связаны с внутренней планировкой, они находятся между вторыми и третьими оборонительными стенами и по своему функциональному назначению связаны с внешним фактором - оборонным объектом. Внутренний круг, квадрат - Сапалли, Дашли 3, Тоголок 21, не имеют обводных коридоров, они застроены бытовыми и другими помещениями, одним словом в "обводе" помещений.

Система обводных коридоров четко выделена в храме Мундигака ГУ, однако, обводные стены усилены остросереберными выступами, предназначенными для усиления обороноспособности комплекса (Casal, 1961, fig. 36).

Внутренняя планировка храма Джаркутана трехчленная, каждая составная часть разделена общей продольной стеной. Западная часть густо застроена, расположено 10 помещений, два двора, коридоры. Помещения прямоугольные с площадью от 12 до 55 м². Это самые обыкновенные бытовые и производственные помещения, по их конструкциям можно провести очень широкие аналогии.

По функциональному назначению некоторые помещения, пожалуй, не имеют аналогий в памятниках эпохи бронзы Средней Азии. Это винодельные (пом. 9, 11) и металлургические (пом. 8, об этом ниже) мастерские. Кроме двух дворов все помещения были перекрыты, крыша, судя по отпечаткам камыша и следов обгоревших балок, была плоская (Рис. 31).

Центральная часть храма - это огромная платформа сооруженная из стандартных кирпичей, на которой был алтарь огня под "чахартаком".

Восточная часть храма состоит из двора (II), прямоугольных (12-7), круглых (1) помещений и галереи коридоров.

Галерея коридоров также встречается в Дашли 3, как в храме, так и во дворце, Тоголок 21 (Сарианиди, 1977, рис. 13-17; 1989, рис. 21).

Итак, внутренняя планиграфия храма Джаркутана включает в себя следующие конструктивные решения - двор "в обводе коридоров", ядро - центр храма - открытое пространство, представленное в виде сакральной платформы, помещения, сгруппированные вокруг ядра, дворы, сочетающиеся с внутренней планировкой храма и функционально подчиненные им, хаотично воздвигнутых сооружений, не вписывающихся в ансамбль не наблюдается.

Как видим, архитектурно-планировочный комплекс храма Джаркутана среди памятников эпохи бронзы Средней Азии и Афганистана не находит аналогий. Он также не сопоставим с монументальными культовыми сооружениями Среднего Востока рассматриваемого периода - "круглым храмом" Тепе Гавра слоя III (Tobler, 1950, p. 17-22), овальным храмом Хафаджа (Moortgat, 1959, p. 20, fig. 16), культовым центром Тюренг- тепе (Deshaus, 1948; Массой, 1964, с. 242), храмом Мундигака IV (Casal, 1961, fig. 36) и многими другими.

Как будто бы имеется некоторое сходство в планировке храма Джаркутана

и более ранних древнешумерских храмов. Очень близки по размерам к храму Джаркутана относящиеся к IV в. до н.э. Белый (по цвету окраски стен) храм, храм богини плодородия Иннины, храм бога Ану, Эанна и другие. Они также, как и джаркутанский храм, имеют обводную стену, трехчленную внутреннюю планировку, платформу и т.д. (Массон, 1989, с. 90-92, рис. 31).

Пародоксально, что внутренняя планировка храма Джаркутана в некоторых аспектах переключается с деталями конструкций более поздних храмов Среднего Востока.

Выдающимися памятниками культуры Ирана начала I тыс. до н.э. является т.н. сакральные террасы Бард-е-Нешанде и Масжид-и-Сулайман. Оба этих памятника расположены в юго-западном Иране, в бассейне реки Карун в Эламе. Бард-е-Нешанде находится к северо-востоку, в 138 км от г. Ахваз. На расстоянии 18 км от Бард-е-Нешанде находится другой культовый памятник, сакральная терраса Масжид-и-Сулайман (Ghirshman, 1976, p. 56, 6, pl. I). Масжид-и-Сулайман занимает огромную территорию шириной около 100 м, длиной более 150 м, окруженную мощными обводными стенами. Она разделена на пять террас. На самом верху сооружена платформа, на которой горел священный огонь, куда ведет широкий лестничный марш (Ghirshman, 1976, III). Несмотря на внушительные размеры обводных стен имеется шесть входов, главный из них расположен на юго-восточном блоке. Это огромная, искусственно сооруженная гора, где под открытым небом происходило поклонение огню. Главной идеей храма Джаркутана также является сооруженная платформа, но здесь она находилась под "чахартаком". Позднее, на этих же платформах, священных террасах Масжид-и-Сулайман и Бард-е-Нешанде сооружается т.н. "большой храм". Внутренняя планировка их предельна проста, форма в плане прямоугольная, обводной коридор, несколько коридорообразных помещений и огромный центральный зал, где под "чахартаком" находится главный алтарь огня (Ghirshman, 1976, plan I-IV).

Необходимо подчеркнуть, что священные террасы Бард-е-Нешанде и Масжид-и-Сулайман, хотя и занимают огромную территорию, окруженную мощными стенами толщиной в 4-5 м, но здесь очень мало помещений и других бытовых сооружений. В храмовом комплексе Бард-е-Нешанде, относящемся к парфянской эпохе всего 8 помещений (Ghirshman, 1976, plan I). Да и в храме Джаркутана очень мало помещений относительно занимаемой площади, их всего 17 и сгруппированы они в микрокомплексы

Оба этих памятника А. Гиршман связывает с зороастризмом, где огни зажигали в честь Ахура-Мазды.

Одним из крупнейших храмов Ирана является Нуши-Джан-тепе датируемый III в. до н.э. Это трехчленный удлиненный прямоугольник в плане, отдельные конструкции которого платформы, двор, водоем и другие, имеют некоторую общность с планировкой джаркутанского храма (Stronach, 1979, p. 1-11, pl. I).

С более поздними храмами Среднего Востока храм Джаркутана в планиграфическом отношении роднится наличием дворов и алтарей огня под четырехколонным сооружением - "чахартаком" и обводных коридоров. В

частности с Алданом в Сузах (Schippman, 1971, с. 266, fig. 38; Ghirshman, 1976, p. 197-200, fig. 45), Кухи-хводжа (Gullini, 1964, plan V, VI; Ghirshman, 1976, p. 205; Кошеленко, 1966, с. 101), храмом у террасы Персеполя (Schippman, 1971, p. 169 и сл, fig. 24; Boucherlat, 1984, p. 13, fig. 10; Ghirshman, 1976, p. 200-205), Сиа, храмами Хавранай Сузы (Ghirshman, 1976, p. 218-222, fig. 55,56), Дахан-и-Гуламон (Boncherlat, 1984, p. 137, fig. 11), Танг-е Делани, Сурх-Котал (Шлюмберже, 1985, с. 59 и сл., рис 51; Ghirshman, 1976, p. 205-209, fig. 46-47), храмом Джандиал в Таксиле (Ghirshman, 1976, p. 214-216, fig. 54), храмом в Нисе (Кошеленко, 1966), Пенджшента (Шкода, 1986, с. 10-16), Ак-бешима (Нильсен, 1966, с. 65 и сл., рис. 21, 22) и многими другими.

Конечно же, некоторое сходство в планиграфии храмов Среднего Востока, в том числе и Джаркутана, в какой-то мере сближают их функционально.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что во II тыс. до н.э. формировалась высокоразвитая бактрийская (Бактрия, Маршала) школа зодчества, которая, в дальнейшем, во многом предопределила развитие архитектурных стилей планирования монументальных сооружений Средней Азии. Более того, в известной степени, архитектурный стиль планирования монументальных сооружений Ирана I тыс. до н.э. формировался под влиянием бактрийской школы зодчества.

VII. 2. Функциональное назначение микрокомплексов храма.

Доминирующее положение в комплексе занимает культовая половина храма, которая делится на следующие микрокомплексы. сакральную платформу, хранилище священной золы (пом. 5) с двумя боковыми подсобными помещениями (пом. 4, 6) двор-святилище (двор III) сокровищницу (галерея коридоров) "атешгу" (пом. 1, 2) и жертвенную комнату (пом. 7).

Сакральная платформа в виде прямоугольника площадью более 400 м². Она со всех сторон ограничена стеной, за исключением тамбурного выхода на юго-западном участке и входа со стороны хранилища священной золы (пом. 5). Сакральные церемонии, обряды, ритуалы, вероятно, происходили под открытым небом на платформе. Судя по планировке, другие культовые объекты уступали ей по значимости. На Среднем Востоке известен ряд памятников, где специально сооружались огромные платформы для ритуальных целей. Это сакральные платформы упомянутых выше памятников Бард-е-Нешанд-е и Масжид-и-Сулайман (Ghirshman, 1976, pl. I-III). Следует также упомянуть огромную платформу (70x40x6) храма в Пасаргадах и другие храмы Мидии, где алтари огня располагались на платформах (ВИА, 1970, с. 311 и сл.).

Алтарь, который находился на платформе, являлся фокусом всего комплекса. Сохранившиеся четыре квадратных фундамента от колонн чахартака (Рис. 35, II) представляли собой колодцы, заполненные булыжниками, и которые уходили в тело платформы на глубину 1,5 м. Эта глубина позволяет восстановить высоту колонн - 7-8 м. Сооружение было открыто с четырех сторон и, очень возможно, что имело четырехскатное перекрытие (Рис. 36, II). Алтарь огня, вероятно, был установлен на высоком

квадратном подиуме, подобно алтарям в Пасаргадах (ВИА, 1970, с. 344) и Сурх-Котала (Schlumberger, Derre, Fussman, 1983, pl. IX-XI, Шлюмберже, 1985, рис. 51). Принцип планировки четырехколонных сооружений храмов Джаркутана, ахеменидского Ирана и более поздних зороастрийских чахартаков сасанидского времени одинаков. Функциональное назначение их, вероятно, также было близким.

Четырехколонные сооружения, как один из элементов культовых сооружений, стали каноном в оформлении внутренней структуры храмов Древнего Востока. "На западе распространение этого плана дошло до Пальмиры, на Востоке - до Пенджикента и еще дальше", - заключает Р. Гиршман (Гиршман, 1978, с. 36).

Выход из сакральной платформы осуществляется через узкий (0,8 м) проход, расположенный в юго-западном ее углу, который от центра площади не был замечен, он как бы прячется за продольной стеной. Такая же картина наблюдается в памятнике III в. до н.э. священной террасе Бард-е-Нешанде и Масжид-и-Сулайман, где главная лестница, ведущая к алтарю была торжественной и имела ширину 25 м, а две боковые, более скромные и узкие. Объясняя этот факт Р. Гиршман пишет, что два боковых узких лестничных марша служили для ухода паломников, так как "никто не следовал путем, которым он уже однажды прошел" (Гиршман, 1978, с. 69) По характеру строительства, планировки и функциональному назначению сакральная платформа - центральный культ храма Джаркутана очень близка к вышеуказанным памятникам Ирана (Ghirshman R., 1976. plan I-VIII; Гиршман Р., 1978. С. 67-73).

Священный зольник. Второе место по значимости в культовой части храма занимал священный зольник (пом. 5) с двумя боковыми комнатами (пом. 4, 6), которые составляли отдельный микрокомплекс. Судя по планировке, ядром этого микрокомплекса было хранилище священной золы, бывшее одновременно связующим звеном культовых частей храма - сакральной платформы и двора-святылища. Хранилище священной золы обращено в сторону сакральной платформы с открытым айваном. Оно многоступенчатое с суфой (ширина 0,9 м) и эстрадой - проходом (ширина 1,7 м) В центре его расположен почти квадратный резервуар (4,5x5,9 м) который со стороны восточного входа ограничен невысокой тамбурной стеной (Рис. 28, I). После запустения храма золохранилище, как и многие другие культовые объекты, было тщательно замуровано, что подтверждает их сакральную значимость.

Керамический комплекс, обнаруженный во время расчистки этого резервуара весьма специфичный. Более 60% составляют лепные расписные переносные алтарики (см. выше тип 24) и курильницы (тип 25). Большинство переносных алтарей было обнаружено в зольном слое. Следовательно, резервуар, служил для погребения священной золы. Огонь считался культовым, его всячески оберегали от нечистот и осквернения, и зола, образовавшаяся у священного огня, также считалась неприкосновенной и чистой. Следовательно, они не подлежали разбрасыванию и должны были скапливаться в определенном месте и всячески ограждались от осквернения

Видимо, сломанные переносные алтарики также погребались здесь, так как мы находим их именно здесь, а не где-нибудь в другом месте, кроме атешга.

Функционирование двух боковых комнат (пом. 4, 6) было тесно связано с существованием в хранилище священной золы. Южная комната (пом. 6) судя по планировке, вероятно, являлось помещением-хранилищем священной золы. Другая, северная комната (пом. 4) по своему убранству богаче. Вдоль ее южных, западных и северных стен была сооружена суфа-сиделка. Очаг-камин расположен в центре северной стены; кирпичный пол тщательно и неоднократно обмазан саманной глиной, с включением гипса. Следовательно, обитатели этой комнаты стояли рангом выше, чем хранители священной золы. По всей вероятности, эта комната предназначалась для жрецов храма.

Атешга. С хранением священного огня, вероятнее всего, были связаны помещения 1 и 2 расположенные особняком, в стороне от всего комплекса. Помещение имело в плане форму круга (Рис. 32б III). Оба помещения были построены по продуманному плану, учтенному при сооружении обводных стен (Рис. 32, III).

Ритуальный огонь, как в главном алтаре - на платформе, так и в других алтарях, расположенных во дворе-святилище, возжигался в определенные дни. В обычные дни священный огонь держали в стороне, в помещении называемом "атешгах" (пом. 1).

Вполне возможно, что единственное круглое помещение в храме символизировало солнце, а прямоугольное - землю. В южной части круглого помещения, в стене, имеется небольшая ниша со следами горения.

В поздних зороастрийских храма, священный огонь в обычные дни хранился в уединенных, глухих помещениях. Р. Гиршман, изучая священные террасы Бард-е-Нешанд-е и Масижд-и-Сулайман, пишет, что "священный огонь, чтимый во время церемоний на алтаре, по их окончании переносился и прятался в специальной комнатке, или атешгах, обычно устроенной в толще облицовки террасы, в конце узкого хода, который вел к ней" (Гиршман, 1978, с. 68; 1978, с. 37 и сл.). Нам кажется, такую же функцию атешга выполняло круглое помещение в Джаркутане.

Древние зодчие при строительстве святилищ и храмов нередко придавали им круглую форму. Сама по себе такая планировка имела сакральное значение у многих народов мира. Огонь являлся символом солнца, не случайно помещения для хранения священного огня-атешга, имели круглую форму в плане. Круг рассматривается многими исследователями как символ солнца (Сарианиди, 1977, с. 39; Хлопин, 1964, с. 47 и сл.).

Двор-святилище. Третье по значимости место в культовой части храма занимал двор-святилище (двор II). Дворы являлись одним из обязательных атрибутов общественно-культовых сооружений.

На втором строительном этапе облик и назначение двора-святилища изменилось. Если на первом строительном этапе объектом поклонения наравне с огнем выступала и вода (колодцы), то в последующих строительных этапах на первый план выше огонь (алтари). Центральный колодец был закопан, на его месте сооружен большой круглый алтарь огня. На последнем строительном

этапе во дворе святилища воздвигнуты еще три алтаря огня. Все они круглые, как большие, так и малые. Вокруг алтаря вся площадь айвана устлана кирпичной кладкой, этим подчеркивалась обособленность данного алтаря по сравнению с тремя остальными. Мощенная дорожка незаметно пандусом поднимается в сторону айвана, большого алтаря.

По всей вероятности, в храме Джаркутана самой почитаемой субстанцией после огня была вода, чему свидетельствуют колодцы, вырытые во дворе-святилище, они расположены рядом с алтарем огня, что не противоречит сущности культа воды и огня, а наоборот, об их единении по сакральной значимости. После запустения храма колодцы тщательно замуровывались. В одном случае удалось зафиксировать как это было сделано. Колодец 3 был сначала заполнен травой и сверху земляной насыпью. Трава со временем сгнила, на ее месте образовалась пустота, а верхняя отвердевшая земляная насыпь, по случайным обстоятельствам, не провалилась вниз; данный факт свидетельствует о бережном отношении к водным источникам древних служителей храма.

Несомненно, этот двор имел культовое назначение, о чем свидетельствуют и археологические находки, где полностью отсутствуют орудия труда, оружие и другие производственные предметы. Керамический комплекс в основном состоит из столовой посуды, очень незначительно количество найденной тарной и кухонной посуды.

Заслуживает внимания еще один микрокомплекс, состоящий из одного помещения 7, он расположен в юго-западном углу культового двора святилища. Это помещение очень интересно своим внутренним убранством. В центре него возведен прямоугольный подиум - суфа (0,9x1,3x0,6 м), напротив же очаг-камин. На третьем строительном этапе недалеко от подиума-суфы сооружен круглый алтарь огня. Подиумы известны в большинстве храмовых построек Месопотамии, на культовых сооружениях южного Туркменистана энеолитического времени (Сарианиди, 1962, с. 44 и сл.). Пока трудно установить функциональное назначение данного помещения, хотя бесспорен его культовый характер. Возможно, прямоугольный подиум служил для жертвенных возлияний, условно он назван жертвенной комнатой.

Сокровищница. Рассматриваемый комплекс состоял из восьми узких коридоров, так называемой коридорно-гребенчатой планировки.

Галерея коридоров зафиксирована в Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с. 34 и сл.), в энеолитических памятниках Ялангач-депе, Муллали-депе южной Туркмении, Тепе Гавра в Северной Месопотамии (Массон, 1964, с. 313 и сл.) в протозороастрийском храме Маргианы, в Тоголок 21 (Сарианиди, 1989, с. 152 и сл., рис. I). О функциональном назначении этих сооружений высказаны самые разные точки зрения: обогревательная система (Сарианиди, 1977, с. 43), помост для зернохранилища (Массон, 1964, с. 313), предназначались для храмовых служек-аскетов (Сарианиди, 1989, с. 166), казарма для воинов, тюремное помещение (Якубов, 1979, с. 118 и сл.) и т.д.

В.И. Сарианиди попытался осветить вопрос назначения узких коридоров так: "назначение всего этого сооружения остается не совсем ясным, отметим

лишь, что до сих пор в Афганистане существуют так называемые табахана, т.е. особое здание, под полом у которого устроена отопительная система, предназначенная для обогрева всех помещений. Возможно, что близкое назначение имела и эта конструкция, хотя каких-либо следов сильного воздействия огня внутри отсеков не обнаружено" (Сарианиди, 1977, с. 43). Мы лишь можем со своей стороны добавить, что и в Джаркутане, в стенках коридоров нигде не зафиксировано следов воздействия огня. Следовательно, они не могли служить системой отопления, нам кажется, для этой цели были использованы прямоугольные очаги, пристроенные прямо в стене жилых помещений, а не такая централизованная система. Однако В.И. Сарианиди точно такую же планировку, обнаруженную в Тоголок 21 комментирует как "кельи" для храмовых служек-аскетов (Сарианиди, 1989, с. 166). По нашему мнению назначение данного сооружения не было однозначным, оно менялось в зависимости от исторических эпох. Прежде всего, это хранилище общественного богатства - зерна, орехов, хлопка, керамических сосудов, жира и других продуктов. С другой стороны, оно могло служить местом, куда ставились приношения людей, которые пришли в храм для проведения различных обрядов и поклонений.

Накопившиеся приношения хранились тут же и считались достоянием храмового хозяйства. Археологические находки, как будто, подтверждают это, так как более 70% найденных здесь черепков составляют венчики от парадных столовых и тарных сосудов. Данный комплекс являлся местом хранения храмового богатства и реликвария.

Меньшую, западную часть храма, как отмечалось выше, занимало прихрамовое хозяйство, которое разделено на 4 иширокомплекса: металлургическая мастерская (пом. 8), винодельни (пом. 9, 10, 11), хозяйственный двор (Ш), с прилегающими помещениями (пом. 17, 15), а также помещения для изготовления ритуальных изделий (пом. 13, 14).

Входной двор 1 выполнял функцию вестибюля, другой двор Ш, вероятно, был хозяйственным, здесь найдено много тарных сосудов-хумов.

В помещениях 13, 14 были обнаружены две глиняные не обожженные антропоморфные фигурки, высота которых 8-10 см (Рис. 50, I). Они, по-видимому, были предназначены для замены умершего, в погребениях они играли роль куклы. Подобные антропоморфные фигуры также были найдены в могилах, где отсутствовал скелет умершего. Вероятно эти фигурки были связаны с культом предков. Не исключено, что в этих помещениях изготавливались и другие ритуальные изделия.

На третьем этапе вход 3 и входной Г-образный коридор были полностью заложены крупноформатным кирпичом, вследствие чего и был отсечен этот микрокомплекс. Для автономного функционирования этих двух помещений был прорублен новый вход 2. Не исключена возможность, что эти два коридорообразных помещения по-прежнему продолжали выполнять те же функции, что и прежде. Однако, остается загадкой их изоляция.

Металлургическая мастерская функционировала на протяжении второго и третьего строительного этапов. В помещении 8 обнаружено 8 квадратных

металлоплавильных печей. Нам кажется, что они являлись очагами для приготовления ритуальной пищи, так как они расположены в один ряд, все одинакового размера, стенки их не ошлакованы.

Храмовая кухня. Мы полагаем, что для плавки металла не понадобились бы восемь печей одновременно (пом. 8). Возможно, на какой-нибудь из них и плавил металл, но все же, большинство из них использовались для изготовления ритуальной пищи. По-видимому, во время религиозных праздников приготавливались ритуальные блюда, хотя костных отбросов найдено мало. Результаты исследования костных остатков из храма, проанализированных А. Батыровым, показывают, что из 7 видов домашних животных, более 60% особей принадлежат мелкому рогатому скоту. Интересно отметить, что 34,6% особей мелкого рогатого скота (козы, овцы) имели возраст от 6 до 8 месяцев. Среди костных остатков диких животных есть традиционно охотничьи - кулан, кабан, олень, тур, джейран и др, но в количественном отношении они составляют мизерный процент по сравнению с костными остатками мелкого рогатого скота (Батыров, 1983, с. 49-56). По-видимому, молодняк предназначался для жертвоприношений и приготовления ритуальных блюд, это не противоречит характеру комплекса, а также найденных в нем жаровен, котлов, горшков и тарной посуды.

Помещения 10, 12, 15, 16, 17 были бытовыми, возможно, некоторые из них были складскими (пом. 15, 17). Здесь могли хранить сырье для изготовления опьяняющих напитков.

"Винодельня". Помещение 9 особо выделяется на фоне всего ансамбля хозяйственных построек. Оно сравнительно маленькое (2,1x4,7 м) в центре в пол врыт крупный хум, к нему с двух сторон идут желобки шириной 20-22 см, глубиной 6-7 см, длина северного желобка 2,45 м, южного 1,90 м. Концы желобков закругляются чашевидным углублением-резервуаром, диаметром 0,4 м, глубиной 10-12 см. Желобки также под уклоном снижаются к горловине хума (Рис. 36, I). В юго-восточном углу имеется небольшой прямоугольный выступ 0,75-0,80 м, высотой 60 см (Рис. 30).

В третьем строительном периоде мастерская - "винодельня" была специально замурована в связи с тем, что она утратила свою первоначальную функцию.

Вследствие увеличения изготовления опьяняющих напитков, "винодельня" выносится в более просторное помещение 11 размерами 3,6x5,4 м, где специально сооружается гипсовая конструкция от вышеописанной. Это тщательно оштукатуренный гипсом прямоугольный резервуар, размерами 1,10-1,80 м, глубиной 0,25 м. К этому резервуару с двух сторон подведены два желоба, с другого конца они имеют маленький чашевидный резервуар. Ширина их составляет 20 см и слегка сужается в сторону большого резервуара до 10 см. Маленький чашевидный резервуар имеет диаметр 50 см (Рис. 30). Недалеко от этого места, рядом с хумом, имеется выступ размером 0,36-0,46 м.

Прекращение функционирования второй "винодельни", по-видимому, было связано с общим запустением всего комплекса, но также, как и храм она не забрасывается, а специально замуровывается, о чем свидетельствует 20 см

относительно стерильный рыхловатый материковый слой.

Следует отметить, что, по всей вероятности, к этим двум "винодельням" относились и прилегающие к ним помещения "Винодельня" 1 через проход сообщается с помещением 10, где у стены был обнаружен хум небольшого размера и несколько десятков обломков хумов "Винодельня" 2 сообщается с хозяйственным двором III, вдоль стены которого были зафиксированы четыре раздавленных крупных хума. По-видимому, эти помещения с хумами являлись хранилищами.

Немногочисленны находки из обоих помещений, но несмотря на это, обнаруженный на полу керамический комплекс дает возможность определить время функционирования "виноделен". Оба хума, врытые в пол - крупные, толстостенные, светлофонные с хорошим обжигом, но так как оба они являются хумами одного типа, никак нельзя объяснить одновременность помещений.

На полу помещения 9 были обнаружены фрагменты более десяти керамических сосудов - кувшины, горшки и банки в целом, характеризующие II этап обживания храма (Рис. 44, П). Кувшины имеют округлое тулово, широко отогнутую горловину, светлоангобированы, диаметр венчика 11-12 см. Такие же кувшины характерны как для поселения, так и для могильника Джаркутан. Несколько фрагментов горшков со слегка отогнутым венчиком и округлым туловой, светлофонные и краснофонные (Рис. 44, П, 6, 7), а также банки вытянутой формы с заостренным венчиком (Рис. 44, П, 8-10), характерные для кузалинского этапа Сапаллинской культуры.

Обнаружено несколько фрагментов керамики, характерной для джаркутанского времени и, вероятно, попавшие сюда случайно, обломки костей.

Керамический комплекс свидетельствует, что "винодельня" 1 в помещении 9 функционировала в Джаркутане II (кузалинское время) - 1250-1150 гг. до н. э.

"Винодельня" 2, в помещении 11, функционировала явно позднее, чем "винодельня" 1 в помещении 9. Здесь уровень пола выше на 40 см по сравнению с полом первого, об этом также свидетельствуют стены помещений и керамический комплекс.

Керамический комплекс, обнаруженный в помещении 11 относится к периоду Джаркутан D (моллалинское время) - 1150-950 гг. до н.э. Сапаллинской культуры. Это кувшины с высоким широким горлом, с прочерченными горизонтальными линиями и орнаментом на плечиках (Рис. 45, III), горшки с биконическим туловом (Рис. 45, III, 5), хумы с крючкообразным венчиком, банки вытянутой формы (Рис. 45, III, 2) и цилиндрические сосуды. Найдено несколько обломков ступок и пестиков (Рис. 49, II, 3).

Недалеко от резервуара-ванны у стены, был обнаружен зооморфный сосуд в виде птицы. Сосуд толстостенный (2,0 см), имеет довольно крупные размеры, сохранившаяся высота 23,5 см, длина 31,7 см (Рис. 52, I). Ножка, голова и хвостовая часть отломлены, судя по форме тулова, вероятнее всего, это утка, гусь или фазан? Горловина сосуда расположена на спинке сосуда (диаметр 9,5 см, высота горловины 7,8 см, а отверстие-слив находится в шейной части

сосуда-птицы. Крылья (длина 24 см) прижаты к тулову, рельефно подчеркнуты, перья очерчены нацарапанными линиями, кое-где наблюдаются косые перпендикулярные штрихи. Сосуд богато расписан красной краской, имитирующей внешнюю окраску птицы. Круглыми точками расписаны несколько треугольников, вложенных один внутри другого. Хвостовая часть как бы отделена от туловища сосуда птицы росписью из кольцевых линий. Вершина треугольников, находящихся в хвостовой части, перпендикулярна к линии кольца по всей округлости.

Необходимо подчеркнуть, что птица-сосуд расписана красной краской на фоне красновато-коричневого цвета, образовавшегося после обжига, что порождает общее впечатление красной птицы. По-видимому, акцент на красный цвет был сделан не случайно.

Зооморфных сосудов, аналогичных джаркутанскому, в памятниках эпохи бронзы Средней Азии пока неизвестна. Но следует отметить, что зооморфная терракота, статуэтки, обнаружены и широко известны в памятниках оседлоземледельческой культуры юга Средней Азии. Например, можно упомянуть о зооморфном сосуде, найденном на одном из верхних слоев Алтын-депе (Массон, 1984, табл. XX, 3). У этого сосуда сохранились только шея и часть головы, использованные в качестве слива, но из-за схематического изображения невозможно определить вид животного.

Довольно широко распространены зооморфные сосуды во второй половине II-I тыс. до н.э. в Закавказье, Иране, Анатолии (Погребова, 1977, табл. XX). Некоторое сходство с нашим зооморфным сосудом имеет птица-сосуд из могильника Хурвин (Погребова, 1977, табл. XX, 1, 2) и Мингечаур (Погребова, 1977, табл. XX, 4). "Сосуды в виде птиц в большом количестве известны в некрополе тепе Сиалка, в Хурвине, Хасанлу" (Погребова, 1977, с. 98). На зооморфных сосудах Хурвина имеется нацарапанный треугольный орнамент, что наблюдается и на джаркутанском сосуде, но различие последнего в том, что здесь треугольник расписан. Р. Гиршман считает зооморфные сосуды характерными для индийского погребального обряда (Погребова, 1977, с. 98).

Керамический комплекс, как видим, является характерным только для оседлоземледельческих культур юга. Планировка, тин виноделен имеют больше аналогов, чем керамический комплекс.

Как отмечалось выше, в памятниках эпохи бронзы Средней Азии конструкции, подобные помещению джаркутанской винодельни, пока не обнаружены. В Бактрии винодельня известна для кушанского времени, в Дальверзине вскрыта винодельня, некоторыми чертами напоминающая раннюю джаркутанскую. Алебастровый наклонный пол, врытые в пол хумы-резервуары присутствуют в обеих винодельнях (Пугаченкова, Ртвеладзе и др., 1978, с. 171-175, рис. 117).

Винодельня, аналогичная дальверзинской, вскрыта в Южной Бактрии кушанского времени - Дильберджине. винодельня Патта-тепа, памятника раннесредневекового времени в Северной Бактрии (Литвинский, Седов, 1983, с. 70-71, рис. 16, 3), по конструкции и технике строительства принципиально не отличается от джаркутанских, дальверзинских и дильберджинских, что

свидетельствует об их генетической общности. Все вышеперечисленные винодельни имеют прямоугольную или квадратную форму, небольшие размеры, гипсовый пол, наклоненный в сторону, где врыт в пол хум-резервуар (кроме паттатепинской). Правда, в жаркутанской винодельне имеется два желобка, соединенных с резервуаром-хумом. Такой же желоб, соединенный наклонно с резервуаром-хумом, имеется в винодельне древнего Хорезма в Аяз-Кала Ш (Неразик, 1976, с. 38-39, рис. 17), где желоб сделан из битой керамики, скреплен алебастром, в отличие от жаркутанского, который врыт в пол и покрыт гипсом.

В Согде винодельня вскрыта в пригороде Пенджикента, относящаяся к VII-VIII вв. н.э., но по конструкции несколько отличающаяся от жаркутанских (Большаков, Негматова, 1958, с. 187-188, рис. 24-26). Несмотря на то, что имеется общность в конструкции, здесь отсутствует хум-резервуар, вместо него -прямоугольная ванна, такая же, как и во второй винодельне Жаркутана.

В Уструшане, в Кингиртепа, открыта винодельня более развитой конструкции, чем пенджикентская. Здесь вместо желобков-стоков, врытых в пол, использованы станковые обожженные кубуры, соединяющиеся с хумом-резервуаром (Бердимурадов, 1986, с. 210-215, рис. 2)

Винодельня предарабского времени известна также в Ташкенте в Актепа Юнусабадском (Филанович, 1983, с. 112, рис. 13).

Некоторое сходство имеет вторая винодельня Жаркутана с киркидонской винодельней южной Ферганы, датирующейся III в. н.э, где прямоугольная ванна-резервуар покрыта алебастром, а отходящий от нее желоб соединяется с хумом-резервуаром, врытым в пол (Горбунова, 1985, с. 54, 68, рис. 11).

Хотя между рассмотренными винодельнями Средней Азии и Жаркутана имеется огромный хронологический разрыв, тем не менее, прослеживается некоторая общность в деталях их конструкций: наличие давящей площадки из влагонепроницаемого строительного материала - гипса, алебаstra, ганча, известняка и т.п., наклонности пола, врытых в пол хумов-резервуаров, узкого желоба, соединявшего давящие площадки с резервуаром - отстойником, местонахождение винодельни, наличие складских помещений - хумхана.

Проведенная параллель не вызывает сомнений в функциональном назначении виноделен. На основе этнографических сведений вычислена их производительность, а в одном случае, установлен даже сорт винограда, который использовали для выжимки сока (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 67).

Винодельни, подобные жаркутанским на других памятниках эпохи бронзы не обнаружены. Следовательно, не было и винодельного производства? Если это так, значит функциональным назначением жаркутанских "виноделен" было приготовление не вина, а чего-то другого? Вышеперечисленные параллели в деталях конструкций виноделен жаркутанских и поздних времен (назначение которых является бесспорным), свидетельствуют о том, что в "винодельнях" Жаркутана изготовлялось если не вино, то близкий к нему напиток. Да и найденный керамический комплекс (хумы, хумчи, горшки, банки и др.) свидетельствуют об этом.

Ранее в Сапалли-тепа были обнаружены семена винограда и косточки джиды, в одном случае они оказались вместе с отрубями пшеницы на дне кувшина. На основе этих находок А. Аскарлов допускает возможность изготовления "какого-то напитка - типа бузы" в сапаллинском обществе (Аскарлов, 1977, с. 118, 137, 151).

В древних обществах Востока были широко распространены различные культовые напитки - сома-хаома в индо-арийском (Дорошенко, 1982, с. 113-122), валхи в хеттском обществах и т.д. "Ни одна праздничная церемония, ни один обряд и богослужение не обходилось без священного напитка хаомы": "Ее пили жрецы во время ритуальных церемоний и жертвоприношений, возливали в жертвенный огонь, приносили в жертву различным богам" (Дорошенко, 1982, с. 113-115). Согласно "Ригведе" и "Авесте", в древности существовал культ божества сома¹ (Дорошенко, 1982, с. 113-115).

Состав хаомы пока не известен. Многие исследователи считают, что этот напиток изготовлялся из сока эфедры и граната и смешивался с молоком. По мнению других, состав напитка был более разнообразен и зависел от конкретной географической среды, так как "предки авестийских иранцев и индийских арийцев расселялись по обширным территориям с различными географическими условиями, климатом, растительностью" (Дорошенко, 1982, с. 116). Главным свойством культового напитка было его "эйфорическое воздействие" на человека.

Не исключено, что в "винодельнях" храма огня Джаркутана изготавливались культовые напитки типа хаома-сома. Кустарники эфедры, гранатовые деревья, а также злаки, упомянутые в "Авесте" растут в горах Кухиташтау недалеко от Джаркутана. Хотя и в малом количестве, но все же найдены обломки ступок и пестиков, вероятно, ими пользовались при измельчении эфедры или других растений - ячменя, пшеницы, конопли и др. Гранаты выжимались руками, не исключено, что чашевидные углубления в "винодельнях", от которых уходит желоб в хум-резервуар, служили для этих целей.

Несколько проясняет вопрос и тот факт, что в помещении 11, рядом с "винодельней", обнаружен сосуд-птица. Согласно мифам, приведенным в "Авесте" и "Ригведе", напиток бессмертия, изготовленный богами, находился на "высочайшей вершине, там, где само небо". Оттуда его похитила "быстролетная птица" для богов, жрецов, людей (Дорошенко, 1982, с. 122-129). В дальнейшем в эпосах народов Востока эта легенда заняла одно из центральных мест, абстрактная птица превратилась в конкретную - гаруда, саена, симург и т.д. (Дорошенко, 1982, с. 122-129).

Конечно, мы далеки от мысли отождествлять зооморфный сосуд Джаркутана с мифической птицей, отраженной в "Авесте" и "Ригведе". Время

¹ Соме посвящена одна из глав "Ригведы" и некоторые гимны других книг. Слово "сома" - иранское, "хаома" образовано от глагола "су" (ху) - "выжимать, готовить сок" (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983). В "Авесте" хаома названа "непобедимой", дающей "силу всему телу", приносящей "исцеление и победу над врагом" (Дорошенко, 1982, с. 74).

сложения указанных литературных памятников на многие столетия раньше, чем время бытования "винодельни". Мифы и легенды слагались намного раньше, до того, как они литературно оформлялись и корнями своими они уходят в глубь тысячелетий, к недрам первобытнообщинного строя.

Культовый напиток, находящийся в зооморфных сосудах (подобных найденному в Джаркутане), несомненно нес определенную смысловую нагрузку, хотя прямого отношения к вышеупомянутой легенде не имеет. Конечно, космогонию зооморфных сосудов можно использовать очень разнообразно.

Суммируя вышеизложенное, констатируем, что в "винодельнях" храма изготавливались культовые опьяняющие напитки типа сома-хаома. Некоторые мелкие детали в конструкции "виноделен" подтверждают это высказывание. Первая "винодельня" и по конструкции и по размерам была более простой и меньше, чем вторая. Увеличение мощности "винодельни" связано с повышением спроса на продукцию. Первая "винодельня" не забрасывается как это часто наблюдается в других винодельнях, а специально погребается, что свидетельствует несомненно о ее святости. Вторая "винодельня", расположенная в более просторном помещении, оформляется совершенно по другим требованиям. В самом центре помещения между "винодельней" и хумом врытым в пол, сооружен круглый алтарь огня напротив него на стене обнаружены участки раскаленной до красноты стены, вероятно, это произошло вследствие возгорания свечи. В поздних зороастрийских обществах, да и в древних огонь имел безграничную очистительную силу - духовную, даже физическую. Мы лишь можем констатировать, что огонь и "винодельня" максимально сближены, размещены в одном помещении, что свидетельствует не только о возросшем количестве изготавливаемого напитка, но и с возросшей идеологической значимостью духовной роли в обществе этих культовых напитков. Огонь своим действием облагораживал, счищал, обожествлял производимый рядом напиток и его производителей. По этой же причине была замурована первая "винодельня" - в крохотном помещении буквально негде было соорудить алтарь огня, без которого невозможно было изготавливать культовый напиток.

Нам представляется что в джаркутанских "винодельнях" изготавливали культовые напитки типа сома-хаома, необходимость в которых была продиктована, прежде всего, идеологическими воззрениями носителей культуры Сапалли. В силу этой же причины функционировали многие винодельни в предрабское время, которые были расположены вблизи культовых комплексов, либо вблизи больших городских комплексов, центров, где имелись храмы и другие святыни.

Алтари огня являлись одним из важных элементов архитектурного облика храма. По-видимому, правильное истолкование функций алтарей огня приведет к верному решению вопроса о назначении храма в целом. В связи с этим, хотя алтари и разбросаны по всему комплексу, тем не менее, мы решили рассмотреть каждый отдельно, так как они являются важной деталью не только в изучении архитектуры, но и идеологии.

В храме, как уже отмечалось, были вскрыты 6 круглых и 2 квадратных алтаря расположенных в различных микроситуациях - одним в помещениях, другие под открытым небом во дворе, на платформе.

Алтари, описываемые исследователями, обычно круглые в плане, опоясанные невысокими валиками, внутри которых обязательно прослеживаются следы горения. Некоторые исследователи их называют "алтарями-очагами", иногда "круглыми очагами", хотя все утверждают их культовое назначение.

Алтарь и алтарная часть присущи всем религиозным течениям, хотя их форма и содержание различны, но во всех случаях они служили объектом поклонения. Только в зороастрийских святилищах они имеют круглые чашевидные углубления разных размеров и сделанных из различных материалов (глина, металл), где горел священный огонь.

Алтари не являлись бытовыми очагами, они отличались как по форме, так и по размерам, а главное, расположением. Следовательно, неверно их описывать как "алтари-очаги", где акцентируется внимание на бытовой смысл больше, чем на культовый. Исследуемые нами сооружения имеют культовый характер, следовательно мы будем описывать их как "алтари".

Круглые алтари. Их в храме зафиксировано 6 штук. Все они дисковидные, имеют форму почти правильного геометрического круга. Они расположены на одном уровне с полом.

Квадратные алтари, их два. Один из них расположен на платформе в центральной части, другой - в помещении 12, в хозяйственно-производственной части храма.

Каково функциональное назначение алтарей? Чем можно объяснить различные формы и место их расположения? Как уже отмечено выше, для всех алтарей присущи следы горения огня заполнение их одинаковое. Стенки алтарей слегка обожжены, почти не закопчены, что свидетельствует о том, что здесь горел маленький огонь, и, возможно, не постоянно. Отсутствие законченности объясняется еще и низкостью стенок алтаря, а также вероятно, и тем, что в качестве топлива использовался особый сорт древесины, от которой было меньше копоти.

Как известно, у многих народов мира при совершении различных религиозных обрядов зажигался огонь. В провинции Франш-Конте (Франция) для ритуального костра, заранее, специально ходили по домам и собирали "вязанки хвороста" - топлива, т.е. специально подготовленный хворост (Фрезер, 1983, с. 571). Зороастрийцы Ирана запрещали сжигать мусор, так как "огонь был всегда священным" и даже "для разведения огня в домашнем очаге употреблялось сухое, чистое дерево", а в алтарях огонь возжигали из ценных твердых пород дерева, в том числе из сандалового, имеющего при горении приятный запах (Дорошенко, 1982. с. 33-54). Вот чем объясняется незакопченность и слабая обожженность стенок алтаря.

Круглая форма в плане нередко применялась древними зодчими при строительстве святилищ храмов. Сама по себе такая планировка имела сакральное значение у многих народов мира (Сарианиди, 1977, с. 39). Круг

рассматривается многими исследователями как символ солнца (Сарианиди, 1977, с. 39; Хлопин, 1964, с. 47-51). Алтарь - огненная космология в виде солярного культа, продукт представления индоевропейских народов, который отражен в Ригведе и Авесте (Сарианиди, 1977, с. 39). Многие европейцы в недалеком прошлом в религиозных обрядах зажигали огонь в приспособлениях в виде круглых дисков с зазубренными краями, имитирующих светящее солнце и подбрасывали их в воздух (Фрезер, 1983, с. 372-373).

По зороастризму символом Верховного бога Ахура-Мазды является огонь, а его обиталищем само солнце (Дорошенко, 1982, с. 23-33).

Почти все исследователи в изображении "колеса", "кольца", "диска" видят символ солнца и эта точка зрения в настоящее время является господствующей (Мандельштам, 1968, с. 105). Итак, круглые алтари храма Джаркутана, имели сакральное значение - культ огня, символизирующий солнце.

Круглые алтари в памятниках эпохи бронзы и энеолита очень широко распространены. Модели круглых алтарей были обнаружены в погребениях раннего Тулхарского могильника (Мандельштам, 1969, с. 8-60, 125-129), в слоях III строительного периода Саразма (Исаков, 1986, с. 152-167), в Калибангане (хараппская культура) (Бонгард-Левин, 1980, с. 16), в памятниках кура-аракской культуры (Мунчаев, 1975, с. 156-157), в энеолитических памятниках южной Туркмении Айна-депе (Хлопин, 1964, с. 87-89, рис. 41, 1), Чонг-депе (Сарианиди, 1965, с. 12-13, рис. 7,9), Геоксюр 1, 7 (Хлопин, 1964, с. 87-80, рис. 41, 2, 4; Сарианиди, 1962, с. 44-45-56, рис. 2, 3), в ранних комплексах Сузианы (Mesquet, 19 p. 107-108), в памятниках III тыс. до н.э. Азербайджана, Армении, Грузии, Восточной Анатолии (Мунчаев, 1975, с. 156). Конечно же, энеолитический пласт более ранний, чем возраст рассматриваемых нами объектов. Тем не менее, комплексы эпохи бронзы генетически взаимосвязаны с энеолитическими комплексами. Вероятно, социальные структуры создателей этих комплексов не имели больших расхождений.

Как уже отмечалось, в храме обнаружены также и квадратные алтари, которые наряду с круглыми были культовыми. Форма квадрата в монументальных сооружениях отождествляется четырьмя сторонами света (Сарианиди, 1977, с. 39).

Квадрат символизировал основные элементы мира "огонь-вода-земля-воздух" - таким образом, достигается идеально устойчивая структура, целостность, интегрируются основные параметры космоса (МНМ, 1989, с. 630).

Вероятно, круг символизировал солнце, а квадрат отражал в себе более широкое понятие - космос, всю вселенную.

Квадратные алтари не так широко распространены как круглые. Они найдены в храме Джаркутан, в погребениях раннего Тулхарского могильника (Мандельштам, 1968, с. 8-60, 125-129), в бронзовых слоях Саразма (Исаков, 1986, с. 152-167), Алтын-депе (Массон, 1981, с. 64). По всей вероятности, являются культовыми некоторые квадратные очаги, вскрытые во дворе в круглом храме Дашли 3 (Сарианиди, 1977, с. 34-39) и обводных коридорах Сапалли-тепа (Аскарлов, 1977, с. 32).

Различие форм алтарей, по всей вероятности, было связано со смысловой

нагрузкой, вложенной в них. Манделынтам, анализируя подобные объекты сопоставляет их со священными огнями древней Индии, где каждый алтарь имел социально-идеологический статус. Первый из них - гархапатья "огонь господина дома, т.е. домашний алтарь, имеющий круглую форму, который генетически был связан с функцией женщины хранительницей домашнего очага. Второй огонь, - охавания - представлял собой жертвенный огонь, где совершались жертвоприношения богам, алтарь имел квадратную форму, по сути был жреческим, общественным, непосредственно был связан с функцией мужчины. Третий огонь - дахшина "южный", выполнял, в основном, роль сберегателя от злых сил, от опасностей, его алтарь имел полукруглую форму (Мандельштам, 1968, с. 126). В ранне Тулхарском могильнике круглые алтари обнаружены в женских погребениях, квадратные - в мужских (Мандельштам, 1968, с. 8-46, 126).

Возможно, ж провести параллель между священными огнями древней Индии, отраженных в "Ригведе", и джаркутанским храмом, несмотря на имеющиеся существенные различия в хронологии? Нам представляется это возможным, если учесть то, что многие культы обряды и традиции поздних религиозных систем своими корнями уходят в первобытнообщинный строй, они гораздо старше, чем те религиозные учения, куда они вошли, а также по своей природе они очень консервативны и почти не меняются на протяжении длительного отрезка исторического времени.

Священный огонь ахавания, алтарь, который имел квадратную форму, являлся жреческим. В Джаркутане он расположен на самом возвышенном месте, в центре всего храма, на специально построенной платформе, занимает доминирующее положение. Этот алтарь расположен на огромной платформе (31x13 м) и находится в центре четырех каменных баз от колонн, вероятно, некогда поддерживавших какую-то кровлю. Судя по местоположению этот алтарь был главным огнем поклонения в храме.

Второй квадратный алтарь расположен в хозяйственной части, в помещении 12, которое находится напротив металлургической мастерской, входы этих помещений расположены симметрично друг к другу. Возможно, что алтарь этот считался домашним алтарем металлургов-ремесленников, мужчин. В погребениях литейщиков эпохи средней бронзы северо-восточного Приазовья были обнаружены литейные чаши, ассоциирующиеся с переносным "домашним очагом" и горн. "Каждая кузница имела огонь-горн", чтобы в любое время воспользоваться этим священным огнем (Ильтаков, 1986, с. 226-231).

Круглые алтари расположены как внутри помещений, так и под открытым небом во дворе.

Алтарь 1 находится в помещении 15, которое расположено рядом с хозяйственным двором 3, где обнаружены ряд раздавленных крупных хумов, служивших для хранения продовольственных запасов храмов.

Алтарь 2 находится в помещении 11, в мастерской, в т.н. "винодельне". Мы допускаем мысль, что служители храма в этом помещении изготавливали священный напиток, именуемый в поздних литературных памятниках "Ригведе" и "Авесте" - сома-хаома (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 113-

121). В конструкции этого алтаря наблюдается интересная деталь, внутри круга, в середине, имеется полукруглое углубление, огонь которого считался в древней Индии "дакшина" - оберегом. Если считать напиток хаома священным "дарующим бессмертие", "целителем", то можно легко объяснить наличие полукруглого огня-оберега, который находится в середине между "винодельней" и большим хумом, в котором находился "божественный напиток". Не исключено, что изготовлением этого напитка, главным образом, занимались женщины, чем и объясняется наличие круглого алтаря с полукруглым углублением внутри. Алтарь 3, расположенный в угловом помещении 7, также имел домашний характер

Алтари 4, 5, 6 имели обособленный статус и были расположены в сочетании с колодцами под открытым небом во дворе, который был специально спланирован и поднимался пандусом с юга на север. Два алтаря 4 и 5 устроены в один ряд, третий алтарь расположен в глубине двора, где кончается мощенная дорожка. Последний, крупнее размерами, чем остальные два. Нужно отметить, что последний сооружен на месте засыпанного колодца.

Древнеиндийская мифология, приведенная в "Ригведе" гласит, что бог Агни (букв. смысле - "огонь") - бог огня, домашнего очага жертвенного костра - рожден в воде (МНМ, 1980, с. 45). Хотя крайне трудно установить какую-либо взаимосвязь между приведенным мифом и алтарем огня, сооруженном на колодце (вода), тем не менее факт этот требует своего объяснения. Нужно отметить, что в древности в общественно-культовых зданиях, храмах, ни один кирпич не был положен без смысловой нагрузки, просто так, который бы не соответствовал господствующим ритуалам, обрядам.

Как известно, огонь, главным образом, выступал как жизнетворное начало, сила пробуждения, солнечные чары очистительная сила, оберег, хранитель мира, счастья, стимулятор благополучия, богатства и т.д.

Суммируя вышеизложенное можно констатировать, что в храме Джаркутана огонь являлся главным культом, по-видимому, в честь культа огня и был сооружен сам храм.

В зороастризме огонь был главным элементом. Его почитали народы Средней Азии, Индии и других регионов. Как мы уже выше рассмотрели, до формирования зороастризма существовал мощный пласт индо-иранской культуры, носители которой почитали культ огня и, вероятно, имеется генетическая взаимосвязь между ними, так как то и другое явление протекало на одной территории - в Среднем Востоке.

Нет ничего более консервативного и устойчивого, чем ритуалы и обряды народов. Не случайно, алтари зороастрийских храмов имели круглую форму, в частности, на священной террасе Бард-е-Нешанд-е (Иран), датируемой началом I тыс. до н.э. (Ghirshman, 1976, p. 21, fig. 10). Да, и в более поздних зороастрийских храмах священный огонь хранился в круглых латунных чашах.

ГЛАВА VIII

СОЦИАЛЬНО СТРУКТУРА РАННЕГО ГОРОДА, ИДЕОЛОГИЯ, ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ РАННЕКЛАССОВОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

VIII. Социальная структура Джаркутана - раннего города Бактрии.

Архитектурно-планировочные комплексы Джаркутана представляют агломерацию поселений, распространенных на огромную территорию.

Тем не менее, как показал анализ функционального назначения архитектурных комплексов, они представляют единый организм раннего города, а не скопление однотипных жилищных поселений общинников.

Специфику раннего города определяет характер жилищ как частей единого организма. Основой составной планировочной части города, поселений, являются жилища - секции. Однако, история жилищ и поселений неоднозначна.

Нам представляется оправданной попытка тех исследователей, которые широко привлекают материалы архитектурных планировок поселений, жилищ домов асоциальной реконструкции, ибо она является конечной целью археологии, которая получила должную оценку в американской археологии и породила новое направление "Settlement Archaeology" (поселенческая археология). Американский археолог К. Чанг считает, что поселения являются эквивалентом общины (Chang, 1968, с. 94-95). Планировка поселений отражает социальную структуру общества, занятия его членов, родственную привязанность семей, экологические факторы и т.д. (Chang, 1968, с. 103; Trigger, 1968, с. 56-73).

“Проблема сущности и эволюции общины, общинной организации - одна из самых сложных и актуальных проблем исторической науки” (Гуляев, 1990, с. 32).

Историки предлагают различные варианты структуры древнего общества: "община, род, большая семья" (Ольдерогга, 1975, с. 9), сменяющие друг друга общины "раннеродовая, родовая, соседская-родовая, соседско-большесемейная и соседская" (Маретин, 1973, с. 50, 5), "домовые сельские и домовые общины" (Дьяконов, 1966, с. 24-34).

К. Маркс и Ф. Энгельс, анализируя древневосточное общество, много внимания уделили изучению типов общества, основой которого считали родовую, домашнюю (патриархальную большесемейную) и сельскую общины (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 139-141).

Необходимо подчеркнуть, что домашние общины (большая патриархальная семья) и сельские общины были исходными элементами экономической и социальной организации любого раннеклассового общества, будь то древневосточная или же доколумбовая Мезоамерика (Дьяконов, 1966, с. 24-34; Гуляев, 1990, с. 32-68).

На Джаркутане выявлены самые разные архитектурные комплексы -

рядовые, монументальные, специализированные, культовые, светские и т.д. Жилища представлены в нескольких вариантах: однокомнатные, двухкомнатные, трехкомнатные секции; Отдельно стоящие дома; дома типа "замков"; жилищные кварталы.

Жилищные массивы, в основном, состоят из двухкомнатных секций. Однокомнатные, трехкомнатные секции и отдельно стоящие дома составляют маленькую долю от общего количества жилищ

Рядовые жилища представлены внутри дворца, храма, "цитадели" и за их пределами. Рядовые жилища в основном сосредоточены большими кварталами, где количество помещений доходит до 30 штук (холм 5).

Двухкомнатные секции, как правило, состоят из одной большой и одной маленькой по размерам комнат.

В первом периоде средняя площадь помещений жилищного массива на холме 5 составляла 17,5 м², а площадь двухкомнатных секций 35,1 м². На третьем этапе площадь помещений и секций несколько уменьшается: 14,1 м² и 28,3 м² соответственно, хотя принцип двухкомнатности секций соблюдается. Можно допустить, что двухкомнатные секции являлись жилищем одной маленькой семьи.

Организирующим началом в планировке жилых кварталов служил двор. Это правило соблюдается не только в рядовых жилищных массивах (холм 5 и 8), но и в монументальных сооружениях (дворец).

Организирующим началом жилого квартала на холме 5 выступает помещение 1, площадь которого равна 22,4 м². В центре этого помещения - дворика расположен колодец видимо, являющийся общим для всего комплекса. Вокруг двора сгруппированы четырехкомнатные секции, еще две секции вплотную пристроены к этим домам, но имеют выход к другому двору. На третьем строительном этапе жилищный массив на холме 5 занимает 1140 м² площади, а на холме 8 около 1800 м².

Такой принцип планировки жилищных кварталов характерен для городов Месопотамии конца III-II тыс. до н.э. (Wooley, 1957, p. 177-190, fig. 23; Franchfort, 1954, p. 55) и Ирана (Casal, 1961, fig. 23-26), исключением из этого правила может быть только Шахри-Сохте (Tosi, 1966; 1969; Tosi, 1971).

Двор, как организующее начало в планировке домов и кварталов, характерен и для последующих эпох всего Среднего Востока.

Видимо, это обусловлено, прежде всего, социальной структурой общества и климатическими условиями региона, а также экономическим, техническим уровнями развития и общей традицией.

На Джаркутане во дворах расположены общие колодцы (холм 5), бытовые очаги (холм 8) и складские помещения (холм 8). В рядовых жилищах внутри помещений имеются пристроенные к стене бытовые очаги-камины

Рядовые жилые кварталы (холм 5, 8), по-видимому, представляли соседскую общину, состоящую из родственных индивидуальных семей.

Размеры двухкомнатных секций неравномерны, самая крупная из них занимает площадь 47,9 м², а самая маленькая – 24,2 м², тогда как, средний показатель составляет 36,1 м², что свидетельствует не о равнозначном

социальном статусе каждой семьи.

По всей вероятности, самая крупная секция, холм 5, (секция А) принадлежала семье главы общины, подтверждением этому служат материалы погребения, вскрытого под полом секции, где было обнаружено 34 керамических сосуда и 10 металлических изделий, предметов из камня, в том числе, навершие булавы - посох (Рис. 12, 1) - символ отличия и власти. Маленькие секции, возможно, принадлежали молодым семьям, о чем свидетельствуют новообразовавшиеся секции, связанные с увеличением количества семей. На втором и третьем этапах площадь их заметно уменьшается и в среднем составляет лишь 28,3 м². На третьем этапе, некоторые помещения разделяются продольной стеной на две комнаты, вследствие чего, двухкомнатная секция превращается в трехкомнатную, однако, размер полезной площади не меняется (холм 8, секция А).

Однокомнатные секции, зафиксированные во дворе и храме, которые, вероятно, кроме жилищно-бытовых функций также выполняли служебные функции для администрации служителей культа, жрецов и т. д. Однокомнатные секции зафиксированы в Сапалли тепа, Дашли 3 и во многих других памятниках. Как правило, они единичные, возможно, их функциональное назначение также было служебным.

Внутренняя планировка Сапалли-тепа в основном состоит из двухкомнатных секций, реже из трехкомнатных, которые сгруппированы в восемь "кварталов". Размеры секций сильно варьируют, что свидетельствует о неравнозначности социального положения каждой индивидуальной семьи.

На Джаркутане, на третьем этапе, жилые кварталы перестраиваются, прокладываются улицы из мощенных галек (холм 5), увеличивается количество новых секций. С одной стороны жилые кварталы разрастаются за счет новых построек, с другой стороны, осваиваются пустующие территории города, появляется новый тип жилья - отдельно стоящий дом и дом типа "усадебка". На "цитадели" вскрыты два отдельно стоящие односекционный и двухсекционный дома, что свидетельствует об усилении социальной роли индивидуальной семьи, хотя размер площади секции остался прежним. Возможно, обитатели дома, расположенного вблизи въезда в "цитадель" являлись охранниками ворот, что, несомненно, свидетельствует о существовании организованной городской службы.

Дома типа "усадебка" по количеству помещений (6-8 шт.) меньше, чем жилищный массив, но крупнее чем, отдельно стоящий дом, его площадь 15,0 м². Возможно, перед нами обиталище богатого, экономически самостоятельного, землевладельца - большой патриархальной семьи, состоящей из нескольких индивидуальных семей- детей одного отца.

Таким образом, рядовые жилища Джаркутана представлены несколькими типами жилищ однокомнатные, двухкомнатные и трехкомнатные секции; отдельно стоящий дом; дом типа "усадебка"; крупный жилой квартал, - которые в социальной структуре общества идентифицируются следующими ячейками: индивидуальные персоны служителей светского и культового характера; малая индивидуальная семья; большая патриархальная семья; соседская община с

пережитками патриархально-родовых связей.

Численность индивидуальной семьи, общины и населения города определяется разными методами.

А. Аскарлов, учитывая репродуктивный период женщин, уровень детской смертности, численность нуклеарной семьи Сапалли-тепа определил в 5,16 человек. Исходя из этой цифры была вычислена санитарная норма на одного человека в пределах 5,8-6,5 м² площади (Аскарлов, 1977, с. 150). В.М. Массон численность популяции 10 семей, обитавших в пределах "мегакомплекса Имдугуд" Алтын-депе, определил ориентировочно в 50-60 человек (Массон, 1980, с. 124). И.М. Дьяконов численность малой семьи древнего Шумера определяет в 4-5 человек (Дьяконов, 1959, с. 17-19). В последние годы большинство исследователей склонны определять количество популяции нуклеарной семьи в древности - 4-5 человек (Вишневикий, 1975, с. 32; Красно, 1980, с. 124; Афанасьев, 1991, с. 194), что подтверждается и письменными источниками, семья южных хунну составляет семь человек (Тоскин, 1968, с. 84), средний размер семьи в четыре человека (Бичурин, 1950, с. 183, 227).

На основе этнографических наблюдений С. Касселбери пришел к важному выводу, что численность популяции, населяющей жилище, может быть приравнена к числу, составляющему одну шестую от площади пола, измеряемого в квадратных метрах (Casselberry, 1974, p. 118-122).

Таким образом, исходя из этого метода, в двухкомнатных секциях Джаркутана размером 28,3 м²-35,1 м² обитала семья численностью в 4,7-5,9 человек, в среднем 31,7 м² и 5,3 человека. Санитарная норма полезной площади на одного человека 6 м² для климатических условий Средней Азии вполне допустимая. А в доме типа "усадыба" с общей площадью 150 м² проживала одна большая патриархальная семья состоящая из 4-5 малых нуклеарных семей с количеством жителей в 20-25 человек. При такой оценке общее число жителей одного квартала состоящего из 14 секций - общины (холм 5) равна 73 человек. Территория квартала, вместе с дворами и улицами, составляет 1140 м², т.е. на одного человека приходится 1,6 м² земли. Исходя из этого, плотность населения составляет 625 чел/га. Этот показатель для определения плотности населения исключительно высок. Однако, учитывая рассредоточенный характер жилищных массивов Джаркутана, допустимо этот показатель уменьшить вдвое, тогда получим цифру 312,5 чел/га. Территория собственно города без некрополя составляет около 80 га. Исходя из этой цифры общая численность населения Джаркутана составляла примерно 25,0 тыс. человек. Приблизительно такую же плотность населения имел Алтын-депе, где на территории 25 га проживало 6100-7530 человек (Массон, 1981, с. 105).

Крупнейший знаток истории Среднего Востока Г. Чайлд предлагал грань количественного определения населения древневосточного города и деревни 5000 жителей (Childe, 1950). Однако плотность населения конкретных городов зависит от многих факторов - хозяйственных, социальных, климатических. Например, во II строительном этапе Сапалли тепа на территории 1820 м² проживало 314,7 человек (Аскарлов, 1977, с. 150) и плотность населения здесь равняется 1721 чел/га, что, несомненно, является

очень высоким показателем. При такой плотности населения, некоторые памятники с территорией в 3 га могли бы относиться к разряду городов, что, естественно, является ошибкой. Раннегородские организмы - дворец, храм, крепостные стены ремесленные и жилые кварталы - требуют более просторной территории.

На данном этапе городской организм Джаркутана представляет рассредоточенные городские "кварталы", дальнейшая динамика развития которых привела к формированию крупных городских кварталов, основанных не на родственно-кровных узах, а по принципу социальной структуры (ремесленники, торговцы богатые и бедные). Возможно, в динамике развития общинных поселений и домов ранних городов был и второй путь, который привел к образованию сельских укрепленных усадеб, к классической деревне, противопоставляемой городу.

В морфологии раннегородских организмов исключительно важное значение имеют оборонительные стены

На Джаркутане обособлена и окружена крепостной стеной т. н. "цитадель" с территорией около 3 га. Там же расположен и дворец. Оборонительные стены сооружены в соответствии с уровнем развития военной техники изучаемого периода. Само городище не окружено единой стеной. Исключением являются лишь небольшой участок в юго-западной части города, рядом с некрополем, где зафиксирован небольшой отрезок стены и две башни. Вероятно, они не являлись остатками общегородской стены, а скорее всего, символизировали границу между "городами" живых и мертвых.

Оборонительные стены зафиксированы почти во всех крупных памятниках эпохи поздней бронзы Среднего Востока.

Сапалли-тепа сильно укреплен трехрядовой крепостной стеной, между ее рядами образуются Т-образные коридоры (Аскарлов, 1977). Композиция оборонительных стен Сапалли-тепа является прямым развитием и усовершенствованным вариантом стиля планировки дворца Дашли 3. Зодчие Сапалли-тепа отказались от применения декоративных пилястр, которые были столь характерны для оборонительных стен дворца Дашли 3, тем более, что они не выполняли никаких оборонительных функций.

Во-видимому, Сапаллитепа был крайним западным форпостом носителей культуры Сапалли, имевших какое-то политическое объединение в северной Бактрии и осуществлявших контроль над пограничной территорией. Такую же роль в южной Бактрии выполнял Дашли I, который был также сильно укрепленной крепостью.

На Дашли 3 вскрыт небольшой отрезок оборонительной стены. Судя по реконструкции предложенной В. И. Сариянищ он был обнесен оборонительной стеной (Сарияниди, 1977, рис. 13-14), у основания стены, возможно, был глубокий ров (Крутикова, Сарияниди, 1976, с. 6).

На Маргиане центральная часть Гонур I обособлена и четко выделяется, в плане она почти квадратная, размером 120x150 м и обнесена мощными крепостными стенами толщиной 3-4 м, усилена полукруглыми башнями диаметром 7-8 м. Внутри "цитадели" расположено монументальное

сооружение, т.к. "кремль", часть которого раскопана (Сарианиди, 1990, с. 14-24, рис. 4, 6).

Лучший образец сооружения крепостных стен в Маргиане вскрыт на Тоголок 21, где имеются три квадрата, расположенных один внутри другого. Каждый из этих квадратов усилен ритмично чередующимися полукруглыми башнями, в том числе на углах. Между стенами располагались жилые кварталы. В самом внутреннем квадрате находится храм (Сарианиди, 1990, с. 102-137, рис. 25).

На Алтын-депе в северо-восточной части у въезда вскрыта крепостная стена толщиной 4 м, длиной около 60 м, вероятно, относящаяся к периоду Намазга V (Ганялин, 1967, с. 208; Массон, 1981, с. 30-34).

А.Ф. Ганялин считает, что, "стенами были обнесены лишь отдельные массивы Алтын-депе" (Ганялин, 1967, с. 209).

Ограниченные масштабы раскопочных работ на Намазга деле и Улуг-депе не позволяют пока говорить о наличии крепостных стен, хотя центральная часть их отчетливо выделяется, возможно, она была "цитаделью" (Литвинский, 1952; Массон, 1951, с. 13-16, рис. 3).

Значительная часть территории Мундигака IV была обнесена мощными крепостными стенами, которые усилены ритмично чередующимися контрфорсами и квадратными башнями, в том числе на углах (Casal, 1961, fig. 21).

Выделяется "цитадель" на Ярым-тепе, которая расположена в долине Дарре Газ в иранском Хорасане, сохранившаяся площадь около 8 га (Коль, Гескель, 1982, с. 33-47).

Оборонительные стены на Среднем Востоке известны с VII-V тыс. до н.э., они зафиксированы на памятниках неолитического времени Телль Магзалия Иерохоне, Ходжиларе, Чатал-Гуюке и в памятниках энеолита Геоксюрского оазиса и т.д. (Бадер, 1989, с. 23, рис. 4; Массон, 1966, с. 43-47).

Но подлинная система фортификационных сооружений - стены, усиленные ритмично чередующимися контрфорсами, башнями, сложными системами коридоров - сложилась только в конце эпохи бронзы, что объясняется появлением дифференциации и стратификации в обществе.

Дворец был размещен внутри "цитадели", наиболее отдаленном участке от центральных ворот, на юго-восточной окраине у самого обрыва, чем обеспечивалась его двойная защита.

Принцип планировки дворца Джаркутана не был изобретен специально, а был просто уменьшенным вариантом сильно укрепленных крепостей-поселений Бактрии и Маргианы, рассматриваемой эпохи. Но по причине вместимости, дворец стал обиталищем избранной части общества - правителя и его приближенных, а не всей общины.

Необходимо подчеркнуть, что дворцом была регламентирована и общая планировка города. На первый взгляд, как будто бы город состоит из хаотично расположенных строений. На самом деле они строго подчинены общей планировке, ориентированной по странам света. Храм был возведен на самом возвышенном участке города, на восточной окраине, со стороны восхода солнца, что было обусловлено характером его культа. Ремесленным массивам

отведены северо-восточные холмы, где восход солнца символизировал созидательную силу и светлое начало, а противоположная, юго-западная сторона - закат солнца - где был некрополь - мир мертвых, темная сторона. Между шлей расположились жилые кварталы.

Храм и дворец несомненно свидетельствуют о становлении системы институализации власти - светского и культового характера, над обществом. Сооружение их стало возможным только тогда, когда экономика общества достигла определенного уровня развития, что позволило накопить излишки продуктов питания, богатство, которое привело к социальному неравенству.

Дворец был местом обживания верхушки правящего слоя общества.

Храм являлся религиозно-культовым центром города и округа. Жрецы и другие служители храма, надо думать, очень высоко стояли на лестнице социальной иерархии, а главный жрец рангом своим не уступал правителю. Не исключено, что главный жрец одновременно выполнял функцию правителя. Предлагаем структуру города на основе материалов Джаркутана.

Признаками раннего города могут выступать самые разнообразные археологические факты, которые применимы и косвенным образом освещают социальную структуру общества, соответственно и города.

Функциональное назначение раннего города предельно ясно, он был центром и земледельческой округи, административным, культовым, хозяйственным, ремесленным, торговым и т.д.

Проделанный анализ позволяет заключить, что градообразующим фактором на Джаркутане, прежде всего, выступало высокопроизводительное ирригационное пахотное земледелие, ремесло, административные и культовые институты, тогда как торговые факторы не оказывали ощутимого влияния на этот процесс.

В Бактрии и Маргиане во второй половине II тыс. до н.э. закладываются ранние города нового типа, в отличие от компактных, сплошь застроенных, городов Древнего Востока, состоящие из агломераций поселений, но с ярко выраженной "цитаделью", дворцами и храмами. Здесь монументальные сооружения и рядовые жилища резко отличаются по внешнему виду планировкой и убранством помещений. Ранние города, как правило, были центрами земледельческих оазисов.

Вышеприведенный анализ архитектурно-композиционных структур позволяет реконструировать социальную структуру раннего города.

Однокомнатные секции, в зависимости от их месторасположения (жилые кварталы, храм, дворец) и размеров, могут быть восприняты либо как служебное помещение, важных персон культового и светского характера, либо бесправного члена общества и бедных молодых семей.

Двухкомнатные и трехкомнатные секции, наиболее характерные ячейки для Джаркутана и других памятников Бактрии и Маргианы могут быть жилищем индивидуальной патриархальной семьи.

Жилой квартал, состоящий из двух и трехкомнатных секций является местом обитания соседской общины, которая, по-видимому, еще не до конца потеряла родственные связи.

Отдельно стоящий дом являлся жилищем большой патриархальной семьи - богатой, экономически независимой. Появление отдельных домов, по-видимому, свидетельствует об усилении общегородских интересов над интересами родовой общины

"Цитадель" - раннее ядро городища, по всей вероятности, впоследствии стал местом обитания обособленного слоя общества - привелигированных общин, семей культовых и дворцовых служителей, воинов, ремесленников и т.д., чему свидетельствует крепостная стена, богатые погребения и др.

Дворец являлся резиденцией правителя города, округи, вождя родовых общин, племени и т.д.

Храм свидетельствует о формировании особого слоя общества: религиозных сановников, жречества.

Сооружение храма и дворца свидетельствует об ослаблении родоплеменных социальных структур общества, в свою очередь, об усилении роли политических институтов, об образовании примитивных государственных учреждений.

Результаты лингвистических исследований языков древнейших обществ вкупе с археологическими источниками позволяют реконструировать социальную структуру ранних городов Средней Азии.

В протоиндоевропейском обществе было понятие об особых "поселениях", которые внутри своей "границы" и "ограды" объединяют группу "домов", в таких "домах" живут большие семьи патриархального типа, что видно из структуры терминов родства. Обычной формой "огороженных поселений" были, очевидно, поселения на возвышенностях или скалах: "укрепленный город" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 885).

"Поселения объединяют в "племена" и "роды" основанные на принципе дуально-эзогамной организации, чему соответствует система родства омаху-крау. В индоиранском языке имеются термины обозначающие "богатство", "обмен", "торговля", "богатых", "небогатых", "свободных", "несвободных" жрецов, "царей" и т.д., также имеется особый термин для "царя", являющегося также и "верховным жрецом", как и в древневосточных цивилизациях" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 885).

Социальная структура ранних городов Бактрии и Маргианы может быть сопоставима с индоиранским обществом, описанном в Авесте и Ригведе.

"В древней Индии существовали три основных социальных ранга: "жрецы", "воины", "земледельцы", а также ремесленники, - соотносимые с четвертой Варной (ранг)". Близкая этой система и отражена в авестийских текстах, где различаются "жрецы", "воины", "земледельцы" и "скотоводы", и "ремесленники" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 788).

У индоиранцев жилище идентифицировалось с малой семьей. Древнеиндийская "dama" и авестийская "dam" - дом, жилище, жильё означало также семью, хозяйство, а термины "dampati" и "dengpati" означали "хозяин дома", "глава дома" и "глава семьи" (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 342, 741, 742). Жилища индоиранской малой семьи, по-видимому, были такими же, как двух и трехкомнатные секции Джаркутана, так как в Авесте имеется

упоминание о сырцовом кирпиче, пахсе и о суфе (Лившиц, 1963, с. 141).

Для традиций Авесты характерно определенное иерархическое членение общества - d⁹mana, -vis, soivra- dahyu (в Гатах) или шпана -vis, zanti, danhn (в Младшей Авесте).

В Авесте одна из социальных единиц обозначена специальным термином "nmana" - "дом", "жилище", "семья", а "nmana patn" - "глава дома", "глава семьи", "владыка" (Дьяконов, 1956, с. 180).

И.М. Дьяконов авестийскую "nmana" - "дом", "семья" сопоставляет с греческой "oikia" - "большая патриархальная семья" описанную Геродотом (Дьяконов, 1956, с. 180; Лившиц, 1963, с. 142). По-видимому, "nmana" соответствует большой патриархальной семье, обитавшей в домах типа "усадьба", зафиксированной на Джаркутане.

В Авесте малые семьи обозначались терминами "vaese", "pairvgaetar", которые были в составе "nmana", но стояли ниже рангом, были на правах младшего члена семьи. "Vim" означала "раб" (Оранский, 1971, с. 43; Гафуров, 1989, с. 67). Не исключено, что некоторые однокомнатные секции Джаркутана, Сапалли, Дашли 1, 3 были предназначены для патриархальных "рабов".

Группа домов, жилищ составляли поселения, деревни, жилищные массивы, подобные джаркутанским, которые в итоге давали крупную социальную единицу - самоуправляемую общину. В Авесте имеются соответствующие этому понятию термины "vis" - "деревни", "поселок", "vis paitis" - "главный в роду", "vis pati" - "хозяин дома", "племени" (Дьяконов, 1956, с. 184-185; Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 743). В состав "vis" входило не менее 15 маленьких семей (Лившиц, 1963, с. 143-145). Помимо "vis" имеется термин "gava" - "селение и сельская округа". В общинном поселении на Джаркутане зафиксированы до Н4 двухкомнатных секций. Позднее оно постепенно начинает приобретать черты сельской общины (Гафуров, 1989, с. 68), возможно, городским кварталов. В Шумере и город, и любое селение, обозначали одним термином "ши", подобно сельской общине (Гуляев, 1990, с. 34). Возможно, к таким селениям относятся мелкие памятники с территорией 0,7-2,0 га типа Бустан 3 около Джаркутана, Куль-тепа и Майда тепа около Сапалли, Буйрачи около Моллали, а также многочисленные мелкие поселения южной Бактрии и Маргианы.

В Авесте содержится термин "varszana", означающий территориальное объединение в одно или несколько "vis" (Лившиц, 1963, с. 144), которое, по-видимому, соответствовал городской агломерации Джаркутана. Хотя авестийское общество не знает городов, но там есть понятие о строительстве "дома, свод двора – место, закрытое со всех сторон". Йима Хшайта построил "var", длиной в лошадиннй бег по всем четырем сторонам" (Лившиц, 1963, с. 145). По-видимому, прообразом его могли служить "цитадель" Джаркутана, Сапалли-тепа, Дашли 1, "цитадель" Гонур I, Келлели 3 и многие другие крепости -поселения Бактрии и Маргианы

"Zanti" - племя, более крупная социальная единица, чем род, но, в отличие от него, выступает как формальная общность. В племени степень родства более абстрактна, чем у родовой общины. Племя исторически трудно

идентифицировать с археологическими материалами. Термин "zantnpati" означал вождь племени. Северная Бактрия в эпоху бронзы имела единую материальную культуру, только по характеру расселения она разделялась на 4 ирригационных оазиса. Каждый район представлял одно племя, или же, во всех 4 оазисах проживало всего одно племя, определить трудно. В Авесте имеется понятие союз соплеменников - "арьяман" (Лившиц, 1963, с. 146-147).

Авестийское общество знало и более крупные политические объединения, "dahyii" - "область", "страна", возможно, означающие понятие примитивных карликовых государственных объединений (Дьяконов, 1956, с. 188). Во главе "области" стоял "дахьюпати" - "владыка области". В Авесте встречаются также понятия объединенных областей, именуемые "дахьюсасти", буквально "власть над областями". Правитель этого объединения носил титул "дахьюпат всех дахью" - "владыка над всеми областными" (Лившиц, 1963, с. 148). Возможно "область", в свою очередь, делилась на более мелкие территориальные объединения, на районы, правители которых обозначались термином "састар" - "правитель", "повелитель" (Гафуров, 1989, с. 69-70).

Не исключено, что дворец типа Джаркутан был резиденцией "дахьюпати", который осуществлял власть над городом и всей округой.

Религиозная иерархия также свидетельствует о многоступенчатости авестийского общества: религиозный глава области именовался "дахма", а верховный глава - "заратуштраэма" (Гафуров, 1989, с. 67).

Храм Джаркутана, несомненно, выполнял функцию религиозного регламентатора всего города и округи. Большое значение играло жречество в сложении древневосточных цивилизаций (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 885). Жрецы обладали большой властью не только над храмом и его хозяйством, но, иногда, и над всем обществом. "У кафиоров - кати верховный жрец выступает как главное лицо всей долины" (Иеттмар, 1986, с. 187).

В Авесте имеется перечень социально-профессиональных групп: "жрец", "воин-колесничий", "крестьянин-скотовод", "ремесленник", а также "правитель", "повелитель", "раб", "знатный", "общинник" и т.д. (Гафуров, 1989, с. 66-71).

Также имеются некоторые термины, которые хотя и не относятся к вертикальной иерархии социальной структуры общества, но конкретизируют институты правления "Ханжамана", "вьяха" означали совет "лучших людей" племени, а "дахьюнам фратэмадато" - "совет первейших" объединения областей (Лившиц, 1963, с. 146; Гафуров, 1989, с. 69-70), что свидетельствует о некоторой архаичности института правления.

С большой долей вероятности, но все таки, сопоставим археологические комплексы Бактрии поздней бронзы с социальной структурой общества Авесты:

"дампати"- малая семья - двух- и трехкомнатные секции;

"вайса", "вира" = неполноправные члены семьи = однокомнатные секции;

"нмана", "майтана" = большая семья = дом типа "усадыба";

"вис", "глава" = род, община = жилой квартал, поселение;

"занту" = племя = город, округ, регион (?);

"састарь" = район, часть оазиса = группа поселений;

"дахью" = область, страна = оазисы; "дахью саста" = регион Северная Бактрия.

Дворец Джаркутана может быть идентифицирован с резиденцией главы "занту", правителей "дахью" и "дахьюсаста".

Высокое качество изделий из керамики и металла, наличие квартала гончаров, металлургических мастерских, не вызывает сомнения о сосуществовании слоя ремесленников в обществе Джаркутана. В некрополе вскрыты погребения, относящиеся к профессиональным воинам.

Материалы некрополя Джаркутана позволяют говорить, по меньшей мере, о шести социальных группах населения: 1) знать - правители города, жрецы, вожди, старейшины (богатые погребения с навершиями булавы - жезлами); 2) светские и культовые служащие (погребения с печатями); 3) бесправные члены общества (бедные погребения); 4) воины (погребения с оружием); 5) ремесленники - столяры, ткачи, строители и т.д. (погребения с votivными предметами и инструментами, предметами труда); 6) рядовые горожане - земледельцы, скотоводы, торговцы и т.д. (погребения с сосудами, украшениями) (Аскарлов, 1977; Аскарлов, Абдуллаев, 1983; Ионесов, 1990). Однако вертикальная социальная иерархия общества разделена на три категории людей - 1) знать (вожди, жрецы, старейшины, правители); 2) свободные, рядовые горожане (земледельцы, ремесленники, торговцы, воины, служащие и др.); 3) бесправные члены общества - "рабы".

На Джаркутане в пяти могилах (93; 500; холм 5; во дворце) обнаружены бронзовые навершия булавы - жезл - символ власти и найдено около десяти металлических и каменных печатей, которые символизируют наличие института собственности.

Таким образом, можем заключить, что патриархальные индивидуальные семьи и соседские общины являлись исходными элементами социальной экономической организации общества Джаркутана.

Все вышеперечисленные моменты, в конечном итоге, связаны с ростом производительности сельскохозяйственного труда. Широкое применение ирригационного земледелия, постоянное усовершенствование орудий труда (серпы, соха, мотыги, зернотерки и т.д.); их организация, обеспечивали постоянно высокую урожайность сельскохозяйственных культур, что способствовало, с одной стороны, росту численности и плотности населения, и с другой стороны - большой концентрации излишков продуктов питания в руках верхушки общества. Что несомненно усиливало роль представителей власти, привело к отделению организационного труда от физического.

Нам представляется, что в формировании раннеклассовых обществ в зонах ирригационного земледелия Средней Азии, по всей вероятности, торговля, ремесло и войны не играли существенной роли, о чем свидетельствует анализ материалов Джаркутана.

Совокупность всех приведенных фактов позволяет заключить, что Джаркутан во второй половине II тыс. до н.э. являлся городским центром, а его социальная структура раннеклассовой. Процесс сложения раннегородских центров был характерным для всего юга Средней Азии и сопредельных

территорий. К таковым относятся: Джаркутан, Моллали (?) (Северная Бактрия), Дашли 3 (Южная Бактрия), Гонур I, Тоголок (Маргиана) Алтын-депе, Намазга-депе, Улуг-депе (Северная Парфия), Мундигак, Шахри-Оохте (Сеистан), Тюрешмгепа, Гиссар, Ярьюггепа (Хорасан), Годин-тепа, Шахдад (Западный Иран) и т.д. Намного раньше сложилась городская культура в Эламе-Сузы, Чана-Миш, Чандувех и др., в Индии - Мохенджо-даро, Хараппа, Калибанган, Лотал, Котади и др. Городская планировочная структура Сузы, Мохенджо-даро, Хараппы была на более высоком уровне, чем среднеазиатские города. Однако, это не означает, что ранние города Средней Азии являлись вторичными центрами цивилизации, как полагают многие исследователи (Массон, 1984а; 1989), образно выражаясь - "городская цивилизация второго порядка". Напротив, городская цивилизация Средней Азии сложилась и развивалась вполне самостоятельно, что продиктовано оазисным характером расселения аридных зон всего Среднего Востока. Они всего лишь более поздние социальные явления, чем городские цивилизации Месопотамии и Индии, и не противоречат общемировому процессу развития общества - закону неравномерного социально-экономического развития общества - регионов и континентов.

VIII. 2. Идеология древнебактрийского общества.

В предыдущей главе VII мы писали о функциональном назначении целых комплексов: дворца, храма, жилых кварталов, что позволило нам в целом определить существование храмовой религии индоиранского толка в Древней Бактрии. Однако, остается не ясной религиозная среда того времени, в чреве которой формировалась сама храмовая религия, характер культов храма, традиции, ритуалы и другие направления духовной жизни.

Для освещения данных вопросов в нашем распоряжении кроме вышеуказанных микрокомплексов храма имеется еще культовая керамика.

Культовая керамика представлена 7 типами - это подставки, бокалы с изображениями, переносные алтарики, курильницы ритоны и кубки. На сосудах и подставках, чаще всего, встречаются геометрические изображения - треугольники, ромбы ломанные, прямые и волнистые линии, а также зооморфные - птицы, джейран, осел, бык, змея, лягушка, кабан, камышовый кот, барс, скорпион и др.

Несомненно, они несли в себе смысловую нагрузку и в обиходе выполняли конкретные ритуальные функции. В этом отношении очень показательно древнехеттское общество. "В хеттских ритуалах часто встречаются такие функции (действия), как "кланяться", "молиться" "сидеть" ("стоять") "пить", "есть", "совершать жертвоприношения", "говорить", "воскликать", "петь", "плясать", "хлопать" (в ладоши), "играть" (на инструментах). Эти функции осуществляются в соответствии с определенными правилами (Ардзинба, 1977, с. 127).

Было бы необъективным видеть в зооморфных изображениях только понятие тотемического начала, "многие ученые, - в особенности не этнографы -

склонны видеть во всех таких фактах пережитки тотемизма, либо даже подлинный тотемизм. Но верен ли этот взгляд? Конечно нет. Суеверный страх перед животными, зоолатрия, табуация некоторых видов животных и т.п., - пишет С.А. Токарев - могут иметь самые разные корни" (Токарев, 1964, с. 76).

Нам кажется, что зооморфные изображения Джаркутана, хотя они очень схематичны и просты в исполнении, нанесены на обыкновенный материал, все же свидетельствует о сакрализации животных, "наделением их особыми сверхъестественными силами, положительно или отрицательно действующими на человека" (Снесарев, 1969, с. 307). Не исключено, что они заключают в себе более широкие понятия древнего человека об устройстве мира, его сотворении, понятиях "верх и низ", "центр и периферия" и различных обстоятельств.

Птицы являлись наиболее популярным образом в ритуально-религиозных мифах Среднего Востока с древнейших времен.

Археологические материалы свидетельствуют о несомненном возрастании роли образа птицы у племен эпохи бронзы, в особенности, в эпоху раннего железа и античности у народов Среднего Востока. У разных народов образ птицы являлся символом божества неба, солнца, грома, ветра, плодородия, души и т.д. Хеттские мифологические представления о структуре космоса состоят из трех частей: небо, земля, подземный мир с которым соответственно соотносятся орел, пчела, змея (Ардзинба, 1977, с. 126).

Согласно мифам, глина из которой возникла земля изготовлена из ила, поднятого со дна мирового океана водоплавающей птицей (утка, гусь и т. д.) (МНМ, 1980, с. 346). В искусстве Индии и Афганистана кушанского времени водоплавающие птицы символизируют водную стихию и, прежде всего, мировой океан (Рапопорт, 1977, с. 60).

В иранской традиции птицы отождествляются с высшей мудростью - огнем и солнцем (МНМ, 1980, с. 348). Гусь, многократно упомянутый в "Ригведе" выступает как символ солнца, солнечных божеств, света и огня (МНМ, 1980, с. 346).

Немаловажное значение имеет ее местонахождение - храм, где функционировала "винодельня", видимо, производящая культовые напитки типа сома-хаома. В этой же "винодельне" был найден зооморфный сосуд в виде птицы - утка (гусь), по-видимому, для культовых напитков. Такой же сосуд был зафиксирован В.И. Сариниди в южной Бактрии из разграбленных могил.

Авеста и поздняя зороастрийская традиция считают водоплавающую птицу главой пернатых". Наршипта (водоплавающая птица) была воплощение божества, "первой принесла божье слово в этот мир". В Авесте и в Ригведе имеются образы космической птицы (Рапопорт, 1977, с. 60-62). Согласно мифам, приведенным в "Авесте" и "Ригведе", напиток "бессмертия", изготовленный богами, находился на "высочайшей вершине, там, где само небо". Оттуда его похищает "быстролетная птица" для богов, храмов, людей. В дальнейшем эти птицы выступают под более конкретным названием - саена, гаруда, шьена, семург и т.д. (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 122-129). Согласно вышеприведенным данным джаркутанский сосуд не случайно имел форму птицы, а не другого животного. Более того "утка" расписана

треугольным орнаментом, который характерен для культовой керамики.

По всей вероятности, содержимое этих культовых сосудов имело "божественное", "исцелительное" воздействие на потребителей.

Образ фарна, по мнению Б.А. Брагинского, олицетворял благополучие. Джаркутанский сосуд-птица расписан красной краской. Как известно, в древности красный цвет являлся символом огня и солнца. Много эпитетов в индо-арийской мифологии, где птицы олицетворяли солнце и огонь (Рапопорт, 1977, с. 58-71). Крылья фантастической птицы Гаруды были "ослепительно красного цвета" (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 124). По-видимому, смысловая сущность птицы-сосуда не противоречит функциональному назначению храмового комплекса в целом, где господствующим культом выступал огонь. Многие исследователи зооморфные сосуды считают ритуальными (Антонова, 1986, с. 49). "Во время хеттских ритуалов постоянно совершали возлияния божествам или пили вино, пиво, мед и другие напитки, из зооморфных сосудов (Ардзинба, 1982, с. 63-64, 67, 69, 80; Антонова, 1986, с. 40). В древнехеттском обществе возлияния из ритуальных сосудов жидкостей, "символизирующих кровь" приравнивалось к ритуалу жертвоприношения соответствующего животного" (Антонова, 1986, с.49).

Индийская мифология свидетельствует о специальных сооружениях для жертвоприношений, внутри которых размещались очаги трех ритуальных огней и один из них был в виде птицы (МНМ, 1980, с. 144).

Таким образом, джаркутанская "утка", видимо, олицетворяла собой связь воды и огня символизировала мифическую птицу, приносящую на землю "напиток бессмертия сома-хаоми" и т.д.

По всей вероятности, культовый напиток, находящийся в зооморфных сосудах, несомненно, нес в себе определенную смысловую нагрузку - имел "исцелительное", "божественное" воздействие на употребляющего его.

Джейраны изображены на двух подставках в стремительном беге, один из них поражен стрелой в шею (Рис. 43, III, 1; 43, I, 1). Обе подставки, хотя они и схематичные, но в целом дают возможность определить вид животного - джейрана, из семейства газелей.

Изображение горных баранов и оленей - широко распространенный мотив в искусстве Ближнего и Среднего Востока в древности. Но изображение газелей встречается редко. На бронзовой пластинке из Луристана, относящейся к I тыс. до н.э., изображены газели, правда, в отличие от джаркутанских, они запечатлены в профиль в статичном положении (Руденко, 1961, с. 15, рис. 5).

В деталях татуировки Пазарыкского кургана изображены горные бараны в стремительном беге (Руденко, 1961, с. 33, рис. 22) в такой же позе, как и джаркутанские джейраны.

Одна из самых распространенных традиций народов Средней Азии - это жертвоприношения барана в день смерти человека, которое связано с глубокими древними тотемическими понятиями, о зооморфных превращениях душ умерших (Снесарев, 1969, с. 115-116). Жертвенное животное, якобы помогает душе жертвователя после смерти перебраться через мост Сират, перекинутый через адское пламя", уходящий корнями в зороастрийское

вероучение (Снесарев, 1969, с. 116).

В древности многие дикие животные выступали как "фарны" - божественные покровители рода, семьи, дома, отдельной личности (Негматов, Мирбабаев, 1985, с. 502). Нередко рога молодого джейрана выступают как оберегающий талисман от злых духов.

По-видимому, в древности, одним из образов фарна выступал джейран, который в дальнейшем трансформировался в барана (МНМ, 1982, с. 557). Как известно, домашнее животное в Средней Азии охранялось от "дурных глаз" с помощью амулетов-оберегов, кроме барана, так как последний сам считался оберегом.

Таджики долины Хуф овцу считали чистым священным животным, так же как и горного козла (Андреев, 1958, с. 127-128). "По представлениям ваханцев и шугномцев мясо горного барана светлое, а рога - чистые. По хуфскому преданию, - пишет Б.А. Литвинский, - овца спустилась на землю с неба. Однажды с гор спустилась священная овца, озаренная ярким сиянием" (Литвинский, 1981, с. 107).

Как известно, в древности одним из излюбленных мотивов в изобразительном искусстве народов Евразии был образ оленя (Руденко, 1960; 1961). Нет сомнений, что у многих народов олень относится к культовым животным. Доказана "связь культа огня оленя, с культовым животным. Доказана "связь культа огня, оленя, с культом богини "Солнца" в древнехеттском обществе (Ардзинба, 1982, с. 16). Возможно, олень служил объектом жертвоприношения верховным божествам. В раннебронзовом поселении Квацхембы, на южном Кавказе, найдены недалеко друг от друга скелет оленя, пораженный наконечником и сосуд с изображением оленя (Кушнарев, Чубинишвили, 1970, с. 73-75). "Такое соседство, видимо, не случайно, - заключает Е.В. Антонова - сосуд с изображением оленя используется в ритуале, где в жертву принесено это же животное" (Антонова, 1986, с. 50-51). По-видимому, бокал с изображением шествующих оленей, над которыми свисает вереница треугольников (Рис. 43, I, 4), найденный в Бустане 4, должен восприниматься как солярное божество. Следовательно, бокал был культовым, содержимое его имело божественный, огненный характер, требующий сакральной чистоты, оно посвящено солярному божеству.

Ослы. Ранее были опубликованы две подставки из Бустана 4 с зооморфным изображением, которые У. Рахманов определил как быков (Рахманов, 1981, с. 27-30). Однако, нам кажется, что перед нами схематизированный осел (?) лошадь, кулан (?)². Изображение нанесено в профиль, в сильно возбужденном виде, нацарапанными линиями. Морда животного узкая, уши сильно отогнуты назад, хвост приподнят вверх, все четыре ноги вытянуты вперед, что создает впечатление резко остановившегося животного (Рис. 43, I, 2).

Среди палеонтологических материалов кости осли довольно многочисленны в Сапалли-тепа они составляют более 3% (Аскарлов, 1977, с. 119). В одном из погребений Джаркутана было найдено терракотовое изображение головки осли.

² Зооморфные изображения определялись палеоантологом А. Батыровым.

На Древнем Востоке мифологический образ осла распространен с глубокой древности. Он являлся священным животным, одним из ипостасей божеств. В древнем Египте осел - одна из форм солнечного божества (МНМ, 1982, с. 246).

Много гимнов посвящено ослу в "Авесте", священной книге зороастрийцев, где он относится к разряду культовых животных (Бертельс, 1960, с. 38). Да и в поздних религиях - христианстве и мусульманстве, осел фигурирует как священное животное, выполняющее особые ритуальные функции (МНМ, 1982, с. 264).

Бык. В единственном экземпляре найдена терракотовая фигурка быка на холме 5. Нет необходимости подробно останавливаться на образе быка, который был очень популярен в древнем Шумере, Египте. В.М. Массон специально изучивший скульптурное изображение головы быка из Алтын-депе, приходит к мнению, что он символизировал лунное божество (Массон, 1981, с. 75-79).

Змея изображена на одном из маленьких фрагментов (Рис. 43, III, 2). В Сапалли-тепа ранее была найдена металлическая печать с изображением змей (Аскарлов, 1977, табл. XIII, рис. 3). В Тоголок I был найден ритуальный сосуд, где лепным способом изображены змеи вместе с другими животными и людьми (Сарианиди, 1977, с. 142, рис. 65). В Сеистане, на памятнике этого же времени Шахри-Сохте также известны изображения змей (Массон, 1964, с. 279, рис. 48). Змеи широко были распространены в орнаментальных мотивах керамических сосудов эпохи ранней бронзы Среднего Востока, чему свидетельствует материальная культура слоев Сиалк, Сузы, Тали-Бакун и др. (Массон, 1964, с. 204, рис. 34; с. 375-381, рис. 72). В древнеземледельческих обществах образ змеи был связан с культом плодородия, земли и воды (Антонова, 1986, с. 54) "Бог смерти, его приближение имело змеевидный облик" (Антонова, 1990, с. 102).

Не увлекаясь семантикой всех видов животных, изображенных на сосудах и печатях Джаркутана и других памятников Бактрии и Маргианы, можно констатировать, что они не являлись тотемами, а скорее всего, символизировали какие-то божества.

"В ряде хеттских текстов, - пишет Б.Г. Ардзинба, - барс, лев и другие животные назывались какими-то конкретными божествами, либо даже символизировали эти божества. Видимо, этим объясняется то, что в хеттских ритуалах обряды питья божеств часто совершались из сосудов в форме льва, барса, других животных (олень, бык, овца) найденных в неолитическом Хаджиларе (Ардзинба, 1982, с. 99).

Геометрические изображения состоят из крестов, треугольников, кругов и дисков-колес с восьмилучистыми звездами (Рис. 43, II).

На одной из подставок, обнаруженных в нижних слоях храма, изображен крест в виде свастики (Рис. 43, III, 5). Как известно, крест-свастика являлся излюбленным мотивом в орнаментах керамических изделий Среднего Востока с древнейших времен (Массон, 1964, с. 18, с. 198, 267, 279, 286, рис. 351-390, рис. 73; Нейхард, 1956, с. 84-88; Грыцина, 1984, с. 13-15).

В Сапалли-тепа изображение креста на бусах в различных вариантах: крест

внутри круга (Аскаров, 1977, табл. Ш, 12, 21) в виде свастики (Аскаров, 1977, табл. Ш, 5, 15, 22, 23) ромбообразная печать с изображением зверей в крестообразном расположении (Аскаров, 1977, табл. Ш, 3) восьмиконечная печать с изображением креста и луны (Аскаров, 1973, табл. 24, 35).

Крест - это один из наиболее распространенных символов, как высшая сакральная ценность, подчеркивающая идею центра, вечности, как солярный знак перекрещивающихся лучей (МНМ, 1982, с. 12).

"В Древнем Египте крест издавна символизировал солнце" (Мелларт, 1982, с. 14). Не случайно крест на бусах Сапалли-тепа изображен внутри круга, как бы этим подчеркивая двойной солярный знак - солнца, центра, вечности. Равноконечный крест с четырьмя лунами, изображенный на бусине, по-видимому, должен восприниматься как единство луны и солнца, возможно, и природы, противоположный пол человека, не исключено, что даже и супружеской связи. Как известно, крест иногда символизирует мужское начало (МНМ, 1982, с. 13), а луна женское.

Изображение четырех зверей (козел, кабан, лев, камышовый кот) (?) крестообразно расположенных с одной стороны ромбической печати, и четырех змей, в таком же положении с другой, найденные в погребении Сапалли тепа (Аскаров, 1977, XI, IV, 3) должны восприниматься как "сакральное пространство" (Ремпель, 1987, с. 15).

Итак, основным мотивом креста, свастики, является астральное отражение в нем символики солнца, атрибутов божества.

Среди геометрических изображений много и треугольников (Рис.43ДЦ5) которые рассматриваются как символ огня, язык пламени устремленный вверх, как плодоносящая сила земли, обеспеченность и т.д. (МНМ, 1982, с. 272).

Восьмиконечная звезда в круге (Рис. 43, II, 7, 10) возможно, является изображением мифического колеса символизирующего астральный культ (МНМ, 1980, с. 664).

Таким образом, геометрические знаки прямо свидетельствуют о наличие астральных культов, в том числе и культа солнца.

Сюжеты зооморфных изображений не противоречат этому, а дополняют существующий ряд пантеонов верховных божеств, символизирующих устройство мира, культ огня, воды, плодородия, солнца, луны и т. д.

Семантика зооморфных и геометрических изображений в целом свидетельствует об индо-иранском характере культов древнебактрийского общества, в том числе и храма.

О характере культа храма также дают дополнительную информацию, так называемые, переносные алтарики, курильницы и другие культовые сосуды.

Вынос и перенос священного огня из атешгав храмовые алтари и наоборот, осуществлялся с помощью переносных алтариков. Они специально изготовлены для этой цели, круглые отверстия в нижней части (Рис. 51, II) при умеренном ветре или же просто во время движения жрецов служили для усиленного поступления воздуха, чем и обеспечивалось нормальное горение огня. Массивность стенок обеспечивала алтарикам медленное накаливание, что позволяло нести их в руках.

Известно, что в некоторых районах Средней Азии в древности широко бытовал праздник возжигания огня, В Иране в такие праздники разбивали посуду (Снесарев, 1969, с. 10, 190) Возможно, переносные алтарики Джаркутана предназначались именно для таких праздников. Вероятно, они были брошены в специально отведенные для этого места, или же просто, после поломки закапывались там же, так как все они найдены в толще зольного слоя помещения 5 (золохранилище). Они имели ритуальное значение, использовались для возжигания священного огня. Для такой же цели были использованы курильницы с нарезными отверстиями. Как отмечалось выше, большинство из них орнаментированы геометрическими изображениями - треугольник, круг, ромб, сетка, горизонтальные линии, вертикальные и косые параллельные линии и т.д.

Погребальные материалы являются надежным источником для восстановления духовного мира древнебактрийского общества.

Существовали разнообразные погребальные обряды. Погребальные сооружения бывают в основном катакомбные и ямные, встречаются погребения в деревянных (Сапалли, погреб. 85, 89) и каменных ящиках (Джаркутан, холм 5) Умерших хоронили под полом помещений внутри поселений (Сапалли, Джаркутан, холм 5) в отдельном могильнике-некрополе (Джаркутан 4В, Бустан 6,7) В большинстве случаев детей хоронили в хумах. Зафиксировано детское погребение в хуже, замурованное в стене помещения (Сапалли-тепа, погреб. 10)

Умершего хоронили в скорченном положении на боку с сопровождающими материальными ценностями. Данный принцип одинаков как для скотоводческих (Кокча 3, Ранний Тулхар) так и для земледельческих племен (Сапалли, Джаркутан, Дашли 3) (Итина, 1961, с. 3-96; Мандельштам, 1968; Аскарлов, 1977; Сарияниди, 1977). Более того, он практиковался в глубокой древности в неолитических обществах VI-V тыс. до н.э., начиная с юга Палестины и кончая севером Средней Азии (Антонова, 1990, с. 37-116).

Скорченное положение умерших объясняется двумя фактами: позой сна и эмбрионным положением. "О близости смерти и сна говорит Утнапиштим Гильгамешу: "Спящий и мертвый друг с другом схожи - не смерти ли образ они являют?" (Эпос, табл. X, фрагм. VI/34).

Мотив смерти-сна звучит в плаче над богом Мулилем его сестры Эги-ме. На ее просьбу встать со своего ложа он отвечает: "Я лежу на моем ложе, пыли Того света... я лежу во сне, в кошмаре. Сестра моя, я не могу встать с моего ложа" (Антонова, 1990, с. 106).

"Скорченное положение напоминает положение эмбриона, на основании чего прежде не редко высказывалась гипотеза, что умершего клали в мать - землю в утробном положении" (Антонова, 1990, с. 106).

Нам представляется более вероятным первое объяснение факта, нежели второе, которое очень трудно доказуемо.

В погребальном обряде сапаллинской культуры наблюдаются одиночные, парные и кенотафные захоронения. Судя по сопровождающим материалам и в Сапалли, и в Джаркутане имело место имущественная, соответственно, социальная дифференциация общества. Зафиксированы погребения рядовых

вождей с богатым набором сопровождающих вещей, насчитывающих до 35 предметов, в том числе, металлических наверший булав - посохов (погреб, внутри дворца, на холме 5, погреб. 14,500 в Джаркутане 48 и др.).

Во многих погребениях (около 25%) зафиксированы костные остатки животных, свидетельствующие о жертвоприношениях умершему. Чаще всего объектом жертвоприношения был мелкорогатый скот - козы и овцы.

В некрополе Джаркутан 4В зафиксированы отдельно захороненные погребения ягненка, женщина с козленком, мужчина с ягненком и т.д., что свидетельствует о наличии культа животных.

Приношения огню и воде составляли основу ежедневных богослужений, называемых индоарийцами яджна, а иранцами - ясна (от корня яз "приносить жертву, поклоняться"). В этих богослужениях для возлияний огню бралась кровь жертвоприношенных животных.

Индоиранцы испытывали благоговейный трепет и страх отнимая жизнь у животных. Они никогда не убивали без освячительной молитвы, благодаря которой, по их представлениям, душа животного продолжала жить. Сознание кровного родства между человеком и животным нашло свое отражение в древних частях богослужения ясна: «Мы молимся нашим душам и душам животных, которые кормят нас и душам полезных диких животных» (Ясна, XXXIX, 1-2). У иранцев возникло представление о том, что души животных, убитых осветительной молитвой, поглощаются божеством, которое они почитали как Гэущ-Урван (Душа быка).

Иранцы верили, что кровавые жертвоприношения укрепляют это божество, а оно, в свою очередь, заботиться о всех полезных животных на земле и способствует их изобилию", - пишет М. Бойс. Более того, древние иранцы считали человека и животное одного происхождения (Бойс, 1987, с. 11-12).

В погребальных обрядах земледельческих культур этого времени прослеживаются следы ритуального возжигания огня (Ранний Тульхар, Бустан III-IV, Джаркутан 4В) (Мандельштам, 1968, с. 96-108; Рахманов, Шайдуллаев, 1985, с. 62). Насыпь погребения 5 в "цитадели" Джаркутана была очень насыщена мелкими углями, которые, вероятно, свидетельствуют о специальной обработке огнем и горящими углями земли, покрывающей погребенного. Как видно, огонь появляется и в погребальном обряде.

В некрополе Джаркутан 4В, Бустан III в южной Бактрии, в Маргиане Тоголок 21 обнаружены погребения с расчлененными костями, которые, судя по сопровождающим их материалам, относятся к моллалинскому этапу сапаллинской культуры - XIII-X вв. до н.э. Здесь кости захороненного лежат не в анатомическом порядке, а собраны в одну кучу (Рис.75). Такие же погребения зафиксированы и в могильнике Кокча 3, памятниках тазабагьябской культуры. Правда, их считали отодвинутыми с первоначального места костных останков погребенного (Итина, 1961, с. 12-16, рис. 3, 2). По-видимому, в последней четверти второго тысячелетия чаще практиковалось погребение умерших с предварительным очищением от мягких тканей. Только с этой точки зрения можно объяснить факт погребения черепа ребенка в хуже без остальной части тела, которое обнаружено в крепостной стене "цитадели" Джаркутана.

Погребения расчлененных костей - явление новое для сапаллинской культуры; позже оно широко практиковалось в традициях зороастрийских обществ.

Возможно, между традицией погребения расчлененных костей человека и захоронением собак имеется взаимосвязь, которая также является новой для данной территории и культуры.

В поселении на холме 5 Джаркутана было обнаружено захоронение сразу 5 собак. При вскрытии стало ясно, что черепы собак лежали мордами друг к другу над кучей костей скелета. Все пять черепов были отделены от тела, т.е. специально умертвлены. Известно, что зороастрийцы много уделяли внимания роли собак в погребальном обряде и в загробной жизни человека.

По данным А. Батырова, костные останки собак, найденные при раскопках поселения, по количеству занимают третье место после мелкого и крупного рогатого скота среди 7 видов домашних животных.

При погребении расчлененных костей соблюдена такая же традиция по которой умершего сопровождают керамические сосуды, вероятно, наполненные едой, но кости умерших теперь лежат не на земле, а на циновке.

Среди керамических сосудов, обнаруженных в погребении с расчлененными костями, особое внимание представляет один сосуд т.н. "микроассуарий" - это составной цилиндроконический лепной необожженный сосуд, окрашенный в красный цвет. Нижняя часть сосуда цилиндрическая (диаметр 9-12 см, высота 7-8 см), верхняя часть состоит из крышки конической формы (высотой 6-7 см). Сосуд на макушке и по бокам имеет маленькие круглые отверстия. Внутри сосуда имелись два миниатюрных сосудика (Рис. 51, I; 84, 6, 7, 8). Такие сосуды по одному экземпляру были найдены в каждом из погребений с расчлененными костями.

Трудно поддается определению функциональное назначение этих сосудов. Судя по технологии (лепные, необожженные), они были изготовлены поспешно, только после смерти человека и, вероятно, предназначались исключительно для загробного мира. Их форма напоминает юрту скотоводов-кочевников. Многие народы душу человека представляют в виде мухи, которая может покидать и опять возвращаться в тело умершего. Отверстия на макушке и по бокам сосудика, вероятно, сделаны для того, чтобы муха-душа покойного влетала и вылетала. Маленькие сосудики, находившиеся внутри микроассуария, по-видимому, были предназначены для воды, которая являлась источником питания душ погребенных.

В погребальном обряде появляются новые ритуалы: захоронение трупов с преднамеренном очищением костных останков от мягкой ткани, изоляция расчлененных костей от земли, усиление роли огня, "микроассуарий" и щ которые свидетельствуют о зарождении нового религиозного воззрения в недрах старых традиций.

Наличие кенотафных погребений объясняется не только отсутствием тела умершего, характерного для большинства исследований, но и социально-психологическими причинами.

В погребальном комплексе III этапа 17% погребений являются кенотафными

(Ионесов, 1990, с. 16-17).

Этнографические источники свидетельствуют, что кенотафные погребения, снабженные куклами, сооружались для того, чтобы отвести болезнь и смерть от заболевшего человека, которое особенно проявлялось при усилении детской смертности (Антонова, 1990, с. 104-105).

Тысячелетняя традиция народов оседлоземледельческих культур Среднего востока погребать умерших под полом жилых домов прерывается во второй половине II тыс. до н.э. На Джаркутане некрополь выводится за пределы города в специально отведенное место.

Причиной этому явлению, прежде всего, служил внутренний фактор - социально-экономическая структура общества, а также, внешний фактор - влияние традиций, духовных воззрений племен степной культуры.

Как известно из источников, умерший член семьи не покидал сородичей совсем, а всегда лишь перевоплощался, дух его продолжал существовать в доме, где он жил и помогал живым сородичам. В Авесте, Яште XIII, 66-67 говорится об их заботах в достижении изобилия и благополучия: "Когда поднимаются воды из озера Ворукаша отправляются могучие праведные фравашы, бесчисленными сотнями, бесчисленными тысячами, бесчисленными десятками тысяч добывать воду – **каждый своему семейству, своему роду, своему племени, своей области** (выделено нами). Так они говорят. "Неужели наша земля должна уничтожаться и иссушаться? Снаряжаются они в бой за свою землю, за свой дом, где был каждый из них. Подобны они доблестному воину, который перепоясанный защищает свое имущество. И те из них, которые побеждают несут воду своей семье, своему роду, своему племени, своей области, так говоря: "Пусть процветает и благоденствует наша земля!> (Лившиц, 1964, с. 140).

Строительство монументальных комплексов - дворца, храма, формирование раннего города, - свидетельствуют об изменениях в традиционной социальной структуре общества - имущественное неравенство, социальное наслоение общества, образование примитивных политических объединений и т. п., которые отодвинули на второй план интересы "дома", "семьи", "рода", на авансцену выходят интересы политических объединений, т. е. "область", "племя". Вследствие этих причин, образовался единый общегородской некрополь, где первоначально учитывались интересы "семьи" и "рода" выделением отдельной территории. После этого, были полностью прекращены захоронения под полом домов. Возможно, это табу было санкционировано храмом.

Не менее важным фактором в обособлении некрополя от поселений оседлоземледельческих культур было влияние на них степных культур - Тазабагьяб, Андроново, Срубная, Вахш, Бишкент - где могильники были отделены от их жилищ Это обстоятельство было продиктовано кочевым характером их жизни, соответственно, отсутствием долговременных жилищ Хозяйственная прагматика породила соответственные духовные воззрения у общества.

В настоящее время на десятках памятниках оседлоземледельческих культур

юга Средней Азии найдены фрагменты лепной керамики, так называемого "степного" типа, а также их стоянки в Маргиане и Бактрии, что исследователи связывают с движением скотоводческих племен во второй половине II тыс. до н.э. на юг, на территории ранних очагов цивилизации. "Как и в более позднее время, скотоводческие племена располагались на границе земледельческих оазисов, - пишет В.М. Массон - вступая с их населением в тесные экономические и культурные связи" (Массон, 1966, с. 251).

Племена носителей двух историко-культурных общностей - андроновской и намазгинской, - столетиями мирно сосуществовали бок о бок на границах степей и земледельческих оазисов, обусловленных географической средой Средней Азии.

Геометрическая орнаментация керамических сосудов сапаллинской культуры появившаяся во второй фазе ее развития, должна восприниматься как продукт синкретизма этих двух культурных общностей. Передовая технология, архитектура, строительная техника, гончарное производство юга, не воспринимали отсталую материально-техническую базу севера, вероятно, синкретизация произошла и в идеологических воззрениях этих племен, с чем и связаны орнаментация только ограниченного количества сосудов. Возможно, слияние двух идеологических воззрений породило совершенно иное, новое религиозное воззрение, продуктом которого явилось создание храмовой религии, обособление некрополя.

Таким образом, изображение животных: быка, осла, оленя, джейрана; птиц - гуси, утки, орла; змеи, несомненно, являлось символом различных культов, хотя, не исключается и их тотемное начала Геометрические формы: круг, квадрат, треугольник, крест, восьмилучистая звезда, - отражали в себе космогоническое понятие об устройстве мира и вселенной.

Многие предметы найденные в храме связаны с культом плодородия, благополучия, богатства и т.д., одним словом, божеством доброго начала.

Несомненно, у племен эпохи бронзы зарождалось формирование религиозных понятий, многие явления, предметы и животные обожествлялись, в том числе, огонь и вода.

Итак, обожествление огня, воды инновация в погребальном обряде, проявление культа предков, животных, опьянительные напитки, наконец, сооружение монументального храма, все это свидетельствует о религиозных представлениях общества Древней Бактрии, об историческом феномене, возникшем во второй половине II тыс до н.э.

VIII. 3. Индоиранский характер культа храма Джаркутана.

В литературе уже было высказано мнение о том, что культ храма Джаркутана имеет протозороастрийский характер (Аскарлов, Ширинов, 1989, с. 7-24).

Храм Тоголок 21 в Маргиане В.И. Сарианиди также был определен как протозороастрийский (Сарианиди, 1989, с. 166-167). В связи с этим, попытаемся рассмотреть вопрос определения характера культа храма Джаркутана.

Правомерно ли определять характер культа храма Джаркутана протозороастрийским? Сам по себе термин "протозороастрийский" не адекватен понятию "Ранний зороастризм" или же "зороастрийский". В термин "протозороастрийский" нами вложено понятие о религии, бытовавшей до эпохи Заратуштры.

Как рассмотрено выше, дозороастрийская религиозная среда Бактрии была индоиранской, в которой воспитывался пророк Зороастр, и его религиозная система впитала в себя живительный источник народной религии. Индоиранская религиозная система имеет много общего с зороастризмом, точно также, как и с культами, обрядами и ритуалами, прослеженными в храме Джаркутана. И лишь по вышеуказанной причине мы применяем термин "протозороастрийский". "И что такое "протозороастрийский"? Раннезороастрийский или дозороастрийский? - ставят вопрос В.А. Лившиц и И.М. Стеблин-Каменский и отвечая, пишут, - Последний термин может означать лишь одно: незороастрийский, незатронутый религиозной реформой Заратуштры Термин "протозороастрийский" имеет такой же смысл, как и "протохристианский" - таких религий не существовало /"протохристианский" - иудейский?; "протозороастрийский» - индоиранский или древнеиранский?/" (Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989, с. 174).

Но, однако, есть доиудейская эпоха, в религиозной среде которой возник и развивался иудаизм. «Зороастр был священнослужителем и для того, чтобы понять суть его откровения, нужно знать все, что возможно, о той старой религии, которая его воспитала" - пишет М. Бойс (Бойс, 1987, с. 9).

Как видно, пророческая религия, особенно ранняя, как зороастризм, несмотря на реформаторский стиль формирования систем, рождалась в чреве индоиранской религиозной системы³.

Правда, есть другой фактор, трудно увязываемый с нашей точкой зрения, это соответствие даты жизни пророка Заратуштры и время функционирования храма огня Джаркутана, именуемого нами протозороастрийским.

Более или менее утвердившаяся дата возникновения зороастризма и время жизни пророка Заратуштры это рубеж VII-VI вв. до н.э. (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 305). Имеются большие расхождения в мнениях по поводу времени жизни Заратуштры. По мнению И. Хертеля, Ф.В. Кенига и некоторых других исследователей, Заратуштра был современником Дария I, поскольку в Авесте упоминается покровитель пророка - князь Виштаспа, которого эти ученые отождествляли с Виштаспой, отцом Дари I (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 305; Струве, 1968, с. 33 и сл.). Но есть другие мнения, имеющие тенденцию к удревнению времени жизни Заратуштры В.А. Лившиц считает, что пророк жил предположительно в VIII-VII вв. до н.э. (Лившиц, 1975, с. 320). Эд. Мейер, Г. Ньоли (Gnoli, 1980, с. 159-180) отводят время жизни Заратуштры к рубежам II и I тыс. до н.э. (Грантовский, 1987, с. 288; Дандамаев, Луконин, 1980, с. 305-306; Гаибов, Кошеленко, 1989, с. 172).

³ В этом отношении поздние религии являются исключением, так как реформаторы ислама игнорировали христианство, или наоборот

М. Бойс, крупнейший знаток зороастризма, жизнь пророка датирует между 1500-1200 гг. до н.э. (Бойс, 1987, с. 27). По мнению Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова "Авеста" создана в конце II - начале I тыс. до н.э. (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 920).

Как видно датировка времени жизни Заратуштры исследователями оспаривается. Не вдаваясь в детали проблемы, ибо это может послужить отдельной темой для исследования, мы придерживаемся более ранней датировки времени жизни пророка - конец II - начало I тыс. до н.э. и не позднее VII в. до н.э. Это, во-первых, объясняется тем, что Авеста не знает государства, царей и городов. Во-вторых, мидийцы, ахемениды, которые возможно были зороастрийцами (?) представляли эпоху высокоразвитого общества, когда уже функционировали государственные институты и развитая религиозная система, т.е. между появлением зороастризма и образованием великой монархии существовал долгий промежуток времени (Gnoli, 1980, с. 10-11). В-третьих, в последние годы были вскрыты несколько храмов Дахан-и Гуламон в Дарангиане, Нуш-и Джан в Мидии с явным зороастрийским акцентом культа. Священные террасы Бард-е Нешанд-е и Масжид-и Сулайман, по мнению автора раскопок Р. Гиршмана являются зороастрийскими. Все они датируются III в. до н.э. и отражают глубокие, уже сложившиеся зороастрийские традиции.

Не менее важный фактор для освещения культа храма Джаркутана, это проблема локализации родины Заратуштры и Авестийского общества - арийских народов, соответственно "Прародину ариев также помещают в самые различные области - от низовьев Дуная и Средней Европы до Алтая и границ Индии. Особенно популярна в науке теория среднеазиатского происхождения ариев. Ее многочисленные сторонники считают, что именно Средняя Азия была местом сложения арийских племен, их цивилизации, духовной культуры эпоса" (Бонгард-Левин, Грантовский, 1983, с. 16).

В Авесте "описывается расселение восточных иранцев в областях Средней Азии и Афганистане (Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 620). М. Бойс считает, что Зороастр "жил в азиатских степях к востоку от Волги". Г. Ньюли на основе лингвистического анализа убедительно доказывает возникновение раннего зороастризма на конкретной территории, это Восточный Иран, Бактрия, Арахозия, Дрангиана, Маргиана, области Гиндикуша (Gnoli, 1980, с. 23-90; 1989, с. 176-177) В.И. Сариниди считает родиной Зороастра и зороастризма "Восточный Иран с Бактрией, Маргианой и Белуджистаном" (Сариниди, 1989, с. 166-167; 1990, с. 154). И.М. Дьяконов считает возможной родиной зороастризма Дрангиану (Дьяконов, 1971, с. 138).

Вероятнее всего, родиной раннего зороастризма была обширная территория - Восточный Иран до Гиндикуша, Дрангиана до Маргианы включая конечно же Бактрию. Как будто бы это подтверждается и археологическим материалом храма Джаркутана, Дашли 3, Бактрии, Тоголок 21, Маргианы, которые расположены именно на этой территории. Все эти храмы относятся к дозороастрийскому времени, вероятно, они были индоиранского толка.

Имеется ли генетическая взаимосвязь между храмовой религией Бактрии-

Маргианы и ранним зороастризмом? К сожалению, в настоящее время в исторической науке бытует точка зрения, что ранний зороастризм, авестийское общество, древние иранцы, не знали храмовых сооружений. "Греческие источники, определенно утверждают, что персы презирали храмы, считая, как писал позднее Цицерон, ошибочным "запирать внутри стен богов, обителью которых является весь мир" (Бойс, 1987, с. 78). "Еще в V в. до н.э. Геродот писал о персах, что они не возводят ни статуй, ни храмов, ни алтарей» (Бойс, 1987, с. 75). Античная традиция, все же, сильно влияет на формирование точки зрения современных историков, которые категорично утверждают о том, что "в Авесте нет вообще упоминаний храмов" (Лившиц, Стеблин-Каминский, 1989, с. 176; Грене, 1989, с. 171) и "первоначальному зороастризму было чуждо и сооружение храмов" (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 327; Гаибов, Кошеленко, 1989, с. 172).

Но археологические открытия последних лет в Бактрии и Маргиане ставят под сомнение эти утверждения, которые главным образом, исходили из работ античных историков.

"Вполне возможно, - пишет Б.А. Литвинский, - что домашние и общественные храмы существовали у дозороастрийских иранцев. Один такой крупный храм раскопан в Западном Иране, на территории собственно Мидии, в Тепе Нуш-и Джан. Композиция, формы и конструкции храма свидетельствуют о длительной архитектурной традиции. Время сооружения храма датируется примерно 750 г. до н.э.

Все сказанное выше свидетельствует, на наш взгляд, о том, что решение вопросов о святилищах (или храмах) у древних иранцев не может основываться лишь на анализе авестийских текстов. Религиозная практика была значительно более разнообразной чем та, что нашла отражение в проповеди Заратуштры т. е. в Тэтах" и в других авестийских сочинениях" (Литвинский, 1989, с. 178-179).

Вопреки мнениям многих, все же в Авесте есть упоминание о храмах огня, "которые иносказательно обозначаются как огонь, помещенный в определенное место" (Авест. даймиа, гату, Вендидат, VIII, 81 и сл.) (Бойс, 1987, с. 117).

Храмы огня и другие культовые сооружения открыты в Западном Иране, в Пасаргадах, Сузе, Накш-и Рустаме и др (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 327-331).

И в античных источниках встречаются сведения о храмах огня. "Плутарх в биографии Артаксеркса II упоминает храм Артемиды в Экбатанах", Страбон "о храме Анаитиды" (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 313, 329).

Важно также упомянуть о том, что на древнем персидском языке и в более поздних среднеиранских -парфянском, согдийском, бактрийском, - есть несколько слов для обозначения храмов (Ливший, Стеблин-Каменский, 1989, с. 176).

Итак, существование храмов в дозороастрийском, возможно и в раннезороастрийском, обществах не противоречит исторической истине, которая подтверждается и археологическими материалами.

Суммируя изложенное, можно с уверенностью заключить, что храм Джаркутана датирующийся XIV-X вв. до н.э. является культовым, также как и Тоголок 21 Маргианы. Но какого он толка зороастрийского или

индоиранского? Имеющиеся материалы позволяют разрешить эту проблему.

Мы тщательно рассмотрели выше функциональное назначение микрокомплексов, которые имеют идеологическую нагрузку, семантику культовых сосудов, религиозную среду, ритуал в храме, которые в целом дают возможность восстановить облик религиозной среды изучаемой эпохи.

Геометрические орнаменты и зооморфные изображения на сосудах Джаркутана - нечто иное, как образцы космических божеств, культов плодородия, священные знаки-обереги и "символы-гербов" родовых групп, племен оседлоземледельческих культур юга Узбекистана в эпоху бронзы.

Наличие "винодельни-мастерской" и зооморфного сосуда свидетельствуют о том, что в храме Джаркутана бытовал культ опьянятельных напитков, не исключено - хаоми.

Алтари, золохранилище, атешга свидетельствуют об обожевлении огня. Также символизируют культ огня переносные алтарики и курильницы.

Колодцы, открытый резервуар, врытый в пол, у входа на южный обводной коридор, свидетельствуют о наличии культа воды в ритуалах храма. Подтверждением этому также служит тот факт, что во многих погребениях обнаружены по одной или две маленькие речные гальки, по-видимому, символизирующие культ реки, воды.

Весь путь следования посетителей в храме был устлан либо мелким гравием, либо циновкой, видимо, с целью обеспечения неприкосновенности сакральной чистоты земли.

"Культ, как правило, более стоек, чем религиозное представление, - пишет М. Бойс - и, действительно, основные объекты зороастрийского культа и ныне те же, что и у пастухов каменного века, а именно вода и огонь" (Бойс, 1987, с. 10).

Индоиранцы обожевляли воду рек и водоемов и вечный огонь как богинь - Апас, Агни (Бойс, 1987, с. 12). "Богов, которым поклонялись индоиранцы, было много, а обряд богослужения всегда посвящался определенному божеству. Наряду с божествами культа (огонь, вода, хаоми и Гэуш-Урван) существовали и "природные" боги, символизирующие те или иные явления природы. Это были боги неба и земли, которых иранцы называли, соответственно Асман и Зам, боги солнца и луны - Хвар и Мах и два божества ветра Вата и Вайу (Бойс, 1987, с. 13-14).

В храме Джаркутана четко прослеживаются следы индоиранских культов - огонь, вода, хаома, Гэуш-Урван (?), а также следы поклонения солнцу и земле - Хвар, Зам.

"Число "три" было священно для протоиранцев, оно и сейчас является организующим началом во многих обрядах зороастризма и брахманизма. Три составные части возлияния символизируют царство растений и животных, вскормленных водой" (Бойс, 1987, с. 10). Вспомним, общая планировка храма имеет трехчленное разделение, во втором строительном этапе, во дворе святилища было сооружено сразу три круглых алтаря, число которых, по-видимому, не является случайным.

Индоиранский характер культа храма Джаркутана налицо. Но, одновременно все вышеперечисленные культовые элементы характерны и для классического

зороастризма.

Индоиранское наследие в идеологии, по мнению большинства ученых, самым ярким образом отражено в зороастризме. В древности Средняя Азия не знала другую религию.

Канонический зороастризм опровергает сооружение храмов. Призывает к почитанию огня на открытых площадях, о чем свидетельствуют священные террасы Бард-е Нешанде и Масжид-и Сулайман - памятники Ирана III в. до н.э. и храм в Пасаргадах (Гиршман, 1978). Этому положению храм Джаркутана, по видимому, не противоречит. Сакральная платформа, являющаяся доминантой всего комплекса, занимала огромную площадь - 400 м². Естественно она была открытой, так как единственным сооружением на платформе был алтарь огня под "чахартаком". Да и двор святилища, где были расположены колодцы и несколько круглых алтарей огня вдоль мощенной дорожки, был открытым; он также покоится на платформе, занимающей около 300 м² площади. Тот факт, что комплекс обнесен мощными (4,5 м) обводными стенами, также возвращает к традиции крепостных сооружений Бактрии. Наличие свободных пространств, дворов во внутренней планировке, является неотъемлемой частью храмовых комплексов Древнего Востока.

Вероятно, следует обратить внимание на планировку храма, в которую заранее заложена идеологическая нагрузка. Храм Джаркутана, как выше описано, имеет планировку поздних времен. Четырехугольник также как и квадрат, является геометризованным символом космоса, отражающим в себе четыре элемента мира - "огонь-вода-земля-воздух". Таким образом, достигается идеально устойчивая структура, целостность интегрирующая основные параметры космоса (МНМ, 1980, с. 630).

В планировке храма воплощена идея геометрического модуля космоса, с подчеркнуто выделенным символом солнца. Неслучайно, единственное круглое помещение (пом. I), символизирующее солнце, древними зодчими помещено в северо-восточной части обводной стены, на диагонали восхода солнца, если стоять лицом к нему от главного алтаря на платформе.

Одним из древнейших зороастрийских храмов является Нуш-и-Джан-тепе, датируемый VIII в. до н.э. К сожалению, архитектурной общности его с храмом Джаркутана не наблюдается кроме некоторых элементов - наличия платформы, водоема, двора. Некоторая близость прослеживается с зороастрийскими памятниками III в. до н.э., в частности, с Масжид-и Сулайман и Бард-е Нешанде, где ярко представлены высокие платформы (Гиршман, 1978, с. 67-73), подобно сакральной платформе Джаркутана.

Хронологически, храму Джаркутана очень близок храм Тоголок 21 Маргианы, который датируется рубежом II-I тыс. до н.э. (Сарианиди, 1989, с. 152-169). В.И. Сарианиди характер культа храма Тоголок 21 определяет как протозороастрийский, где главным был культ хаомы (Сарианиди, 1989, с. 152 и сл, рис. 1; 1990, с. 153). Вне всякого сомнения, храм Тоголок 21 - культовое сооружение, хотя архитектура, планировка его, резко отличается от храма огня Джаркутана. Внутренняя "крепость" Тоголок 21, действительно больше напоминает крепость, чем храмовое сооружение. Однако их роднят культовые

и подсобные части, некоторые единичные детали в планировке (галерея коридоров, круглое помещение) храма Тоголок 21 перекликаются с храмом Джаркутана.

После публикации материалов храма Тоголок 21, почти все участники дискуссии высказались против характера культа - протозороастризма, хотя, единодушно признали его как храм (Грене, 1989, с. 170-171; Гаибов, Кошеленко, 1989, с. 171-173; Лившиц, Стеблин-Каменский, 1989, с. 174-176; Литвинский, 1989, с. 177-179; Пьянков, 1989, с. 179-181; Дандамаев, 1989, с. 170; Иванов, 1989, с. 171-175; Ньюли, 1989, с. 175-178).

По-видимому, храм Тоголок 21 является индоиранским, также как и храм Джаркутана, хотя их идентифицировать нельзя. Вероятно, они относились к разным религиозным направлениям. Разность их выражалась в доминанте культа - главным культа Тоголок 21 была хаома, а в Джаркутане - огонь В.И. Сарианиди в последних публикациях характеризует храм Тоголок 21 как индоиранский (Sarianidi, 1990, с. 159-165).

Суммируя вышеизложенное, можно констатировать что в Бактрии индоиранская религиозная среда являлась общим наследием, на почве которого сформировался зороастризм, а единственным известным храмом на данной территории в это время является храм огня Джаркутана. И мы вправе его считать храмом протозороастрийским. Связь между протозороастрийский (в нашем понимании - индоиранская религия) и зороастризмом, несомненно, имеется в материальной культуре храма Джаркутана, где наблюдаются многие характерные детали ритуалов зороастризма.

Известно, что пророк сначала выступил против многих проявлений старой религии (культ хаоми, обильные жертвоприношения сооружения храмов и т. д.), но со временем многие ранее отвергнутые черты были приспособлены и внесены в религиозную систему. Этот процесс продолжался и после смерти пророка. В младшей Авесте, рядом с Ажура Маздой, упоминаются боги старой религии: "Митра, Анахита, Веретранга, Тиштрия и т.д., (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 331). Впрочем, это естественное явление, так как старая религия (индоиранская) была народной, и лишь по одной этой причине, очень живучей, и пророк, вынужден был примириться с этим. Вспомним, яркий пример этому, такой как Кааба в Мекке - почитаемый объект мусульманами всего мира, который относится к доисламскому времени и отнюдь не является изобретением пророка Мухаммеда.

Итак, сооружение монументальных храмов - явление новое в истории Древней Бактрии и сопредельных ей территорий, в рассматриваемой эпохе. Храм Джаркутана первое известное древнейшее сооружение такого рода в Северной Бактрии.

По-видимому, храм огня Джаркутана является культовым центром целого оазиса и может быть даже всей Северной Бактрии, археологические факты этому пока не противоречат.

Утвердившаяся точка зрения, что "мидийцы не сооружали храмов" и они не были известны на Среднем Востоке, вообще, является ошибочной и археологические открытия последних лет "заставляют пересмотреть давно

принятое в науке мнение" (Дандамаев, Луконин, 1960, с. 330).

В Средней Азии во второй половине II тыс. до н.э. храмы сооружались, они занимали достойное место в культуре народов, живших на этой территории. Ярким примером этому служат храм огня Джаркутана в Бактрии и храм Тоголок 21 в Маргиане.

Подытоживая рассмотрение духовных воззрений местного существа, можно отметить, что во второй половине II тыс. до н.э. на территории Бактрии полностью смогла оформиться одна из ранних религиозных систем, резко отличающаяся от первобытных тотемных обрядов и культов.

Формирование религии не является результатом одного момента, она проходила долгий, длительный эволюционный путь. Всякий реформатор, будь он Заратуштра или Будда, обобщал все традиции, обряды культовые церемонии, существовавшие в народе до него и, конечно же, нужное было канонизировано, а ненужное объявлялось вредным.

Французский археолог Р. Гиршман, священные террасы Масжид-и Сулайман и Баод-е Нешанде, относящиеся к IX-VIII вв. до н.э., объявил зороастрийскими Нуши-Джан, являющийся одним из ранних зороастрийских храмов, также относится к VIII в до н.э. Следует отметить, что между указанными памятниками и храмом Джаркутана много архитектурных параллелей, хотя их отделяют друг от друга несколько столетий.

Итак, храм Джаркутана можно определить как индоиранский, характеризующий культ огня, воды хаоми. Доминирующая роль принадлежала огню.

VIII. 4. Вопросы формирования раннеклассового общества и государства на территории Средней Азии

Проблема становления классового общества и раннего государства является одной из фундаментальных в исторической науке.

Как указано выше, социальная структура Джаркутана была глубоко стратифицированной. Становление ранней, примитивной, государственности и процесс классовообразования тесно взаимосвязаны, они составляют диалектическое единство развития общества.

Проследить процесс становления ранних государственных образований - крайне сложная задача, так как он протекал при полном отсутствии письменности. В этом случае, исключительная роль отводится археологическим и этнографическим источникам.

"Становление классового общества и раннего государства - процесс крайне сложный и длительный, хронологически не совпадающий у разных народов, процесс протекавший во множестве конкретных форм, но единый по общему направлению" (Маретина, 1987, с. 158). В.И. Гуляев пишет "... несмотря на неизбежную локальную специфику и своеобразие исторического развития конкретных обществ в разных регионах земного шара, на определенной стадии их развития - а именно, на стадии разложения первобытнообщинного строя и перехода к антагонистическому государству, военная демократия в разных ее

вариантах и модификациях - явление универсальное, всеобщее" (Гуляев, 1987, с. 106).

В свете выше приведенных высказываний несколько подробно остановимся на общих вопросах классового образования. К. Маркс, Ф. Энгельс и В. Ленин уделяли много внимания данной проблеме в силу ее исключительной важности в понимании общественных функций.

Ф. Энгельс в работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" глубоко проанализировал проблему происхождения государства и его сущность, доказал, что развитие классовых отношений и становление государства теснейшим образом связаны с определенным уровнем достижений древних цивилизаций - урбанизация, высокоразвитая экономика, комплекс культурных явлений, достигнутых обществом (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 165-169). Анализируя древнегреческое общество Ф. Энгельс установил общую закономерность развития общества, которая привела к образованию государственности и классов. Он придавал большое значение экономической самостоятельности нуклеарной семьи и накопление их богатства по линии отца в зарождении раннеклассовых обществ. Ф. Энгельс считал военный фактор основным в зарождении государственного аппарата (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 108). Однако, военный фактор в зарождении раннеклассового общества и государственности в ирригационно-земледельческих зонах Средней Азии не играл какую-либо значительную роль.

Ф. Энгельс большое значение придавал фактору усложнения социальной структуры древнего общества в процессе формирования классов - "разделение труда между различными отраслями производства: земледелием, ремеслом, а в ремесле - между бесчисленными разновидностями его торговлей, судоходством и т.д." (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 113-114).

В сложении классов, государственности, Ф. Энгельс, среди многочисленных вариантов выделяет два пути зарождения эксплуататорских отношений: 1) через непосредственное отчуждение прибавочного продукта за счет собственности на основные средства производства и 2) путем монополизации руководящих общественных должностей и функций (Маркс, Энгельс, т. 20, с. 183-185).

По характеристике Ф. Энгельса государство отличается от старой родовой организации двумя чертами - "разделением подданных государства по территориальным делениям (а не по принципу кровно-родственной связи - Т.Ш.) и учреждением "публичной власти" (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 114, 118).

К. Маркс в "Капитале" глубоко анализировал экономический базис государствообразования. "Непосредственное отношение собственников условий производства к непосредственным производителям - отношение, всякая данная форма которого каждый раз естественно соответствует определенной ступени развития способа труда, а потому и общественной производительной силе последнего, - вот в чем мы всегда раскрываем самую глубокую тайну, скрытую основу всего общественного строя, а следовательно, и политической формы отношений суверенитета и зависимости, короче, всякой

данной специфической формы государства" (Маркс, Энгельс, т. 25, ч. II, с. 354).

В. Ленин более разносторонне анализировал проблему возникновения государства, его социально-экономическую сущность, в работах "О государстве", "Государство и революция", "К. Маркс" и др. Одним из путей появления государственного аппарата В.И. Ленин считал узурпирование руководящих общественных должностей и функций, которые ранее определялись традициями и обычаями (Ленин, т. 39, с. 69).

Все классики марксизма-ленинизма утверждают историзм государственного аппарата. Ф. Энгельс писал, - "... государство существует не извечно. Были общества, которые обходились без него, которые понятия не имели о государстве и государственной власти. - Классы исчезнут также неизбежно, как неизбежно они в прошлом возникли. С исчезновением классов исчезнут неизбежно государства" (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 173).

Классики марксизма-ленинизма разработали классический путь происхождения государства и классов, основанный на материалах истории Греции, Рима, германских племен. Но происхождение государственности, зарождение классового общества на каждой отдельно взятой территории имело свои специфические черты. Пути сложения государственности характерные для одной исторической территории и народа, совершенно неприемлемы для другой территории и народа. Государство созревает внутри общества, оно никак не может быть навязано из вне. "Государство никоим образом не представляет собой силы из вне навязанной обществу", - пишет Ф. Энгельс (Маркс, Энгельс, т. 21, с. 169).

Конечно же, это общая закономерность развития общества характерна и для истории народов Средней Азии.

Несмотря на своеобразный путь сложения каждого конкретно взятого раннего государства, эти государства имеют много общего, характерного только для Древнего Востока. В связи с этим, в отечественной исторической науке, изучение проблем сложения ранних классов и государств Средней Азии и Востока тесно переплетены.

В советской исторической науке эти вопросы затрагивались лишь мимоходом, в связи с общими проблемами социальной истории народов Средней Азии. Детальная их разработка была невозможна из-за недостатка фактических данных.

В.В. Бартольд допускал существование в Хорезме весьма древней государственной власти (Бартольд, 1926, с. 17). И. Маркврат выступил с теорией о существовании сильного Хорезмского царства в Средней Азии, до его включения в состав ахеменидской империи (Бартольд, 1938, с. 10-11).

В 50-е годы данная проблема затрагивалась в работах С.П. Толстова, Я.Г. Гулямова, В.А. Шишкина, А.В. Арциховского, М.М. Дьяконова, И.М. Дьяконова, А.А. Рослякова, А.А. Марушенко, В.М. Массона и др. Точки зрения нашли свое отражение в академических изданиях, таких как: "История народов Узбекистана", "История Туркменской ССР" и "История Таджикской ССР".

Среди них следует подчеркнуть работы М.М. Дьяконова, детально рассматривающие проблему сложения классового общества в северной Бактрии

(Дьяконов, 1954, с. 21-140) и В.М. Массона, посвященной проблемам доахеменидских государственных образований в Средней Азии (Массон, 1959, с. 122-155), которые, в какой-то мере, подытожили дискуссии историков 50-х годов.

Проблема сложения классового общества и государственности в Средней Азии вновь становится объектом пристального внимания историков в 70-е и 80-е годы.

В это время, уже накоплено огромное количество фактологического материала, дающего ключ к пониманию данной проблемы. Прежде всего, это результаты широкомасштабных археологических исследований, развернувшихся по всей Средней Азии. По-новому осмыслены исторические источники, собраны новые факты по лингвистике и этнографии. Все это дает возможность ученым более детально рассмотреть вопрос сложения классов и государственности на территории Средней Азии. Уместно вспомнить из числа многочисленных работ лишь некоторые, имеющие общетеоретический характер. Это работы В.М. Массона (Массон, 1967; 1986), В.И. Гуляева (Гуляев, 1976), Б.Г. Гафурова (Гафуров, 1989), Ю.В. Павленко (Павленко, 1989) и многие другие. А также сборники, специально посвященные освещению данной проблемы - "Становление и развитие раннеклассовых обществ", "От классовых обществ к раннеклассовым", "Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии" и другие.

В настоящее время историки пришли к мнению, что в Средней Азии классовое общество и государственность сложилась до включения их территорий в состав ахеменидской империи (Всемирная история, т. I, 1955, с. 591). Одними из ранних политических конфедераций были "Большой Хорезм" и Бактрийское царство (Массон, 1959, с. 122-135).

Несколько отличается точка зрения М.М. Дьяконова, который считает, что крупного политического объединения в Бактрии в эпоху раннего железа еще не было, хотя он не отрицает сложение классовых отношений в обществе этого времени. Вот что он пишет: "Раз в земледельческом обществе в оазисах Средней Азии уже развивались классовые противоречия, раз в этом обществе существовало уже товарное производство, зачатки городской жизни с ремеслом, а следовательно, и торговлей, - то мы вправе ожидать найти там и ранние формы государственности. Однако, данных об этом у нас недостаточна. Думается, что крупных государственных объединений тогда в Средней Азии еще не было, границы первоначальных государств, вероятно, совпадали с грантами ирригационных систем и орошаемых ими земель" (Дьяконов, 1954, с. 138). Новые факты по материальной культуре эпохи поздней бронзы и раннего железа, да и лингвистический анализ Авесты говорит не в пользу точки зрения М.М. Дьяконова. Высказывание М.М. Дьяконова, скорее всего, относится к периоду интенсивного разложения первобытных институтов, т.е. к переходному периоду, который по данным последних достижений науки относится не к раннежелезному веку, а к более древнему периоду истории народов Средней Азии - эпохе бронзы.

Точка зрения М.М. Дьяконова вполне естественна, так как в 50-е годы, еще не был известен целый пласт материальной культуры эпохи бронзы Бактрии и

Маргианы. Благодаря широкомасштабным археологическим изучением данных территорий была открыта совершенно новая культура - сапалли-дашлинская, входящая в ареал распространения оседлоземледельческой культуры типа Намазга VI –Анау III.

Заслуга М.М. Дьяконова в том, что он одним из первых широко привлекал археологические материалы в освещении социальной и политической истории древнейшего Бактрийского общества.

Таким образом, известные исторические факты не противоречат выдвинутым теориям историков о наличии крупных политических объединений в Хорезме и Бактрии до их включения в состав ахеменидской империи в VIII-VI вв. до н.э. (Массон, 1959, с. 135).

Следовательно мы вправе ставить вопрос, какое же общество существовало в Средней Азии до VIII в. до н.э.? Как правило, археологи считают IX-VIII вв. до н.э. условной границей двух эпох - бронзы и раннего железа. Соответственно, эту дату многие историки берут за основу границы между двумя историческими формациями - первобытнообщинной (эпоха бронзы) и рабовладельческой (раннежелезный век). Такой подход к проблеме в корне противоречит исторической действительности. Как правило, в стадии развития общества резких переходов от одного качественного явления к другому не бывает, это противоречит закону поступательного движения социального прогресса. Исключением из этого правила могут быть лишь только времена социальных катаклизмов. Хотя, едва ж, и они в силах влиять на ход развития истории.

Процесс государствообразования в Средней Азии длился много столетий, охватывая эпоху поздней бронзы и начальный этап раннежелезного века. За это время, от интенсивного распада первобытнообщинного строя до образования крупных политических объединений (Бактрия), процесс государствообразования, как минимум, прошел пять стадий.

Институализация власти политических лидеров, по данным социологов, пережила несколько этапов (Васильев, 1980, с. 172-186).

Третьим этапом в становлении политической администрации является формирование надобщинных политических структур.

"Два основных принципа, сегментация и солидарность характеризуют структурные связи в такой общности. Сегментация - это естественный результат разрастания племени в благоприятных условиях обитания. Принцип солидарности подразумевает, что процесс сегментации происходит в рамках единой общности, состоящей в основном из лиц общего происхождения, связанных единой культурой, традицией, языком, ритуалом и т.п.

Сегментация и солидарность взаимодействуют достаточно гармонично, обеспечивая силы сцепления в рамках сильно разрастающейся, но еще не консолидировавшейся общности, причем, это взаимодействие проявляется в экстремальных ситуациях. В нормальной обстановке каждая община являет собой автономную ячейку со своим лидером: на более высоком уровне признанного лидерства нет. Но коль скоро возникает угрожающая общности в целом (или хотя бы е части) критическая ситуация - серьезный внутренний

конфликт или угроза войны, силы солидарности выходят на передний план и оперативно создают метаструктуру, сплачивающую всю общность по принципу этноцентризма. Это приводит к появлению временного надобщинного лидерства. Временный лидер приобретает харизматическую силу авторитета и всеобщее беспрекословное повиновение" (Васильев, 1980, с. 178-179). Но такая ситуация не была постоянной. Для формирования надобщинных политических структур было необходимо усиление роли территориальных контактов, что зависело от оптимальной экологической среды для развития интенсивного хозяйства и производственного эффекта - рационального использования ресурсов. В конечном итоге эти факторы обеспечивали избыточность продуктов питания, исторически это связано с появлением производящего типа хозяйства - земледельческой - скотоводческой культуры Средней Азии (Джейтун - неолит, Анау - энеолит, ранняя бронза, Тазабагыб, Заманбаба и др.-бронза).

Значительное количество избыточной продукции играет положительную роль в усилении авторитета администрации в коллективе.

Социологи утверждают, что третьим фактором, обеспечивающим надобщинную политическую власть администраторам, является уплотнение населения, которое приводит к сложным социальным процессам, требующих урегулирования. Глава общины уже освобожден от житейских забот и живет за счет избыточной продукции (Васильев, 1980, с. 180-181).

В становление политической администрации важным этапом является институализация власти лидеров. Для данного этапа характерно возрастание престижа лидера и институционализация его власти. Это означает, что избыточный продукт коллектива все более определенно становился объектом исключительного права распоряжения им именно со стороны руководителя, т.е. все более отчетливо приобретал свои политэкономические функции. Глава коллектива нередко был жрецом-просвященником.

"Сакрализация должности и функций вождя была важной вехой в процессе институционализации и деперсонализации его власти, в превращении его из обладавшей определенными качествами. Личности, несущей частицу сакральной силы - Символ. А отсюда был один шаг до представления о том, что престиж, сакральная сила (полинезийское мана или древнебактрийское дэ) и, связанные с ними свойства и достоинства лидера, - это нечто, имменентно присущее не только данному лидеру, но и всему роду, его клану, его семье" (Васильев, 1980, с. 182). Таким образом, было достигнуто социальное неравенство в коллективе, сосредоточение власти в руках узких, семейно-родственных кругов.

Возможно, этот этап пережили носители культуры Намазга IV-V, отчасти и Намазга VI, распространенной на юге Средней Азии, и племена Чустской культуры Ферганской долины. Появляются культовые центры, сначала в виде небольших культовых помещений с алтарем, которые в дальнейшем перерастают в монументальные храмовые сооружения. В этот же период появляются монументальные дворцовые сооружения (Алтын-депе, Гонур I, Тоголок 21, Джаркутан, Дашли 3). Среди комплексов археологических

материалов все больше встречаются культовые предметы - курильницы, пышно оформленные сосуды, сосуды в виде культовых животных, скульптурные и нарисованные изображения животных и людей. Все это свидетельствует о возрастающей силе религиозных культов, соответственно, и жрецов в обществе.

Наиболее важным новшеством общественной жизни носителей культуры эпохи бронзы юга Средней Азии, является появление печатей, одного из верных признаков собственности и утверждения приемственности семейно-клановых традиций. Печати изготовлены из камня и металла, на них изображены геометрические и зооморфные фигуры (Аскарлов, 1977; Массон, 1981; Сарияниди, 1977).

Появление монументальной архитектуры, городов, ирригационных сооружений свидетельствует о наличии достаточного избыточного продукта в распоряжение правящего аппарата.

"При всей выразительности материальной культуры первых цивилизаций не следует забывать о том, что движущими силами процесса формирования классового общества и цивилизации были в первую очередь социально-экономические явления - наличие регулярно получаемого прибавочного продукта, что обеспечивалось способом хозяйственной деятельности и возможность его перераспределения, что обеспечивалось развивающейся социальной системой", - пишет В.М. Массон (Массон, 1989, с. 61).

В ходе трансформации первобытных отношений отчуждение прибавочного продукта длительное время сохраняло внешние формы, традиционные для общинно-родовых порядков (Массон, 1989, с. 62; Аверкиева, 1974, с. 335). Постепенно под их покровом происходили качественные изменения в частности, непосредственный захват больших участков общинных земель, которое наблюдается в Индии, Шумере и т.п., (Массон, 1989, с.62; Маретина, с. 217).

Наряду с процессом классовообразования шел процесс институционализации власти. С монополизацией права редистрибуции власти вождь-лидер приобрел и экономические функции (Массон, 1989, с. 63).

"По мере роста производительных сил, появления регулярного прибавочного продукта и его своекорыстного использования общественными лидерами, племенные институты, наряду с общественно-необходимыми, начинают выполнять и собственно эксплуататорские функции. Это и означает их трансформация в раннегосударственные органы власти и управления", - пишет Ю.В. Павленко (Павленко, 1989, с. 85). Соперничество между племенами, борьба их за земельные угодья, пастбища, природные ресурсы, постоянная военная угроза извне, несомненно, усилили беспредельно военную функцию вождя-лидера.

Таким образом, вожди-лидеры прибрали к своим рукам все классовые рычаги управления обществом, которые стимулировали порождение государственного аппарата - власть принуждения и авторитета. Так родился институт чифдом, который свидетельствует, практически, о становление политической администрации, т.е. протогосударства - пятый этап в пути

развития общественных отношений, по разработке социологов (Васильев, 1980, с. 182-186; 1981, с. 157-175). Понятие чифдом в общественных отношениях в основном разрабатывалось учеными англоязычных стран (см. литер, в работе: Васильев, 1980, с.182-186; с.157-175).

"Чифдом" (от англ. chief - вождь) - это промежуточная форма политической структуры, в которой уже есть централизованное управление и наследственное неравенство, но еще нет формального и тем более легализованного аппарата принуждения и насилия. Чаще всего это структура имеет теократический облик и возглавляется обожествленным вождем - правосвященником" (Васильев, 1980, с. 182).

По всей вероятности, в развитии общественных отношений племена и народности Средней Азии, как и многие другие народы Древнего Востока, прошли этап протогосударства - чифдом.

"Чифдом как политическая структура универсальна, - пишет Л.С. Васильев - точнее сказать нет такого государства, которое в своем поступательном развитии от догосударственных форм к государственным, не прошло бы через этап протогосударства - чифдом. Это относится как к земледельцам, так иномадам. Это касается народов древних и современных американских, азиатских, африканских и европейских" (Васильев, 1981, с. 175).

Чифдом практически означает становление классовых отношений и раннего государства. Социологи, внесшие большой вклад в разработку понятия "чифдом", не проводят четких различий между чифдомом и ранним государством (Васильев, 1981, с. 174; Гуляев, 1987, с. 103-119).

Как отмечалось выше, процесс становления раннего государства типа чифдом в Средней Азии охватывал длительный отрезок исторического времени. Уровень развития материальной культуры позволяет определить это время - вторая половина II тыс. до н.э. и первая половина I тыс. до н.э. В истории материальной культуры этот период разделен на две эпохи: поздняя бронза - период Намазга VI - вторая половина II тыс. до н.э. X-IX вв. до н.э.; и раннее железо - период Яз I и II - X-IX вв. до н.э. - середина I тыс. до н.э.

Эпоха поздней бронзы и раннего железа является переломным моментом в истории народов Средней Азии. Она характеризуется интенсивным распадом первобытнообщинного строя, становлением классовых отношений и государства. Резко меняется материальная культура, соответственно, и социально-экономическая структура общества. Именно в этот период появляются города, которые обусловлены развитием социально-экономических отношений в обществе. Многие ученые видят диалектическое единство между появлением первых цивилизаций, городской культуры со сложением классового общества и государства (Павленко, 1989, с. 52-74; Гуляев, 1979, с. 282; Массон, 1981, с. 122-123). Развитие экономики, производства и хозяйства в эпоху поздней бронзы достигло такой ситуации, когда общество уже не могло существовать без аграрно-ремесленного населения с административно-культурными и военными функциями, характеризующимися концентрацией населения, возведением монументальных сооружений, оборонительных стен, выделением цитадели, ремесленных и жилых кварталов. Ранние города

Средней Азии, в свою очередь, оказывали всестороннее воздействие на дальнейшее развитие классовых отношений, способствовали укреплению государственности, были импульсом в развитии торговли, религии и письменности

Таким образом, сложение раннегородской культуры, классового общества и государственности, тесно взаимосвязаны между собой, составляют диалектическое единство прогрессирующего развития древнего общества, народностей эпохи поздней бронзы и раннего железа Средней Азии.

Ю.В. Павленко специально исследовавший проблему генезиса и развития раннеклассовых обществ, считает раннеклассовыми общество ранних городов Средней Азии, Ирана, Афганистана: Алтын-депе, Намазга-депе, Шахри-Сохте, Мундигак и др., "выполнявшим функции хозяйственного политического и идеологического лидерства в масштабах определенной территории. В целом они имели местную основу и развивались вполне самостоятельно как города - государства номового типа." (Павленко, 1989, с. 109).

В Древнем Востоке во II тыс. до н.э. существовали государства только трех типов: это были либо, мелкие номовые государства или города-государства (как например, в Шумере, в Верхней Месопотамии, в Сирии, Финикии), либо, неустойчивые конгломераты таких государств, где более слабые платили центральному, наиболее сильному, определенную дань (такowymi были Хеттская Митанийская, Среднеассирийская державы), либо, это были относительно крупные царства, объединявшие территорию бассейна целой значительной речной долины (Египет и лишь временами Нижняя Месопотамия и Элам). Такого рода государства продолжали существовать и в I тысячелетии до н.э. на периферии древнего мира, к таковым и относится Средняя Азия (ИДМ, 1989, с. 10).

Города-государства древней Месопотамии не функционировали изолированно, в собственных стенах, как ошибочно полагают многие историки, а охватывали десятки тысяч гектаров земледельческих оазисов. "Ном" Ура занимал 90 кв.км территории, где кроме самого Ура находились еще два города - Муру, Убайд, а также ряд деревушек (ИДМ, 1983, с. 167).

Топография расположения ранних городов Средней Азии эпохи финальной бронзы и раннежелезного века очень схожа с расположением городов-государств Месопотамии.

В Бактрии, в рассматриваемой эпохе, существовало 11 земледельческих оазисов, где зафиксировано более 100 памятников. Однако, сложение городских центров произошло только в отдельных, наиболее мощных ирригационных оазисах. В Северной Бактрии к таковым относятся Джаркутан, возможной Моллали, а в Южной Бактрии- Дашли 3.

Со всей очевидностью можно предположить, что Джаркутан был административным центром карликового государства, типа "чифдом" и "нома" Месопотамии; в отличие от последнего он был неустойчивым, аморфным политическим объединением.

Влияние джаркутанского политического объединения, по-видимому, распространялось на четыре оазиса - Уланбулакский, Бустансай, Бандихансай и

Халкаджарсай, расположенных близко друг к другу в радиусе 25-30 км. На западной окраине расположена Сапалли-тепа - крепость, по-видимому, охранявшая интересы джаркутанского политического объединения В таком же стратегическом положении находится крепость Дашли I южной Бактрии.

Нам представляется что на юге Средней Азии в конце II - начале I тыс. до н.э. сформировалось несколько таких карликовых, примитивных государствообразований, центрами которых являлись Джаркутан, Дашли 3, Гонур 1, Тоголок 1, Улуг-депе, Намазга-депе и Алтын-депе. Такой же процесс шел и в Хоросане, Сеистане и на других территориях Ирана. Упоминается 27 "царей" "области Парсуа" -небольшого региона, расположенного к северо-востоку от Элама, в податных документах ассирийского царя Саламансара III составленных в 834 г. до н.э. В северо-западном Иране в это же время существовали "десятки мелких княжеств" (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 41, 71), а в долине реки Хуанхе в Китае было 35 самостоятельных княжеств (Павленко, 1989, с. 138). В III тыс. до н.э. на территории Шумера существовало 13 небольших независимых городов-государств (Гуляев, 1977, с. 76-77).

Такая же картина наблюдается в I тыс. до н.э. в Мезоамерике. На небольшой территории полуострова Юкатан, где распространялась культура Майя, Б.И. Гуляев выделяет 18 городов-государств (Гуляев, 1977, с. 84-86).

Аналогичная политическая ситуация сложилась и на юге Средней Азии, где образовались десятки мелких княжеств - карликовые государствообразования расположенные на небольшом расстоянии друг от друга. По-видимому, между ними шел процесс постоянной борьбы за лидерство, ярким примером этому может служить противоборство правителей Киша Ака и Урука Гильгамеша (ИДВ,1983, с. 167-170).

Однако, ранние города-государства, как правило, пережили несколько циклов социальных кризисов, ознаменовавших полный распад политических институтов и их возрождению. Вследствие этих кризисов часть населения была вынуждена уходить в поисках новых территорий. В Северной Бактрии движение населения наблюдается в восточном направлении от господствующего ядра - Джаркутана, следы их зафиксированы в Гиссаре, Нуреке, Вахше и т.д., хотя там земля была мало пригодной для земледелия и более того, эти территории были заняты скотоводческими племенами.

В развитии ранних государствообразований Древнего Востока четко прослеживается три этапа: становление, расцвет и кризис. Примером служит Египет Древнего царства, третья династия Ура, Хараппы, Мохенджо-даро (Павленко, 1989, с. 126-127). Кризис городов-государств юга Средней Азии, в том числе, и Джаркутана, был объективно предопределен закономерным кризисом раннеклассовой социально-экономической системы, а не экологическими и военно-политическими факторами.

Этот цикл социального развития общества проявляется и в эпоху раннежелезного века. Количественно продолжают расти земледельческие оазисы и города, развиваются ремесло, торговля, вновь возрождаются десятки карликовых государств, которые, в конечном итоге, привели к сложению крупных политических объединений - древнебактрийского царства и

"Большого Хорезма".

На исторической арене все больше и больше возрастает роль народов Средней Азии.

В Авесте упоминаются многие географические названия и народы Средней Азии: Арьянэм, Вайчах, Гава, Маура, Бахди, Писана и др.

"Арьянэм Вайчах" - "Арийские просторы" многими исследователями отождествляются с Хорезмом. И.М. Дьяконов считает, что это понятие более шире, чем одна страна или область, она объединяет всю равнину Средней Азии и Восточного Ирана (Дьяконов, 1971, с. 137).

"Арьянэм Вайчах", по-видимому, является географическим понятием, которое означает территорию, где жили арийцы-зороастрийцы. В Авесте термин "арья" обычно употребляется в отношении народов или земли, противостоящей племени кочевников "тура".

Античные историки в эту же территорию вмещают "Большой Хорезм".

В третьей книге "Истории" Геродот (III, 17) пишет об устройстве на реке Ак плотины, которая находилась на границе гирканиев, парфян, таманеев, дрангианцев и хорезмийцев, и что она принадлежала хорезмийцам (Массон, 1959, с. 125-126). Река Ак отождествляется с рекой Теджен.

Намного раньше, чем Геродот, Гекатей (около 500 г. до н.э.) упоминает хорезмиев, живущих частью на равнине, частью в горах, к востоку от парфян. Центр "Большого Хорезма" помещался не на месте современного Хорезма, а значительно южнее в районе Мерва и Герата (Лившиц, 1964, с. 150-154; Гафуров, 1989, с.72).

Такая точка зрения в настоящее время господствует в советской исторической науке (Толстов, 1947, с. 43; Струве, 1969, с. 590-591; Дьяконов, 1961, с. 64; Массон, 1959, с. 125-126; Лившиц, 1964, с. 150-154; Гафуров, 1989, с. 72 и др.). Эта точка зрения впервые высказана немецким ориенталистом И. Марквартом (Markwart, 1938) и поддержана его учениками В.Б. Хеннингом и И. Гершевичем (Henning, 1951, p.42-43; Gershevitch, 1959, p. 298-299).

Однако, И.Н. Хлопин ставит под сомнение существование "Большого Хорезма" как крупного политического объединения доахеменидов и отождествление реки Ак с Тедженом-Герирудом, считая это необоснованным, и локализуя ее на месте реки Атрека. И.П. Хлопин заключает: "в предахеменидское время на территории Средней Азии не было никакого раннегосударственного объединения народов во главе хорезмийцев". Но, однако, он допускает, существование в предахеменидское время на юге Средней Азии "нескольких небольших центров", в том числе и Бактрийского (Хлопин, 1983, с. 44, 52-57).

"Большой Хорезм", очевидно, был политическим объединением, одним из ранних государств в Приаралье, но охватывал ли он все просторы Средней Азии от Арала до низовьев Герируда-Теджена пока не ясно.

Вторым таким государственным образованием в Средней Азии являлось древнебактрийское царство.

В "Авесте" Бактрия описывается как ".прекрасная с высоко поднятыми знаменами." (Видевдат I; Соколов, 1963, с 82). Одной из стран или же ей

центров, приведенных в Авесте, называется Бахди, также встречается термин "арахтра", возможно, это соответствует термину "бахтар" (Пьянков, 1982, с 10-11).

Наиболее раннее упоминание о Бактрии встречается в ахеменидских надписях, в частности, на всемирно известной Бехистунской скале в Накш-и Рустаме (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 104).

В Персеполе 15 раз бактрийцы изображены с сосудами и двугорбыми Бактриискижи верблюдами (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 195) Бактрия, как отдельная сатрапия, играла важную роль в экономической и культурной жизни империи ахеменидов (Луконин, Дандамаев, 1980, с. 285).

Наиболее разнообразную информацию о Бактрии дают древнегреческие историки - Геродот, Ктесий, Страбон, Диодор, Плиний, Арриан, Курций Руф, Гекатей, Скалака и другие, которые отмечают о значительной древности и высоком уровне культуры Бактрии.

Ктесий сообщает о походе астрийского царя Нина на Бактрию, о бактрийском царе Оксиарте, о его сокровищах (Диодор, II, 5, 3; Гафуров, 1989, с. 73).

Среди народов, описанных Ктесием, бактрийцы упоминаются в числе первых народов (Пьянков, 1975, с. 4-6). А сама Бактрия размещена на самом востоке. "С запада доступ на бактрийскую "равнину" преграждают "горы", через которые ведут лишь узкие горные "проходы", Бактрия, простирается до Танаиса и Инда. Танаис отделяет ее от Европы, Инд от Индии (Пьянков, 1975, с. 20-21).

Геродот в "Истории" перечислял список 20 сатрапий и 70 народов, входящих в состав ахеменидской империи. И среди них - Бактрия, страна лежавшая по берегам Амударьи, и бактрийцы (I, 153).

Название "бактрия" встречается в трагедии Эсхила "Персы", поставленной в 472 г. до н.э., а также в текстах Гекатея и Скилака (Пьянков, 1982, с. 7).

Страбон характеризует Бактрию как жемчужину Арианы (Страбон, XI, I). А сами бактрийцы многими авторами неизменно характеризуются как "многочисленный", "воинственный" и "храбрый" народ (Диодор II, 2). Страна имела "много неприступных" в силу своей укрепленности мест, в том числе столицу Бактры (Балх) (Диодор II, 5,3; Пьянков, 1975, с. 55).

Геродот (I, 153) сообщает о том, что на пути ахеменидского царя Кира, после покорения Мидии, "лежал Вавилон, бактрийский народ, саки и египтяне". Следовательно, Бактрия и конфедерация саков-массагетов стояла в одном ряду с такими крупнейшими государствами как Египет или Вавилон (Гафуров, 1989, с 73; Массон, с.134).

В состав Бактрии, по-видимому, некоторое время входили также Маргиана, Согд и даже Арея (Массон, 1959, с. 135). Археологические источники подтверждают эту точку зрения.

Третьей политической силой на территории Средней Азии были различные конфедерации сакских кочевых племен, именуемых в Авесте - "турами". Они располагались на северных просторах Средней Азии.

Кочевническое общество сложилось довольно рано, в IX-VIII вв. до н.э., на

степных районах Средней Азии (История Киргизской ССР, 1984, с. 143). Кочевые и полукочевые общества образовали сильные военно-политические объединения агрессивного характера, нередко представлявших большую угрозу земледельческим оазисам юга. Согласно Авесте, кочевники Тура под предводительством Франграсьяны покорили чуть не всю Среднюю Азию. Кави Хусрау - основатель царского рода Виштаспи, правителя Дрангианы, сверг власть кочевников, причем, решающая битва между вооруженными силами оседлых оазисов и кочевников произошла у озера Чайтиста, в районе Арала (Дьяконов, 1971, с. 137-144; Массон, 1984, с. 9).

Как известно, время сложения Авесты, священной книги зороастрийцев и жизни пророка Заратуштры, покровителем которого был вышеупомянутый царь Виштаспа, по мнению большинства ученых, отводится первой четверти I тыс. до н.э. Таким образом, данные о государствообразовании - военных союзах кочевых племен можно отнести к началу I тыс. до н.э. Об этом свидетельствует также сакская традиция героического эпоса, повествующая о царице Зарине, успешно сражавшейся с мидянами за главенство над Парфией (Гулямов, 1957, с. 35; Массон, 1984, с. 9). Долгое противоборство закончившееся миром саков с таким мощным государством как Мидия (Григорьев, 1971, с. 19-20) свидетельствует в пользу вышеуказанной точки зрения. Комплекс Тагискен в Восточном Приаралье датируемый IX-VIII вв. до н.э. принадлежал аристократической верхушке степных племен (Толстов, 1962, с. 80-88).

Таким образом, в доахеменидское время, в первой половине I тыс. до н.э., в Средней Азии сформировались три крупных политических объединения - Бактрия, "Большой Хорезм" и конфедерация саков и массагетов. Они были очень аморфными, по-видимому, пережили несколько циклов распада и объединения. Нам представляется возможным допустить такую мысль, что эти три ранние государства Средней Азии на исторической арене редко сосуществовали, они функционировали в разное время. Бактрия, среди них была наиболее древней и относительно стабильной, а остальные два то появлялись, то распадались и исчезали как государства.

По характеру экономики и социальных институтов Бактрия и "Большой Хорезм" относятся к древневосточному типу государства с "азиатским способом производства", а конфедерация саков и массагетов являлась сильно военизированным государством кочевых и полукочевых племен скотоводов-туров.

Социально-экономический генезис первого типа государственности прямым образом связан с раннеклассовым существом земледельческих культур эпохи бронзы юга Средней Азии. Он был характерным для ранних классовых обществ Старого и Нового Света.

Таким образом, подытоживая вышеприведенный анализ, можно заключить, что городская культура, раннеклассовое общество и примитивная государственность в Средней Азии сложились в эпоху поздней бронзы, во второй половине II тыс. до н.э. Среднеазиатско-Туранская цивилизация вполне самостоятельная, равнозначная, но более поздняя в системе цивилизаций

Древнего Востока.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бактрия сыграла выдающуюся роль в истории цивилизации Средней Азии и Среднего Востока в целом.

Благодаря широкомасштабным исследованиям, проведенным за последние 20 лет на огромной территории Южного Узбекистана, Юго-Западного Таджикистана и Северного Афганистана стало известно, что во втором тысячелетии до н.э. вся территория древней Бактрии была освоена племенами древних земледельцев. В начале II тыс. до н.э. равнинная часть Бактрии и Маргианы не была заселена, но, следует отметить, что на территории южной Бактрии зафиксированы неолитические стоянки бродячих охотников (Виноградов, 1979, с. 7-62; Сарианиди, 1977, с. 8-11), а в восточной, горной части найдены стоянки племен носителей гиссарской культуры (Ранов, Коробкова, 1972, с. 133-147; Юсупов, 1975, с. 138-148), которые в целом не сыграли какую-либо значительную роль в дальнейшей судьбе данного региона.

Слава Бактрии была сотворена другими племенами - пришлыми, высокоразвитыми, оседлыми земледельцами, которые на этих территориях появились в середине II тыс. до н.э. и остались навсегда. Эти племена, носители культуры Салалли-Дашли, являлись частью населения старых традиционно-земледельческих центров Южной Туркмении, Хорасана и Сеистана. Они были отщеплены или выжиты из конгломерата народов с родных земель в силу не только демографических или же экономических, но и социальных причин. Именно этому, пришлому населению было суждено создавать ранние города и могучее "царство" на территории Бактрии - одной из первых стран Среднего Востока. В античной традиции слава страны тысячи городов утвердилась именно за Бактрией. Юстин бактрийского наместника Диодора называет "правителем" тысячи бактрийских городов", это же число для территории подвластной другому царю - Евкритиду называет - Страбон" (Массон, 1966, с. 4). А начало урбанистического процесса Бактрии было связано именно с этими пришлыми племенами-носителями салалли-дашлинской культуры эпохи поздней бронзы.

Необходимо также признать значительное влияние племен, носителей степных культур - тазабагьяба, андроновской и срубной, - в сложении Бактрийско-Маргианского археологического комплекса. В XIV-XIII вв. до н.э. отдельные группы населения срубной культуры проскальзывают в чистом виде на юг Средней Азии (Мандельштам, 1966, с. 105-108). Но они в основном также, как и андроновцы были ассимилированы тазабагьябскими племенами (Итина, 1977, с. 232-237) и только после этого появляются на юге. Некоторое время носители двух типов культур - степной и оседлоземледельческой жили буквально бок о бок (Сарианиди, 1975, с. 20-25). Однако они довольно быстро ассимилировались. Пришлые, технически отсталые племена полностью отказались от своего быта, образа жизни, приняли передовую технологию земледельцев. Однако многие элементы орнамента тазабагьябской культуры - треугольные штампы, ломанные и волнистые линии появляются на станковой керамике оседлоземледельцев. Металлические изделия - браслеты,

височные кольца и другие ранее не характерные для юга предметы занимают прочное место в погребальных обрядах. Одним словом, БМАК являлся синтезом двух культур. Только в восточной части Бактрии, в Бишкентской долине, Ваше и Кизилсу сохраняется первоначальный облик степных культур (Мандельштам, 1968; Пьянкова, 1989).

Нам представляется вероятным, что результатами этого синтеза являлся вывод некрополя за черту города, что ранее не было характерным для данной территории, все более усиливающаяся роль, отняв погребальной практике, традиция захоронения расчлененных костей и т.д.

Древнеземледельческая культура эпохи бронзы Северной Бактрии характеризуется высоким уровнем развития материальной и духовной культуры. Во-первых, это пахотное земледелие, как экономическая база древнего общества. Во-вторых, строительство крупных жилых и фортификационных сооружений с применением единого формата сырцового кирпича и четкая планография архитектурного пространства с учетом местной среды. В-третьих, это разнообразные ремесла, изделия которых свидетельствуют о значительном мастерстве древних бактрийцев. В-четвертых, фундаментальное сооружение культового и светского характера. В-пятых, была высокоразвитая техника - благодаря появлению колеса широко применяется тягловая сила животных в земледелии и в передвижении, усовершенствована термотехника плавки металла и в обжиге керамики, что, несомненно, резко увеличило производительность труда и ускорило ход исторических событий.

Одной из ярких страниц истории бактрийской цивилизации является изучение храма огня Джаркутана, которое внесло много нового в историю материальной и духовной культуры данного региона.

На Среднем Востоке храм Джаркутана является самым древним из известных монументальных сооружений явно культового характера.

Бактрийское общество эпохи бронзы знает два таких храма, один из них - храм Джаркутана, другой - круглый храм Дашли 3. Оба храма имели индоиранский характер, но посвящены разным культам.

Сооружение храмов во второй половине II тыс. до н.э. - явление новое в идеологии и социальной жизни народов Бактрии.

Новое явление в жизни общества Бактрии изучаемого периода проявилось не только в идеологии, оно охватило всю социально-экономическую систему - появляются ранние города и ранние классовые общества.

Становление ранних городов в условиях оазисов Средней Азии обусловлено тремя факторами: благоприятная природная среда - почва, вода, климат и др.; высокоэффективное ирригационное пахотное земледелие - экономический фактор и социальная стратификация общества. Эти факторы только вместе, в диалектическом единстве, создали ту сложную историческую среду, где и родились ранние города. Данная закономерность в градообразовании характерна для всей территории аридных зон Среднего Востока с ограниченными водными ресурсами.

Ранние города появились там, где было наиболее благоприятное экономико-

географическое положение (Лаппо, 1989, с. 22) для расцвета ирригационного пахотного земледелия и административно-культовых центров, т.е. аграрно-хозяйственный и социальные факторы были основными для градообразования Средней Азии.

В Бактрии и Маргиане в эпоху Намазга VI, во второй половине II тыс. до н.э., складываются ранние города нового типа в отличие от компактных, сплошь застроенных, городов Древнего Востока, состоящие из агломераций, но с ярко выраженной "цитаделью", дворцами и храмами. Такими городами являются Джаркутан, Дашли 3, Гонур 1, Тоголок 1 и др. На Алтын-депе, Намазга-депе городские организации складываются раньше, чем ранние города Бактрии и Маргианы в эпоху Намазга V - в первой половине II тыс. до н.э.

В середине III тыс. до н.э. во всех историко-географических зонах Среднего Востока проявляются крупные городские центры с усложненными топографическими ситуациями: в Сеистане, Шахри-Сохте, Мундигак; в Хоросане Тепе Гиссар, Ярим-тепе; в Горганской долине Тюренг-тепе; в долине Кермана Шахдад; на северо-западе Ирана Годшгтепе и другие.

Элам-Хузистан стал наиболее ранним центром урбанизационного процесса. Уже в середине IV тыс. до н.э. Сузы формируются как ранний город. К таковым можно отнести также Чага-Миш и Чандувех (Johnson, 1973, p. 101-143).

Другим, наиболее ранним центром городской культуры Среднего Востока являлась Индия - города хараппской цивилизации Мохенджо-даро, Харагшы, Калибанган, Летал, Котади и др., функционировавшие во второй половине III тыс. до н.э.

Как видно из контекста, урбанизационный процесс на юге Средней Азии являлся самым поздним в системе городской цивилизации Среднего Востока. Однако, этот прогрессивный процесс еще более ярко проявляется в последующей эпохе - раннежелезном веке, примером этому служат древние города Средней Азии: Кизил-тепа, Елькен-депе II, Мадау, Иззат-кули, Еркурган, Дальверзин и др.

Многими исследователями отмечено влияние Элама на развитие урбанизационного процесса сопредельных ему территорий, особенно, на расположенных в восточном и северо-восточном направлении от него, вплоть до южных рубежей Средней Азии. Однако, некоторые авторы несколько преувеличивают этот фактор, считая среднеазиатский очаг городской цивилизации вторичным.

Проведенное нами исследование не подтверждает данный тезис. Городская цивилизация юга Средней Азии - Туранская, вполне самостоятельная Она была первичным очагом урбанизации. Вместе с тем, это несколько запоздалое явление, в отличие от иранских, индийских, эламских и месопотамских центров. Это объясняется неравномерным развитием общества.

Социальная структура Джаркутана, как и у других ранних городов была глубоко стратифицированной - раннеклассовой.

Проведенный анализ археологических, этнографических и исторических источников позволяет нам говорить о сложении в конце II тыс. до н.э. на юге Средней Азии несколько карликовых государств типа "чифдом" и "номов"

Месопотамии.

В Бактрии, в рассматриваемой эпохе, существовало 11 земледельческих оазисов, где зафиксированы более 100 памятников. Однако, сложение городских центров произошло на отдельных, наиболее мощных, ирригационных оазисах. В северной Бактрии к таковым относится Джаркутан, а в южной Бактрии - Дашли 3, которые являлись культово-административными центрами политических объединений.

Нам представляется, что на юге Туркменистана, в конце II - начале I тыс. до н.э., также сформировалось несколько таких карликовых государствообразований типа "чифдом", центрами которых являлись Гонур 1, Тоголок 1, Намазга-депе и Алтын-депе.

По-видимому, эти ранние мелкие княжества - карликовые государства, были неустойчивыми, аморфными политическими объединениями. Они пережили несколько циклов социальных кризисов, ознаменовавших полный распад политических институтов. Этот процесс продолжался до тех пор, пока не образовались крупные политические образования - "Большой Хорезм" и "Бактрийское царство", которое произошло где-то в VIII-VII вв. до н.э. Однако, и они также не были устойчивыми, в итоге пали перед империей Ахеменидов и были включены в ее состав между 545 и 539 гг. до н.э. (Дандамаев, Луконин, 1980, с. 184).

Таким образом, в истории народов Средней Азии эпоха поздней бронзы - вторая половина II тыс. до н.э., являлась переломным моментом, означавшим начало активных урбанизационных процессов, сложения раннеклассовых отношений и государствообразований. Именно этот период предопределил дальнейшее развитие культурного и социально-экономического облика народов Средней Азии, в том числе и узбеков.

РЕЗЮМЕ

Археология инсоният тарихини яратишда чексиз имкониятларга эга фандир. Айниқса, энг қадимги, мутлақо ёзма манбаълар йуқ давр - тош, бронза ва илк темир даврлари халқлари тарихини, маданиятини ёритишда археология фанининг хизмати бениҳоя каттадир.

Қадимги Шарқ - Шумер, Элам, Ҳинд, Бактрия, Хорезм цивилизацияларини, бугунги кунда, дунёга машхур бўлиб кетиши фақат кенг археологик изланишларнинг натижасидир. Ўрта Шарқда, жумладан Ўрта Осиёда илк шаҳар маданиятининг шаклланиши Европа, Африка ва Америка минтақаларига нисбатан жуда эрта бошланди; Қадимги Шумернинг Эреду, Ур, Урук, Эламнинг Суза, Чогамиш, Чандувах, Ҳинд воҳасининг Хараппа, Мохенджударо, Джхукар шаҳарларининг ёши эрамиздан аввалги III - минг йиллакларига бориб тақалади.

Асримизнинг иккинчи ярмида олиб борилган кенг кўламдаги археологик изланишлар натижасида Қадимги Шарқ, цивилизациясининг буюк икки маркази, Шумер ва Ҳинд оралиғида, худди шунингдек, яна бошқа шаҳар маданияти юқори ривожланган марказлар Сеистон, Белужистон, Хуросон, Марғиёна ва Бактрия цивилизациялари борлиги аниқланди. Ушбу юртларда эрамиздан аввалги III - минг йилликлар охири ва II - минг йилликларга таалуқли бўлган ўнлаб илк шаҳарлар очиб ўрганилди.

Ўрта Осиёда, жумладан Ўзбекистоннинг жанубий минтақаларида, Қадимги Шарқ цивилизацияси системасига кирувчи илк шаҳар маданияти ўчоқлари мавжудлиги аниқланди. Булар Жарқўтон, Дошли, Тугалак, Гонур, Намозгоҳ, Олтин тепа, Улуғ тепа ва бошқалардир. Жарқўтон эрамиздан аввалги II - минг йилликларнинг иккинчи ярмига мансуб йирик шаҳар марказларидан бири бўлиб, Сурхондарё вилоятининг Шеробод туманида жойлашган, майдони 100 гектарга яқин ерни эгаллайди. Жарқўтонда илк шаҳарларга хос бўлган барча хислатлар мавжуд: қалъа, шахристон, мудофаа девори, сарой, ибодатхона, кулолчилик марказлари ва хоказолар.

Илк шаўарлар асосан юқори ривожланган суғорма деҳқончилик негизидан келиб чиққан маданият ва иқтисоднинг маҳсули сифатида вужудга келди.

Жарқўтонда Ўзбекистон халқари тарихидаги энг қадимги 3 гектарли мудофаа девори билан ўраб олинган қалъа, анча мустаҳкам қилиб қурилган сарой ва ибодатхона очилиб уўганилди. Моддий маданиятга кўра шаҳар ахҳлиси учта ижтимоий табақалган: 1) аслзодалар - ҳокимлар, коҳинлар, оқсоқоллар; 2) эркин, оддий шахҳрликлар - деҳқонлар, ҳунармандлар, аскарлар, савдогарлар, хизматчилар; 3) ҳуқуқсизлар - оила "қуллари" ва б. Албатта бу ибтидо жамияги юксалиб илк синфий жамият даражасига кўтарилганлигидан далолатдир. Ўз навбатида илк шаҳарлар Қадимги Шарқдаги "ном"лар каби кичик-кичик давлатчаларнинг сиёсий, иқтисодий, диний маркази сифатида шаклланганлар.

Илк шаҳарнинг туғилиши, синфий жамият ва давлатчилик маданиятининг шаклланиши диалектик уйғунликдаги жароёндр. Инсоният

рухий маданиятининг ривожига ҳам ушбу жараён билан боғлиқдир. Жарқўтон ибодатхонаси эраמידан аввалги II-минг йилликнинг иккинчи ярмида илк зардуштий динининг шаклланаётганлигидан далолатдир.

Шундай қилиб, бундан қарийб 3,5 минг йил муқаддам, Самарқанд, Бухоро, Хива, Марв, Термез, Хуўанд шаҳарларининг пайдо бўлишидан минг йил аввал, Ўзбекистоннинг жанубида, Амударёнинг ўрта ҳавзасида илк шаҳар маданияти шаклланди ва Ўрта Осиёнинг ўзига хос буюк шаҳарлашиш жараёни бошланиб кетди.

Тарихий манбаларда из қолдирган "Бактрия подшолиги", "Катта Хоразм сиёсий уюшмаси" ва "Саклар конфедерацияси" эраמידан аввалги VIII-VII тарихий даврда шаклланиб, илдизи эраמידан аввалги II-минг йилликларга бориб тақалади. Айнан шу даврда, яъни сўнгги бронза даврида, Ўрта Осиё халқлари, жумладан ўзбеклар тарихида инқилобий жараёнлар юз берди: ибтидо ҳаёт ўз яқунига етди, илк шаҳарлар туғилди, синфий жамият шаклланиши жараёни бошланди, жамиятни давлатчилик услуби билан бошқариш ихтиро қилинди ва пировард натижада иқтисодий, ижтимоий, маданий тараққиётнинг истиқболли, янги йуналиши аниқланди. Худди шу даврда, Ўрта Осиёнинг барча минтақаларида тарқалган ҳинд-европа қабилалари, шу юртда бугунги кунда яшаётган козок, киргиз, туркман, тожиклар каби ўзбекларнинг ҳам миллат сифатида шаклланишида муҳим рол уйнади.

RESUME

Archaeology is a science with boundless possibilities sanctifying human history. Especially, it has done great services to investigate very ancient time - the history and culture of the Stone, Bronze and early Metal Ages, which have no written sources. The broad archaeological studies brought fame to such ancient oriental civilizations as Sumer, Elam, Ind, Bactria and Hwrazm. Formation of early urban culture in the Central East, specifically in Central Asia, began earlier than in Europe, Africa and America. The ancient towns of Sumer - Eridu, Ur, Uruk; of Elam - Susa, Chogamish, Chandwah; Indian - Kharappa, Mohenjodaro, Jhukar belonged to the 111 mill. B.C.

The broad archaeological research of the second part of our century defined two great centres of ancient eastern civilizations - between Sumer and Ind as well as centres of highly developed urban culture - Seistan, Belujistan, Khorasan, Margiana and Bactria civilizations. Dozens of early towns belonging to the end of the III-II mill. B.C. were discovered and investigated.

The existence of early urban culture of the ancient eastern civilizations' system is defined in Central Asia, particularly in southern regions of Uzbekistan. They are - Jarkutan, Doshli, Togolok, Gonur, Namazga, Oltin tepa, Ulug tepa and others. Jarkutan, one of the city centres of the second part of the II mill. B.C. is situated in the Surkhandarya region, Sherabad district, occupying a territory of about 100 hectares. Jarkutan has all characteristic features of early urban sites: fortress,

shahristan (the city proper), fortifications, palace, temple, centres of ceramic production, etc.

Early urban sites were the result of the culture and economy based on irrigation farming.

The fortress of 3 hectares, surrounded by fortification wall, a well built palace and a temple, very ancient in the history of Uzbekistan people, were discovered and are being investigated. Urban population was socially differentiated according to the material culture: 1) aristocracy - rulers, priests, elders; 2) free, common townspeople - farmers, craftsmen, soldiers, merchants, employees; 3) people deprived of civil rights - family "slaves", etc. This is evidence of the development of primitive society to its early class level. In its turn, early urban sites, as all ancient oriental "nomes", were formed as political, economical and religious centres of small states. The birth of early urban sites and society with class differentiations and formation of the state culture was the process of dialectic unity. The development of spiritual culture was connected with this process. The temple of Jarkutan is evidence of the formation of Zoroastrinism in the second part of the 11 mill. B.C.

Thus, 3,5 thousand years ago, long before Samarkand, Bukhara, Khiva, Merv, Termez, Knojend came into existence, the early urban culture was formed in southern Uzbekistan near the middle current of the Amudarya river and the great process of urbanization, typical for Central Asia, was started.

Such principalities as "The Bactrian reign", "The Great Hworazmian political Union" and "The confederation of Sakas", mentioned in historical sources, already had state forms in VIII-VH cent. B.C. This culture of state system had been formed in a long historical period and its roots belonged to the II- mill. B.C. At that very time, late Bronze Age, the revolutionary processes in the history of Central Asian people had occurred: primitive life came to an end; early urban sites were formed; process of the class society formation was started; method of state ruling was created. Thus, as a result, new way of the economical, social and cultural development was defined. At that very period, all the indoeuropean tribes spread around Central Asia played great role in the formation of Uzbek nationality, as well as Kazak, Kirgis, Turkmen, Tajik people living nowadays on that territory.

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. Авеста.- ИУИ. (Составитель Б.В. Лунин). Т., 1984.
2. Аммиан Марцелин. История. (Пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни) Киев, 1906-1908.
3. Арриан. Поход Александра. (Пер. М.Е. Сергеенко) М.-Л., 1962.
4. Геродот. История в девяти книгах. (Пер. Г.А. Стратановского).
5. Диодор Сицилийский. Исторические библиотеки.- ИУИ. (Составитель Б.В. Лунин). Т., 1984, с. 143-162.
6. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. (Под ред. Б.С. Соколова). М., 1963.
7. Ктесий. История Персии. - ИУИ. (Составитель Б.В. Лунин). Т., 1984.
8. Плиний. Естественная история - ИУИ. (Составитель Б.В. Лунин). Т., 1984.
9. Страбон. География в 17 книгах. (Пер. Г.А. Стратановского). М., 1964.
10. ДАСА, 1940. Древние авторы о Средней Азии (VI в. до н.э. - II в. н.э.) - Хрестоматия. (Под ред. Л.В. Баженова). Т., 1940.
11. ИУИ. 1984. История Узбекистана в источниках. (Составитель Б.В. Лунин). Т., 1984.
12. Маркс К. Капитал. Т. I. Процесс производства капитала. Маркс К., Энгельс Ф., соч., изд. второе. Т. 23. М., 1961.
13. Маркс К. Капитал. Маркс К., Энгельс Ф., соч, изд. второе. Т. 25, ч. I, II, М., 1961.
14. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Маркс К., Энгельс Ф., соч, изд. второе. Т. 46, ч. 1
15. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. Маркс К., Энгельс Ф., соч, изд. второе. Т. 20. М., 1961.
16. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К., Энгельс Ф., соч. изд. второе. Т. 21. М., 1961.
17. Ленин В.И. Карл Маркс. Ленин В.И., полн. собр. соч, изд. пятое. Т. 26. М., 1977.
18. Ленин В.И. Государство и революция Ленин В.И., полн. собр. соч, изд. пятое. Т. 33. М., 1977.
19. Ленин В.И. О государстве. Ленин В.И. Полн. собр. соч., изд. пятое. Т. 39. М., 1977.
20. Абаев В.А. 1956. Скифский быт и реформа Зороастра.- *Archiv orientaini*, vol. XIII, 1956.
21. Абдуллаев Б.Н. 1977. Новый памятник эпохи бронзы на юге Узбекистана. - ОНУ, № 1.
22. Абдуллаев Б.Н. 1977. Раскопки поздних погребений могильника Джаркутан.- ИМКУ, вып. 13, Т., "Фан".
23. Абдуллаев Б.Н. 1978. Классификация керамики раннего Джаркутана.- ОНУ, № 4.
24. Абдуллаев Б.Н. 1979. Могильник Джаркутана.- ИМКУ, вып. 15. Т.
25. Аванесова Н.А. 1990. У истоков Шелкового пути.- Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и

- средневековье. ТД Международного семинара ЮНЕСКО, Самарканд 1-6 октября 1990. Т., "Фан".
- 26 . Аверкиева Ю.П. 1974. Индейцы Северной Америки. М.
- 27 . Алекшин В.А. 1973. Каменные гири с древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана.- СА, №4.
28. Алекшин В.А. 1977. Социальный строй раннеземледельческих обществ по погребальным памятникам культур Средней Азии и Ближнего Востока. Автореф. дисс. на соис уч. степ. канд. ист. наук. М.
29. Алекшин В.А. 1980. К проблеме генетической связи южнотуркменских комплексов эпохи бронзы (по материалам захоронений).- КСИА, вып. 161. М.
30. Алекшин В.А. 1986 Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ. Л.
31. Альбаум Л.И. 1964. Поселение Кучук тепа в Узбекистане.- Материалы сессии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований СССР. Баку.
- 32 Альбаум Л.И. 1969. Памятник эпохи бронзы на территории Сурхандарьи.- ОНУ, № 5, Ташкент, 1969.
- 33 .Альбаум Л.И. 1969а. К датировке верхнего слоя поселения Кучук тепе.- ИМКУ, вып. 8. Т.
- 34 . Андрианов Б.В. 1969. Древние оросительные системы Приаралья. М.
- 35 . Андрианов Б.В. 1987. Роль ирригации в становлении древних государств (на примере Средней Азии).- От классовых обществ к раннеклассовым. М.
- 36 . Андреев Ю.В. 1987. Ранние формы урбанизации.- ВДИ, № 4.
- 37 . Андреев Ю.В. 1988. Дворец и "город" на Крите во II тыс. до н.э. - СА, № 4.
- 38 . Андреев Ю.В. 1989. О роли ремесленного производства на ранних этапах процесса урбанизации - Зоны и этапы урбанизации. ТД региональной конференции. Наманган, 1989. Т., "Фан", 1989.
- 39 . Андреев М.С. 1958. Таджики долины Хуф. Вып. III, Сталинабад, 1958.
- 40 . Андреев М.С. 1970. Материалы по этнографии Ягноба. (Записки 1927-1928 гг.) Душанбе.
41. Антонова Е.В. 1981. Орнаменты на сосудах и "знаки" на статуэтках анауской культуры. – Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.
42. Антонова Е.В. 1986. К исследованию места сосудов в картине мира первобытных земледельцев. - Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур древнего и средневекового Востока. М.
- 43 . Антонова Е.В. 1990. Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М, ГРВЛ, 1990.
- 44 . Антонова Е.В., Виноградова А.М. 1979. О летних и осенних разведках в Регарском районе в 1974 г.- АРТ, вып. III. Душанбе, 1979.
- 45 . Ардзинба В.Г. 1977. Заметки к текстам хеттских ритуалов.- ВДИ, № 3.
- 46 . Ардзинба В.Г. 1982 Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
- 47 . Артемьев А.Р. 1989. Малые города Псковской земли в XIII-XV вв.- Становление европейского средневекового города. М., "Наука".
- 48 . Арциховский А.В. 1947. Введение в археологию. М.

- 49 . Аскарлов А. 1966. Освоение земель древнего обводнения и орошения в эпоху бронзы в низовьях Зеравшана и Кашкадарьи.- Тр. Махандарьинского отряда, кн. I. Т., "Фан".
- 50 . Аскарлов А. 1971. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана.- ОНУ, № 8.
- 51 . Аскарлов А. 1973. Сапаллитепа. Т., "Фан".
- 52 Аскарлов А. 1973а. К вопросу о выделении культуры Сапалли.- ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР'. Т.
- 53 . Аскарлов А. 1974. К вопросу о выделении культуры Сапалли.- Древняя Бактрия. Л., 1974.
- 54 . Аскарлов А. 1976. Расписная керамика Джаркутана.- Бактрийские древности. Л.
- 55 . Аскарлов А. 1976. Бронзовый век южного Узбекистана. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ, д.и.н., М.
- 56 . Аскарлов А. 1977. Древнеземледельческая культура юга Узбекистана. Т., "Фан".
- 57 . Аскарлов А. 1980. Храм первобытных земледельцев на юге Узбекистана.- ОНУ, № 7.
- 58 . Аскарлов А. 1984. Проблема становления раннегородской культуры на юге Узбекистана и ее связи с Индостаном.- Древние культуры Средней Азии и Индии. Л.
59. Аскарлов А. 1986. Южноузбекистанский очаг древнебактрийской цивилизации.- Древние цивилизации Востока. (Материалы II советско-американского симпозиума). Т., 1986.
- 60 . Аскарлов А., Альбаум Л. 1979. Поселение Кучук тепа. Т.
- 61 . Аскарлов А., Абдуллаев Б. 1978. Раскопки могильника Джаркутан.- ИМКУ, вып. 14. Т.
62. Аскарлов А., Абдуллаев Б. 1983. Джаркутан (К проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Т., "Фан".
63. Аскарлов А., Ширинов Т. 1983. Наконечник сохи из Джаркутана - ИМКУ, вып. 18. Т., "Фан".
64. Аскарлов А., Ширинов Т. 1985. Раскопки монументального храма на Джаркутане - "Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии". ТД, Т.
65. Аскарлов А., Ширинов Т. 1989. Древнебактрийский храм огня в южном Узбекистане.- Культура Среднего Востока. Градостроительство и архитектура. Т., "Фан", 1989.
66. Афанасьев Г.Е. 1991. Донские Аланы (социальные структуры алано-асского населения бассейна Среднего Дона в составе Хазарского каганата). Дисс. на соиск. уч. степени дин. М. Архив Института археологии АН СССР. Р-2, № 2472.
67. Бадер Н.О. 1989. Древнейшие земледельцы Северной Месопотамии. М, 'Наука".
- 68 . Бартольд В.В. 1926. Иран, Ташкент.

69. Бартольд В.В. 1966. Работы по археологии, нумизматики и этнографии. Сочинение, т. IV. М.
70. Батиров А.Р. 1983. Фауна диких и домашних животных из памятников эпохи бронзы и раннего железа на юге Узбекистана.- ИМКУ, вып. 18.
71. Батиров А.Р. 1987. Промысловая териофауна Узбекистана в голоцене (по материалам раскопок археологических памятников). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени клл. Киев.
72. Белениший А.М., Бентович И.В., Большаков О.Г. 1973. Средневековые города Средней Азии. Л.
73. Беляева Т.В., Хакимов З.А. 1973. Древнебактрийские памятники Миршаде.- "Из истории античной культуры Узбекистана". Т., 1973.
74. Белова Н.К. 1988. Проблема феодального города в Иране, Средней Азии и Закавказье в советской историографии.- "Город на традиционном Востоке". Тезисы ГРВЛ. 1988.
75. Бердиев О.К. 1970. Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений. - Каракумские древности, вып. III, Ашхабад, "Илым", 1972.
76. Бердиев О.К. 1972. Монжуклы-депе - многослойное поселение неолита и раннего энеолита в южном Туркменистане.- КД, вып. ГУ, Ашхабад, "Илым".
77. Бердимуратов А. 1986. Винodelьная мастерская в Северо-Западной Уструшане.- СА, № 4.
78. Бертельс Е.Э. 1960. История персидско-гаджикской литературы. М.
79. Блюмхен С.И. 1988. Урбогенез в первичных цивилизациях: общее и специфическое - "Город на традиционном Востоке". Тезисы. М.
80. Большаков О.Г. 1984. Средневековый город Ближнего Востока. М.
81. Большаков О.Г., Негматов Н.Н. 1958. Раскопки в пригороде древнего Пенджикента.- МИА, № 66, М.-Л.
82. Бонгард-Левин Г.М., Грантовский Э. 1983. От Скифии до Индии. М.
83. Бойс М. 1987. Зороастрийцы. М.
84. Брагинский И.С. 1956. Из истории таджикской народной поэзии. М.
85. Брагинский И.С. 1984. Иранское литературное наследие. М.
86. Вавилов Н.И. 1932. Проблема происхождения мирового земледелия в свете современных исследований.- Доклады советских делегатов на II Международном конгрессе по истории науки и техники (Лондон, июнь-июль 1931 г.) М.-Л.
87. Вавилов П.И., Букинич Д.Д. 1929. Земледельческий Афганистан. Л.
88. Васильев Л.С. 1980. Становление политической администрации.- НАА, № 1.
89. Васильев Л.С. 1981. Протогосударство - чифдои как политическая структура.- НАА, № 6.
90. Вайнберг Б.И. 1990. Водный путь по Амударье в Каспий и проблема интеграции культур (по материалам культового центра Калалы-Гыр 2 в Древнем Хорезме).- Формирование и развитие трасс великого шелкового пути в центральной Азии в древности и средневековье. ТД международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд, 1-6 октября 1990 г. Т, "Фан", 1990.

91. Вайнберг Б.И. 1991. Изучение памятников Присарыкамьшской дельты Амударьи в 70-80-х годах - Скотоводы и земледельцы левобережного Хорезма (Древность и средневековье) I. М.
92. Вебер М. 1923. Город, Пг. 1923.
93. Вейнберг И.П. 1973. Город в палестинской гражданско-храмовой общине VI-IV вв. до н.э.- Древний Восток. Города и торговля. Ереван.
94. ВИ. 1955. Всемирная история. Т. I. М.
95. ВИА. 1970. Всемирная история архитектуры. Архитектура древнего мира. Т. I. М.
96. Виноградов А.В. 1979. Исследования памятников каменного века в северном Афганистане. - Древняя Бактрия Материалы советско-афганской экспедиции, вып. 2. М., "Наука".
97. Виноградов А.В. 1984. Отчет о работе отряда по изучению памятников бронзового века ЮТАКЭ (1978)- АРТ, вып. XIII (1978) Душанбе, 1984.
98. Виноградова Н.М. 1986. Работы отряда по изучению памятников эпохи бронзы ЮТАКЭ весной 1979 г.- АРТ, вып. III (1979). Душанбе, 1986.
99. Виноградова Н.М., Кузьмина Е.Е. 1986. Контакты степных и земледельческих племен Средней Азии в эпоху бронзы - Восточный Туркестан и Средняя Азия в системе культур Древнего и Среднего Востока. М.
100. Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т. 1983. Работы в Гиссарской долине в 1977 г. - АРТ, вып. ХУЛ (1977). Душанбе.
101. Виноградова Н.М., Пьянкова Л.Т., Самойлик П.Т, Мельникова Л.А. 1979. Раскопки земледельческого поселения эпохи бронзы на юге Таджикистана.- АО, 1979. М.
102. Вишневикий А.Г. 1975. Число детей в семье в исторической перспективе.- Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи. Вып. III. Ереван.
103. Водарский Я.Е. 1989. Город: сущность, критерии, факторы образования и функции.- Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии") ТД региональной конференции. Наманган, 1989. Т., "Фан".
104. Воронец М.Э. 1956. Каменные изображения змей кишлака Сурх Ферганской области.- КСИИМК, вып. 61.
105. Ганялин А.Ф. 1956а. К стратиграфии Намазга-тепе.- ТИИАЭ АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад, 1956.
106. Ганялин А.Ф. 1956б. Теккем-тепе (раскопки 1952-1953 гг.)- ТИИФЭ АН Туркм. ССР, т. II, Ашхабад.
107. Ганялин А.Ф. 1959а. Холм Илгынлы-депе.- ТИИАЭ АН Туркм. ССР, т. V, Ашхабад, 1959.
108. Ганялин А.Ф. 1959б. Алтын-депе (по материалам работ 1953 г.)- ТИИФЭ, т. V, Ашхабад.
109. Ганялин А.Ф. 1967. Раскопки в 1959-1961 гг. на Алдын-депе.- СА, 1967, № 4.
110. Гаибов В.А, Кошеленко Г.А. 1989. Тоголок 21 и проблемы религиозной истории древней Маргианы – ВДИ I.

111. Гаикрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс. 1984. Индоевропейский язык и индоевропейцы Т. П, Тбилиси, 1984.
112. Гафуров Б.Г. 1972 Таджики. Древнейшая древняя и средневековая история М, "Наука".
113. Гафуров В. 1989. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Книга первая. Издание второе. Душанбе, "Ирфон", 1989.
114. Грантовский Э.А. 1970. Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
115. Грантовский Э.А. 1987. Послесловие. М. Бойс. Зороастрийцы М., 1987.
116. Григорьев В.В. 1871. О скифском народе саках. СПб.
117. Грене Ф. 1989. Некоторые замечания о корнях зороастризма в Средней Азии.- ВДИ, No 1.
118. Гиршман Р.М. 1978. Религия Ирана от VIII в. до н.э. до периода ислама.- Культура Востока. Древность и Средневековье. Л
119. Гиршман Р.М. 1978а. Происхождение "Чахартака".- Культура Востока. Древность и Средневековье. Л.
120. Горбунова В.Г. 1985. Памятники каркидонской группы в Южной Фергане.- АС, 26. Л.
121. ГНТВ. 1988. Город на традиционном Востоке. Тезисы М. "Наука". ГРВЛ, 1988.
122. ГСКБТС. 1986. Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. - VIII в. до н.э.). ТД советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 августа 1986. Ташкент, 1986 г.
123. ГНТВ. 1988. Город на традиционном Востоке. Научная конференция Тезисы. М., "Наука" ГРВЛ. 1988.
124. ГСКБТС. 1986. Городская среда и культура Бактрии - Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. - VIII в. н.э.). ТД советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 августа 1986 г. Т., "Фан", 1986.
125. Гуляев В.И. 1972. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. "Наука", М.
126. Гуляев В.И. 1976. Проблема становления царской власти у древних Мая. - Становление классов и государств. М., 1976.
127. Гуляев В.И. 1977. Города Мая. - СА, № 4.
128. Гуляев В.И. 1979. Города-государства Мая (Структура и функции города в раннеклассовом обществе). "Наука". М.
129. Гуляев В.И. 1984. Забытые города Мая. М. "Искусство".
130. Гуляев В.И. 1987. Структура власти в древнейших государствах Мезоамерики: Генезис и характерные особенности.- От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.
131. Гуляев В.И. 1990. Иерархия общинных структур и ее археологическое отражение (по материалам доиспанской Мезоамерики) - Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М.
132. Гулямов Я.Г. 1957. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Т., "Фан", 1957.
133. Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. 1966. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зерафшана. Ташкент, "Фан".

134. Гулмурадов Д. 1975. Новые данные о торговых связях Туркмении и Индостана в бронзовые века. - УСА, вып. 3.
135. Дандамаев М.А. 1974. Рабство в Вавилонии. М.
136. Дандамаев М.А. 1989. Некоторые замечания к обсуждаемой проблеме.- ВДИ, № 2.
137. Дандамаев М.А., Луконин В.Г. 1980. Культура и экономика Древнего Ирана. М, "Наука", ГРВЛ.
138. Дайсон Р.Х., Ховард С.М. 1983. Повторное изучение памятника Тепе Гиссар. - Археология Средней Азии и Ближнего Востока, II советско-американский симпозиум. ТД. Т.
139. Дайсон Р.Х. 1986. Повторное исследование Тепе Гиссар.- Древние цивилизации Востока. Т.
140. ДВ. 1973. Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). Ереван, изд-во АН Армянской ССР, 1973.
141. ДГ. 1977. Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". (Пенджикент, октябрь 1977 г.). Л., "Наука", 1977.
142. ДГСА. 1973. Древний город Средней Азии. Краткие тезисы докладов. Л, 1973.
143. Доватур А.И., Коллистов Д.П., Шишова И.А. 1982. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М.
144. Долуханов П.М., Щетенко А.А., Тоси М. 1985. Серия радиоуглеродных датировок населения эпохи бронзы на Намазга депе.- СА, № 1.
145. Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975.
146. Дорошенко Е.А. 1982. Зороастрийцы в Иране. М.
147. Древние цивилизации Востока. Т., 1986.
148. Древние культуры Бактрии. Среда, развитие, связи.- Тезисы первого советско-французского симпозиума "Археология древней Бактрии". Душанбе, 1982.
149. Дуке Х. 1982. Туябугузские поселения Бургулюкской культуры. Т.
150. Дьяконов И.М. 1956. История Мидии от древнейших времен до конца V в. до н. э. М.-Л., 1956.
151. Дьяконов И.М. 1966. Община на Древнем Востоке в работах советских исследователей.- ВДИ, № 1.
152. Дьяконов И.М. 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М.
153. Дьяконов И.М. 1968. О структуре общества Ближнего Востока до середины II тыс. до н.э.- ВДИ, № 3.
154. Дьяконов И.М. 1971. Восточный Иран до Кира (к возможности новых постановок вопросов. - История иранского государства и культуры. М.
155. Дьяконов И.М. 1973. Проблема вавилонского города II тыс. до н.э. (По материалам Ура).- Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.) Ереван.
156. Дьяконов М.М. 1953. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кабadian) (1950-1951 гг.) – МИА, № 37. М., 1953.

157. Дьяконов М.М. 1954. Сложение классового общества в северной Бактрии.- СА, XIX.
158. Дьяконов М.М. 1961. Очерк истории Древнего Ирана. М.
159. Ермолова Н.М. 1983. Скотоводство и охота в Центральной Азии в эпоху энеолита и бронзы (по данным палеозоологии).- Археология Средней Азии и Ближнего Востока. П советско-американский симпозиум. ТД. Т.
160. Ершов С.А. 1934. Каратаг и его ремесло. Душанбе.
161. Ершов С.А. 1956. Северный холм Анау. (отчет о стратиграфической шурфовке холма в 1953 г.).- Тр. ИИАЭ АН ТССР, т. П, Ашхабад.
162. Жарриж Ж.Ф. 1982. Связи Белуджистана и Средней Азии во второй половине III тыс. до н.э. в свете новых работ в районе Мергара.- Древнейшие культуры Бактрии Среда, развитие, связи. Тезисы первого советско-французского симпозиума "Археология древнейшей Бактрии". Душанбе.
163. Заднепровский Ю.А. 1962 Древнеземледельческая культура Ферганы.- МИА, № 118, М.-Л.
164. Заднепровский Ю.А. 1973. Типология и динамика развития городских поселений Древней Ферганы. - Древний город Средней Азии. М.-Л.
165. Заднепровский Ю.А. 1989. Древние города и этапы урбанизации Средней Азии - Зоны и этапы урбанизации. Т., "Фан".
166. Запаров Ш.Х., Ртвеладзе Э.В. 1976. Раскопки древнебактрийского поселения Талашкан тепе I. - Бактрийские древности. Л.
167. Зеймаль Е.В. 1971. Древнеземледельческое поселение Болдай тепе - МКТ, вып. 2. Душанбе.
168. Золотарев А.М. 1964. Родовой строй и первобытная мифология. М.
169. Зыбковец В.Ф. 1959. Дорелигиозная эпоха. М.
170. ЗЭУ. Зоны и этапы урбанизации. (Теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии". ТД региональной конференции. Т. "Фан", 1989.
171. Иванов Вяч. Вс. 1989. О соотношениях археологических, лингвистических и культурно-семиотических реконструкций (на материалах Тоголок 21). - ВДИ, № 2.
172. ИДВ. 1983. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Часть первая. Месопотамия. М. ГРВЛ.
173. ИДМ. 1989. История древнего мира. Расцвет древних обществ. Изд. третье. М. ГРВЛ, 1989.
174. Ионесов В.И. 1990. Становление и развитие раннеклассовых отношений в оседлоземледельческом обществе Северной Бактрии (по материалам погребальных комплексов II тыс. до н.э. южного Узбекистана). Автореф. на соиск. уч. ст. к.и.н. Самарканд.
175. Илюшечкин В.П. 1988. Об основных стадиях развития докапиталистического города. - "Город на традиционном Востоке". Тезисы. М.
176. Ильтаков Л.С. 1986. Погребения литейщиков эпохи средней бронзы Северо-восточного Приазовья.- СА, №2.
177. Ильин Г.Ф., Бонград-Левин Г.М. 1969. Древняя Индия. М.

- 178 .Исаков А. 1986. Саразм - новый раннеземледельческий памятник Средней Азии- СА, № 1.
- 179 .История Киргизской ССР. Фрунзе, "Кыргызстан", 1984.
- 180 .ИТН. 1963. История таджикского народа. ИВЛ. М, 1963.
- 181 .Итина М.А. 1970. Из истории населения степной полосы среднеазиатского Междуречья в эпоху бронзы.- КСИА, 122.
- 182 . Итина М.А. 1977. История степных племен Южного Приаралья (II - начало I тыс. до н.э.). М., "Наука".
183. Итина М.А. 1983. Взаимодействие земледельческих цивилизаций Средней Азии с их "варварской" периферией в эпоху бронзы.- Археология Средней Азии и Ближнего Востока. II советско-американский симпозиум. ТД. Т.
- 184 .Йетмар К. 1986. Религия Гиндукуша. М.
- 185 .Карцев В.Н. 1986. Зодчество Афганистана. М.
- 186 .Кирчо Л.Б. 1972 Стратиграфия Алтын-депе и количественный метод определения относительной хронологии.- КД, вып. IV. Ашхабад.
187. Коляков С.М. 1991. Раскопки крепости Кургашин-кала.- Новые открытия в Приаралье. (Материалы к археологической карте), вып. I. М.
- 188 .Коль Ф.Л., Гескел Д.Л. 1982 Археологические памятники равнины Дерре Газ.- СА, № 4.
- 189 .Коробкова Г.Ф. 1969. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. Л.,- МИА, № 5.
- 190 .Коротаев А.В. 1988. К становлению городских структур в южной Аравии (начало I тыс. до н.э.): термин в Древнейемениской эпиграфике.- Город на традиционном Востоке. Тезисы. М. "Наука".
191. Кошеленко Г.А. 1966. Культура Парфии. М.
192. Краснов Ю.А. 1975. Древнейшие упряжные пахотные орудия. М.
- 193 .Краснов Ю.А. 1980. Безводнинский могильник. М.
- 194 .Крутикова И.Т., Сарияниди В.И. 1976. Пять лет работы советско-афганской археологической экспедиции. - Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции. 1969-1973 гг. М. "Наука".С
195. Кузьмина Е.Е. 1966. Металлические изделия энеолита бронзового века в Средней Азии – Археология СССР. САИ. В4-9. М.
196. Кузьмина Е.Е. 1967. Кубкообразные сосуды эпохи поздней бронзы Казахстана - В глубь веков. Алма-Ата.
197. Кузьмина Е.Е. 1971. О некоторых аспектах проблемы культурных и этнических связей Средней Азии и Ирана в эпоху поздней бронзы и раннего железа.- Искусство и археология Ирана. К 2500-летию Иранского государства. Всесоюзная конференция (1969). Доклады. "Наука". ГРВЛ М.
198. Кузьмина Е.Е. К вопросу о формировании культуры Северной Бактрии (бактрийский мираж и археологическая действительность) - ВДИ, № 1.
199. Куфтин Б.А. 1954. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению "культуры Аму".- Изв. АН ТССР. Серия общественных наук, № 1. Ашхабад.
200. Куфтин Б.А. 1956. Полевой отчет о работе III отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытнообщинных оседлоземледельческих поселений

- эпохи меди и бронзы в 1952 г. - Тр. ЮТАКЭ, т. Ш. Ашхабад.
201. Кушнарева К.Х., Чубинишвили Т.Н. 1970. Древние культуры Южного Кавказа. Л.
202. Ламберг-Карловски К.К. 1990. Модели взаимодействия в III тысячелетии до н.э.: от Месопотамии до долины Инда.- ВДИ, № 1.
203. Лапко Г.М. 1989. Географические подходы к изучению городов.- Зоны и этапы урбанизации. ТД региональной конференции. Наманган. Т., "Фан".
204. Ламберг-Карловски Е., Саблов Дж. 1992. Древние цивилизации. Ближний Восток и Мезоамерика. М. "Наука".
205. Лившиц В.А. 1964. Общество Авесты. - История таджикского народа. Т. I. М.
206. Лившиц В.А. 1964. Древнейшие государственные образования – История таджикского народа. Т. I. М.
207. Лившиц В.А., Стеблин-Каминский И. 1989. Зороастризм ? - ВДИ, № 1.
208. Лисинина Г.Н. 1965. Орошаемое земледелие эпохи энеолита на юге Туркмении.- МИА № 128.
209. Лисицина Г.Н. 1968. Растительность Южной Туркмении в VI-I тыс. до н.э. по данным определения углей - КД, вып. 2.
210. Лисицина Г.Н. 1978. Становление и развитие орошаемого земледелия в южной Туркмении. М. "Наука".
211. Лисицина Г.Н. 1984. Древнее земледелие в Средней Азии (эпоха поздней бронзы - раннего железа). - Ранний железный век Средней Азии и Индии. ТД советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад. "Блым".
212. Литвинский Б.А. 1952. Намазга-тепе, по данным раскопок 1949-1950 гг. (Предварительное сообщение),- СЭ, № 4.
213. Литвинский Б.А. 1962. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Кайракумов. ДК. Душанбе, "Ирфон".
214. Литвинский Б.А. 1962. Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов). - Индия в древности. М., 1964.
215. Литвинский Б. . 1967. Археологические открытия в Таджикистане за годы Советской власти и некоторые проблемы древней истории Средней Азии.- ВДИ, № 4.
216. Литвинский Б.А. 1968. Канпойско-сарматский фарн. Душанбе, 1968.
217. Литвинский Б.А. 1973. Древний среднеазиатский город. (Местные традиции и иноземные модели). Древний Восток.- Города и Торговля (III-I тыс. до н.э.). Ереван.
218. Литвинский Б.А., Зеймаль Т.И., Медведская И.П. 1977. Отчет о работах Южно-Таджикистанской археологической экспедиции в 1973 г. - АРТ, вып. III (1973). Душанбе.
219. Литвинский Б.А. 1977. Проблемы истории и истории культуры древней Средней Азии в свете новейших работ советских ученых (1967-1977).- ВДИ, № 4.
220. Литвинский Б.А. 1981. Семантика древних верований и обрядов памирцев.- Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М.

- 221 . Литвинский Б.А., Седов А.Е. 1983. Тепак-Шах. М.
- 222 . Литвинский Б.А. 1989. Протоиранский храм в Маргиане 2.- ВДИ, № 1.
- 223 . Литвинский Б.А., Антонова Е.Е., Виноградова Н.М. 1976. Раскопки могильника Тандырйул.- АО, 1975. М.
224. Лоллекова О. 1979. Хозяйство политических племен юга Туркмении в свете экспериментально-трасологических данных. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. Л.
- 225 .Маккей Э. 1951. Древнейшая культура долины Инда. М.
- 226 .Марков Г.Е. 1976. Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М.
- 227 .Маретин Ю.В. 1973. Социальная стратификация в общинах соседско-родового и соседско-большесемейного типов.- Возникновение раннеклассового общества. ТД. М.
- 228 .Маретина С.А. 1980. Эволюция общественного строя у горных народов северо-восточной Индии. М.
- 229 .Маретина С.А. 1987. Социальная стратификация и становление государства (на примере малых народов Индии).- От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.
- 230 .Мандельштам А.М. 1959. Могильник Аруктау в Бишкентской долине.- КСИИМК, вып. 76. М.
- 231 .Мандельштам А.М. 1966. Погребения срубного типа в Южной Туркмении - КСИА, вып. 108.
- 232 .Мандельштам А.М. 1967. Новые погребения срубного типа в Южной Туркмении.- КСИА, вып. 112.
- 233 .Мандельштам А.М. 1968. Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. - МИА, № 145, М.-Л.
- 234 .Марущенко А.А. 1956. Старый Серахс (отчет о раскопках 1953 г.)- ТИИАЭ АН Туркм. ССР, т. II. Ашхабад.
235. Марущенко А.А. 1956. Елькен-депе (отчет о раскопках 1953, 1955 и 1956 гг.) - ТИИАЭ АН Туркм. ССР, т. V. Ашхабад.
236. Мамедов М. 1991. Памятники эпохи бронзы и раннего железа Бактрии и Маргианы. Автореф. дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. Алма-Ата.
237. Мамедов М. 1991а. Преемственность архитектурно-планировочных традиций в зодчестве Маргианы - Маскан, № 12.
238. Масимов И. 1970. Раскопки ремесленного квартала эпохи бронзы поселения Алтын-депе. - КД вып. 3, Ашхабад, "Ылым".
239. Масимов И. 1972. Изучение керамических печей эпохи бронзы на поселении Улуг-депе. - КД вып. IV. Ашхабад, "Илым".
240. Масимов И. 1973. Керамическое производство Южного Туркменистана эпохи бронзы. Автореф дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Л.
241. Масимов И. 1976. Керамическое производство эпохи бронзы в Южном Туркменистане. Ашхабад.
242. Масимов И.С. 1979. Изучение памятников эпохи бронзы низовьев Мургаба.- СА, № 1.
243. Масимов И.С. 1982. Культура низовья Мургаба в бронзовом веке и связь с

- Бактрией. - ТД первого советско-французского симпозиума "Археология древнейшей Бактрии". Душанбе.
244. Масимов И.С. 1986. Новые исследования памятников эпохи бронзы на Мургабе. - Древние цивилизации Востока. (Материалы II советско-американского симпозиума). Т., "Фан".
245. Массон В.М. 1956. Памятники культуры архаического Дахистана на юго-западе Туркмении. - Тр. ЮТАКЭ, т. III. Ашхабад.
246. Массон В.М. 1956. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б.А. Куфтина. - Тр. ЮТАКЭ, т. III. Ашхабад.
247. Массон В.М. 1959. Древнеземледельческая культура Маргианы - МИА, № 73. М.-Л.
248. Массон В.М. 1962. Кара-депе у Артыка. - Тр. ЮТАКЭ, т. X. Ашхабад.
249. Массон В.М. 1964. Средняя Азия и Древний Восток. М.-Л., "Наука".
250. Массон В.М. 1964а. Историческое место среднеазиатской цивилизации-СА, № 1.
251. Массон В.М. 1966. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии.- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы М.-Л.
252. Массон В.М. 1966а. Расцвет и упадок культуры земледельцев юго-запада. - Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.
253. Массон В.М. 1966б. На пороге раннеклассового общества. Оазисы юга Средней Азии в первой трети I тыс. до н.э.- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы М.-Л.
254. Массон В.М. 1966а. К эволюции оборонительных стен оседлых поселений - КСИА, вып. 108.
255. Массон В.М. 1966г. Страна тысячи городов. ГРВЛ. М. 1966.
256. Массон В.М. 1967. Становление раннеклассового общества на Древнем Востоке - ВДИ, № 5.
257. Массон В.М. 1967. Протогородская цивилизация юга Средней Азии- СА, № 3.
258. Массон В.М. 1970. Раскопки на Алтын-депе. - АО, 1969. М.
259. Массон В.М. 1971. Поселение Джейтун. (Проблема становления производящей экономики). - МИА, №180. Л.
260. Массон В.М. 1972. Ремесленные производства в эпоху первобытнообщинного строя. - ВДИ, № 8.
261. Массон В.М. 1972. Изучение общественной структуры раннегородского поселения Алтын-депе - АО, 1971. М.
262. Массон В.М. 1972. Эволюция первобытных поселений Средней Азии.- УСА, вып. I, Л.
263. Массон В.М. 1973. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии.- Древний город Средней Азии. Краткие ТД к заседанию на конференцию, посвященной полевым исследованиям в области археологии и этнографии в 1972 г. Л.
264. Массон В.М. 1973. Процесс урбанизации в древней истории Средней Азии. - ТД сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований в 1972 году в СССР. Т.

265. Массон В.М. 1974. Проблема древнего города и археологические памятники северной Бактрии. (Перспективы исследования).- Древняя Бактрия. Л. "Наука".
266. Массон В.М. 1975. Первые города (к проблеме формирования городов в среде раннеземледельческих культур). - Новейшие открытия советских археологов (ТД конференции). Часть I. Киев.
267. Массон В.М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии). Л., "Наука".
268. Массон В.М. 1977. Типология древних городов и исторический процесс- Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". Л, "Наука".
269. Массон В.М. 1977. Печати протоиндийского типа из Алтын-Депе (К проблеме этнической атрибуции культур расписной керамики Ближнего Востока).- ВДИ, № 4.
270. Массон В.М. 1978. Городские центры раннеклассовых обществ.- История и археология Средней Азии. Ашхабад, "Илым".
271. Массон В.М. 1979. Средняя Азия в III-I тыс. до н.э. ИДВ, М.
272. Массой В. М. 1980. Формирование раннеклассового общества и вопросы типологии древних цивилизаций.- Древний Восток и античный мир. М. Изд-во Московского университета.
273. Массой В. М. 1981. Алтын-Депе- Тр. ЮТАКЭ, т. XVIII.
274. Массой В. М. 1982. Энеолит Средней Азии.- Археология СССР. М. "Наука".
275. Массой В. М. 1982. Диалектика традиций и инноваций и культурный процесс в Древней Бактрии.- Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Тезисы первого советско-французского симпозиума "Археология древнейшей Бактрии". Душанбе.
276. Массой В. М. 1984. Средняя Азия в эпоху раннего железа: Культурная и социально-экономическая динамика.- Раннежелезный век Средней Азии и Индии. ТД членов советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад.
277. Массой В. М. 1984а. Формирование древних цивилизаций в Средней Азии и Индостане. Древние культуры Средней Азии и Индии. Л. "Наука", 1984, с. 56-70.
278. Массой В. М. 1989. Первые цивилизации. Л. "Наука".
279. Массой В. М. 1989а. Древние цивилизации Средней Азии- Древние цивилизации. М. "Мысль".
280. Массой В. М. 1951. Южно-Туркештанская комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 г. - Тр. ЮТАКЭ, т. II. Ашхабад.
281. МНМ. 1980. Мифы народов мира. Т. I. М.
282. ИИШ1982 Мифы народов мира. Т. 2 М.
283. Медведская И.Н. 1977. Могильник Кайтерах - новый памятник раннежелезного века Ирана. - СА, №1
284. Мелларт Дж. 1982. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М. "Наука". ГРВЛ

285. Мейтарчиян М. Б1984. Амулет эпохи бронзы с поселения Джаркутан.- ИМКУ, вып. 19. Т.
286. Мунчаев Р. М. 1975. Кавказ на заре бронзового века. М.
287. Негиатов Н.К., Мирбабаев А.К. 1985. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины Таджикистана.- Памятники культуры. Ежегодник, 1983. Л.
288. Негматов Н.Н. 1989. К концепции урбанизации Азии модель и ступенчатость - Зоны и этапы урбанизации. ТД региональной конференции. Т. "Фан".
289. Неразик Е.Е. 1976. Сельское жилище в Хорезме (I-III вв.) М.
290. Нейхарт А.А. 1956. Происхождение креста. М.
291. Нильсен В.А. 1966. Архитектура Средней Азии V-VIII вв. Т.
292. Ньюли Г. 1989. Археология и проблема происхождения зороастризма: новые перспективы. - ВДИ, № 2.
293. Ольдерогге Д.А. 1975. Иерархия родовых структур и типы большесейных домашних общин. Социальная организация народов Азии и Африки. М.
294. Оппенгейм А. 1990. Древняя Месопотамия М. "Наука". ГРВЛ.
295. Оранский И.М. 1971. Изучение памятников древнеиранской письменности в СССР (1917-1970).- История иранского государства и культура. М.
296. Орбели И.А., Тревер К.В. 1935. Сасанидский металл. Художественные предметы из золота, серебра и бронзы. М.-Л.
297. Павленко Ю.В. 1989. Раннеклассовые общества. Генезис и пути развития. Киев. Наукова думка.
298. Пилипко В.А. 1984. Ранний железный век Средней Азии и Индии - ТД членов советской делегации на первом советско-индийском симпозиуме. Ашхабад.
299. Пилипко В.А. 1989. Становление и развитие парфянской культуры на территории южного Туркменистана. Автореф. на соиск. уч. степени д.и.н. М.
300. Погребова М.Н. 1971. Иран и Закавказье в конце II тыс. до н.э. (Некоторые проблемы абсолютной и относительной хронологии).- Искусство и археология Ирана. К 2500-летию Иранского государства. Всесоюзная конференция (1969). Доклады "Наука", ГРВЛ. М.
301. Погребова М.Н. 1977. Иран и Закавказье в раннем железном веке. М.
302. Пугаченкова Г.А. 1973. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. - ВДИ, № 1.
303. Пугаченкова Г.А. 1976. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры северного Афганистана. - Древняя Бактрия. МСАЭ. М.
304. Пугаченкова Г.А. 1978. К интерпретации и типологии некоторых архитектурных памятников Мерва и Нисы - Тр. ЮТАКЭ, т. XVI, Ашхабад.
305. Пугаченкова Г.А. 1982. К типологии монументального зодчества древних стран Среднеазиатского региона.- *Iranika, Antiqua*, vol. XVII.
306. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. 1990. Северная Бактрия-Тохаристан. Т., "Наука".
307. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. и др. 1978. Дальверзин тепа - кушанский

- город на юге Узбекистана. Т.
308. Пьянков И.В. 1965. "История Персии" Ктесия и среднеазиатских Ахеменидов в конце V в. до н.э.- ВДИ, №2.
309. Пьянков И.В. 1973. Город Средней Азии ахеменидского времени по данным античных авторов. - Древний Восток. Города и торговля (III-II тыс. до н.э.). Ереван.
310. Пьянков И.В. 1975. Средняя Азия в известиях античного историка Ктесия Душанбе.
311. Пьянков И.В. 1982 Бактрия в античной традиции. Душанбе.
312. Пьянков И.В. 1989. Тоголок 21 и пути его исторической интерпретации.- ВДИ, № 1.
313. Пьянкова Л.Г. 1974. Могильник Тигровая Балка.- СА, № 3.
314. Пьянкова Л.Г. 1975. Нурекский могильник эпохи бронзы - АО, 1974.
315. Пьянкова Л.Г. 1978. Керамика из могильника Тигровая Баша (бронзовый век). МКТ.
316. Пьянкова Л.Г. 1979. Отчет о работах Нурекского археологического отряда. АРТ, вып. III, Душанбе.
317. Пьянкова Л.Г. 1981. Раскопки Тегузакского отряда - АО 1980. М.
318. Пьянкова Л.Г. 1982. Вахшская и бишкентская культуры - Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. ТД первого советско-французского симпозиума. Душанбе.
319. Пьянкова Л.Г. 1982а. Древние скотоводы Бактрии (о вахшской и бишкентской культурах). Культура первобытной эпохи Таджикистана. Душанбе.
320. Пьянкова Л.Г. 1982б. Древние скотоводы южного Таджикистана. Автореф дисс на соиск. уч. степени к.и.н. Душанбе.
321. Пьянкова Л.Г. 1983. Раскопки поселения Тегузак. - АО, 1981. М.
322. Пьянкова Л.Г. 1986. Раскопки на поселении бронзового века Тегузак в 1979 г. - АРТ, вып. XIX (1979). Душанбе.
323. Пьянкова Л.Г. 1987. К вопросу о семейных и общественных отношений в эпоху поздней бронзы (по материалам могильников Вахшской культуры).- МКТ, вып. 4. Душанбе.
324. Пьянкова Л.Г. 1989. Древние скотоводы южного Таджикистана (по материалам могильника эпохи бронзы "Тигровая Балка"). Душанбе.
325. Рабинович М.Г. 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М.
326. Ранов В.А., Коробкова Г.Ф. 1972. Тут-каул многослойное поселение гиссарской культуры в южном Таджикистане - СА, № 2.
327. Рахманов У. 1977. Хозяйственные помещения за пределами крепости Сапаллитепа - ИМКУ, вып.13, Т.
328. Рахманов У. 1979. Раскопки керамических печей Сапалли на поселении Бустан 4. - ИМКУ, вып. 15. Т.
329. Рахманов У. 1981. Зооморфные изображения на керамике памятника эпохи бронзы Бустан 4. - ИМКУ, вып. 16. Т.
330. Рахманов У. 1981. Керамические печи культуры Сапалли. - Краткие ТД

IV искусствоведческой конференции молодых ученых. Т., "Фан".

331. Рахманов У. 1982. Об орнаментации керамики с поселения Джаркутан.- ИМКУ, вып. 17. Т.

332. Рахманов У. 1983. Керамическое орудие труда эпохи бронзы с поселения Джаркутан.

333. Рахманов У. 1987. Керамическое производство эпохи бронзы южного Узбекистана. Автореф. на соиск. уч. степени к.и.н. Самарканд.

334. Рахманов У., Шайдуллаев Ш. 1985. О влиянии культур степной бронзы на керамические комплексы сапаллинской культуры - ОНУ, № 11.

335. Рапопорт Ю.А. 1987. Космогонический сюжет на хорезмийских сосудах.- Средняя Азия в древности и средневековье. М.

336. Ремпель Л.И. 1987. Цепь времен. Т.

337. РКФТПСГТ. 1984. Раннеклассовые формации. Теоретические проблемы становления государства и города. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1984.

338. Романова Е.И., Семенов А.А., Тимофеев В.И. 1972. Радиоуглеродные даты образцов из Средней Азии и Казахстана лаборатории ЛОИА - ЦСА, вып. 2. Л.

339. Росляков А.А. 1956. Краткий очерк истории Туркмении. Ашхабад.

340. Рзаев Н.И. 1971. О семантике рельефных изображений золотой чаши из Хасанлу. - Искусство и археология Ирана. К 2500-летию Иранского государства. Всесоюзная конференция (1969). Доклады "Наука". ГРВЛ. М.

341. Ртвеладзе Э.В. 1973. К вопросу о типологии городских поселений кушанского времени территории Сурхандарьинской области.- Древний город Средней Азии. Краткие тезисы Л.

342. Ртвеладзе Э.В. 1976. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана.-Бактрийские древности. Л

343. Ртвеладзе Э.В. 1986. Формирование городов Бактрии-Тохаристана.- Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. - III в. н.э.). ТД советско-французского коллоквиума. Т.

344. Руденко С.И. 1960. Культура населения центрального Алтая в скифское время. М.-Л.

345. Руденко С.И. 1961. Искусство Алтая и Передней Азии. М.

346. Руденко С.И. 1968. Древнейшие в мире художественные ковры и ткани.

347. Рузанов В. 1983. О появлении древнейшего железа в памятниках Средней Азии. - ИМКУ, вып. 18, Т.

348. Рузанов В.Д. 1987. Древние сплавы Средней Азии - ИМКУ, вып. 21. Т.

349. Рузанов В.Д. 1988. Применение спектроаналитических данных для выявления древних источников металла Средней Азии.- Медные рудники западного Кавказа III-I тыс. до н.э. и их роль в горно-металлургическом производстве древнего населения. ТД Башкапсарского полевого археологического семинара (Сухуми-Башкапсара, 1988). Сухуми.

350. Сагдуллаев А.С. 1978. Древнеземледельческие поселения предгорий Байсунтау - "История и археология Средней Азии". Ашхабад, 1978.

351. Сагдуллаев А.С. 1978а. Культура северной Бактрии в эпоху поздней

- бронзы и раннего железа. (По материалам памятников района Шурчи-Байсун. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Л.
352. Сагдуллаев А.С. 1982. Заметки о раннежелезном веке Средней Азии.- СА, № 2.
353. Сагдуллаев А.С. 1987. Усадьбы древней Бактрии. Т, "Фан".
354. Сагдуллаев А.С. 1989. Оседлые области юга Средней Азии в эпоху раннего железа (генезис культуры и социально-экономическая динамика). Автореф. на соиск. уч. степени д.и.н. М.
355. Сагдуллаев А.С., Хакимов З. 1976. Археологическое изучение городища Кызыл-тепе. - Бактрийские древности. Л.
356. Сазанова Н.Е. 1988. К вопросу о сложении города - ВДИ, № 2.
357. Сайко Э.В. 1973. Становление города как производственного центра. Душанбе.
358. Сайко Э.В. 1973. Экономические основы формирования города по археологическим данным - Древний город Средней Азии. М.-Л.
359. Сайко Э.В. 1977. Предпосылки к условиям формирования древнего города - Древние города. Материалы к Всесоюзной конференции "Культура Средней Азии и Казахстана в эпоху раннего средневековья". (Пенджикент, октябрь 1977). Л.
360. Сайко Э.В. 1987. Формирование древнейших городов и становление раннеклассового общества (методологические аспекты) - От классовых обществ к раннеклассовым. М.
361. Сайко Э.В. 1989. Город - продукт и преобразующий фактор культурно-исторического прогресса - Зоны и этапы урбанизации в Средней Азии. ТД региональной конференции. Наманган. Т., "Фан".
362. Сайко Э.В. 1990. Особенности процесса урбанизации в Средней Азии в конце III-II тыс. до н.э.- КСИА, вып. 201.
363. Сайко Э.В. 1990. Специализированные производства в развитии обществ раннеземледельческих культур. (К проблеме формирования экономических предпосылок становления классового общества). М.
364. Сарияниди В.И. 1960. К стратиграфии восточной группы памятников культуры Анау.- СА, № 3.
365. Сарияниди В.И. 1961. Неолитическое поселение Геоксюр (результаты работ 1956-1957 гг.) - Тр. ЮТАКЭ, т. X, Ашхабад.
366. Сарияниди В.И. 1961. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении. - Энеолит южных областей Средней Азии, ч. IV. САИ, БЗ-8. М.
367. Сарияниди В.И. 1962. Культовые здания поселений анауской культуры - СА, № I
368. Сарияниди В.И. 1964. Хопуз-депе как памятник эпохи бронзы - КСИА, вып. 98.
369. Сарияниди В.И. 1968. О великом лазуритовом пути на Древнем Востоке.- КСИА, вып. 114.
370. Сарияниди В.И. 1972. Раскопки 1970 г. на Улуг-Депе.- УСА, вып. I.
371. Сарияниди В.И. 1974. Бактрия в эпоху бронзы - СА, № 4.
372. Сарияниди В.И. 1975. Степные племена эпохи бронзы в Маргиане.- СА,

№ 2

373. Сарианиди В.И. 1976. Исследования памятников Дашлинского оазиса.- Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской экспедиции. 1969-1973 гг. М. "Наука".
374. Сарианиди В.И. 1976. Печати-амулеты мургабского стиля.- СА, № 1.
375. Сарианиди В.И. Древние земледельцы Афганистана. Материалы советско-афганской экспедиции 1969-1974 гг. М. "Наука".
376. Сарианиди В.И. 1981. Зеркала древней Бактрии.- СА, № I.
377. Сарианиди В.И. 1982 Традиции и инновации в культуре бронзового века Южной Бактрии - Древнейшие культуры Бактрии. Среда, развитие, связи. Тезисы первого советско-французского симпозиума "Археология древнейшей Бактрии". Душанбе, "Дониш".
378. Сарианиди В.И. 1984. Раскопки монументальных зданий на Дашли 3.- Древняя Бактрия. Материалы советско-афганской археологической экспедиции, вып. 3. М., "Наука".
379. Сарианиди В.И. 1984. Бактрия сквозь мглу веков. М.
380. Сарианиди В.И. 1986. Месопотамия и Бактрия во II тыс. до н.э.- СА, № 2.
381. Сарианиди В.И. 1989. Протозороастрийский храм в Маргиане и проблема возникновения зороастризма.- ВДИ, № I.
382. Сарианиди В.И. 1989а. Зороастрийская проблема в свете новейших археологических открытий - ВДИ, №2.
383. Сарианиди В.И. 1989б. Храм и некрополь Тилля тепе. М.
384. Сарианиди В.И. 1989в. Сиро-хеттские божества в Бактрийско-Маргианском Пантеоне.- СА, № 3.
385. Сарианиди В.И. 1990. Древности страны Маргуш. Ашхабад. "Илым".
386. Сарианиди В.И. 1992. И здесь говорил Заратуштра. М.
387. Сарианиди В.И., Качурис К.А. 1968. Раскопки на Улуг-депе - АО.
388. Сарианиди В.И., Кошеленко Г.А. 1985. Средняя Азия в раннем железном веке.- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М.
389. Семенов А.А. 1903. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. М.
390. Семенов С.А. 1974. Происхождение земледелия. Л.
391. Семенов А.А., Романов Е.Н., Долуханов П.М. 1969. Радиоуглеродные даты лаборатории ЛОИА. – СА, № 1.
392. Сенявский А.С. 1989. Методологические принципы подхода к оценке процесса урбанизации в историческом развитии.- Зоны и этапы урбанизации (теоретические аспекты проблемы "Город и процесс урбанизации в Средней Азии"). ТД региональной конференции. Наманган. Т., "Фан".
393. СЕСГ. 1989. Становление европейского средневекового города. М., "Наука".
394. Снесарев С.П. 1969. Реликты мусульманских верований и обряды у узбеков Хорезма. М.
395. Соколов С.Н. 1963. Духовная культура. Религия. Религиозная система зороастризма - История таджикского народа. М.
396. Ставиский Б.Я. 1971. Средняя Азия и Древний Иран (историко-

- культурные взаимовлияния и связи). - Искусство и археология Ирана. К 2500-летию Иранского государства. Всесоюзная конференция (1969). Доклады "Наука". ГРВЛ. М.
397. Станкевич И.П. 1978. Керамика Южной Туркмении и Ирана в бронзовом веке.- Древность и средневековые народы Средней Азии. М.
398. Степучина Т.В. 1988. Проблема становления и развития города в древнем Китае.- "Город на традиционном востоке". Тезисы М. ГРВЛ.
399. Струве В.В. 1948. Родина зороастризма.- СВ, V.
400. Струве В.В. 1955. Древний Иран и Средняя Азия.- Всемирная история, т. 1, М.
401. Струве В.В. 1968. Этюды по истории северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л.
402. Сулейманов Р.Х. 1986. Храмовый комплекс Еркургана.- ТД советско-французского коллоквиума. Т.
403. Сулейманов Р.Х. 1989. Общественные сооружения Еркургана осевого композиционно-планировочного типа - Культура Древнего Востока. Градостроительство и архитектура. Т., "Фан".
404. Тереножкин А.И. 1948. Археологические находки в Таджикистане.- КСИИМК, вып. XX.
405. Терехова Н.Н. 1975. Металлообрабатывающие производства у древнейших земледельцев Туркмении. - Очерки технологий древнейших производств. М.
406. Терехова Н.Н. 1990. Обработка металлов в древней Маргиане.- Сарианиди В.И. Древности страны Маргуш. Ашхабад, "Ылым".
407. Токарев С.А. 1964. Ранние формы религии и их развитие. М.
408. Толстов С.П. 1943. Древний Хорезм. М.
409. Толстов С.П. 1948а. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.-Л.
410. Толстов С.П. 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
411. Толочко П.П. 1989. Древнерусский феодальный город. Киев. "Наукова думка".
412. Тоси М. 1971. Сейстан в бронзовом веке - раскопки Шахри-Сохте.- СА, №3.
413. Тюменов А.И. 1956. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.-Л.
413. Удеимурадов Б.Н. 1987. Керамический комплекс верхних слоев Алтын-депе.- СА, № 1.
414. Удеимурадов Б.Н. 1988. К вопросу о происхождении комплексов эпохи бронзы Маргианы.- ИАН ТССР, СОН, №4.
416. Удеимурадов Б.Н. 1989. Комплексы эпохи бронзы Алтын-депе и Маргианы (вопросы связей, хронологии, происхождения). Автореф. на соиск. уч. степени к.и.н. Л.
417. Удеимурадов Б.Н. 1989а. К вопросу о выявлении оседлых земледельцев в среднем течении Мургаба.- ИАН ТССР, СОН, №2.
418. Филанович М.И. 1983. Ташкент. Зарождение и развитие города и городской культуры. Т.
419. Ферсман А.Е. 1922. Драгоценные и цветные камни России. Пг.

- 420 . Ферсман А.Е. 1954. Очерки по истории камня. Т. I, М.
- 421 Франкфорт Г.Р. 1982. Хараппская традиция и бактрийская инновация в Шертугае. - Тезисы I советско-французского симпозиума "Археология древнейшей Бактрии". Среда, развитие, связи. Душанбе, "Дониш".
- 422 . Фрезер Дж. 1983. Золотая ветвь. М.
- 423 . Фроянов И.Я. 1980. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л.
- 424 . Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. 1988. Возникновение и развитие города-государства в СВ Руси XI - начало XIII вв.- "Славяно-Русские древности", вып. I. Л.
- 425 . Хаггет П. 1979. География: Синтез современных знаний. М., "Прогресс".
- 426 . Хлопин И.Н. 1964. Модель круглого жертвенника из Ялангач-депе.- КСИА, вып. 98.
- 427 . Хлопин И.Н. 1966. Энеолит юго-запада Средней Азии.- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.-Л.
- 428 . Хлопин И.П. 1968. Памятники развитого энеолита юго-восточной части Туркмении - САИ. БЗ-8. М.-Л.
- 429 . Хлопин И.Н. 1983. Юго-западная Туркмения в эпоху поздней бронзы. Л.
- 430 . Хлопин И.Н. 1983а. Историческая география южных областей Средней Азии (античность и средневековье). Ашхабад
431. Хлопина Л.И. 1978 Намазга-тепе и эпоха бронзы Южной Туркмении. Автореф. дисс на соиск. уч. степени к.и.н. Л.
- 432 . Ходжайов Т.К. 1977. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапалли-тепа. Т.
- 433 . Чайлд Г. 1949. Прогресс и археология. ИП. М.
- 434 . Чайлд Г. 1952. У истоков европейской цивилизации. ИИЛ. М.
- 435 . Чайлд Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. ИИЛ М.
- 436 . Черных Е.Н. 1978. Горное дело и металлургия в древнейшей Волгари. София.
- 437 . Чернилов С.С. 1960. Восточный Казахстан в эпоху бронзы.- МИА, 99. М.-Л.
- 438 . Шайдуллаев Ш.Б. 1990. Памятники раннежелезного века Северной Бактрии. Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Самарканд.
- 439 . Ширинов Т. 1977. Каменные ядра Сапалли тепа.- ИМКУ, вып. 13. Т.
- 440 . Ширинов Т. 1979. Кремневые изделия эпохи бронзы с поселения Сапалли-тепа - СА, № 4.
- 441 . Ширинов Т. 1983. Работа на Джаркутане.- АО, 1982.
- 442 . Ширинов Т. 1986. Орудия производства и оружие эпохи бронзы Среднеазитского Междуречья. Т., "Фан".
443. Ширинов Т. 1988. К изучению "дворцового" комплекса памятника эпохи бронзы юга Узбекистана – Джаркутана - ТД научной конференции, посвященной 80-летию академика АН УзССР Я. Г. Гулямова. Т.
444. Ширинов Т. 1989. Джаркутан - ранний город эпохи бронзы юга Узбекистана. - ТД региональной конференции "Зоны и этапы урбанизации» Т.
- 445 . Ширинов Т. 1989а. Зооморфный сосуд из Джаркутана - ОНУ, № 4.

- 446 . Ширинов Т. 1990. Древнейшие торговые пути Средней Азии (III-II тыс. до н.э.) - Формирование и развитие трасс великого шелкового пути в центральной Азии в древности и средневековье. ТД международного семинара ЮНЕСКО. Т., "Фан".
447. Ширинов Т. 1990. Алтари огня из храма Джаркутана - памятника эпохи бронзы развитой бронзы юга Узбекистана - ИМКУ, вып. 23.
448. Ширинов Т. 1990а. Винодельня Джаркутана - памятника эпохи бронзы юга Узбекистана - ИМКУ, вып. 24.
449. Ширинов Т., Шайдуллаев Ш.Б. 1988. К вопросу о хронологической периодизации Кучук тепа. - ИМКУ, вып.22.
- 450 . Шлюмберже Д. 1985. Эллинизированный Восток. М.
- 451 . Шкода В.Г. 1986. Пенджикентские храмы и проблема религии Согда (V-III вв.). Автореф. дисс. на соиск. уч. степени к.и.н. Л.
- 452 . Щетенко А.Я. 1968. Раскопки на Алтын-депе в южной Туркмении.- КСИА, вып. 114.
- 453 . Щетенко А.Я. 1970. О торговых путях эпохи бронзы по материалам Туркменистанско-Хорасанских параллелей.- КСИА, вып. 122.
- 454 . Щетенко А.Я. 1970а. Раскопки мелких поселений эпохи бронзы.- КД, вып. 3. Ашхабад, "Ылым".
- 455 . Щетенко А.Я. 1973. Типы поселений древнеиндийской цивилизации - Древний город Средней Азии. Краткие ТД. Л.
- 456 . Щетенко А.Я. 1979. Первобытный Индостан. Л.
- 457 . Эргашев Ш. 1974. Ландшафты Сурхандарьинской области. Т. "Фан".
- 458 . Юсифов Ю.Б. 1987. Ранние контакты Месопотамии с северо-восточными странами.- ВДИ, № 1.
- 459 . Юсупов А.Х. 1975. Неолитическое поселение Сай Сайед на юго-западе Таджикистана.- СА, № 2.
- 460 . Ягодин В.Н. 1969. Поселение амирабадской культуры Кават 2.- МХЭ, вып. 6, кн. 1. М.
- 461 . Якобсон А.Л. 1983. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л.
- 462 . Adams R. Mc. 1966. The Evolution of Urban Society. Early Mesopotamia and Prehispanic Mexico. Chicago.
- 463 . Adams R. Mc., Hissn H. J. 1972. The Uruk countryside: The natural setting of urban societies. Chicado, London.
- 464 . Adams R. Mc. 1981. Heartland of Qttes. Chicago.
- 465 . Agrawal D.P. 1971. The copper Bronse Age in India. Delhi.
- 466 . Alden L.R. 1982. Trade and polition in Proto. Elamite Iran.- Currient Anthropology, vol. 23, № 6.
- 467 . AUchin B.R. 1971. The rise of civilisation in India and Pakistan. Cambridge. 1982.
- 468 . Allen T. 1989. Notes on Bust (continued) - Iran. vol. XXW.
- 469 . Amiet P. 1990. Elam and Bactrian an ancient oasis civilisation from the Sands of Afghanistan.- ' Studies and documents", vol. III. Rom. 470 Ame T. J. 1945. Excavation at Shah Tepe. Iran. Stockheim.

471. Askarov A., Sirinov T. 1988. Le Temple du feu de Bactrian premier centre de Cultes de l'Asie Centrale PreEamique. Paris.
472. Binford L. 1968. Arcaeological perspectives- New perspectives in Archaeology. Chicago.
473. Bernal J. 1983. The effect of settlement pattern studies on the archaeology of Central Mexico. В изд.: E.Z. Yoygt and R.M. Leventhal (eds). "Prehistoric Settlement", Alduquerque - Cambridge. Mass.
474. Blanton R.E. 1981. The rise of cities. J. F. Sabloff (eds)- "Supplement to the UMAL vol. I Austin.
475. Bouchriat P. 1984. Monuments religieux de la perse Achemenide Etat des questions - Temples et Sanctuaires. Lejon.
476. Braidwood R.J. 1952. The Near East and the Foundation for Civilisation. Oregon.
477. Casal J. - M. 1961. Fouilles de Mundigak. MI-H- MDFAFA, tome XYI-XIII Paris.
478. Casselberry S.E. 1974. Furter refinement of formulae for determining population from floo area.- Horld Archaeology. Vol 6, №1
479. Chang K. 1968. Archaeology of Ancient China. New Haven - London.
480. Childe V.G. 1950. The urban revolution - Towh Planning Review. Vol. 21.
481. Chrietaller W. 1966. Central Places of Southern Germany. Englewood Cliffs.
482. Deshayes J. III Rapport prelinunaire sur les deux premieres campagne de fouilles a Tureng Tepe.- Syria, vol 12.
483. Deshayes J. 1969. Les civilisation de l'Orient ancien. Paris.
484. Deshayes J. 1974. La XI campagne de fouilles a Tureng Tepe- Paleorient, vol. 2.
485. Deshayes J. 1975. Les fouilles resentes de Tureng Tepe: la terrasse haute de la fin III millenaire. Comptes rendus de l'Academie des Inacriptions et Helles-Lettres siiov. dec.
486. Deshayes J. III A propos des trasses hautes de latin du 3-e Millenaire en Iran et en Aae Centrale.- Colloques intemationaux du CNRS, № 567. Paris.
487. Deshayes J. 1978. A propes des terrasses Hautes de latin An IH millenaire an Iran et en Aae Centrale. Paris.
488. Dyson R.H. 1965. Problems in the relative chronology of Iran 6000-2000 be- Chronologies in old world archaeology. Chicago, London.
489. Dyson R. H. Muscarella O. If. 1989. Constructing the chronology and historical implications of Hasanli IV.- Iran, vol XIII p. 1-28.
490. Fairservis W.A. 1971. The raofs of ancient India. New York, London.
491. Flannery K.V. 1972 The cultural of civilisation.- Annual Rewiew of Ekology Sistematies, № 3
492. Francfort H. 1954. The Art and Architecture of the Ancient Orient London.
493. Francfort H.P., Pottier M.H. 1978. Bondage preliminaire sur l'etablissement protohistorique harappen et postharappeen de Shortugal- Arts Asiatiques.
494. Chirshman R. 1939. Fouilles de Sialk, pres de Kashan. Paris, vol 2
495. Chirshman R. 1966. Tchoga-Zambil (Duruntash). Paris, vol. 1.136 p. (MDAJ; T. 39).
496. Chirshman R. 1976. Terrasses Sacres de Bard-e Nechander et Masjed-1

- Soloiman. Paris.
- 497 .Gulleni G. 1964. *Architectura Iranica daglu Achemenide ai Sasanidi*. Torino.
- 498 .Gershevish I. 1959. *The Avestan Hymn to Mithra*. Cambridge.
- 499 .Gnoli Gh. 1980. *Zoroastrers tim and Homeland A study of the Origine of Masdeism and related Problems*. Naples.
- 500 .Goff M. 1968. *Luristan m the first hall of the first milleniium H C- Iran*. vol. VL
- 501 .Henning W. B. 1951. *Zoroaster Politican on witch-Doctor*. London.
- 502 .Jansen M. 1979. *Architektur in der Harrapa Kultur- Aniquitates Orientales*. Band 2 Bonn.
- 503 .Jarrige I.F., Lechevattier M. 1983. *Excavation of Mehrgarh, Baluchistan and their significance in the prehistoric context of the Indo-Pakistani Borderlands*. SAA, Naples, vol I.
- 504 .Johnson G.A. 1973. *Local exchange and early state development ia South - Western Iran*. Ann Arbor.
- 505 .Joshi F.A., Madhu Bala, Jossu Ram. 1984. *The Indus civilisation. A reconsideration on the basis of distribution map*. FJC.
- 506 .Kohl P. L. 1984. *Central Asia Palaeolithic beginnings to the Iran age*. Paris.
- 507 .Lamberg-Karlovsky C.C. 1970. *Excavations at Tepe Yahua Iran*. Cambridge.
- 508 .Lamberg-Karlovsky C.C. 1990. *The Bronse Age of Bactria. Bactrian an ancient oasis civilisation from the Sands of Afghanistan.- "Studies and documents", vol. I. II*. Rom.
509. Lamberg-Karlovsky C.C., Tosi M. 1973) *Shahr-i Sokhta and Tepe Yahya. Tracks on the Karliest History of the Iranian Plateau- East and West*. 23/1-2
- 510 .Markwart J. III *Wehrot und Arang*. Leiden.
- 511 .Marcus J. 1983. *On the nature of the Mesoamerican city*. - E Z. Vogt, and R. M. Leventhal (eds.). *"Prehistoric Settlement Pattema"*, Alduquerque. Cambridge.
- 512 Marshall J. 1931. *Mahendjo-Daro and the Indus civilisation*. London, vol 1-3.
- 513 .Masson V.M., Sarianidi V.I. 1972. *Central Asia, Turkmenia Before the Achaemenides*. L.
- 514 .Moortgat A. 1959. *The Art at ancient Mesopotamia*. London - New York.
- 515 .Mecquenem R. 1943. *De Fouilles de Suse, 1933-1939.- MMA en Iran*. Paris. III.
- 516 .Pumpelly R. 1908. *Excavation in Turkestan*. In. *Prehistoric civilisations of Anau*. V. HL Washington.
- 517 .Redman Ch.L. 1978. *The rise of civilisation*. San-Francisco.
- 518 .Rao S.H. 1965. *Shipping and Maritime Trade of the Indus peopl-"Expedition"*, v. 7, № 3, 1965.
- 519 .Renfrew C. 1972. *The emergeence of civilisation: The Cyclades and the Aldan in the theid millenium B.C* London.
520. Robinson W.S. 1951. *A method for Chronologically Ordering Archaeological Deposits-* AA, vol 16, № 4.
521. Sankalia H.D. 1974. *The prehistory and protohistory of India and Pakistan*. Poona.

522. Santoni M. 1984. Sibri and the South Cemetery of Mehrgahr. Third Millennium Connections Between Northern Kachi Plain (Pakistan) and Central Asia- SAA. Cambridge.
- 523 .Sarianidi V.I. 1974. The Lapis Lazuli Route in the Ancient East.- *Archaeology*, v. 24, № 1.
- 524 .Sarianidi V.I. 1976. Ancient Horasan and Bactria. Le plateau Iranien et l'Asie Centrale des origines a la Conquete Islamique. Paris. P. 120-142.
525. Sarianidi V.I. 1990. Soviet excavations in Bactria: the Bronze Age. Bactria an ancient oasis civilization from the Sands of Afghanistan.- "Studies and documents", vol. III. Rom.
526. Sarianidi V.I. 1990. Togolok 221, an Indo-Iranian Temple in the Karakum- Bulletin of the Asia Institute. New Series, vol. 4.
527. Stacul G. 1966. Preliminary Report on the pre-Buddist necropolis in Swat (w. Pakistan). - *EW. Rom*, vol. 716, № 1-2.
- 528 .Stronach D.B. 1965. Excavations at Pasaargadae: Third preliminary report.- *Iran*, vol. III.
- 529 .Stronach D.H. 1969. Excavations at Tepe Nush-i Jan 1967.- *Iran*, vol. VII.
- 530 .Stronach D.H. 1972. Tepe Nush-i Jan; Excavation in Iran. Oxford.
- 531 .Stronach D.B., Roaf M. 1978. Excavations at Tepe Nish-i Jan.- *Iran*, vol. XVI.
532. Sjoberg G. 1978. The Otigin and Evolution of Cities.- *Scientific American*, № 20.
- 533 .Schlumbereger D., Berre M., Fussman G. 1983. Surkh Kotal en Bactnane. Vol I- MDFAFA, tome XXV. Paris.
- 534 .Scerrato U. 1966. Excavation at Dahan-i Chulaman (Seistan - Iran). First Preliminary report - *EW*. vol. 16, № 1-2.
- 535 .Schippman K. 1971. Die Iranischen feu civigleemer. Berlin, New York.
- 536 .Schmidt H. 1908. Archaeological Excavations in Anau and old Merv. - In: Pumpelly R. Excavations in Turkestan. Wachington, 1908.
- 537 .Schmidt F.F. 1937. Excavations at Tepe Hissar, Damghan. Philadelphia.
- 538 .Speiser E. 1935. Excavations at Tepe Gawra. Philadelphia.
- 539 .Tobler A. 1950. Excavations at Tepe Gawra. Vol. II. Philadelphia.
- 540 .Tosi M. 1968. Excavations at Shahr-i Sokhta a Chalcolithic Settlement in the Iranian Sistan.- *EW. Rom*. vol. 18. № 1-2.
541. Tosi M. 1969. Excavations at Shahr-i Sokhta.- *EW. Rom*. vol. 19, № 3-4.
542. Tosi M. 1977. The Archaeological Evidence for Protostate Structures in Eastern Iran and Central Asia at the End of the 3rd Millennium D. C Le plateau iranien et l'Asie centrale des origines a la conquete islamique. CNRS. Paris.
- 543 .Tosi M. 1983. Prehistoric Sistan. Reports and Memoirs, Institute per il Medio ed Estremo Oriente. Roma.
- 544 .Trigger D.G. 1968. Determinants of Settlement pattern.- "Settlement archaeology" Nev Haven.
- 545 .Trigger B.G. 1972. Determinants of urban gronth in pre-industrial societies. - *Man, settlement and urbanism*'by P. Ucko and others (eds). London, 1972.
- 546 .Vats M.S. 1940. Excavations at Harappa. New Delhi, vol. 1-2.
- 547 .Vinogradova H.M. 1982. Bronzez citgraber von TandyriuL Tadjikistan,

Beitrage sur alledemeinen und vergleichenden archaeologie. Band 4. Sonderdruck.
548. Wheeler R. E. M. 1959. Early India and Pakistan to Asoka. London.
549. Woolley L. 1957. The Urbanisation of Society.- "Cahiers dhistoire mondial",
IV, pt. 1.

АО	-Археологические открытия. М.
АРТ	- Археологические работы в Таджикистане.
ВДИ	- Вестник древней истории. М.
ИАНТССР. СОН	-Известия АН ТССР, Секция общественных наук. Душанбе.
ИМКУ	- История материальной культуры Узбекистана. Ташкент.
КД	- Каракумские древности. Ашхабад,
КСИА	-Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	- Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР.
КСИЭ	- Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
МАИКЦА	- Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии.
МИА	- Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
МКТ	- Материальная культура Таджикистана. Душанбе.
НАА	- Народы Азии и Африки.
ОНУ	- Общественные науки в Узбекистане. Ташкент.
СА	- Советская археология
САИ	- Свод археологических источников. М.
СЭ	- Советская этнография. М.
ТИПА	- Труды Института истории, археологии и этнографии АН ТССР. Ашхабад.
ТЮТАКЭ	- Труды южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад.
ТХАЭ	- Труды Хорезмской археологической экспедиции. М.
УСА	- Успехи среднеазиатской археологии. М.
АА	- American Antiquity. Washington.
ААs	-Arts Asiatiques. Paris
EW	- East and West. Rome.
СА	- Current Anthropology. Chicago
MDAFA	- Memoires de la Delegation archeologique Francaise en Afghanistan. Paris.
MDAI	- Memoires de la Delegation archeologique en Iran. Paris.
HMAI	-Handbook of Middle American Indians. Austin,
SA	- Scientific American. Washington.
SAA	- South Asian Archaeology. Washington.
FIC	- Frontierers of the Indus Civilisation. New Delhi
WA	- World Archaeology. London.